

Войной boss,
ПОЖАЛУЙСТА!

АМАЛИЯ МАРТ

Рецепт этого коктейля прост: яркая, раскрепощенная брюнетка напололам с мягкой и смешной блондинкой, добавим жгучего босса, офисные игрища, тайны, интриги и месть. Подавать в бокале из чистой страсти со щепоткой ненависти по краям. Готово.

Двойной босс, пожалуйста! Взболтать, но не смешивать.

Внимание! В тексте НЕ будет ЖМЖ и производных, только юмор, порок и "вот это поворот"! ХЭ гарантирован!

- [Амалия Март](#)
 - [Глава 1. Лея](#)
 - [Глава 2. Алиса](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4. Лея](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7. Алиса](#)
 - [Глава 8. Лея](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10. Алиса](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12. Лея](#)
 - [Глава 13. Лея](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18. Алиса](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21. Лея](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23. Алиса](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26. Александр. Сейчас](#)
 - [Глава 27. Лея. Тогда](#)
 - [Глава 28. Александр. Сейчас](#)
 - [Глава 29. Лея. Тогда](#)
 - [Глава 30. Александр. Сейчас](#)
 - [Глава 31. Лея. Тогда](#)
 - [Глава 32. Александр. Сейчас](#)

- [Глава 33](#)
 - [Глава 34. Лея. Тогда](#)
 - [Глава 35. Лея. Тогда](#)
 - [Глава 36. Лея. Тогда](#)
 - [Глава 37. Алиса](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39. Александр](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41. Алиса](#)
 - [Глава 42. Александр](#)
 - [Глава 43. Алиса](#)
 - [Глава 44. Александр](#)
 - [Глава 45. Александр. Тогда](#)
 - [Глава 46. Александр. Сейчас](#)
 - [Глава 47. Алиса](#)
 - [Глава 48. Александр](#)
 - [Глава 49. Алиса](#)
 - [Глава 50. Александр](#)
 - [Глава 50.1 Александр](#)
 - [Глава 51. Александр](#)
 - [Глава 52. Алиса](#)
 - [Глава 53. Александр](#)
 - [Глава 54. Алиса](#)
 - [Глава 55. Александр](#)
 - [Глава 56. Алиса](#)
 - [Глава 57. Александр](#)
 - [Глава 58. Алиса](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Эпилог. Александр](#)
-

Амалия Март

Двойной босс, пожалуйста!

Глава 1. Лея

Я — само хладнокровие. Я — неотвратимость! Я... я...

А, ладно! Я — ходячее несчастье, и пора в этом себе признаться. Ну, кто еще мог оказаться в лифте один на один с самым прекрасным мужчиной на свете, так еще с головы до ног облепленная грязью да огромной дыренью на колготках? А все так хорошо начиналось...

Хотя кого я обманываю? Все сразу пошло не так. Для начала я родилась, и мой весьма креативный отец не придумал ничего лучше, чем назвать меня Лея. Ага, в честь той самой Скайуокер из легендарной звёздной саги. И будь моя фамилия, скажем там, Полонская, или на худой конец Романова, я бы не пискнула даже! Но нет же... Я — Уткина.

А теперь внимание: Лея Уткина. Блеск, просто!

Однако этим все не ограничилось: сильнейшая генетика моего отца перебила любые шансы вырасти красивой. Я — тощая девица с едва наметившейся грудью и ватой вместо волос. Белоснежные спиральки отчаянно меня не слушаются и постоянно стоят под самыми немислимыми углами, создавая эффект блонди-афро. К тому же дёрнул меня черт неделю назад подстричься под модное каре! Парикмахер, чтоб его, мог бы и отговорить, а не криво улыбаться. Теперь папа зовет меня одуванчиком и не перестает подкалывать, спрашивая: и у кого это такие толстые щеки? Ну, как в том старом советском мультике...

И вот стою я такая "красивая": с дырами на тощих коленках, в нелепом платье в цветочек и грязью на пол лица, — отворачиваюсь, прячу пунцовые щеки от моего нового начальника — господина Яковлева Александра Германовича.

Это вам ни какая-нибудь Лея Уткина. У него имя красивое. Сильное. Мужественное. Как и сам он.

"Черт! — резко отвожу взгляд, когда Александр Германович искоса на меня смотрит. — Кажется заметил, как я на него пялюсь".

Тяжело сглотнула. Я таких мужчин в жизни ещё не встречала. Только если на экране телефона, когда пускала слюни на моделей Хьюго Босс. Ну, ещё по телеку там, у всяких голливудских красавчиков. Но Мистер Биг Босс из плоти и крови, шикарного костюма и ухоженной небритости стоит сейчас в полуметре от меня. Его расслабленная поза как бы говорит за него: я король этого мира, его властелин, его...

"Ладно, Лея, соберись! — отдергиваю себя. — Хватит пошлых фантазий".

Стараюсь незаметно вытереть потные ладони о подол платья, но ткань мокрая насквозь. Блинский ты блин! Дёрнул же меня черт пойти в обед к метро за пирожками. Не пошла бы — не встретила с лицом к лицу с гигантской лужей. Не встретила с лужей — не позорилась бы сейчас в лифте. Еще и колени так жжет!

Опускаю взгляд на ноги и понимаю, что по серым кашемировым колготкам расплзаются не только дыры, но и кровавые пятна.

— Блин, — выдыхаю я и закусываю губу.

— Что? — доносится справа.

Нет, нет, боже, нет. Я ничего не говорила! Меня, вообще, здесь нет.

Но поздно. Поднимаю лицо и встречаюсь с цепким взглядом голубых глаз. Божечки, это не глаза, это озеро Байкал в миниатюре!

— Ничего, я... ничего.

Да, разговаривать, как debilка, тоже входит в функцию Леи Уткиной. Прилагается к красным щекам, потным ладоням и неуклюжести. Снова жую губу, но не так, как этому учила нас Анастейша Стил, с экрана кино. Не-а, это было бы слишком хорошо для такой как я. Я жую свою так, словно во рту у меня пчела и ее нужно срочно уничтожить, а она колется, зараза. Это все из-за нервов, никак не могу отучиться от этой дурацкой привычки.

Пылающие щеки даже не пытаются остыть, и я понимаю, что на меня все еще смотрят. Окей. Лея, только не нервничай. Ну, подумаешь, бог во плоти, тебя — несчастье ты ходячее — рассматривает? Пф, что на тебя мужики никогда не смотрели?

Вообще, если по-честному, то так не смотрели. Испытующе, сканируя, оценивая. С парнями у меня вообще опыт не так, чтоб велик. Мы с Пашкой Рогонковым на первом курсе как познакомились, так до четвертого и встречались. Потом была одна неприятная история с поездкой на дачу к нашей одногруппнице, куда я выбраться не смогла. Зато шалава Катя приехала не одна, а со своими буферами!

В общем, расстались мы с Рогонковым друзьями. Насколько это возможно, когда твой парень сует член в другую бабу. А после, любителей своеобразной красоты не нашлось.

— По улицам города прошло цунами, а я не заметил? — насмешливо произносит Мистер Биг Босс.

Клянусь, если б в палитре существовал цвет краснее, я бы в него окрасилась.

— Неудачно приземлилась.

Я морщусь. Не очень приятно, когда над тобой смеются. Даже красавчики. И надо признать, до того, как Александр Германович открыл рот — он казался мне привлекательнее.

Его взгляд скользит по моим ногам, а я в отчаянии притопываю ногой, скрещиваю руки на груди и отфыркиваюсь от очередной пружинистой пряди.

— Из какого ты отдела? — фамильярно бросает мужчина, принимая похожую позу: скрещенные руки, голова чуть вбок.

— Из оформления корпоративных договоров, — с неохотой я отвечаю.

— Договоров. Правильно договоров, красotka.

Устремляю свой взгляд прямо ему в глаза. Он назвал меня красоткой?

Это такой новомодный вариант тупой или вместо местоимения нынче используется? Не может же он реально считать меня красивой? То есть, я ничего, при правильном освещении там, в чистой одежде, но уж точно не красotka.

Биг Босс выдерживает мой напор и даже расплывается в мини-улыбке. Такое, небольшое движение уголками губ. Не особо многообещающее, но заметное.

— Давно к вам в отдел не заглядывал. Сколько работаешь?

Ага, как же, не заглядывал. Неделю назад с Камиллой Георгиевной в кабинете запирались. С час оттуда не выходили.

— Три недели.

— Надо же! — неизвестно чему радуется он.

Поднимает руку, очерчивает пальцами подбородок, а на запястье у него сверкают дорожные часы. Я, конечно, не знаю, реально ли они дорогие, но вид у них недешевый.

Из-под пиджака выглядывает часть загорелого запястья, и этот контраст с белой рубашкой вызывает у меня четкую ассоциацию с сексом. Я не виновата! Всё идиотские "Пятьдесят оттенков серого" и мое затянувшееся одиночество!

— И как нас зовут? — его голос опускается до мягкого тембра, и сама не знаю почему, я

превращаюсь в вареную вермишель. Уж лучше бы насмеялся, чем вот это вот всё.

— Александр Германович, — лепечу я.

— Аха, забавно.

Двери лифта разъезжаются на четырнадцатом этаже страхового холдинга "Маффин". Мне пора выходить, а Мистер Биг Босс поедет на свой, восемнадцатый, где сидит все руководство. Слава богу, минуты позора позади.

Делаю шаг из кабинки лифта и... Нет, я ошиблась, когда решила, что все позади. Подворачиваю ногу, и мне в лицо летит стена. Точнее, это я лечу на нее и последнее, что вижу в щель закрывающихся дверей — широко улыбающуюся физиономию замдиректора.

Ненавижу свою жизнь. Ненавижу!

Глава 2. Алиса

Металлические набойки выбивают дробь по керамической плитке конференц-зала. Это песня для моих ушей. Стук. Стерва в здании. Стук. Приготовьтесь к шоу.

Все лица оборачиваются на звук, и я расплываюсь в улыбке "я знаю себе цену", обнажая белоснежные зубы под яркими губами. Бордовая юбка облегает меня, как кожаная перчатка, выделяя достоинства правильным кругом. При каждом шаге разрез сзади расходится ровно настолько, чтобы все сидящие господа смогли оценить маленький кусочек кружевной ленты чулок. Я чувствую их взгляды, прикованные к месту пониже спины. Старые извращенцы.

Но спереди вид ещё лучше, козлы. Оцените.

Возле флип-чарта разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и становлюсь в отрепетированную позу, позволяя всем присутствующим насладиться идеальными пропорциями их нового бизнес-тренера. Возле флипа меня уже ждёт руководитель учебного центра — Жанна Дворецкая. Эффектная пепельная блондинка около сорока. Она посылает мне улыбку, настолько же отрепетированную, как и я ей.

— Итак, коллеги! — бодро начинает она. — Позвольте представить нового тренера нашего учебного центра. Алиса Селезнева! Давайте ее поддержим, — Жанна начинает хлопать, и персонал за огромным круглым столом присоединяется к этой нелепой традиции. — Алиса опытный тренер, имеющий сертификат европейского образца и опыт работы с международными компаниями.

Жанна разливается соловьём, презентуя меня. Конечно, ей повезло заполучить меня на такую должность.

— Алиса займётся продвижением дистанционного обучения для развития регионов. По всем вопросам "мои менеджеры не умеют продавать допы", "научите МОПов делать кроссы*" — это все теперь к Алисе, я умываю руки! — она насмешливо поднимает ладони вверх.

Присутствующие расслабленно смеются. Они любят Жанну, доверяют ей, у них контакт. Но теперь моя очередь.

— Спасибо, Жанна! — говорю голосом опытного тренера: низкий уверенный тембр для благодарности; чистый, высокий, для представления. — Мне приятно стать частью такой огромной компании. Надеюсь на плодотворное сотрудничество со всеми отделами, — бросаю многозначительные взгляды на потеющих в костюмах мужичков. За окном тридцать градусов и никакие кондиционеры не спасают, а они сидят в трёх слоях. — И, конечно, что задержусь у вас надолго. Уж больно хороши ваши...маффины!

Окрашиваю насмешливой интонацией последнее слово и коллеги издают несмелые смешки. Что ж, лёд тронулся! Дурацкий каламбур с дебильным названием их холдинга сыграл мне на руку.

— Готова ответить на любые ваши вопросы, — моя улыбка становится ещё шире. — Кроме вопроса о том, сколько я вешу!

Смех становится все более раскованным. Несколько человек, смотрящих до этого на меня только как на сексуальный объект — теперь подались туловищем вперед, прислушиваясь к тому, что я говорю. Я читаю их лица как букварь — легко и слету. Физиогномика, мать ее, без нее в тренерстве никак.

Прислоняюсь бедром к столу, изгибая тело в идеальные песочные часы и показывая, что

я расслаблена и готова к вопросам.

— Вы замужем? — звучит банальное. Seriously? Еще бы спросил как дела потный директор розничной сети. Да, я знаю, кто ты, Григорий Владленович, я всех вас уже знаю. Это часть моей работы — владеть информацией.

— А мой ответ повлияет на ваше ко мне профессиональное отношение? — я произношу это, словно флиртую. Мужичок расплывается в глупой улыбке. Маленький милый мопсик. Ты тоже будешь есть с моих рук.

— Нет.

— Замечательно, — улыбаюсь еще шире, щеки, пожалуйста, не подведите. — Тогда следующий вопрос?

— Сколько Вам лет тоже не повлияет на наше отношение, да? — ехидничает молодой парень справа. Максим Королев, недавно занявший должность начальника контакт-центра.

— Вы мне скажите, — я мила, мила, мила. И меня не тошнит от их вопросов и их самих..

Аутотренинг форева.

Максим лишь хмыкает.

— В какой компании вы работали до этого? — наконец-то вопрос по сути. Спасибо, Игорь Николаевич. Добра вашему операционному отделу.

— Два года в Royal. Транспортная компания, десять лет на российском рынке. Более 200 филиалов и ста тысяч штатных сотрудников. Занималась обучением менеджмента и линейного персонала.

Говорю без запинки, хорошо зная текст.

— Почему ушли? — ещё один адекватный вопрос.

— Уж больно заманчивым оказался Маффин, — снова игра слов и снова в цель.

Коллеги смеются, блестят глазами, придумывают новые вопросы. Какие они ограниченные. Как легко ими вертеть.

— У меня вопрос, — доносится от двери. Мощное, раскатистое.

Я не заметила, как он вошел, но теперь, высокий брюнет, вальяжно прислонившийся к дверям, занимает все пространство зала. Его поза говорит о многом: он уверен в себе, он занимает высокую должность, он козел. Последнее — из личного опыта. Тут никакая наука не нужна.

— Внимательно слушаю, Александр Германович.

Небольшая ухмылка искажает идеальное лицо мужчины, делая его немного похожим на самого дьявола. Тебе нравится, что я знаю твое имя? То, что я скажу дальше, понравится еще больше.

— Как приятно, что молодых сотрудников сразу натаскивают на руководство, — саркастично заявляет он, складывая руки на груди. — И все же вопрос: дресс-код — за или против?

— Для персонала какого уровня?

Я знаю, на что он намекает. Но чтобы переиграть меня — нужно что-то посильнее.

— Бизнес-тренер, — его тон отдает прохладой, но глаза горят огнем, он ждёт моего ответа.

— За.

— Не считаете ли вы, что кое-что в вашем образе неуместно?

Несколько тяжёлых вздохов вырывается из сотрудников, застывших за столом. Они

перекидывают взгляды с меня на брюнета и обратно. С нетерпением ждут развязки.

— Нет, я считаю, что абсолютно все в моем образе — исключительно для привлечения внимания к о-ра-то-ру.

Выговариваю медленно, четко, смотрю ему прямо в глаза. На последней букве "у", губы складываются в соблазнительную трубочку. Взгляд Яковлева опускается на мой рот и приклеивается к нему на несколько длинных секунд.

— Алиса, а можно ещё вопрос? — прерывает наш контакт женщина за столом.

Я медленно перевожу взгляд и лучезарно улыбаюсь Ларисе Гончаровой из розницы.

— Да, конечно!

— Как мы будем решать вопрос обучения "полевых*" сотрудников? На данный момент их обучением занимаются только менеджеры на местах, которые и сами не обучены должным образом.

— Собственно, Вы сами только что ответили на этот вопрос. Сначала нужно обучить менеджеров. Но это вопрос не на пять минут. Предлагаю назначить брифинг и на нем обсудить подробнее предлагаемые мной варианты.

Дамочка из розничной сети кивает, удовлетворенная ответом. Я обвожу присутствующих неспешным взглядом, безмолвно спрашивая, есть ли ещё вопросы. Поднимаю взгляд к двери, но Александра Германовича там уже нет. Слабак.

— Что ж, если вопросов больше нет, предлагаю расходиться по местам, — заключает Жанна, что-то печатая в телефоне.

Народ неспешно встаёт с места и бросает короткие вежливые прощания. Мы подружимся, не беспокойтесь. Я завоюю вас.

— Жанна, я могу воспользоваться чьим-то компьютером, пока мой не установили?

— Угу, — кивает она, все еще втыкая в свой гаджет. О, боже, ещё одна. — Марина в отпуске, под ее паролем зайдешь пока. Но сначала с тобой хочет побеседовать МББ.

— МББ? — жаль она не видит сейчас моих приподнятых бровей.

— Мистер Биг Босс. Яковлев. Привыкай, у нас тут свои подпольные имена для всех.

Она, наконец, отрывается от телефона и смотрит на меня с прищуром. С достоинством выдерживаю ее взгляд, я ещё посоревноваться с тобой, милая, могу.

— А ты красиво его уела. Только... — она стучит длинными ноготками по экрану смартфона, словно обдумывая свои дальнейшие слова. — Ладно, ты девочка не глупая, сама разберешься. Его кабинет на восемнадцатом этаже. Спросишь в приемной — тебя проведут.

Жанна разворачивается на своих удобных квадратных каблуках и выходит из кабинета. Я понимаю, почему её ценят в компании. У нее большой опыт, она хорошо выглядит для своих лет, она умеет строить коммуникацию. Но это не спасет ее, когда я начну наступать на пятки. Прости, Жанна, ничего личного.

*МОП — менеджер офисных продаж

*Кроссы — кросс-продажи, т. е. дополнительные продажи к основному продукту.

*Полевые сотрудники — те, кто работает не стационарно в офисе, а на выездах. В страховой компании — это страховые агенты.

Тяжелые дверцы лифта раскрываются на восемнадцатом этаже. Здесь совсем другая атмосфера. Изысканного спокойствия, неспешного бытия. Огромная приемная занята лишь двумя высокими стойками, за которыми сидят личные помощники руководителей.

Меня встречают вежливой улыбкой натасканного бультерьера. Минимальный макияж, волосы забраны в хвост, мешковатый костюм. Секретарь здесь явно не для утех директора. Получив от меня стандартное: меня вызывал Александр Германович, улыбка не меняется, только переходит в состояние "еще одна"...

Уверена, мысленно она закатила глаза.

Девушка, сидящая напротив, нажимает селектор и сообщает замдиректору о моем появлении. "Пусть войдет" — прокатывается густым тембром по приемной. Будь я чуть менее непоколебима, покрылась бы мурашками от жесткого тона. Но меня одним только голосом не впечатлить.

Мне указывают на дверь слева, и, спустя мгновение, я уверенно стучусь к господину Яковлеву.

Сквозь огромные окна кабинет заливают солнечный свет, создавая эффект парника. Сплит система и тут не справляется, лишь усугубляя ситуацию, и я чувствую, как спина начинает мокнуть, едва я присаживаюсь в глубокое кожаное кресло напротив Александра Германовича. Он, однако, выглядит так, словно ему по душе такая жара. Сам дьявол, я была права.

МББ ставит локти на стол и складывает пальцы прямо напротив лица. Жест призванный показать, кто в этой комнате доминант. Его холодный взгляд прожигает меня несколько секунд прежде, чем начать разговор.

— Ну что же, Алиса Селезнева, из какого будущего ты прибыла?

Хм. Я знала, что разговор начнется с этого. Мы ещё не знакомы, а ты уже на крючке, Александр Германович.

Подаюсь немного вперёд, запястья кладу на стол перед боссом, накрывая одной ладонью вторую. Доверительная поза, открытая. Мое тело говорит с тобой, босс, прислушайся.

— Из того, где ваши регионы стали выполнять план, Александр Германович.

Говорю твердо и спокойно. Ни грамма флирта или ненужных оправданий. Использую имя объекта для установления контакта. Ведь самый приятный для человека звук — звук его имени.

— Самоуверенно, — холодно отзывается босс.

— Просто уверенно, — не отвожу глаз под пристальным, испытующим взглядом МББ.

— Хочу ещё раз обсудить дресс-код.

Мужчина откидывается в кресле, задумчиво потирая подбородок. Сверкает модными часами и дорогими запонками, идеально гармонирующими друг с другом. Я немного наклоняю голову влево и откидываюсь назад, зеркально повторяя его позу.

Это не остается без внимания с его стороны. Взгляд вспыхивает огнём, и голубые глаза становятся похожими на море в грозу — темными и глубокими. Лицо, тем не менее, не теряет напускного хладнокровия.

— Я ознакомилась с правилами внутреннего распорядка и нормами корпоративного

поведения, включая пункт о дресс-коде, Александр Германович. Есть какие-то личные пожелания с вашей стороны?

Мой тон все ещё сухо-деловой. Ни грамма эмоций. Что не скажешь о мужчине напротив. При всем желании сохранить лицо, его тело выдает раздражение: пальцы напряжены, вена на шее вздута.

— Замечательно, значит, видели пункт о сдержанном макияже? — бросает он.

Попался.

— Значит, помада? Это легко исправить.

Тянусь к листам для записи в прозрачной коробке на столе босса, складываю один из них пополам и прикусываю, оставляя идеальный след от помады в форме своих губ.

— Вы исполнительны, — раздраженно констатирует факт.

— Всегда ищу решения, а не оправдания. Что-то ещё?

— Хочу, чтобы вы подготовили демо-тренинг. Тридцать минут. Тема любая. Завтра к 12.

Вот только не думай, что можешь меня этим напугать. Я готова хоть сейчас.

— Сколько будет участников, и каких должностей?

— Я и руководители каналов. Розница, корпоратив, партнеры.*

— Отлично.

— Отлично? — его брови взлетают вверх, образуя складки на лбу. Ох, как мне знаком этот жест. — Посмотрим завтра. Свободны.

Он пренебрежительно машет рукой, словно выгоняет из кабинета назойливую муху. Ну и засранец же вы, Мистер Биг Босс. Вас следовало назвать Мистером Большим Болваном.

— Хорошего дня, Александр Германович.

Я грациозно поднимаюсь с места и оставляю листок с отпечатком губ на его столе. Разворачиваюсь и выхожу из кабинета.

— До завтра, Алиса Селезнева, — летит мне в спину и горячий взгляд обжигает ноги.

Заметил чулочки, козел? То ли ещё будет!

*Имеется в виду каналы продаж: партнерский, корпоративный, розничный.

Глава 4. Лея

Та-а-ак. Страхователь. Застрахованный. Выгодоприобретатель. Риски. Сроки, сроки, где чёртовы сроки?

— Вик, — снова отвлекаю подругу от работы.

Она в этом деле давно, ее пальцы порхают над клавиатурой как заведенные, ей хватает всего пары раз взглянуть на договор и вот, он уже внесен в систему. А я никак не привыкну.

Только втянулась в КАСКО (добровольное страхование машин — прим. автора), как подкинули НС-ки (страхование от несчастного случая — прим. автора). А полисы нифига не похожи! У них все строки в разных местах!!!

— А? — спрашивает, не отрывая взгляда от договора.

— Где тут сроки?

— Лея, блин! Посередине прямо, — тычет карандашом мне в полис.

— Почему не в начале, как в КАСКО? — ною я.

— Понятия не имею. Давай шустрее, тебе сегодня все западное отделение ввести нужно, или ты опять до ночи здесь сидеть собралась?

— Не собралась, — бурчу себе под нос.

Вот всем эта работа хороша: офис в центре Москвы, бесплатный чай/кофе для сотрудников, оплачиваемое обучение и даже зарплата для девицы без опыта вполне достойная! Но эти нереальные планы... Вот принесли тебе пачку договоров в пять вечера и что хочешь делай — они сегодня должны быть в системе! И чтоб завтра по деньгам с бухгалтерией всё билось. А если что-то внесешь не так, и это вскроется — штраф. Не успела внести — штраф. Опоздала — штраф. Гестапо, блин, какое-то.

Ответственность просто запредельная. Это же из-за одной ошибки могут людям в выплате отказать. Вот я и сижу, потею. Ввожу информацию и потею. Потею и ввожу. И потные ладошки мне в этом совсем не помогают! Ещё и клавиатура мне досталась самая что ни на есть б/ушная. С залипающей кнопкой Ctrl и карандашными каракулями.

И поэтому корплю над одним полисом по десять минут, когда остальные девчонки расправляются с ними со скоростью Сокола тысячелетия (космический корабль из "Звездных войн" — прим. автора). Сейчас бы я не отказалась быть джедаем и раскидать дурацкие бумажки одной лишь силой мысли. Эх!

Ещё и платье никак не высохнет. А сидеть на мокром вообще не круто и ни разу не полезно, бабушка врать не будет! Ещё и это позорище в лифте.

Дотрагиваясь кончиками пальцев до носа, и ощупываю боевое ранение. Встреча со стенкой даром не прошла. Блин, хоть бы синяка не было. Но молиться напрасно, я знаю, на моей бледной коже любое тесное общение с внешним миром сказывается. Это я о всевозможных собранных углах говорю, да. Мой мизинец вообще живет отдельной от хозяйки жизнью — обожает встречать новых деревянных друзей. Уже два перелома так "надружил" мне.

Ладно, возвращаемся к нашим баранам, в смысле, договорам. Застрахованный, выгодоприобретатель, риски, сроки, страховая сумма, агент. Готово. Следующий!

Чееерт. Очередной полис рвется в моих руках пополам. Что делать??? Затравленно оглядываю помещение в поисках помощи. Хорошо бы, чтоб на меня при этом не наорали. Пока я находилась в своих мечтах, Вика собралась и ушла, ещё пара адекватных девчонок

тоже свалили, а к остальным не очень хочется обращаться, я пока не из "своих".

Щеки начинают пылать, как при пожаре. Но это не от страха, на меня кто-то пялится! Кидаю взгляд на дверь и снова заливаюсь багретом. На пороге стоит сам Биг Босс. Спокойный, расслабленный, красивый. С идиотской ухмылкой на лице. Прислонился к косяку и, сложив руки на груди, наблюдает за мной со странным взглядом. Он уволит меня! Уволит, уволит, уволит!!!

Руки творят какую-то дичь: хватают края разорванного договора и пытаются их соединить, потом хватают другой договор и пытаются прикрыть им этот... Все это выглядит ужасно нелепо, просто кошмар! Марафон позора продолжается!

— Просто склей его скотчем, никому дела нет до бумажных версий. Главное внести в систему, — звучит прямо возле уха.

Я начинаю дрожать, как обоссанный котенок, под взглядом грозного хозяина. То ли от волнения, то ли от страха, а может виной тому странная реакция на этого мужчину, словно все тело электрическим разрядом прошибает. Ой, папочка.

В нос ударяет какой-то нереальный мужской аромат, словно море запуталось в моих волосах. Соленое и свежее. Замдиректор склоняется надо мной, тянется к скотчу на столе и вкладывает его в мою ладонь. Да, да, ту самую, стыдно плотную. Берет другую ладонь в свои пальцы и показывает ими, где именно нужно склеить. Да, пожалуйста, покажи, мой мозг в отключке, я сейчас на уровне восприятия питекантропа.

— Вот так, — соединяет моей рукой части договора. — Дальше сама. Умница.

Не хватает только, чтоб он погладил меня по головке, как нерадивого ребенка. Боже, что же за день-то такой? Почему этот потрясающий представитель мужской особи все время ловит меня в самых нелепых ситуациях? Зачем он вообще здесь?

Кое-как дрожащими пальцами склеиваю злополучный полис и начинаю вводить его в систему. Под неусыпным взглядом босса. Строчки скачут перед глазами, а ненавистный Ctrl западает особенно яростно. Так, что приходится бить по нему со всей дури.

— Тебе нужно сменить клавиатуру, — говорит Александр Германович, когда я уже начала забывать о его присутствии. Оборачиваюсь и вижу, что он развалился в кресле Дианки, в двух рабочих местах от моего. Локтем опирается на ее стол, а кулаком подпирает голову. Взгляд насмешливый, изучающий. Это ужасно злит.

Так и хочется кричать. Что вам надо? Чего хотите? Что за странная проверка?

— Долго тебе ещё?

— Да, — хриплю я, и немного откашлявшись, добавляю. — Нужно внести их все в систему, — киваю на огромную стопку перед собой.

— Тогда тебе точно не помешает инструмент получше.

С этими словами босс тянется к системному блоку Дианы и выдергивает ее клавиатуру. Потом встаёт и проделывает то же самое с моей, заменяя ее той, что в руках.

Ошалело таращусь на него. Так разве можно было? Потом берет карандаш и записывает на стикере четыре цифры. Внутренний номер.

— Закончишь, намери меня, подброшу тебя домой.

Что это за карнавал невиданной щедрости? Мои брови сходятся на переносице. Неужели он думает, что я с ним...

— Спасибо, я доберусь сама, — говорю твердо и немного агрессивно. Тоже мне, нашел тут безотказную.

— Как скажешь, Лея.

Он произносит мое имя дико сексуально. Хрипло, низко, как никто никогда не произносил. Мои коленки подгибаются от этих сладостных звуков, не сиди я, точно грохнулась бы на пол. Он широко улыбается, словно удовлетворенный моим отказом, и уходит.

А мое сердце выбивает дробь: он знает твое имя...

— Па-а-ап, — кричу из коридора, снимая дурацкие туфли на платформе.

И дёрнул же меня черт их купить. Я и в магазине не особо устойчиво на них стояла, на неровном асфальте все вообще вышло из-под контроля, а сцена возле лифта — эпик фейл.

Дурацкие, дурацкие, дурацкие туфли!

— Дочь, они пришли! — отец появляется в дверях спальни с сумасшедшим блеском в глазах.

И я точно знаю, о чем он говорит. Дело в том, что папа... он... немного эксцентричен, так сказать. При всем его грозном виде, высоте роста, серьезной должности на промышленном заводе, он — малое дитя, когда речь заходит о его игрушках.

А тех у него... вагон и маленькая тележка. Нет, огромная, гигантская, многотонная тележища!

Всю неделю мы ожидали доставки очередного трофея: книгу ситхов и путь джедая. С тех пор, как она появилась в продаже на их фанатском сайте, отец не мог думать ни о чем другом. Ведь это полное руководство по управлению силой, понимаете? Нет?

А я, к сожалению, да. Плетусь на кухню, одарив отца усталой улыбкой. Поесть бы, если честно, а потом уже слушать про историю возникновения Силы и появления Ордена джедаев. Но отец такого шанса мне не даёт. Входит на кухню следом за мной, и пока я гремлю кастрюлей, разогревая вчерашний суп, триндит не переставая.

— Одуванчик, это нечто! Я сначала за ситхов взялся, Вука46 говорил, что там есть факты, которыми раньше создатели истории не светили. — Трепло твой Вука, хочется мне сказать. Он и про радиоуправляемый BB8 говорил — улёт. А на деле? Так и пылится на шифоньере, с перегоревшими проводами. Ну, вот как доверять взрослому дядьке с псевдонимом Вука46?

— И представляешь, — продолжает отец, не замечая моего скептического выражения лица. — Правда! В "Книге ситхов", написанной, кстати, самим Сидиусом, описана полная история ситхов! Полная! История!

Мой отец сумасшедший. Пора смириться с этим и жить дальше. Может, сдам его на старости лет в психушку с полным рационом, буду навещать на выходных и привозить печенки в виде шлема Дарта Вейдера. Формочки для запекания у меня уже имеются.

Оглядываю кухню скольльзящим взглядом и вздыхаю. Ещё у нас есть чайник в виде шлема Дарта Вейдера, тостер, выжигающий Star Wars на хлебе, бесконечное число кружек со всеми персонажами саги, про магнетики на холодильнике вообще ни слова. Просто. Ни слова.

Отец продолжает эмоциональный рассказ о тех, у кого в руках побывали эти книги, о заметках на полях, точь-в-точь рукописных и удивительных фактах из истории Вселенной Звездных войн.

Я усердно работаю ложкой, активно кивая отцу, а сама уношусь далеко в свои мысли. Я люблю отца, просто обожаю, если честно, он растил меня один и вложил в это огромную часть своей души. Но я давно уже поняла, что за первое место в его сердце всегда придется бороться со Звездными войнами. Мне это не в тягость, честно. Но техникой активного слушания всё-таки овладеть пришлось. Вот и сейчас я, подобно героини из "Теории большого взрыва"*, угукаю, киваю головой и, время от времени, выдаю: вот это да, ну и ну, да ты что!

Суп сильно пересолен, но я все равно упорно поглощаю его, потому что за весь день во мне побывали только злополучные пирожки и килограмм неловкости. Вспоминаю взгляд Александра Германовича, его голос, запах. Насмешливый тон и двусмысленное предложение. И сердце, отчего-то, бьётся как сумасшедшее. Снова и снова прокручиваются в голове его "красотка" и "Лея". Почему-то отчётливо вижу, как его язык ударяется о небо, а затем выпускает сладкие звуки моего имени.

Губы сами собой растягиваются в глупой улыбке. Лея, я прошу тебя, только не западай на высокого умопомрачительного красавца, которому ты совсем не под стать. Пожалуйста, думай башкой, а не тем, чем ты думаешь обычно!

Но, кажется, поздно. Мышечный орган усиленно перекачивает кровь, разгоняя эндорфины по венам. Сегодняшний день — лучшее, что происходило со мной за весь последний год.

Дурацкая улыбка становится шире.

Утро начинается не с кофе. А с имперского марша, разрывающего перепонки. Лучший будильник на свете, честное слово. Спасибо, Дарт.

За окном уже солнечно, жарко. Из приоткрытого окна слышны пение птичек и звук метлы дворника, очищающей пыль с тротуара. Свежий утренний ветерок пьянит запахом лета: сладким, цветочным. Обожаю август.

Если вчера, после сильного ливня было прохладно и сыро — я молчу про гигантские лужи в самых неподходящих местах — то сегодня просто шикарно. Градусник радуется 24° с самого утра в тени. А прогноз погоды обещает, что колготки и джинсовку сегодня можно не надевать.

А единственных приличных колготок уже и нет. Они похоронены со всеми почестями ещё вчера после ужина. Я проводила их в долгий мусоропровод, сопроводив слезами и обещая навсегда запомнить, как отдала за них полторы тысячи рублей. Раскошелилась для своей первой работы. Три недели, Карл, их хватило тебе на три недели!

Стою возле шкафа целую вечность. Вся одежда в нем кажется ужасно не подходящей для серьёзной работающей девушки. Для вчерашней студентки — да. Все эти плиссированные юбочки, футболки с провокационными надписями и лёгкие платица никуда не годятся! А в джинсы влезать — чистое самоубийство в такую жару. Шорты? Не по дресс-коду. Может надеть платье с вручения дипломов? Оно строгое. И закрытое. И шерстяное...

Святой Йода, что же одеть? Раздраженно откидываю назад непослушные кудри и рычу. Придется всё-таки влезать в джинсы. А к ним простую черную футболочку из Mango. А что, вполне прилично. Обтянуто, но гармонично. И балетки как раз подойдут идеально. Аккуратно собираю копну в мелкий пучок, скрепляя его миллионами шпилек. Пружинки так и норовят выскочить на свободу, разрушив мои планы выглядеть, как подобает, но литр лака сверху и вуаля, я деловая девчонка.

Даже удивительно, насколько хорошо я выгляжу. Конечно, я говорю себе, что все эти перемены, потому что настало время. Работа, ответственность, все дела. Но в глубине души трепыхается маленькая птичка очевидности: я жду встречи с Мистером Биг Боссом.

Здание холдинга "Маффин", похоже на огромный маяк из стекла и металла. Никогда не думала, что буду работать в таком месте. Даже не мечтала. И посмотрите на меня теперь — собранная, стильная, на хорошей должности. Уверенно иду к лифту, то есть, цели. Конечно, цели.

Вместе с остальными спешащими сотрудниками проталкиваюсь в кабинку. Давка, как на концерте One Republic, честное слово! К десятому этажу становится посвободнее, множество сотрудников выходит на шестом и седьмом — в колл-центр. Несколько на восьмом-девятом в расчетный центр. А до четырнадцатого доезжаю только я. Наверное, руководство пользуется какими-то другими лифтами, потому что кроме вчерашнего дня, никого из них я ни разу здесь не видела.

Отдел оформления корпоративных договоров — договоров, договоров, дурья ты башка — встречает меня звуками клацающих кнопок. Смотрю на часы — нет, не опоздала, но девчонки уже все на своих местах и бодро работают над полисами, которые с утра подвезли новой кучкой. Они тут все ярые фанатики, по-моему. Готовы сидеть с утра до ночи, пока не выполнят свою миссию. А может, так они чувствуют себя значимыми, а не просто винтиками в огромной корпоративной машине.

Достаю из сумки телефон и включаю компьютер. По привычке ставлю пальцы в позицию Ctrl+Alt+Delete, чтобы ввести пароль, но неожиданно застываю. Клавиатура-то не моя. Моя была серая, исписана карандашом, который не оттирался и местами с потертыми буквами. И не Дианкина, которую я вчера вернула владелице по завершению работы. А новая. Крутая. Чисто черная, эргономичная, беспроводная, с панелью быстрых клавиш. Улёт!

Верчу ее в руках, глаза, как на восьмое чудо света. Снизу приклеен зеленый стикер всего с одним словом: Пожалуйста.

Вмиг заливаюсь краской, словно Он на меня смотрит. Хотя точно знаю, что здесь никого кроме сотрудников отдела нет. А ещё точно знаю от кого такой презент. Обалдеть можно!

Работа с новой клавишей идёт гораздо быстрее и приятнее, может оттого, что касаясь ее своими пальцами, я представляю руки Александра Германовича. Сильные, немного шершавые, теплые. Я касаюсь его ладони кончиками пальцев и их бьёт едва заметными разрядами тока. И в моих мечтах ладони уж точно не потные.

К обеду меня вызывает Камилла Георгиевна. И это не к добру, уж точно.

С опаской захожу к ней в кабинет, робко присаживаюсь на стул напротив нее. Между нами ее огромный стол с идеальным порядком и напряжение, порожденное моим страхом.

Это же не из-за порванного договора, да?

— Лея, — начинает начальница. — Сегодня мы проводим промо-акцию на сталелитейном заводе. Он же в твоей зоне?

Я несмело киваю. К чему это она?

— Наши маркетологи организуют раздачу сувенирки и консультирование сотрудников завода с пяти до шести. Им нужен человек, чтоб оформлять полисы, если найдутся желающие сразу сделать НС-ку. Поедешь с ними.

— Я же... не работаю с клиентами, — сглатываю комочек нервов.

— Тебе и не придется. Консультирование и продвижение — на маркетологах. Твоя задача тупо оформить, если что.

— А никого из менеджеров нет?

— Менеджеры этим не занимаются. А специалисты отдела оформления договоров да. Представляешь, как совпало? Сотрудники отдела оформления — оформляю договоры, — саркастично выдает Камилла Георгиевна.

Она, вообще, дамочка ничего. Лет тридцати, активная такая, жизнерадостная, но я ее отчего-то ужасно боюсь. Робко улыбаюсь ее шутке и незаметно потираю ладони о джинсы.

Вообще-то это интересно, побывать на заводе, пообщаться с людьми, посмотреть, как проводятся эти акции. Просто волнительно. Я в этих НС-ках плаваю пока. Вдруг что забуду и спросить даже не у кого. А это же страхование людей, это серьезно!

— Возьмешь бланки полисов в делопроизводстве и к четверем поднимайся на шестнадцатый в маркетинговый, с ними поедешь.

— Хорошо, — отвечаю я так твердо, насколько умею.

Следующие два часа сижу, штудируя мануал по страхованию от несчастных случаев. Распечатываю себе памятку и достаю из закров тетрадку с заметками из Школы страхового агента, где я обучалась первую неделю. Вообще, если так посмотреть, все довольно просто. Я справлюсь. Справлюсь, справлюсь, справлюсь.

Собираю фирменный чемоданчик с логотипом компании, укладываю туда выданные мне полисы и квитанции, распечатанные заявления и свои шпаргалки. И отправляюсь на шестнадцатый этаж.

Мне открывается другой мир. Шумный, яркий, наполненный людьми. Если на нашем этаже все сидят по кабинетам, то здесь — открытая площадка с пластиковыми перегородками между рабочими местами. Огромный шумящий улей. Как в американских фильмах.

Стою и топчусь возле лифта, не зная, к кому идти и что говорить. От небольшой компании, бурно обсуждающей какой-то вопрос возле кулера, отделяется парень и идёт в моём направлении. Высокий, симпатичный, с очень нестандартной внешностью. Он широко улыбается мне и скользит неспешным взглядом с головы до ног.

— Лея, да? — приятный, располагающий голос.

— Да.

— Я — Руслан. Руководитель этого беспредела, — кивает он на шумную компашку. — Сегодня поедешь с нами. Повеселимся, — подмигивает мне и я улыбаюсь.

Он забавный.

— Так, народ, все в сборе, грузимся! — кричит он остальным. — Лея, там коробка с футболками, возьми себе одну, все в фирменной одежде должны быть.

— Окей! — подхватываю его жизнерадостный тон.

Фирменная футболка! Круто-круто. Будет весело!

Ладно, все не так уж и весело.

Ребята из маркетинга просто ловят народ на проходной по окончании смены, радостно улыбаются им, раздают рекламки с цветастыми картинками, а я что? Сажу уныло за выделенным мне столиком, пялюсь на разложенные передо мной БСО (бланки строгой отчетности — прим. автора) и жую губу. Да-да, пчела все еще колется.

— Скучаешь? — на стул рядом присаживается Руслан.

— Да нет, — пожимаю плечами.

— Да ладно, — непринужденно говорит он. — Надо было тебя предупредить, что тут для галочки просто посидеть придется. На самом деле такие полевые выходы никогда не дают результат сразу. Но по регламенту положен спец из оформления. Вдруг случится чудо.

Руслан разводит руки, словно иллюзионист после фокуса, и широко улыбается. Робкая улыбка касается моих губ.

— Хочешь с ребятами брошюры пораздавать? Разомнешься, согреешься.

Это звучало бы полным абсурдом, находишь мы снаружи под палящим августовским солнцем, но в стенах завода на удивление прохладно. На самом деле мои руки уже заледенели в футболке с коротким рукавом, но не хотелось выглядеть неженкой на фоне остальных. Я отрицательно машу головой, не мое это уставшим после долгого рабочего дня людям бумажки в нос пихать. Руководитель беспредела, как он сам представился, кладет руку на мое запястье и протяжно мычит.

— Уууу, ледышка. Погоди, у меня в машине пиджак лежит, сейчас принесу.

И прежде, чем я успела благородно отказаться — ну, неприлично как-то жертву из себя строить перед руководством, хоть и не твоим — Руслан влился в толпу покидающих рабочие места труженников завода. Спустя пару минут его улыбающееся лицо вынырнуло уже с другой стороны проходной.

— Вот, накинь, — и снова я слова пискнуть не успела, как мужчина уже перешёл к действиям. Обошел меня сзади и накинул тяжёлую ткань на плечи. Нагретый пиджак пах солнцем и каким-то острым мужским ароматом. Я чувствовала себя ужасно неловко от такого внимания со стороны совсем незнакомого человека, к тому же сильно выше меня в должности, но быстро расслабилась под воздействием тепла.

Сложила руки на груди, укутываясь в пиджак плотнее, и непроизвольно застонала от удовольствия. Я теплокровное животное, холод мне чужд и неприятен. Я с трудом переживаю зимы в средней полосе, вечно упаковываюсь в сто слоев и плачу от ледяного ветра при каждом выходе на улицу. Папа всегда говорит, что я родилась не в том месте, и мне показана жизнь на теплых берегах. А ещё вечно фантазирует, как выйдя на пенсию, мы продадим нашу квартиру в Москве за баснословные деньги и купим себе маленький домик где-нибудь на юге. Где будем выращивать клубнику, а я, наконец, избавлюсь от смертельной бледности. Он тот ещё фантазер.

— Спасибо, — я улыбаюсь настолько же тепло, как себя чувствую. Поднимаю взгляд на Руслана и встречаюсь с его черными глазами, внимательно изучающими мое лицо. — Что? — мгновенно краснею я.

— Да ничего, просто думаю, может, в корпоративном отделе кастинг проводят какой-то для девчонок. С каждым разом всё симпатичнее и симпатичнее.

О боже! Это же был комплимент такой, да? Замысловатый и неоднозначный. Но явно с подтекстом. Предательское смущение отражается на лице еще более ярким окрасом, и я опускаю взгляд. Вот как на такое отвечать?

— Ладно, народ, закругляемся на сегодня, — спустя пару неловких секунд кричит Руслан скучающим возле проходной ребятам. Поток сотрудников иссяк, а я и не заметила.

Все начинают упаковывать нерозданные материалы и громко переговариваться. Я тоже встаю со своего жутко неудобного стула и укладываю все бланки обратно в чемодан. Зря только тащила с собой такую стопку. Ещё и нога ужасно затекла. Это ж надо было столько времени в таком холоде неподвижно просидеть, удивительно, что я вообще конечности чувствую. Пытаюсь расшевелить ее, потопать, потрясти, но болезненное покалывание искривляет мое лицо в гримасу "ой-ей-ей".

Ребята относят в машины коробки с остатками рекламной продукции, а я медленно хромаю позади, надеясь, что никто не заметит. Боже, ну и позорище. Они, наверное, подумают, что я ущербная и меня на работу взяли по программе толерантности, как инвалида. Крепче прижимаю лацканы пиджака, чтоб он не свалился, пока я тут ковыляю. Блин, а больно-то как!

На улице жаркий ветер сразу бросается мне в лицо, разбивая с таким трудом уложенную с утра прическу. И вот, пружинистые пряди разлетаются по лицу, бьют по щекам, нервируют. Отлично. Хромая, лохматая, потная. Сейчас ещё и чужой пиджак провоняю — вот это первое впечатление, блеск!

Выискиваю глазами Руслана, он стоит возле своей машины и разговаривает по телефону. Я аккуратно снимаю пиджак с плеч и подхожу к нему.

— Да. Ага. Ты прав. Подходит, — он снова окидывает меня неоднозначным взглядом и фиксирует взгляд на лице. — А я уже!

Обрывает звонок и радостно скалится. Его телефон тут же начинает звонить снова, но он игнорирует вызов и отключает экран.

— Ну что, Лея, рабочий день почти закончен, мы обычно не возвращаемся после таких выездов в офис. Куда тебя подбросить?

Он открывает дверцу своей машины, словно я уже согласилась, словно других вариантов и не было. Я хмурюсь, вспоминая, как вчера другой мужчина тоже горел желанием меня подвезти. Чувствую себя странно. Я что резко похорошела, или, может, стандарты красоты в мире перевернулись, а я не в курсе? Стою, отбиваюсь от непослушных прядей и не знаю, что делать. Руслан, вроде нормальный, от него не веет снисходительностью, которая бесит, и мурашки по телу не пробегают, словно тебя током шандарахает. Может, он ничего такого за этим "подбросить" и не имеет в виду. Но в голове упорно бьются папины слова: никогда, никогда не садись в машину к незнакомым мужикам.

И пусть, он говорил это, когда мне было шесть, а Руслан не такой уж и не знакомый уже. Стрёмно. Вдруг он будет ожидать за это какой-то благодарности? А на метро по одной ветке десятков станций, не больше. Но на машине с кондиционером в такую жару, конечно, комфортнее будет.

Руководитель беспредела смотрит на меня, склонив темную голову, сканируя своим черным взглядом, словно пытается проникнуть в мои мысли. Снова начинаю кусать губу от нерешительности. Он расплывается в улыбке.

— Эй, Натах, тебе же в Щукино? — говорит проходящей мимо мелированной девчонке. Та радостно скалится и с энтузиазмом кивает головой. Ещё чуть-чуть и выпрыгнет из

трусов, честное слово. А, так у него уже есть ярая поклонница, и она поедет с нами. Может, они даже в отношениях. И чего себе напридумывала? Резко расслабляюсь и спокойно ныряю в машину. Следом за мной влезает эта самая Наташа. Правда, я оказываюсь на переднем сидении, потому что именно эту дверцу открыл мне Руслан, а поклонница на заднем. Чему она явно не рада.

— Так, а тебе куда, Лея? — доброжелательно спрашивает мужчина, пристегивая ремень безопасности.

— Меня можно просто до станции метро подбросить, мне подальше, — смущенно говорю я.

Ох уж это мое нежелание доставлять беспокойство.

— А куда? — не унимается он.

— На северо-восток. Свиблово, — зачем-то добавляю я.

— Да ладно! Вот это совпадение, — он улыбается, пока заводит машину. — Почти соседи. Отрадное.

— Бывает же! — доносится с заднего сидения. И то, как мелированная Наташа это произносит, мне вообще не нравится. Хотя понятно — ревнует.

До Щукино едем в тишине, только радио ФМ разрывается свежими хитами, немного сглаживая неловкую атмосферу в машине. Наташа яро благодарит Руслана за то, что подбросил и сжимает его плечо, прощаясь. Не теряет надежды мелированная.

Как только за ней захлопывается дверь, Руслан заметно расслабляется, убирает звук в магнитоле и заводит разговор.

— Меня все терзает вопрос... — он ловко выкруливает со двора, немного нахмурившись. — Лея, такое необычное имя. За этим стоит какая-то интересная история?

— Вы не поверите, — смеюсь я. — Сколько раз мне задавали этот вопрос в разных вариациях.

— Давай на ты. Я же тебе не начальник, — улыбается он.

— Хорошо, — легко соглашаюсь я. Действительно, мы в разных отделах, мне он точно не начальник, субординацию соблюдать не обязательно, тем более в нерабочее время и с ним совсем не хочется "выкаты".

— Так вот, мой отец — яркий фанатик Звездных войн. А девяностые славились безудержной фантазией жителей бывшего советского союза...

— Так ты у нас Звёздная девочка! Я сразу так подумал. Обожал в детстве эти фильмы. Хотя я, конечно, больше за Натали Портман, без обид.

— Да какие обиды! Лея была мечтой мальчишек в восьмидесятых, тогда ее золотой купальник произвел фурор. Сейчас этим уже не удивить.

— Точно, — медленно произносит Руслан. — Золотой купальник! Как я мог забыть...

И кидает на меня многозначительные взгляды, будто прикидывает, не надет ли такой на мне под одеждой. Скрещиваю руки на груди, пытаюсь побороть раздражение. И так каждый раз. Все, кому я рассказываю эту историю, не упускают шанса пустить сальную шуточку или облапать меня глазами. А ведь Руслан поначалу казался мне приятным. Словно почувствовав мое состояние, он переводит тему.

— Так, как тебе у нас в компании?

— Нормально. Пока не совсем разобралась. Но мне нравится.

— Наверное, сразу после института к нам?

— Ага.

— Я так и подумал. Хотя ты выглядишь очень юной, я сначала даже подумал, что ты школьница.

"Прекрасный комплимент!" — ехидно проносится в моей голове. На деле же просто фыркаю.

— Эй, это не с целью задеть сказал, правда. Я просто все гадал, можно ли тебе пить уже, потому что хотел позвать вечером в бар.

Он снова расплывается в улыбке, обнажая ряд белоснежных зубов. Он, конечно, очень симпатичный. Особенно необычный разрез глаз привлекает и этот его темный взгляд. Но не екает, хоть ты тресни.

Он высаживает меня возле дома и выходит из машины, чтобы проводить до подъезда. И мне это не очень нравится. Слишком навязчиво. И странно.

— Так ты не ответила. Хочешь сходить куда-нибудь? — запускает руку в волосы и немного теревит их, создавая хаос из густых волос.

— Я не уверена, — блин, как неловко-то. У меня не слишком много опыта в подобных разговорах.

— С кем-то встречаешься?

— Вроде того, — уклончиво говорю я. Отличное оправдание! И ничего, что ложь, не говорить же напрямую, что ты мне не нравишься, правда?

— Окей, — спокойно говорит он, продолжая улыбаться. — Но если ситуация изменится, ты мне скажи, я буду первым в очереди.

Снова подмигивает мне и удаляется к машине.

Странный, странный день.

Глава 7. Алиса

Это будет прекрасный день.

Легкие укороченные брючки и приталенный жакет цвета спелой черешни сидят на мне безукоризненно. Стильные лодочки в цвет дополняют образ, вытягивая силуэт. Не хватает только помады — той самой, от которой в таком не восторге сам Биг Босс. Но я хороший работник, я прислушиваюсь к руководству. Поэтому костюм точь-в-точь цвета моего отпечатка рта на его стикере и никакой помады на самих губах. Просто лёгкая отсылка.

Но он поймет.

Кручусь возле зеркала, повторяя ежедневные процедуры по укладке волос — это утомительный процесс, но гладкий глянец каштановой копны стоит этих усилий. Праймер, тональный крем, консилер, бронзер, румяна, пудра. Столько усилий необходимо для "естественного" свежего лица. Но все окупается в свете искусственных ламп офисного гиганта, когда я сверкаю в ряду болезненно-серых лиц. На глаза только подводку. Ресницы, благодаря современным технологиям, смотрятся шикарным веером и без туши.

Хватаю плетеную сумочку от Givenchy, телефон и фальшивую улыбку — образ завершён.

К двенадцати подготавливаю один из учебных классов: цветные маркеры ровной линейкой на столе, свежие листы на флип-чарте, карточки для упражнения. Я готова доказать этому напыщенному индюку, что за красивой оберткой скрывается ценный ресурс.

Руководители каналов приходят точно ко времени, указанном в рассылке, однако сам Биг Босс опаздывает на десять минут. Без него не начинаем, ведь это он жаждет проверить мои навыки, ему нужны доказательства компетенции. Возможно, он занят или забыл о назначенной встрече, несмотря на мое уведомление по почте, но, скорее всего, это просто очередной способ проверить мою стрессоустойчивость. Что ж, очередной просчет МББ. Ведь за это время я успела расположить к себе участников предстоящего действия.

Появление Босса я чувствую прежде, чем вижу. Воздух в небольшом помещении сразу прогревается до уровня ада — привычные дьяволу в идеальном костюме градусы. Он коротко здоровается с присутствующими и объявляет:

— Что ж, Алиса, вместо тридцати минут у Вас будет двадцать. Надеюсь, это не повлияет на качество материала.

Он небрежно бросает взгляд на свои часы, всем видом показывая, что время пошло. Не удивлюсь, если посреди моей речи он будет активно постукивать по циферблату, заставляя меня ускориться. Слишком мелко мыслите, господин замдиректор, моя программа отточена до минуты, и я знала, что вы ее сократите.

— Прежде чем начнем, Александр Германович, Вам будет комфортнее оставаться наблюдателем процесса или активным участником? — мой голос спокоен и доброжелателен, на губах играет лёгкая улыбка.

— Пожалуй, наблюдателем.

Коротко бросает он и закидывает ногу на ногу.

— Отлично. Что ж, коллеги, в ближайшие двадцать минут мы с вами обсудим одну из ключевых тем бизнеса — взаимодействие персонала.

Я не смотрю на МББ, но могу поклясться, что он закатил глаза, предвкушая скорую расправу надо мной. Но я смогу Вас переубедить, засранец.

Следующие двадцать минут мы проводим в искусно созданной мной игре. Участники с удовольствием вступают в обсуждение животрепещущей темы, а я веду их к нужным мне выводам профессионально выстроенными вопросами. Фасилитация* — универсальный инструмент любого тренера. Завершаем дискуссию мы упражнением — актуализацией проблем коммуникации.

Когда наступает момент осмысления собственных действий — мой любимый во всех тренингах — участники замолкают, погружаясь в себя. Выскивают ответы на вопросы, над которыми не задумывались ранее. И на лицах отражается весь процесс этого нелегкого дела — от осознания проблемы до поисков ее решения.

Смотрю на телефон и понимаю, что отведенное мне время истекло еще несколько минут назад. Но Биг Босс молчит. Встречаюсь с ним взглядом и замечаю полуулыбку, тщательно скрываемую за задумчивым постукиванием пальцами по губам.

— Что ж, коллеги, наше время истекло. Надеюсь, вы провели его с пользой. Буду рада обсудить с вами вопрос коммуникации ваших собственных сотрудников в любое время. И хорошего всем дня!

Фирменная улыбка встречает шквал таких же пожеланий и доброжелательных взглядов. Руководители каналов смотрят на МББ, ожидая его распоряжения, можно ли покидать учебный класс. Он легонько взмахивает ладонью, словно царь, давая вольную холопам. Ни звука. Один жест и подданных смело за секунду. Деспот.

Наклоняюсь за разбросанными после игры карточками и чувствую на себе обжигающий взгляд Биг Босса, который даже не собирается уходить.

— Я хочу Вас, — чувственно произносит он.

Я вскидывают глаза и утыкаюсь в пронзительный синий взгляд. Сердце начинает биться, как сумасшедшее, несмотря на внешнее спокойствие.

— В свою команду. Работать с регионами — слишком мелко для Вас. А у меня есть крупный проект как раз под ваши способности.

Он проходится взглядом снизу вверх. С самых кончиков туфель до серых глаз. Медленно и вызывающе.

— Александр Германович, ваши взгляды несколько разнятся со словами, поэтому я хотела бы уточнить. Этот "проект" подразумевает место под вашим столом?

Я опираюсь на стол позади и складываю руки на груди. Лицо Босса искривляется в порочной ухмылке.

— Что Вы, Алиса. Проект сугубо профессиональный.

Он встаёт со стула и оказывается нос к носу ко мне.

— И я бы предпочел видеть Вас на столе, а не под ним.

С этими словами он разворачивается и выходит из учебного класса. Оставляет последнее слово за собой. Как умно. Сердце колотится все сильнее. Я прижимаю ледяные ладони к щекам и улыбаюсь.

Ты сам не понял, как начал новую игру, козел.

После обеда меня вызывает Жанна. Она единственная в учебном центре, у кого есть собственный кабинет. В небольшом помещении на удивление прохладно, похоже, ей единственной достался работающий на полную кондиционер. Ее взгляд, как всегда, устремлён на телефон, а пальцы ловко набирают очередное сообщение. И мне становится интересно: она и в душе не расстанется с любимым гаджетом?

— Садись, — кивает она на стул напротив. — Сейчас, одну минуту, согласую с этими

идиотами кейтеринг на выездной тренинг в субботу.

Я удобнее устраиваюсь в кресле, понимая, что минутой тут вряд ли обойдется, и принимаюсь изучать кабинет. Широкие белоснежные жалюзи на окнах полностью закрыты, не позволяя солнечному свету проникать в маленькое помещение. Мятные стены освежают кабинет и действуют расслабляюще. Грамоты и тренерские сертификаты призывают не сомневаться в компетенции хозяина этого кабинета, а идеально вычищенный стол еще и в педантичности руководителя.

— Алиса, — вырывает меня из дум Жанна. — Не знаю, что ты сделала, но пришло распоряжение сверху, перевести тебя на другой проект.

Она хмурится и пытается прочесть по моему лицу какие-то нужные ей ответы. Зря. Вот что-что, а лицо я держать умею.

— Тебя просят на новый проект. Партнёрская программа с одним крупным клиентом. Нужно обучить персонал под новый продукт и оказать полную поддержку в адаптации новых сотрудников недавно открытого подразделения.

— Это как-то повлияет на заработную плату и график работы?

— Нет, должность та же, просто меняется функционал. По графику — обсудите с Александром Германовичем, проект под его началом.

— Скажите, что я отказываюсь, — спокойно говорю я.

— Что? — глаза Жанны округляются от моей наглости.

— Меня брали на определенных условиях — работа с дистанционным обучением регионов. Я не готова за ту же зарплату браться за совершенно незнакомый мне продукт и, тем более, с плавающим графиком.

— Алиса, ты должно быть, не поняла. Это не предложение. Это факт. Тебя переводят. Так здесь делаются дела — распоряжение руководства не обсуждается. И ты должна радоваться, МББ отверг всех кандидатов, которых я предлагала на эту должность.

Она на секунду задерживает на мне взгляд, полный осуждения, а затем снова утыкается в телефон, всем видом давая понять, что разговор окончен.

— Мне до этого нет никакого дела, — мой голос сквозит холодом. — Предложение мне не интересно. Я могу идти?

— Ты понимаешь, что своим отказом можешь лишиться должности?

— Это Ваше право, ведь я на испытательном сроке. Но сначала, Вам придется доказать, что я не подхожу по компетенциям, а не личным предубеждениям.

А ведь мы с Жанной могли подружиться. Но теперь, видя, как она прогибается под руководство, я убеждена ещё больше — это место не для нее.

Выхожу из кабинета с твердой осанкой человека, знающего, что он прав. Неприятный осадок от разговора быстро забывается, стоит мне взяться за работу. Я знаю, что будет дальше, я жду этого. Ловись рыбка большая, ловись маленькая.

Когда рабочий день подходит к концу, я немного задерживаюсь на рабочем месте. Достая ненавистную боссом помаду из сумки и неспешно начинаю обводить ей губы. Просто на всякий случай, удваивая вероятность встречи с ним.

Я накладываю второй слой безупречного бордо, когда ощущаю затылком чье-то присутствие. С ума сойти, как быстро он попался. Крупные ладони упираются в стол по краям от меня, зажимая в кокон густого мужского аромата и придвигая кресло к самому столу. Часы на запястье выдают владельца с головой, хотя мое тело догадалось даже раньше. Горячая волна охватывает спину, когда макушкой я чувствую горячее дыхание.

— Ну что, Алиса Селезнева, любишь поиграть?

Его голос — низкий шепот.

— Что Вы, Александр Германович, быть пешкой — мне не по вкусу.

Я разворачиваю голову и утыкаюсь носом в небритый подбородок. Близость этого мужчины сводит на нет все мое самообладание. Я знаю, как он хорош. Знаю, что он — дикий хищник, способный загнать свою жертву до смерти. А я только учусь не быть покорной косулей. Но он этого не знает. Пусть видит во мне равную себе.

— Как мне убедить тебя поработать в новом проекте? — глухо звучит возле самого рта.

— Ну, вы можете сказать мне лично, как я хороша, — я отворачиваюсь, переводя дыхание. — Затем, мы обсудим мою зарплату и график работы. А после, я подумаю.

Я встаю с кресла, расправляя ткань штанов по бедрам. Биг Босс остаётся позади меня, все еще удерживая руки по краям. Его лицо оказывается в районе моей спины, и я чувствую обжигающий взгляд, скользящий по бедрам. Его пальцы сжимаются в кулаки на столе, а затем руки соскальзывают и оказываются на моей талии.

Я даю ему секунду, чтобы ощутил, каково это держать меня в руках, а затем выскальзываю из его объятий.

— Так вот каким способом вы решили меня уговорить, — скептически бросаю я через спину.

Успокаиваю учащенное дыхание от его прикосновений и возвращаю на лицо холодную маску. Оборачиваюсь и впииваюсь в замдиректора колючим взглядом. Присаживаюсь на стол, складывая руки на груди. Мы беззвучно сражаемся друг с другом — кто первый отведет глаза. Но проходят минуты, а я все так же смело принимаю его вызов.

Он отодвигает мое кресло, стоящее до этого преградой между нами, и делает шаг вперед. Носы наших туфель почти соприкасаются: утонченная замша против грубой кожи. Александр Германович поднимает руку и проводит пальцем по моим губам, стирая часть помады.

— Снова не по дресс-коду, — рокочет он.

— Рабочий день завершен, — томно выдаю я.

— Действительно, завершён. Ты хороша, Алиса Селезнева. Я готов дать надбавку в десять процентов сверху, но график останется плавающим, — выдыхает он почти мне в губы.

— Хорошо. Я согласна.

— Запомни эту мысль, Алиса, — его пальцы поглаживают мою щеку. — Потому что как только проект будет завершен, эти слова ты будешь выкрикивать уже подо мной.

Он отстраняется и уходит, одарив на прощание жесткой улыбкой на порочных губах. Вместе с ним уходят и остатки моего самообладания. Я прижимаю руку к груди, пытаюсь немного унять бешеное сердцебиение.

Этот раунд за ним.

Но все скоро изменится.

Глава 8. Лея

Кажется, пора заглянуть в свой гороскоп, потому что удача определенно на моей стороне!

Сами посудите: волосы собрались в два пучка без единого сопротивления; я откопала в закромах чудесное платье-матроску ниже колен — идеальное для жаркого рабочего дня; по пути на работу ни одного казуса, а на рабочем месте меня ждёт только новая клавиатура и никаких стопок полисов!

И вообще, день сегодня какой-то особенный. Солнышко светит ярче, девчонки в отделе весело трещат, в коем-то веке разгруженные, и даже Камилла Георгиевна снисходительно улыбается, позволяя им эти минуты безделья.

— Сегодня у Камиллы нашей днюха, — шепотом поясняет мне Вика. — Будем сейчас поздравлять.

— А, понятно — улыбаюсь, потому что впервые буду участвовать в корпоративных поздравлениях.

— Я за тебя скинулась, отдашь мне с зарплаты, — подмигивает подруга.

— Спасибо, Викот.

Старое прозвище подруги тянется за ней ещё со школы. Все дело в ее фамилии, конечно, так удачно сгенерированной с именем. Быть Викторией Кот и не получить смачную кличку, было почти также не реально, как быть Леей Уткиной и не слышать кряканье за спиной... На том мы с ней и сошлись, тихо ненавидя одноклассников, застывших в развитии на уровне неандертальцев — говорить могут, но что несут — не контролируют.

А Вика — она всегда была более пробивная. Вот, например, и замужем побывать успела между третьим и четвертым курсом, и работу нашла себе ещё до выпуска из института. Поэтому когда остро встал вопрос с трудоустройством — просить у отца денег на карманные расходы просто стыдно стало — я позвонила ей. И так уж совпало, что в "Маффине" оказалась вакансия с двумя критериями: прописка и знание ПК. А у меня как раз только и было, что прописка, да знания...

— Пошли, — подгоняет меня Вика, как только появляется Лиля, наша главная активистка, с цветами и конвертом.

Дружной толпой входим в кабинет начальницы и хором поздравляем Камиллу Георгиевну с восемнадцатилетием. Она нарочито громко смеётся и шутит, что столько раз по восемнадцать не бывает. Нехитрый комплимент дарит ей хорошее настроение, а нам несколько свободных от ее бдительного ока часов.

Договоры подвозят только к двенадцати, так что мы неспешно пьем чай с тортом от начальницы и смеемся над рассказами девонок-старожил. Правда, увидев огромные стопки, все шустро меняют свой легкий настрой на рабочий и приступают к активным постукиваниям клавиш.

Ближе к обеду происходит невероятное: на пороге материализуется Босс. Сначала появляется гигантский букет из белых роз, затем шикарный костюм и только после этого сам безупречный мужчина. Он уверенным шагом идёт к закутку Камиллы Георгиевны и входит туда без стука. Конечно, ему позволительно. Слышится радостное щебетание, а после два силуэта скрывает тяжёлая дверь кабинета. Завлекла, паучиха.

Сама себе удивляюсь — так злобно рассуждать. Но эти ее ужимки в присутствии

Александра Германовича, этот ее неприкрытый флирт и будто бы случайные касания меня жутко выбешивают. Он же моложе тебя лет на десять, женщина, боже!

Мое сердце пропускает пару ударов от вида этого шикарного мужчины. Так хотелось получить от него хоть один взгляд, хоть полувзгляд! Ох, Лея, какая же ты дурочка. Понятное дело, что ты отказала ему и сразу была вычеркнута из списка кандидаток. Если вообще там была. Скорее всего, он и не имел ничего такого под этим "подвезу", а я зря только строила из себя непонятно кого. Теперь уже и не светит ничего подобного.

До обеда Мистер Биг Босс так и не выходит из кабинета Камиллы. Мы с девчонками дружной компанией отправляемся в столовую и возвращаемся только к самому окончанию перерыва. Мы смеемся, гадая, до сих пор ли за закрытой дверью находится гость. Но я сразу понимаю, что его там уже нет.

Потому что на моём столе красуется одна белая роза. Точь-в-точь такая, как те, что в букете для начальницы. Простая идеальная длинная роза. И она выглядит круче, чем все гигантские охапки, что я видела.

Дотрагиваюсь кончиками пальцев до бутона и глупо улыбаюсь. Лепестки цветка нежные, мягкие, шелковистые, словно бархат. Мое сердце пропускает очередной удар. Так глупо. Но ничего романтичнее я в жизни не видела.

Весь остаток дня я нахожусь глубоко в себе, каким-то чудом успеваю при этом продуктивно работать. Пальцы порхают над клавиатурой, а мыслями я вся в мужчине моей мечты. Фантазирую себе идеальное свидание с ним, его грандиозное признание в любви, непременно на виду у всего офиса, и шикарную свадьбу со всеми вытекающими. «Вытекающие» особенно живописно вырисовываются у меня в голове — красочно, детально, до красных кончиков ушей.

Боже, он, наверное, очень хорош. А я так, середнячок, может даже ниже, как знать, ведь у меня ужасающе мало опыта по этой части.

Блин, ну, вот, о чем я только думаю. Вот, что у меня в копилке? Одна роза, странное приглашение подвезти и "красотка". А я тут всю совместную жизнь расписала, хорошо хоть до имен детям не добралась. Хотя, вру, вру, конечно. Добралась. Кирилл и Кира.

Когда девчонки начинают собираться домой, я делаю вид, что очень занята. Что дел просто невпроворот! Роза давно спрятана в сумку под столом, в надежде, что она доживет до вечера в спартанских условиях. А я жду еще тридцать минут в опустевшем кабинете, уповая на то, что Биг Босс повторит свое неожиданное появление. Как в тот раз.

Но он не появляется. Чувствую себя последней дурой. Остервенело выключаю комп и бросаю в сумку телефон, собираясь уходить. Пару секунд думаю над тем, чтобы выкинуть этот злополучный цветок, потому что вконец запуталась. Вот, что все это значит? И от него ли на самом деле презент? Может, я просто состыковала удобные мне факты, а на самом деле это вообще от другого человека. От того же Руслана! Он проявлял ко мне очевидный интерес, а не вот это все...

Ожидая лифта в опустевшем коридоре и даже слегка съеживаюсь от странных ощущений. Такая тишина... Лифт громко звенит, оповещая о прибытии кабинки, и я подпрыгиваю на месте от неожиданности. Дверцы разъезжаются, и передо мной предстает бог. То есть Босс, конечно же, Босс.

Представляю, какая картинка разворачивается перед ним: испуганная бледная девчонка, зажимающая сумку подмышкой. Его губы разъезжаются в улыбке, подтверждая мой нелепый вид. Стою, как приклеенная, не могу пошевелиться. И все смотрю на эти губы — такие

идеальные, чувственные, полные. Это не честно, блин, что они достались мужику.

Дверцы лифта начинают съезжаться обратно, и только тут я отмираю. Бросаюсь в кабинку, протискиваясь между стальными плитами, и, конечно, застреваю. Локоть удается отвоевать, а вот сумка намертво сплющена. Умная конструкция даже не понимает, что что-то не так и начинает свое движение вниз. Я тяну за ремешок, пытаюсь вытянуть свое сокровище, но сумка трещит по швам. А самое обидное, что роза сломана и разлетается на лепестки по всему полу, как и содержимое не застегнутой сумочки.

На полу оказывается мой телефон, смачно прикладываясь о жесткое покрытие, ключи и даже — о, боже, почему я не родилась мальчиком — тампоны. Несколько секунд, что я ползаю по полу, силясь собрать вещи, я миллион раз пожелала провалиться под землю. Оборачиваться даже не хочу. Представляю этот насмешливый взгляд и снисходительную полуулыбку. Черт, ну что за лифт такой заколдованный!

— И часто с тобой так? — гремит над самым ухом, и я подпрыгиваю на месте, больно ударяясь локтем о стенку. Я приглушенно шиплю от боли. Лицо снова горит от стыда, а глаза готовы пролиться слезами отчаяния, честное слово. Теперь точно придется уволиться, посмотреть этому мужчине в глаза — выше моих сил.

— Постоянно, — шепчу на грани слышимости.

Неожиданно моего многострадального локтя касаются сильные пальцы и начинают поглаживать. Спиной чувствую крепкий торс мужчины. С ума сойти!!! Мурашки, вопреки моей воле, выступают целым отрядом, превращая кожу в колючее покрывало.

— Замерзла? — удивлённо спрашивает Александр Германович.

Я громко фыркаю. Истерично. Да я вся вспотела от его близости! Неужели он не видит, как действует на меня?

Двери лифта снова пронзительно звенят, раскрываясь на первом этаже. Моя сумка освобождается и летит на пол, попутно раскидывая то, что не успела ранее: карточка на метро, мятный холс, шпильки для волос. Снова приседаю, чтобы поднять вещи, радуясь, что вырвалась из плена рук Биг Босса. Он творит со мной ужасные вещи, восхитительные, но ужасные. Нельзя превращать человека в безвольного барана. А я та ещё овца была пару секунд назад.

Вылетаю из лифта стрелой, попутно пытаюсь рассовать по карманам то, что держу в руках. Но ситуация выходит из-под контроля: шпильки снова разлетаются веером, а тампоны, божечки, да что ж это за наказание такое, летят аккуратно под ноги мужчине из лифта.

Он поднимает их с особенной грацией, такой, чисто мужской, выверенной, сексуальной. Протягивает мне коробочку с мягкой улыбкой на губах. Зашибись, теперь он видит во мне несмышленного ребенка. Тянусь за упаковкой, и наши руки на секунду соприкасаются. Я не знаю, как объяснить это явление — должно быть он обладает суперсилой, или он Зевс, повелитель молний, — но меня мгновенно прошибает током.

— Сегодня тяжёлый день? — просто, без снисхождения спрашивает он. И я немного расслабляюсь.

— Как и каждый, — вздыхаю я.

Окончательно побеждаю сумочно-вещичный кризис и поднимаю взгляд. Александр Германович держит руки в карманах брюк и пронзает меня своими синими глазами.

— Я бы выпил кофе. Не хочешь?

— Хочу, — вырывается из меня прежде, чем мозг придумает тысячу отговорок.

— Тогда пойдём, — кивает он на выход.

— Ага.

Мы идём рядом, почти соприкасаясь плечами. Мое лицо все еще горит от стыда, но он эту тему не поднимает. Он вообще больше ничего не говорит, будто знает, что я могу в любой момент психануть и сбежать. Босс уверенно шагает рядом, спокойно открывает мне дверцу своей машины, а затем огибает авто и занимает место водителя.

Видимо мозг я всё-таки оставила в том лифте...

Входная дверь закрывается с тихим щелчком. Я прислоняюсь к ней и складываюсь пополам. Сердце сейчас вырвется из груди. С ума сойти! Поверить не могу, что сделала это!!!

В коридоре появляется отец и осматривает меня с ног до головы своим фирменным взглядом. Ну, таким, чисто отцовским, по типу: где лужа, Лея? А я топчусь на месте, старательно пряча глаза, потому что надула ему на постель. Метафорически, естественно.

— Что-то часто тебя стали подвозить, — с прищуром говорит он.

— Боже, пап, ты что, в окно меня высматривал? Снова?

— На часах почти полночь, а дочери нет. Конечно, высматривал!

— Телефон, пап! Телефон же есть.

Снимаю балетки, вынимаю сотовый из сумки и плетусь в комнату, зная, что допроса не избежать.

— А я тебя по приложению видел, — размахивает он перед лицом телефоном.

— Ты опять отслеживал меня по "где мои дети"?* Пап, ну мне не десять уже, блин.

Плюхаюсь на кровать и сурово складываю руки на груди.

— Вот-вот, в десять я волновался только о том, осилишь ты математику или нет. А сейчас, о том, что тебя второй день подряд подвозят разные машины.

Его голос насквозь пропитан осуждением, таким плотным, что его не скрывает легкий шуточный тон.

— Пап, это просто коллеги, — предательская улыбка растягивается на губах.

— Ну-ну, — отец садится рядом со мной и продолжает. — Наверное, надо было раньше с тобой об этом поговорить...

Он задумчиво чешет подбородок. О, нет. Нет, нет, нет, только не о сексе, пап!

— Пап, мне двадцать три, у меня есть Гугл, Ютуб и на крайняк Вика. Давай не будем, а?

Я пытаюсь спасти нас обоих от этого ужасающе неловкого разговора.

— Да знаю я, знаю. Просто помни, что не всем мужчинам нужны отношения. Некоторым просто... ну, ты поняла. А ты девочка тонкая, доверчивая. Не хочу, чтобы ты разочаровалась, ладно? Встречайся лучше со сверстниками. А этих, на крутых тачках, совсем не твой внутренний мир интересуется, уж поверь.

Отец выходит из комнаты и аккуратно прикрывает за собой дверь. Он ошибается. Как же он ошибается!

Откидываюсь на кровати и снова глупо улыбаюсь. Вечер был потрясающий.

Мы выходим из машины и оказываемся возле ресторана с кричащей вывеской "Море волнуется!". Смотрю на Биг Босса с недоумением. Разве мы не кофе собирались выпить?

— А как же кофе? — робко интересуюсь я, теребя многострадальную сумочку.

— Здесь делают весьма приличный кофе, — спокойно объясняет он. — Заодно и поужинаем.

Подходит ко мне и кладет большую теплую ладонь на поясницу, подталкивая ко входу.

Я мгновенно цепенею. Не из-за дурацкого ресторана, а из-за такого откровенного контакта. Рука на пояснице! Такое ведь не делают с любой встречной девушкой, да? Так что, у нас получается, типа, свидание?

Проходим в зал, и я в очередной раз за сегодня испытываю чувство неловкости. Внутри

очень богато, даже роскошно! Все присутствующие одеты с иголки: на первый взгляд просто — платья да костюмы — но видно, что дорого. И тут я — с двумя лохматыми загогулинами на голове и в платье-матроске. Черт, и почему я не была более критична к себе сегодня с утра?

Неуклюже переминаюсь с ноги на ногу возле шикарного высокого мужчины, который привез меня в совершенно неподходящее место, пока он договаривается о столике. Боже, здесь даже есть специальная девушка, чтобы рассаживать посетителей. Небось, и по четыре вилки на каждое блюдо. Ресторан явно не из дешёвых!

Никогда ещё мне так не хотелось удрать от грядущего позора, как сейчас. Я чувствую себя настолько не в своей тарелке, что ноги сами начинают разворачивать меня к выходу. И именно в этот момент на поясницу вновь ложится тяжёлая ладонь.

Поднимаю взгляд и встречаюсь с глубокими голубыми глазами, почти синими. Александр Германович мягко улыбается мне, пока ведет вслед за смазливой девушкой. Я даже засматриваюсь на ее отточенные движения: плавные покачивания бедер в ультра узкой юбке и кокетливый взмах гладких волос. Мне никогда не стать такой же. Но надо отдать должное, Босс на нее не смотрит, поглядывая то на часы, то на меня.

— Твой парень не будет против, что сегодня ты поужинаешь в моей компании? — непринужденно спрашивает он.

Какой ещё парень?

— Нет. В смысле, парня нет, никто против не будет.

И почему я снова краснею? Нужно срочно освежиться и привести чувства в порядок.

— Ваш столик, — идеальная девушка показывает на место у окна.

— Простите, — тихо обращаюсь к ней. — А где здесь туалет?

— Возле барной стойки налево, — доброжелательно говорит она, тем не менее, смерив меня оценивающим взглядом.

— Я на пару минут, — зачем-то предупреждаю Биг Босса.

Даже туалет здесь шикарный. Боже, ну что же за дурацкая ситуация. Мне здесь не место, совсем не место. Смотрю на себя в зеркало и невольно испускаю стон разочарования. Я похожа на влажную мечту педофила — в этой нелепой матроске и с пучками на голове, совсем как школьница. Ещё и красная, как рак. Быстро ополаскиваю лицо прохладной водой и вынимаю шпильки из волос. Кудри тут же принимают форму одуванчика из мультика. За-ме-ча-тель-но. Но лучше не будет. А так, хотя бы не тяну на школьницу. Выпускаю очередной протяжный стон и возвращаюсь в зал.

— Это она тебе сказала, лузер, — насмешливо говорит Босс в трубку. Меня он пока не видит, я за его спиной. — Смирись, Че, тебя отшили. Готовь маркер, очередная галочка за мной. Да уже сегодня... ладно, поговорим позже, — закругляет разговор, как только я появляюсь в его поле зрения.

Убирает телефон во внутренний карман пиджака и улыбается мне.

— Знаешь, мы здесь из-за твоего платья.

— Что?

— Увидел тебя в нем и так на морепродукты потянуло. Тебе дико идёт полоска.

Его рука находит мою на столе и принимается нежно поглаживать, выписывая круги на тыльной стороне. Я снова впадаю в ступор. Он клеится ко мне! Не может быть, просто уму непостижимо!

Смущённо опускаю взгляд на меню, чтобы хоть как-то отвлечься от этих пронзительных

глаз, удивительной улыбки, мягких пальцев и разрядов, попадающих прямо в сердце.

Александр Германович отпускает мою ладонь и тоже берется за меня.

— Не против белого вина?

— Я...нет, я бы просто кофе...

— Да ладно. Морепродукты и белое вино созданы друг для друга.

— И все же лучше кофе.

Ага, вино, только его мне и не хватало. Когда я в последний раз выпила, отцу пришлось забирать меня из Ярославля. Я нечаянно села не на тот автобус, а потом заснула... Не спрашивайте, как можно перепутать городской автобус с междугородним, это все алкоголь!

— Хорошо, — просто соглашается мужчина. Сейчас он такой простой и лёгкий. С ним непринужденно и я даже стала забывать о своем громком провале и его снисходительных комментариях. Наверное, я надумала себе того, что не было. Александр Германович — идеал мужчины.

Мы заказываем Том Ям и ещё форель под каким-то мудреным соусом по инициативе Босса и кофе, за что я благодарно улыбаюсь.

— Так что, Лея, расскажешь свою удивительную историю?

Да, мое имя в его устах — все еще самое сексуальное, что я слышала.

— Историю?

— Да, расскажи мне все. Откуда, когда, как.

— Ничего интересного, честное слово, — смущенно тереблю белую скатерть, не поднимая взгляд. — Кроме выдающегося имени ничего и нет.

— Ах да, имя — удивительное имя. — Он улыбается. — Никогда не слышал красивее. Особенно звучно с фамилией.

Черт. Конечно же, он знает мою фамилию. Он же руководитель! Он, наверное, все обо мне знает и возраст, и образование, не удивлюсь, если даже вес как-то вызнал.

— О, боже, — закрываю лицо ладонями. — Ненавижу свою фамилию! — говорю сквозь сжатые пальцы.

— Зато запоминается.

Всего два слова. Такие простые и понятные. А кажется, перевернули меня с ног на голову и хорошенько встряхнули. Да так, что все монетки из карманов высыпались. Запоминается! Он не считает ее глупой и даже не насмехается над ней, он считает, что она запоминается!

Смотрю в эти удивительные глаза и просто не понимаю. Этот мужчина реальный? Он настоящий? Не плод моего воображения или чересчур разыгравшейся фантазии?

Последующие полтора часа мы проводим за разговорами, поглощением еды и многозначительными взглядами. Он ещё несколько раз берет меня за руку, а я позволяю утонуть своей ладони в его тепле. На кофе атмосфера между нами меняется: мы резко замолкаем и просто смотрим на наши сплетенные пальцы. Мне кажется, я хочу, чтобы он меня поцеловал.

Он оплачивает счет и помогает мне встать — герой из сказки, не иначе — а потом кладет руку на мою талию, прижимая меня к своему крепкому телу.

— Я бы продолжил вечер у меня, — говорит он мне в ухо, почти касаясь кожи губами. — У меня замечательная кофемашина.

Меня пронзает очередной электрической волной, оседая где-то внизу живота. Никогда не испытывала подобных чувств. Голова как в тумане от его запаха и прикосновений. Что он

говорит? Кофе? Продолжить? Я за, конечно, за!

— Ваш заказ, — говорит неожиданно откуда-то взявшаяся девушка, прерывая этот морок.

В ее руках белая роза — точно такая же, как та, что была расплющена лифтом часами ранее.

Александр Германович забирает ее из рук девушки и протягивает мне, не переставая улыбаться. Его руки соскальзывают с моей талии, и туман рассеивается. Я смотрю на цветок и на мужчину напротив. На что я только что чуть не согласилась?

— Взамен безвременно почившей, — снова шепчет мне на ухо.

Дрожь от его близости никуда не уходит, но голова немного проясняется. Этот мужчина — сирена, будь у него сиськи, топил бы корабли!

Мы идём к его машине, он галантно открывает мне дверь и проходится рукой мне по бедру, пока помогает забраться в салон. И моему телу это нравится, оно отзывается на эти ненавязчивые ласки.

— Мне нужно домой, — говорит мозг, запихивая трепыхающееся сердце в темный чулан.

Босс удивленно разворачивается ко мне.

— А как же кофе?

— Может, в следующий раз?

— Лея, кофе — это просто кофе, — он берется за непослушную кудрявую прядь и отводит ее мне за ухо. И смотрит на меня так... так... не знаю, никогда раньше не сталкивалась с таким взглядом.

— Не сегодня, — робко улыбаюсь я.

— Окей, — он старается говорить непринужденно, но я явно слышу его разочарование. И оттого мне снова становится неловко. — Куда тебя отвезти?

Мы едем в полной тишине. Я бы даже сказала гнетущей. Даже радио не включаем. За окном мелькают освещенные таблоидами улицы и фонари. Я прислоняюсь к окну, всматриваясь вдаль, размышляя, не испортила ли я все окончательно.

Когда машина останавливается возле моего дома, я не спешу выходить. Поднимаю взгляд на Александра Германовича и прикусываю губу. Что же сказать ему?

— Отличный был вечер, — он вновь улыбается, и за этой улыбкой нет никакого скрытого текста.

Я киваю, отстегивая ремень безопасности. Кладу розу на панель, чтобы дотянуться до сумки на заднем сидении. И сталкиваюсь с плечом Босса головой. Даже здесь умудрилась выставить себя неуклюжей. Класс.

Биг Босс тоже отстегивает ремень и резко подается вперед. Я ничего не успеваю понять, а его губы уже накрывают мои. Мягко, воздушно, он касается меня, ласкает, приоткрывает губы, чтобы проникнуть глубже. Его язык вступает в медленный танец с моим — чувственно, нежно, убийственно медленно.

Его ладони обхватывают мою талию и немного притягивают к себе, оставляя между нами только несколько сантиметров коробки передач. Неожиданно все меняется, из невесомого поцелуй становится настойчивым. Яростным, страстным. Пальцы мужчины пробираются выше и ложатся на мою незначительную грудь, крепко сжимая ее. Из меня вырывается стон, как сигнал к действию, и Александр Германович начинает покрывать поцелуями мое лицо, опускаясь на шею. Зарываюсь пальцами в его волосы, другой рукой

провожу по шее и позвонкам. Чувствую, как он дрожит в ответ.

Сумасшедшее чувство. Запредельное. Наше дыхание, рваное и горячее, заполняет весь салон автомобиля. Его руки становятся настойчивее и уже опускаются мне на бедра, отодвигая ткань подола, приподнимая меня и перенося на себя. Вижу, как Босс кидает взгляды на заднее сидение, ненадолго отстранившись от меня. А затем снова жадно впивается в рот, сжимая пальцами ягодицы. Он крепко прижимает меня к себе, и я чувствую такое, отчего сразу же прихожу в себя.

Боже мой, он сейчас разложит меня прямо здесь. Упираюсь руками ему в плечи и отстраняюсь. Встречаю взгляд с поволокой и шепчу только: домой. Очень медленно слезаю с Босса, забираю сумочку с заднего сидения и выхожу из машины.

Сердце грохочет, как сумасшедшее. Это был удивительный вечер.

*"где мои дети" — приложение для отслеживания телефона ребенка.

Глава 10. Алиса

Все очень просто. Есть хищники, а есть жертвы. Те, кто охотятся и те, кто убегает. Хищник всегда умнее, хитрее, проворнее и изобретательнее. Жертве же остаётся только дрожать и сдаться под напором сильного противника. Обычно такая охота долго не продлится: трепетная лань рано или поздно расслабится у водоема и будет прижата твердой лапой к земле, пока острые зубы впиваются в ее мягкое горло.

Но настанет день, когда хищнику приестся такая забава. Ему станет мало охоты ради пропитания, захочется большего, чего-то, разгоняющего адреналин по венам, того, что сложнее получить. И тогда начнется совсем другая игра.

Тонкие черные чулки со стрелками совсем не подходят под дресс-код компании. В сочетании с серым платьем-футляром они смотрятся вычурно, вульгарно, на грани приличий. Но это только сзади. В том-то и весь сюрприз. Сегодня я как монетка: незамысловатая "решка" против эффектного "орла". Все для моего хищника.

Стадия первая — привлечь внимание — пройдена. Теперь время стадии два: провокация. И я буду дергать этого тигра за усы столько, сколько потребуется, чтобы он начал охоту.

Потому что цель оправдывает средства.

Я переезжаю на пятнадцатый этаж, выделенный под новый грандиозный проект, о котором я пока ничего не знаю. Этаж наполовину пустует, в части кабинетов все еще ведутся ремонтные работы и первое, что я замечаю — стойкий запах краски, мгновенно пропитывающий мою одежду. Отлично. Начало просто феерическое.

Неспешно иду по коридору, который отражается многократным эхо моих металлических набоек о кафельный пол, и заглядываю в открытые двери офисов, в надежде кого-нибудь встретить. Столы, обернутые пленкой, коробки с разобранными стульями, разводы краски на полу — все, что меня встречает. Это шутка такая? Сплавить меня на проект, которого еще и нет вовсе?

— О, свеженькая кровь! — звучит сбоку.

Оборачиваюсь на высокий звонкий голос и встречаюсь с молодой девчонкой, совсем низенького роста, в драных джинсах и огромных кроссовках. Она приветливо улыбается, рассматривая меня, как диковинную зверушку.

— Мы тебя ждали.

— Я рада, — я позволяю легкому раздражению сквозить в голосе.

— Я Лена, — бодро говорит девчонка. — Продажи. А ты Алиса, да?

— Да.

— У нас тут пока один кабинет на всех, — весело трещит она. — Пошли, покажу твое рабочее место. Александр Германович предупредил вчера, что ты придешь, мы все подготовили.

Она поворачивается ко мне спиной, и я замечаю, что кончики ее волос выкрашены в зелёный. И отчего-то начинаю улыбаться. Странная девчонка, совсем не похожа на менеджера по продажам, да и на вид настоящая школьница. Сколько ей лет вообще?

Мы заходим в огромное помещение, заполненное хаотически расставленными столами и шумно переговаривающимися людьми. Лена ловко маневрирует между этими кубиками Лего, и я ныряю за ней. Меня сопровождают оценивающими взглядами, но мне не

привыкать.

— Вот, — показывает она на угловой стол. — Самый большой, по распоряжению Александра Германовича.

Ищу на ее лице признаки насмешки, но карие глаза только радостно блестят. А Биг Босс в своем репертуаре... значит, стол мне побольше, да? Я с удовольствием принимаю его ход.

— Там переговорка, — показывает она на дверь слева от меня. — А вон там комната отдыха, ну, типа, для релаксации нам сделали, — кивает на соседнюю дверь. — Там, если что, и кофе-автомат, правда он временно не работает, и автомат со снеками, короче, все, чтоб мы здесь сутками могли торчать. Я тут, — жестом ведущего телешоу Лена тычет в соседний стол. — С ребятами в одиннадцать на брифинге познакомишься.

Я киваю. Прохожу за свой огромный стол, провожу по нему ладонью, отмечая идеальную новенькую поверхность, и включаю ноутбук. Судя по оснащению, на новом проекте не экономят.

К одиннадцати народ начинает стекаться в переговорку. Вместительное помещение сразу зрительно уменьшается под давлением толпы. Стульев на всех не хватает, и кто-то остаётся стоять вдоль стеночки. За единственный стол с проектором никто не садится, очевидно, оставляя для того, кто должен появиться с минуты на минуту.

Его появление я чувствую кожей, как всегда. Александр Германович входит бесшумно, но всё вокруг замирает. Все замирают. Каждый следит за мужчиной в идеальном костюме, его уверенными движениями и его отточенной улыбкой.

Мы встречаемся глазами на долю секунды, но мне этого хватает, чтобы сердце заколотилось быстрее.

Биг Босс расслабленно откидывается на стуле, закидывая ногу на ногу. В его жесте столько силы и непринужденности, что уверена, неискушенные девочки уже потекли. Одной рукой он подпирает подбородок, прикладывая палец к губам, а вторую вольготно располагает на столе поверх кожаного ежедневника.

Молчание затягивается, все ждут первого слова МББ.

Я прислоняюсь к стене позади, складывая руки на груди, ноги чуть впереди, скрещенные в лодыжках. Ты такое не пропустишь, Босс. Закрытая поза, как красная тряпка для твоего эго.

— Друзья, прежде чем перейти к отчетности, хочу представить новый алмаз в нашей ювелирной компании, — наконец заговаривает он, буравя меня взглядом. — Алиса, подойдите, пожалуйста.

Рука, секунду назад касающаяся его губ, очерчивает дугу в воздухе, приглашая встать рядом с ним. Нарочито медленно я отлипаю от стены и шагаю к нему. Становлюсь чуть позади, чтобы не испортить шоу и лучезарно улыбаюсь.

— Алиса, представьтесь, пожалуйста, — просит Босс, сверкая голубыми глазами.

— С удовольствием, — посылаю ему многозначительную улыбку и делаю небольшой шаг вперёд, представляя взгляду Александра Германовича самые развратные в мире чулки.

— Меня зовут Алиса Селезнева, — бодро начинаю я, складывая ладони домиком перед собой. — Запомнить довольно легко, особенно тем, кто воспитывался на старых добрых сказках, — расплываюсь самой милой улыбкой из своего арсенала. — Я бизнес-тренер, работала до этого с различными проектами: продажи, сервис, командообразование. Надеюсь оказаться полезной и здесь. А чем и как подскажет Александр Германович.

Возвращаю взгляд на мужчину рядом и вижу его глаза, стремительно поднимающиеся

вверх. Всё-таки залип, дружок.

— Алиса займется выстраиванием коммуникаций между новыми отделами, обучением сотрудников основам сервиса и партнёров продукту. Всё, в чем она уже хороша, — улыбается паршивец, окидывая взглядом хихикающую толпу. — Что ж, перейдем к делам насущным, — переключает он тему. — Гоголев, что по актуарным* расчетам?

Я собираюсь вернуться на место, чтобы не стоять всю планерку, словно ученица у стола учителя, но МББ пресекает эту попытку. На моей левой лодыжке смыкается горячая ладонь, заставляя застыть на месте, а затем рука начинает медленное чувственное движение вверх, очерчивая стрелку на чулке. Он доходит до того места, которое ещё скрыто столом от аудитории, и продолжает движение уже вниз, останавливаясь на ямочке под коленом.

Как же ловко он все провернул. Даже я не заметила, когда его рука оказалась под столом. Такие трюки ему наверняка не впервой. И игрища "учитель и провинившаяся школьница", несомненно, из разряда его грязных фантазий.

Тело покрывают мурашки, вызывая дрожь в коленях. Но я сдерживаю этот инородный импульс, я знаю, что это чистая физиология, чувства тут не причем. На моем лице внимательная сосредоточенность, вежливая заинтересованность, я искусно делаю вид, что слушаю парня в потертой джинсовке.

И это бесит Босса, я чувствую. Он убирает руку и одергивает парня со звучной фамилией.

— Достаточно. Соколова, что по коммерческому кабинету для партнеров?

Его взгляд сосредотачивается на девочке с зелёными прядями, и та мгновенно вытягивается, силясь придать своему росту так необходимых ей сантиметров.

— Запрос на доступ все еще висит у айтишников. Уже третий день.

— Я займусь этим, — кивает Босс и берется за свой Паркер, записывая информацию в блокнот.

— И ещё! — громко вопит мелкая, отчего все подпрыгивают на месте. Ручка Босса выскакивает из рук и катится по столу к противоположному краю. — Кофейный автомат... не работает...

Я сгибаюсь пополам и ловлю дорогой Паркер у самого края стола, открывая тем самым ещё и умопомрачительный вид сзади для своего шефа.

— Благодарю, — растягивает Александр Германович, хищно приподнимая уголок губ.

И благодарит он вовсе не за ручку. Хищник, я же говорю.

*Актуарные расчеты — расчёты тарифных ставок страхования на основе методов математической статистики.

Глава 11

Народ нестройным потоком вытекает из переговорки, создавая небольшой затор в дверях. Я опираюсь на стену, провожая коллег изучающим взглядом, — с этой разномастной толпой мне предстоит работать. Мне удалось провести остаток брифинга вдали от рукоблудного Босса, благодаря тому инциденту с ручкой. Но сейчас я захвачена в плен его взглядом.

Я чувствую его на себе, даже не поворачивая головы: обжигающий, скользящий, пронзающий. Когда поток сотрудников иссякает, я перевожу взгляд на стол. Босс не сдвинулся с места ни на миллиметр. Все те же нога на ногу и рука на губах. Его излюбленная поза, переосмысленный "мыслитель", блин.

Наши глаза встречаются в уже привычной нам борьбе. Неужели он все еще не понял, что я не сдамся первой?

— Мы же обсуждали с Вами дресс-код, — наконец, отмирает он.

— А нужно было, видимо, харассмент, — отрываюсь от стены, неспешно подхожу к столу и кладу на него руки, сгибаясь. — Александр Германович, Вам хочется разборок с отделом кадров?

Прямо перед лицом Босса оказывается моя грудь, скромно упакованная в плотную серую ткань.

— Мне хочется нагнуть тебя прямо на этом столе, Алиса.

Очередная хищная полуулыбка касается его губ. О, я даже не сомневаюсь, козел.

— Но мы оба знаем, что будет после этого, не так ли, Босс? — последнее слово удается передать с нужной интонацией, глаза мужчины напротив загораются предвкушением.

Он медленно встает из-за стола и огибает его. Я выпрямляюсь, чтобы не оказаться в невыигрышной позе перед ним. Я почти не дышу, наблюдая за его ленивой грацией. Александр Германович заходит мне за спину, кладет руку между лопаток и резко надавливает, заставляя меня вновь упереться руками в стол. Громкий хлопок моих ладоней о деревянную поверхность раздается на весь кабинет.

— Это будет слишком просто... — шепчет он, поглаживая мою изогнутую спину, прижимается пахом к бедру, и я чувствую степень его возбуждения. — А я не люблю, когда просто и быстро, ты ещё узнаешь это.

— Не думаю, что мы сработаемся, — впиваюсь пальцами в край столешницы, но не двигаюсь с места. Пусть он зайдет дальше. Он должен зайти дальше.

— Сработаемся, красотка, — мне режет слух это обращение, вызывая дрожь отвращения.

Его ладонь очерчивает изгиб моего бедра, мягко поглаживает выпуклость, опускается к кромке подола. Приподнимает его, нащупывая ленту чулок.

— Весь последний час я гадал, чулки ли это, — отрывисто выдыхает он.

Вторая рука заходит спереди и, хватая меня за подбородок, поворачивает лицо к себе.

— Может, трахнуть тебя сейчас и все. Спокойно работать дальше? Нам обоим станет гораздо легче.

— Если только Вам нравится насилие, — зло бросаю я.

Его руки моментально слетают с меня. Он делает шаг назад и ошарашенно округляет глаза. Я разворачиваюсь и с бесстрастным лицом поправляю платье, задранное на бедре.

— В какую игру ты играешь? — с прищуром говорит он. — Хочешь выставить меня насильником, когда сама только что прогибалась передо мной? — грубо говорит он.

— Я всего лишь говорю, что для того, чтобы трахнуть меня, как Вы соизволили выразиться, — язвительно бросаю я, смотря прямо в голубые омуты. — Вам придется меня заставить.

— Ха, — выпускает он жесткий смешок. — Вызов принят, дорогая.

Его глаза — грозовая туча, улыбка походит на оскал, а тело напряжено, словно готовится к прыжку. Он кладет руки в карманы брюк и быстрым шагом выходит из кабинета.

Ловушка захлопнулась, милый. Стадия два завершена. Удивительно, как быстро мне удалось достигнуть цели.

Я прохожу за свой стол и с минуту вглядываюсь в темный экран ноутбука. Лицо горит, сердце выбивает сумасшедший ритм, но я знаю, что ничего из этого не отражается внешне. Слишком долгая практика.

— Алиса, — возле моего рабочего стола материализуется Лена. — Слушай, по-дружески, — тихо говорит она. — У нашего начальника дурная слава. А он на тебя так смотрит. Не надо оно тебе, поверь.

Смотрю на эту смешную девчонку — мелкую, громкую и странную — и поражаюсь. Она ведь единственная, кто решился меня предупредить. Хотя мы с ней знакомы от силы пару часов. Неужели в этом змеином гнезде нашлось место вольной птичке?

— Спасибо, Лена, — улыбаюсь ей искренне впервые за последние дни. — Я все про него знаю.

— А, ну, хорошо. А то... не важно. Предупрежден, значит, вооружен, да?

— Несомненно.

И я вооружена до зубов.

Глава 12. Лея

Мой пресыщенный эндорфинами мозг рисует самые невероятные картинки: очередную розу на столе, самого Босса в дверях с широкой улыбкой на губах или даже, чем черт не шутит, страстный поцелуй на виду у всех.

Взлетаю по ступенькам огромного холдинга, словно в невесомости. Ничто не способно стереть блаженного выражения с моего лица: ни забитый под завязку лифт, ни сломанный кондей в отделе, ни очередная неподъемная стопка на столе.

Викот обмахивает самодельным веером из плотного листа А4 и бурчит себе под нос что-то про невыносимые условия труда. В отделе нас пока только трое — Камила Георгиевна, которая всегда приходит раньше всех, Вика, мечтающая заполучить повышение, и я — потому что так и не заснула сегодняшней ночью.

— И чего это ты так светишься? — подозрительно щурится подруга.

— Да ничего, просто настроение хорошее, — пожимаю плечами.

— Ага, а эта мерзкая счастливая улыбочка потому, что без пробок на метро добралась? — язвит Вика.

— Какая ты противная, когда потеешь, — подкалываю подругу.

— Это ты подожди, пока все придут и компы врубят, я не только противной стану, но ещё и агрессивной. Даже на людей могу начать кидаться. Мы с Сергеевым так и развелись — он все время закрывал чертову форточку, даже в плюс тридцать.

— А я думала, потому что он мудака редкостный был и бухал каждый день.

— Ну, и это тоже. Но форточка прям бесила!

Я смеюсь. В этом она вся — стакан сарказма и ложечка здравого смысла. Но подруга из нее хорошая.

— Так что, расскажешь о причине этого светящегося фейса? — обводит мое лицо наманикюренным ногтем и приподнимает бровь.

— Парень... мужчина.

Смущённо улыбаюсь. И не знаю, говорить ли Вике о том, кто этот мужчина. Не хочется хвастаться или услышать очередную колкость с ее стороны. С тех пор, как развелась, иначе, как козлами, она мужиков не называет.

— Ой, даже не рассказывай! — выставляет она ладонь вперед. — Я после твоего последнего не отошла. Опять про любовь с первого взгляда будешь заливать?

— Нет, я... нет, — врать я совсем не умею, пылающие щеки в мгновение ока меня выдают.

— Ну-ну.

Цокает Викот и отворачивается к экрану, судорожно обмахиваясь импровизированным веером. А я что, виновата, что у меня только так — либо с первого взгляда, либо никак?

Мы работаем в атмосфере, наполненной тяжкими вздохами, шуршанием бумажных вееров и клацаньем кнопок. К кулеру с водой девчонки бегают чаще, чем на перекур, а любое дуновение ветерка в едва приоткрытое окно вызывает шквал радостных стонов.

За пятнадцать минут до обеда в кабинете материализуется Руслан. В рубашке с коротким рукавом и простых джинсах он выглядит так, словно сошел с обложки модного журнала, а не варился полдня в душном кабинете. Может, у них там кондиционеры работают? Вот бы поменяться с ним местами!

Он уверенным шагом проходит к моему рабочему месту и садится на край стола.

— Привет! — радостно начинает он, привлекая внимание всех девчонок в кабинете к своей персоне. Вееры начинают шуршать активнее.

— Привет, — недоуменно смотрю на него. И что ему от меня нужно?

— Лея, снова без тебя не обойтись, — очаровательно улыбается он. А потом переводит взгляд на застывшую рядом со мной Вику и подмигивает ей.

— Снова некому на холодном заводе посидеть? — почти с надеждой спрашиваю я.

Помню, помню, что говорила о теплокровности, но уж лучше закутаться в чей-нибудь пиджак, чем плавиться в этом парнике. Кажется, мозг скоро начнёт вытекать из ушей.

— Ага. Только не на заводе, а в офисе. И не в холодном, а лишь слегка прохладном.

— Что от меня нужно?

— Помочь оформить пару полисов. Нс-ки. У нас бланки есть, просто девочка впервые их будет заполнять. Проконтролируешь процесс?

Улыбка Руслана такая лучезарная, такая доброжелательная и располагающая. И обед уже на носу. И перспектива прогуляться не на улицу в самое пекло, а на их прохладный этаж тоже заманчивая...

— Ладно, — киваю я. — Минут через десять подойду.

— Ты лучшая, Лея, — кончиком пальца он касается моего носа, вскакивает с места и удаляется.

Кабинет тут же заполняет навязчивый шепот девчонок, но лично у меня никто ничего не спрашивает.

— Скажи, что это не он, — тихо говорит Вика.

— Не-е-ет, ну, ты что! — фыркаю я.

— Ну слава богу, — резюмирует Викот.

И что бы это значило?

Шестнадцатый этаж совсем не отличается от нашего. Вот ни капельки здесь не прохладнее. Наглый врун! В обед рабочие места значительно опустели, конечно, что создаёт некоторое движение воздуха, но совсем, совсем не в той мере, которая требуется для адекватной работы мозга.

Стою, как дурочка, возле лифта, оглядываюсь, где же Руслан? Прошлый раз он меня здесь встретил, а сейчас попробуй, найди его в этом улье.

Пробираюсь между рядами, попутно оценивая рабочие места маркетологов. Есть какая-то фишка в том, что их столы разделены пластиковыми перегородками, создаётся ощущение мини-кабинета. Почти все "кабинки" украшены разноцветными распечатками с мотивационными цитатами, картинками, каким-то зарисовками. У многих на столах цветы и фоторамки. Очень уютно. И места полно, не то, что в нашем корпоративном.

— Эй, заблудилась? — неизвестно откуда вырастает Руслан со своей ослепительной улыбкой.

Я подпрыгиваю от неожиданности, разворачиваюсь и впечатываюсь лбом в одну из перегородок. Раздается громкий треск, и я считаю звездочки перед глазами. А я уж понадеялась, что сегодня обойдется без приключений.

— Ты в порядке? — Руслан тут же оказывается возле меня и захватывает лицо в ладони, поворачивая голову из стороны в сторону.

— Нормально, — хриплю я, вглядываясь в мужчину напротив.

Он выглядит искренне обеспокоенным, и меня это напрягает. Делаю шаг назад,

освобождаясь от его ладоней.

— Все нормально, правда, со мной такое не впервые. У меня крепкая голова!

Пытаюсь разрядить атмосферу этой глупой шуткой и расплываюсь в робкой улыбке.

— Так, кому тут надо помочь?

— А! Пойдем, — отвечает мне улыбкой Руслан.

Мы пробираемся между рядами к самой дальней стене. Да, самостоятельно я бы ни за что не нашла его в этом лабиринте.

— Присаживайся, — отодвигает он для меня кресло.

Я сажусь в глубокое кресло, и из меня вырывается громкий стон. С рабочего стола на меня дует мини-вентилятор. Обалдеть!

— Вот, — говорит Руслан, наблюдая за моим блаженным лицом, подставленным под струи холодного воздуха. — Тут она заполнила полисы, проверь, все правильно?

Он стучит по столу, привлекая мое внимание к разноцветным бумажками. Ах да, чуть не забыла. Кому-то нужна была помощь в оформлении договоров. Беру в руки полис и начинаю пробегаться по нему глазами.

— А где сама девочка? — спрашиваю, как бы, между прочим.

— Да на обед свалила. Оставила начальника разгребать за ней. А ведь премию она вряд ли со мной разделит, — смеется Руслан. — Так что там, нормально все?

Он касается моей руки. Ненавязчиво так, вроде бы случайно, но я снова чувствую себя не в своей тарелке.

— Можно стикер? — поднимаю на него взгляд. — И ручку.

— Конечно.

Руслан тянется через меня к столу, задевая торсом мое плечо, и выуживает из ящика все необходимое. Я наклоняюсь над столом и пишу на стикере правки, которые необходимо внести в договор. Все это время мужчина позади меня молчит, хотя я чувствую его пристальный взгляд на шее и плечах. Мне неудобно, и я хочу как можно скорее отсюда уйти.

— Все, — наконец произношу я. — Я написала, каких данных не хватает и где с датами неразбериха.

Вскакиваю с кресла, как только чувствую, что он снова наклоняется надо мной.

— У меня обед, так что... — делаю шаг назад, планируя ускориться в любую секунду.

— Слушай, у меня тоже обед, какое совпадение, да? — снова опирается бедром на стол, насмешливо глядя на меня.

Я усиленно делаю вид, что не поняла намека. Что ему от меня надо? Мы же вроде уже выяснили, что я не свободна?

— Я уже договорилась с девчонками, — киваю назад и слегка пчусь.

Руслан взъерошивает волосы и смотрит на меня, как на дурочку.

— Да я ничего такого и не имел в виду. Мы же можем просто дружить? Обычный дружеский обед.

Я смущаюсь своей глупости. Конечно, он не имел ничего такого! А я, видимо, возомнила себя мисс Вселенной, за которой увивается каждый красавчик на пути.

— Может, в следующий раз? Я правда уже договорилась, — пытаюсь спасти положение и не выставить себя еще большей дурой.

— Ага, — легко пожимает плечами Руслан. — Тебя вывести?

Вывести? А! Вывести отсюда!

— Да, буду благодарна. У вас тут настоящий лабиринт!

Он непринужденно смеется и кладет руку мне на поясницу, подталкивая в нужном направлении. Ну вот, снова противоречивые сигналы. Я вконец запуталась. Но одно могу сказать наверняка — от его ладони жар по телу не распространяется.

До самого вечера я работаю в ожидании чуда. Например, что Босс как-то даст о себе знать. Мне бы даже хватило мимолетного взгляда, приди он к Камилле Георгиевне. Но он не приходит. Я снова задерживаюсь на работе, надеясь на очередное случайное или напротив, совсем неслучайное столкновение. И ужасно расстраиваюсь, когда еду вниз в пустом лифте.

Вчерашний вечер же что-то значил? Я понимаю, он большой начальник, занятой и все дела, но я думала о нем каждую секунду этого дня, неужели у него не так?

Выхожу из офиса и жмурюсь от палящего солнца. Здесь ни грамма не лучше, чем внутри, никакого свежего ветерка или спасительной вечерней прохлады. От асфальта поднимается такой жар, что балетки мгновенно раскаляются. На стоянке перед офисом замечаю машину Босса, и мое сердце начинает радостно стучать, а ноги уже ведут к автомобилю, совершенно не посоветовавшись с разумом.

Его темная макушка торчит с другой стороны, он с кем-то разговаривает, но я смотрю только на него. Залитые солнечным светом, его волосы блестят и отсвечивают медью. Огромные солнечные очки скрывают прекрасные голубые глаза, но я хорошо помню их цвет. Пульс зашкаливает, когда я приближаюсь к нему.

— Ты знаешь, что будет завтра, Че, — говорит он собеседнику. — Так что можешь даже не рыпаться.

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу позади мужчин. Не знаю, насколько правильно будет вмешаться в разговор. Босс немного сдвигается, и я вижу второго собеседника — это Руслан. Отчего-то эти двое вместе повергают меня в шок. Понятное дело, что они знакомы, ведь работают в одной компании, но я никогда не сопоставляла этих мужчин в одном измерении. И то, что они общаются и явно хорошо знают друг друга, меня смущает.

Я морщусь, пытаюсь поймать за хвост разгоревшиеся во мне сомнения. Мой внутренний советник что-то нашептывает, но я никак не могу ухватить суть своих ощущений.

К тому же в этот момент оба мужчины разворачиваются ко мне. Босс хмурится, отчего на его идеальном лбу образуется в-образная складка, а Руслан напротив, расплывается в улыбке. Он огибает Александра Германовича и в два шага подходит ко мне.

— Лея! Как твой лоб? — спрашивает он, прикасаясь пальцами к моему виску. Я отшатываюсь от его навязчивого внимания.

— Нормально, — смотрю поверх него на Босса, пытаюсь передать телепатически, что нуждаюсь в его знаке, любом, даже малейшем, и я сяду к нему в машину. Но он явно не понимает.

Обходит свой автомобиль и коротко бросает: до завтра.

Мы с Русланом остаемся стоять вдвоем, смотря вслед удаляющейся машине. Я ничего не понимаю. Он делает вид, что не знает меня?

Глава 13. Лея

Холодный металл прожигает кожу, вызывая озноб во всем теле. Нет, это не металл, это слова, брошенные человеком напротив. Поверить не могу, что снова оказалась в такой нелепой ситуации. Один на один с этим неоднозначным человеком, запертой в четырех стенах.

Лея, ты побила все рекорды тупости.

Утро началось просто ужасно. После очередной бессонной ночи — такой, где ты то проваливаешься в собственные дурацкие мысли, то выныриваешь из них с ощущением, что и вовсе не спала — я опоздала на работу. Мчала на всех порах, но все на свете препятствовало моему появлению вовремя. Сначала ключи от квартиры отказывались находиться в недрах сумки — за разодранную подкладку завалились. Потом на полпути к метро балетки приказали долго жить — пришлось возвращаться домой и переодеть кеды. И как венец всего — ближайший вход в метро перекрыли ремонтными работами, пришлось мчаться до той, что через дорогу, а светофор отказывался подчиняться моей силе мысли и работать быстрее.

Вот и вышло, что добралась я до офиса с тридцатиминутным опозданием. А у лифта стоял один единственный человек, которого я и видеть-то особо не хотела. После вчерашнего игнора. Остановилась позади него, не привлекая к себе внимание, и зашла следом в кабинку, словно мы и не знакомы вовсе. Стала подальше, облокотилась на металлическую стенку и уперла взгляд в телефон. Он, конечно, не ловил здесь, но уже подгруженные новости в Яндексe прочесть давал.

И тут...

— Он подвез тебя вчера?

Ни слов приветствия, ни слов оправдания. Только сухо, безэмоционально, словно камень в мой огород.

— Ну, допустим, — подстраиваюсь под его ледяной тон, все еще не отрывая глаз от экрана.

— Так же как я позавчера? — скучающе режет он.

— Что??? — взрываюсь я. — По-вашему я из таких?!

Всё-таки поднимаю глаза и встречаюсь с холодным пронзительным взглядом. Он не отвечает на мой вопрос, но его лицо все говорит за него. Так вот, как он меня видит! Складываю руки на груди, пытаюсь отгородиться от ужасного чувства стыда. Хотя стыдно должно быть не мне, ощущение, что именно меня покрыли помоями. Отворачиваюсь к панели кнопок и закусываю губу, сдерживая дурацкие слезы обиды.

Быстрее бы добраться до своего этажа! Лифт ползет очень медленно, я мысленно отсчитываю этажи, пытаюсь сосредоточиться на этом, а не на обжигающем взгляде сзади. Но выходит так себе. Лифт дергается, останавливаясь, но двери не открываются. Лампы над головой пару раз мигают и выключаются.

Зашибись. Мы застряли.

Неожиданно пространство вокруг становится очень тесным. Удушающим. Я облокачиваюсь на стену позади и стараюсь ровно дышать, не поддаваясь панике. Мы же в многоэтажном холдинге, где все напичкано электроникой, с лифтом быстро разберутся!

Но гнетущая темнота и замкнутое пространство играют со мной злую шутку: я начинаю

задышаться. Никогда раньше не замечала за собой клаустрофобии или боязни темноты, но в сочетании друг с другом это ужасно нервирует!

Копошение слева напоминает мне, что в лифте я застряла не одна. Хватаюсь за эту мысль, как за соломинку, протягиваю руку и нащупываю надёжное плечо. Пространство вокруг наполняется тусклым светом телефона в руках Александра Германовича. Наши взгляды встречаются, а потом я оказываюсь прижата к его груди.

— Испугалась?

— Немного, — бодрюсь я.

Он смеётся мне в макушку, поглаживая тёплыми ладонями спину.

Я растворяюсь в своих ощущениях. Мы молчим очень долго, так долго, что и не замечаем, как наши губы встречаются, как ладони сжимают лица друг друга, как смешивается дыхание, и ускоряется пульс. Я такая глупая. Снова попадаю в его ловушку, снова подчиняюсь сердцу, которое грозит выскочить и остаться рядом с этим человеком навсегда.

Отстраняюсь от него и отхожу к противоположной стене лифта. Дыхание сбивается под напором эмоций. Но поддаться сейчас, значит, не уважать себя. Бросаю сумку на пол и сажусь поверх нее, прижимаясь спиной к холодному металлу. Я смотрю на Босса — долго и пронзительно, — снизу вверх. Ищу ответы в его глазах.

— Просто спроси, — говорит он отчужденно. На меня не смотрит, его взгляд блуждает поверх моей головы, руки в карманах, ноги скрещены.

— Я не знаю, что спрашивать, — делаю небольшую паузу. — У Вас было тяжёлое детство?

— Что? — из него вырывается смешок.

— Ваше настроение и поведение меняется со скоростью света, я не успеваю за ним. Вот я и думаю, может, у Вас и собственная красная комната имеется? И грустная история из детства, такая, что слезу давит?

— Я вообще ничего сейчас не понял.

Александр Германович снимает пиджак, бросает его на пол в противоположном углу от меня и садится со мной на один уровень. Впервые вижу его таким... таким не собранным, не одетым с иголочки, в расслабленной позе. Он вытягивает одну ногу, и она почти соприкасается с моей, а вторую сгибает в колене.

— Так что за красная комната?

— Ну, такая, для извращённых предпочтений. Вы "Пятьдесят оттенков серого" не смотрели?

— Нет, — снова смеётся он. — И я не извращенец, уж поверь.

— Ага.

Я киваю и устремляю взгляд на собственные колени. Надо сказать, что выглядит он как раз как классический извращенец. Иначе, что такому, как он, могло понравиться в такой, как я? Размахиваю белым носком кеда из стороны в сторону и случайно задеваю ногу Босса.

— Я бы хотела знать правила этой игры, — спустя какое-то время произношу я.

Прижимаю подбородок к коленям и смотрю на мужчину напротив. Он выглядит странно: челюсть напряжена, на лбу залегла в-образная складка, руки сжаты в кулаки. Что такого я спросила?

— Я имею в виду, — пытаюсь объяснить. — Как я должна себя вести? Мы скрываем ото всех, что что-то есть? Или ничего и нет, а я не понимаю?

Александр Германович проводит пальцами по лбу, словно разглаживая ту самую складку, и поджимает губы.

— Я пока не решил, — наконец выдает он.

Теперь настала моя очередь напрягаться. Что это за "пока не решил"? Что это вообще значит? И как себя теперь вести с ним? Ждать, пока он соблаговолит снизойти до меня и одарить своим вниманием? Кротко принимать то, как он будет делать вид, что меня не существует при других людях?

Холодный металл прожигает кожу, вызывая озноб во всем теле. Нет, это не металл, это слова, брошенные человеком напротив. Поверить не могу, что снова оказалась в такой нелепой ситуации. Один на один с этим неоднозначным человеком, запертой в четырех стенах.

— Лея, — зовёт он меня своим дико сексуальным голосом, призывая поднять глаза. — Наверное, тебе не стоит на что-то надеяться.

Как ножом в сердце, честное слово. Словно лезвие вошло по самую рукоять, а потом его провернули с садисткой медлительностью. Вот оно как, значит. Мне не стоит даже надеяться... А я ведь знала, ну, знала же. Так чего тогда собралась хныкать?

— А знаете, — улыбаюсь я, отгоняя непрошеные слезы. — Ту, знаменитую фразу "Люк, я твой отец", из Звездных войн, в оригинале произносят не так. Там звучит: "Нет. Я твой отец". Но, как и всегда происходит с киноцитатами, ее видоизменили фанаты для красного словца. Вот так же и с вашим: тебе не стоит на что-то надеяться. В финале этой истории я буду вспоминать такую версию: тебе не на что надеяться. Всего одно слово, но так меняет смысл, правда?

Губ мужчины напротив касается лёгкая улыбка. Мы смотрим в глаза друг другу несколько секунд, он приоткрывает рот, видимо, собираясь что-то сказать, но тут включается свет. Лифт дёргается и начинает движение вверх. Я поднимаюсь с пола, беру свою сумку и готовлюсь навсегда оставить этого мужчину позади.

Лифт снова дёргается, останавливаясь на моем этаже, и двери начинают разъезжаться.

— Прощайте, Александр Германович, — говорю, не поворачивая головы, и выхожу.

И я действительно прощаюсь.

Хорошо. Пару дней были не очень. От слова совсем. Сказалась моя тяга к самобичеванию, умение заикливаться на негативных эмоциях и, конечно, любимое — жалость к себе. Но когда в ближайшем магазинчике кончились шоколадные батончики, а глаза устали от бесконечного мелькания световых мечей на экране, я взяла себя в руки.

Честно.

Сейчас я в порядке. Да все просто супер! Мы едем за город, всем большим коллективом, на огромных автобусах, весело горланя походные песни. Впереди нас ждет какая-то крутая турбаза, спортивные соревнования, командообразующие мероприятия и фуршет. Да-да, слово в слово из розданной нам памятки. И я совсем не думаю о Биг Боссе. Честно-честно.

Солнце нещадно жарит с самого утра, но в густом полесье стоит приятная прохлада. Мы выгружаемся огромной толпой, и нас сразу распределяют по группам. Я предварительно записалась в команду по волейболу — сто лет в руках мяч не держала, а ведь в школе даже на любительские соревнования ездила. Еще в команду по перемещению в веревочном парке — программу, словно под меня создавали, обожаю все эти препятствия! А вот между бассейном и пейнтболом пришлось выбирать — они в одно время запланированы.

Девчонки нюют, что лучше бы на шашлыки пошли, а не потеть тут при всей компании. Я молчу, мысленно закатывая глаза. Они и нарядились не как в лес, а словно на модный показ: босоножки на высокой платформе, лёгкие платица, макияж, укладка, все дела. И гордо заявили, что они на сегодня — группа поддержки, не больше. Одна я из нашего отдела в спортивных шортах и кроссах приперлась. Стою, разминаюсь в сторонке. Не хватало только мышцу потянуть с непривычки.

Организаторы из отдела обучения выкрикивают мероприятия и собирают толпу возле себя. Всем раздаются бейджи, футболки с логотипом компании и направления, куда им идти. Первый на очереди волейбол. Иду по выданной карте, прохожу пока пустующий верёвочный парк, огибаю небольшие деревянные домики и попадаю на широкую поляну усыпанную песком. Одна часть ее отдана под волейбольную площадку, вторая — под футбольное поле. И там и там уже толпится народ в фирменных футболках.

Большинство из лиц здесь мне не знакомы. Кто-то мелькал в лифте, кто-то сидит с нами на этаже, но кого, как зовут, я понятия не имею. Цепляю бейдж со своим именем и присоединяюсь к толпе. Организовано все по высшему разряду. Специальный человек быстро распределяет нас на команды и выдает цветные банданы. Счёт ведём до двадцати одного очка. Из-за песка под ногами получается такой замес классического волейбола и пляжного. В кроссовках играть категорически неудобно, поэтому все снимают обувь и урчат от удовольствия, потому что песок уже приятно прогрелся и создает ощущение настоящего пляжа.

Соревнование выходит нешуточное, видно, многие занимались волейболом в прошлом и без зазрения совести мочат противника мощными подачами. Я катаюсь по площадке, отбивая коварные пасы, не жалея конечностей и одежды. Адреналин от игры разжигает во мне дух соперничества. Я вся вспотела и облеплена песком, но широкая улыбка не сходит с моего лица вплоть до финального броска. Подаёт Лиля из делопроизводства — выше меня на пол головы, и явно имеющая за спиной разряд КМС по этому виду спорта, не меньше. Присутствующие замирают, наблюдая, как она делает верхнюю подачу, как мяч летит

ровной дугой и красиво приземляется прямо между двумя игроками из команды соперников.

Мы разражаемся громким воплем победы и кидаемся обниматься. Еще двадцать минут назад совершенно незнакомые люди — теперь почти лучшие друзья. Я вытряхиваю из волос песок, горестно осознавая, что теперь их оттуда и ударной дозой шампуня не выгнать, но все равно радостно скачу по площадке, раздавая пятерки направо и налево.

Мы отправляемся в теник, отдохнуть после партии, уступая место новым командам. Я вся горю после физической нагрузки, обмахиваюсь выданной банданой и жадно присасываюсь к бутылке воды, заботливо врученной девочкой из обучения. Снимаю плотную фирменную футболку и остаюсь в спортивном топе. С наслаждением вытягиваю босые ноги на траве, и смотрю за разворачивающейся игрой других команд. Кто-то из них станет нашим соперником в финальном раунде.

Неожиданно со стороны футбольного поля раздаются звонкие выкрики. Оборачиваюсь на звук и вижу, как команда поддержки в составе практически всего корпоративного отдела радостно визжит и хлопает. Очевидно, игроки на поле забили гол. Пробираюсь к девчонкам поближе, конечно же, интереснее наблюдать за двадцатью двумя крепкими парнями, гонящими мяч, чем за волейбольными перепетиями. И застываю, не дойдя до них пары метров.

Мой натренированный взгляд сразу выцепляет из толпы высокого, идеально сложенного брюнета. Он двигается отточено, выверено, уверенно. В простой футболке ярко-красного цвета и спортивных шортах ниже колен он выглядит ничуть не хуже, чем в дорогом костюме. Черт, он заметил, как я на него пялюсь.

Резко разворачиваюсь и возвращаюсь к своей команде. Сажусь на успокаивающую травку и приклеиваю взгляд к волейбольному мячу, порхающему над сеткой. Лицо горит адским пламенем, словно на меня смотрят, но я не поворачиваю головы, чтобы проверить.

Блин, я искренне надеялась, что боссы такого уровня не появляются на глупых тимбилдингах. И тем более, не носятся по полю с остальными сотрудниками. Но я справлюсь. Справлюсь же, да? Подумаешь, меня отшили, буду делать вид, что вообще ничего не было. Типа, я такая вся из себя гордая и меня это совсем не ранило.

— Лея, привет! — звучит бодрое сверху.

Я задираю голову и прищуриваюсь от палящего солнца. В ореоле света стоит Руслан, который, похоже, все не сдаётся. Даже после того, как я на днях вежливо отказалась от его предложения подвезти. Вот, кто точно не скажет мне, что надеяться не на что! Но кто совсем не отзывается томлением в груди. Жизнь та ещё бессердечная сучка.

— Привет, — стараюсь искренне улыбнуться ему, он же не виноват, что мне не нравится.

Он присаживается рядом со мной, скрещивая длинные ноги. На нем точно такие же шорты, как и на Боссе, плюс кроссовки и футболка с пятнами пота. Явно только что с поля.

— Можно? — он тянется к моей бутылке с водой.

— Ага.

Он делает несколько жадных глотков, опустошая ёмкость и протяжно стонет.

— Какой кайф... А наши фанатки не припасли для нас воды, представляешь? — смеётся он и кивает на девчонок с моего отдела.

— Как сыграли?

— Выиграли, — расплывается он в еще более радостной улыбке. — В сухую! Ты болела за нас?

— Нет, я... вроде как тоже играла, — киваю на площадку для волейбола.

Руслан словно только что заметил, во что я одета. Он смотрит на мои босые ноги, облепленные песком, и медленно скользит взглядом вверх, ненадолго останавливаясь на границе шорт, а потом на голом животе. Мне тут же хочется снова натянуть огромную корпоративную футболку, чтобы спрятаться под ней.

— У тебя песок в волосах, — возвращает взгляд моим глазам.

— Ага, знатно повалялась, — пытаюсь шуткой разрядить атмосферу. — Мне, кстати, пора. Сейчас будем биться за первое место.

Я встаю и быстро натягиваю красную футболку, закрывая тело до самого края шорт. Как вовремя объявили второй раунд.

— Не против, если я за тебя поболею?

Руслан ставит ладонь козырьком, укрываясь от света, и смотря на меня снизу вверх.

— Да без проблем, — пожимаю плечами.

Мне даже льстит, если честно. За меня парни ещё никогда не болели. И с лёгкой улыбкой на губах я направляюсь в эпицентр уже собирающейся команды. Соперники с синими банданами сильны, даже очень. Но видно, что уже устали. Мы же, отдохнувшие несколько минут, сразу открываем счёт. Я ловлю несколько хитрых подач у самой сетки и отбиваю их соперникам в аут. Но в какой-то момент моя щека начинает неистово пылать, словно по ней уже прошлись мячом.

Поворачиваю голову в направлении Руслана и вижу, что он там не один. Над ним возвышается Босс. Он стоит, отпивает из бутылки воду и не сводит глаз с меня. Я отвлекаюсь на крик одной из девочек и отбиваю очередную передачу. Когда мой взгляд снова возвращается к болельщикам, Босс что-то безэмоционально выговаривает Руслану. Тот же в свою сторону лишь ухмыляется, даже не поднимая головы. Босс машет рукой и уходит. А я получаю тяжёлым мячом прямо в голову.

Удар такой силы, что на несколько секунд перед глазами все темнеет. Открываю глаза, а передо мной голубое небо и несколько склоненных лиц.

Опять опозорилась. Молодец, Лея, в своем репертуаре.

Раз, два, три, четыре, пять вышел разум погулять. Голова кружится, это долго не продлится. О! Кажется, у меня открылся поэтический талант. Может, надо почаще позволять моей голове страдать, глядишь, гением стану, начну теоремы доказывать там, или разгадаю, наконец, кроссворд из папиной газеты.

Хотя, мечтать не вредно. Пока что все, что я заработала такими вот ударами — шишки и головокружения. И не сказать, что это впервые. К сожалению, мой опыт лицо-мяч настолько обширен, что я могла бы уже книгу написать о том, куда больше всего получать — в нос, чтоб вы знали, — а куда лучше не получать вообще — по затылку, так, для сведения. А ещё разновидности ушибов и как траектория мяча влияет на угол падения тела. Ну, и по мелочи еще, страниц на сто.

Принимаю вертикальное положение и ощупываю покалывающую щеку — вроде норм, лёгкое онемение. Может, даже не придется пользоваться тональником всю следующую неделю. Со всех сторон доносится классическое: ты как, что с тобой, встать можешь?

Я глупо улыбаюсь и поднимаюсь на ноги. Отряхиваю песок и уверяю, что все нормально. Голова, конечно, трещит, но даже звона в ушах нет! А это прогресс, вообще.

Кидаю взгляд на мужчин, которые и стали причиной моего глупого падения, но там уже никого нет. Странно, я видела, как уходит Босс, но куда делся Руслан?

Игра возобновляется в прежнем режиме, и я отвлекаюсь на очередные мощные подачи противников. Мы слаженно отбиваем пасы, грамотно распределяем нагрузку, но все равно проигрываем со счетом 19:21. Надо признать, что эти ребята просто монстры!

С поля мы не уходим, мы ковыляем. Я несколько раз хорошенько приложилась коленями в погоне за коварным мячом, а один раз даже проехала по песку бедром, отбивая подачу у самой земли. Гематом не избежать, как пить дать, и не видать мне юбок ближайшее время. Но настроение все равно хорошее. Такой выход негативным эмоциям!

Нашей сплоченной группой мы идём к домикам, в которых приготовлен легкий фуршет. Там уже полно народа, все толпятся у столов, хватая нарезанные арбузы, дыни и все, до чего дотянется рука. Я в тайне боюсь встретить здесь кого-то из странной коалиции — Руслана или Александра Германовича. Но их здесь нет.

Невольно начинаю задумываться, что связывает этих двоих. Они совсем не похожи. Вечно на позитиве Руслан никак не соотносится со степенным Боссом. У них разные должности и темперамент, даже разные этажи. Не странно ли то, что оба в той или иной степени заинтересовались мной? Да нет, глупости, конечно. Стечение обстоятельств, не больше. Да и Босс наверняка сказал Руслану, что не имеет на меня видов — зелёный свет, дружище. Не зря же "руководитель беспредела" так ухмылялся. Но где он тогда сейчас?

Через полчаса стартует соревнование по преодолению препятствий в веревочном парке. И хотя я ранена, и слегка обессилена после схватки с мячом, пропустить такое не в силах! И почему я сто лет, как не выбиралась на скалодром? Ах да, это же было, по типу, наше с Пашей место. После расставания не очень хотелось возвращаться туда одной.

На меня цепляют снаряжение, выдают шлем и перчатки и инструктируют о трассе. Две небольшие группки стартуют одновременно, но только одна из нас доберется до финиша первой. Я радостно переминаюсь с ноги на ногу, предвкушая азарт, когда сзади раздастся:

— А ты спортивная девчонка...

От низкого спокойного голоса моя кожа покрывается мурашками. Снова. Какого черта, тело? Ты почему меня предаешь?!

Становлюсь вполоборота, искоса поглядывая на то, как Босс натягивает спортивные перчатки. Просовывает пальцы в жёсткую ткань, фиксирует напульсник, разминает пальцы друг о друга. Боже, даже это он делает дико сексуально.

Отворачиваюсь от него и осматриваю трассу. С места, где мы стоим, видна только небольшая часть с классическим канатом и отвесными панелями. А путь явно не для новичков!

— Так мы что же, теперь и не разговариваем? — снова напоминает о себе мужчина позади. — Знаешь, так в команде не работают.

Он наклоняется близко-близко, шепчет почти мне на ухо, и я снова покрываюсь гусиной кожей. Блинский ты блин! Ну, почему он в моей группе?

— Я не ответила, потому что это был не вопрос, а утверждение. А в команде я умею работать, если бы остались посмотреть на волейбол, могли в этом убедиться.

Я стараюсь говорить непринужденно, но почему-то выходит обиженно и пискливо. Даже тут выставила себя идиоткой. Bravo, Лея. Закатываю глаза, понимая, что стою к мужчине спиной и он этого не видит, и снова закусываю губу. У меня скоро и тут гематома образуется от бесконечного пожевывания.

— Ну, теперь я тут и готов посмотреть на это, — просто отзывается Босс.

Почему же от его слов по спине проходит жар? Что за беспредел, организм? Что за своеволие?

Предсказуемо нашим командиром становится Александр Германович, он встаёт в начале нашей процессии из пяти человек, затем ставит меня, а после ещё двух человек, завершает нашу цепочку парень из аналитического. В таком порядке мы вступаем на трассу. Высота здесь не хилая, будь я чуть менее закаленной, уже валялась бы на страховочной сетке внизу.

Первым препятствием становится мостик из двойного каната — под ногами и перед лицом. Босс прокладывает путь, показывая, как следует переставлять ноги и держаться за веревку перед глазами, чтобы не потерять равновесие. После нас ждёт вертикальная сетка, троллейный перелет и "Спираль" на высоте восьми метров: подвесные кочки и воздушная тележка.

Босс, как и прежде, выступает первым, перепрыгивая на несколько кочек вперёд, и ждёт нас. Ага, ему хорошо, вон, какие ноги, словно созданы для прыжков. У меня, конечно, тоже ноги, но они вечно меня не слушаются. Вот и сейчас, стоит перелететь на одну из установленных платформ, как кроссовки начинают скользить, и я едва не оказываюсь подвешенной на своем креплении. Но твердые руки начальника каким-то неведомым образом дотягиваются до меня и хватают за футболку. Ткань натягивается и трещит, но я застываю на месте, лоя равновесие.

Так вот, зачем он меня поставил второй, знал, что придется спасать. Неуклюжая смешная девчонка с вечно потными ладошками. Конечно, придется. Я благодарно киваю ему и сосредотачиваюсь на задаче: не упасть в грязь лицом, то есть на сетку тушкой.

Мы неспешно преодолеваем последнее препятствие и останавливаемся на краю обрыва. Вот и финал — спуск по трапеции. А у меня потные ладошки... Смотрю на Босса, как бы безмолвно крича: хелп ми, я не справлюсь!

Он понимает без слов. Ставит меня перед собой, цепляет свой карабин за трос и отдает

команду остальным: спускаться по одному. Затем цепляет и мой карабин тоже, притягивает меня к себе и хватается за трапецию сильными руками.

— Обхвати меня, — четкое указание, без грамма флирта. Я цепляюсь руками за трапецию, а ногами за торс мужчины, и мы делаем шаг в бездну. Хорошо, что я этого не вижу, не уверена, что смогла бы сделать этот прыжок.

Руки мгновенно начинают соскальзывать, но благодаря тому, что я крепко прижалась к Боссу, все еще держусь. Мы летим несколько потрясающих секунд: под ногами мелькает поле, на котором мы недавно играли в волейбол, а потом и лес. Мы влетаем в него, стремительно теряя высоту, по бокам раскинулись густые ветки, и я не вижу, что там впереди, какой будет остановка. Перед глазами — голубые озера и полуулыбка на безупречных губах.

Мое сердце выбивает дробь — я не понимаю, это марш Мендельсона или похоронный пульсирует в венах, но точно могу сказать, что я снова попала. Воспоминания о тех минутах в его машине накрывают с головой, окатывают жаром, и я вспыхиваю, как спичка.

Александр Германович смотрит за мою спину и говорит:

— Отпускай.

Я доверяюсь ему без слов. Разжимаю руки одновременно с ним, и мы пускаемся в короткое свободное падение. Все еще соединенные там, где я обхватила его ногами, встречаемся с жёсткой сеткой, отскакиваем от нее, переворачиваемся несколько раз и останавливаемся в весьма двусмысленной позе: я на спине, он надо мной.

Я ловлю себя на дикой мысли: хочу остаться вот так. Хочу почувствовать вес его тела. Хочу его.

Но Александр Германович не дает мне шанса размяться как следует. Он скатывается с меня к краю сетки и тянет за собой. Мы оказываемся на земле, мои ноги слегка подрагивают от переизбытка эмоций, и я хватаюсь за надежное плечо рядом. Удивительные ощущения.

— Так что, мы проиграли? — спрашиваю тихо.

— Ага, вдвоем мы бы не успели затормозить, видишь, там очень маленькая площадка для торможения, а с нашим весом разгон получился сильный. Я бы впечатал тебя спиной в дерево.

Он показывает на небольшую деревянную площадку над нашими головами. Я в очередной раз поражаюсь этому человеку. И как он сумел все это предусмотреть?

— Ну, сама бы я осталась висеть ещё где-нибудь посередине, а с моей удачей, еще и пропахала бы носом все поле под нами, — смеюсь я.

— Это уж точно, — насмешливо поддерживает Босс. — Ладно, пошли.

Он кивает на ребят, которые начинают потихоньку приземляться наверху.

— Не все же мне выигрывать... — тихо добавляет он.

Пока остальные члены нашей группы спускаются с площадки, я подмечаю, что другая команда вообще ещё не добралась. И когда до финиша прибывает не полный состав, а ополовиненный, победа всё-таки достается нам. Обрато к базе команды доставляют на карах для гольфа. Я впервые вижу такое диковинное средство для передвижения в живую и горю желанием проехаться в нем по полю. Но горячий шепот мне на ухо останавливает коротким:

— Прогуляемся?

Я просто смотрю себе под ноги. Руки в карманах шорт, плечи сведены. Мы идем очень медленно. Очень-очень медленно. И молчим.

До спортивного поля, оказывается, довольно далеко. Понятно, зачем нужны были кары. Вокруг нас только деревья, деревья, деревья и чирикание птиц. Вообще, если оторвать взгляд от земли и направить его вверх, картинка станет куда привлекательнее. Например, можно увидеть, как красиво лучи солнца пробиваются сквозь просветы густой листвы, как свет играет с красной корой сосен и раскидистыми ветвями кленов. Смешанные леса просто чудо природы.

Под ногами хрустят редкие шишки, а совсем рядом я чувствую запах орешника. С ума сойти! Останавливаюсь на секунду под длиннющей сосной и вскидываю голову. Клянусь, я только что видела здесь белку!

Приподнимаюсь на мысочках, словно это поможет разглядеть проказницу и вглядываюсь в густые ветки. Ну, давай, малышка, покажи свой пушистый хвостик. Я обожаю белок. В детстве мы с папой постоянно ходили в парк и кормили их с рук. Потом обязательно катались на каруселях и ели огромную сахарную вату. Это была наша летняя дошкольная традиция. А потом карусели из парка Горького убрали, а я повзрослела и имеем то, что имеем: острая белочная недостаточность в организме.

Расплываюсь в улыбке от шутки, которую придумала. Надо написать отцу, он оценит! Шарю по карманам и вспоминаю, что все вещи мы оставили в камерах хранения на базе.

Неожиданно над моей головой слышится шелест, ближайший сук дерева трясётся, и на мгновение показывается серо-рыжая мордочка. Я пишу от восторга. Вот бы зафоткать!

— Ты странная, — раздается сбоку.

Перевожу взгляд туда и вижу Босса в расслабленной позе: он опирается о дерево спиной, руки скрещены на груди, ноги в лодыжках. Смотрит на меня, чуть прикрыв глаза и задрав голову, рассматривает, как диковинную зверушку. И, кажется, это не впервой.

— Что есть, то есть, — просто соглашаюсь я.

— И даже не спросишь почему? — удивляется шикарный мужчина.

— Уж поверьте, я слышу такое не первый раз. Но это неплохо, мне нравится знать, что я чем-то отличаюсь от остальных, пусть и далеко не всем нравлюсь. Как там говорят, на вкус и цвет...

Делаю несколько шагов в сторону большого кустарника и срываю еще зеленый лесной орех. Возвращаюсь к сосне и укладываю орешки под стволом. Медленно пячусь назад и останавливаюсь возле Босса.

— Что?...

— Тшщ, — останавливаю его, прикладывая палец к своим губам. — Смотрите.

Мы стоим недвижимые в полном молчании несколько минут, не сводя взгляда с сосны. Наконец, показывается пушистое чудо. Она ловко спускается по стволу и обнюхивает разложенные мной лакомства. Затем берет их двумя лапками, сгребая сразу всю небольшую кучку, и убегает наверх. Наверное, там ее дупло с припасами.

Я радостно колочу ладонью близко стоящего мужчину по плечу.

— Видели, видели? Какая красotka.

— Белка? — удивляется он.

— Ага, — я все еще завороченно вглядываюсь в кустистые ветви, мечтая разглядеть там мохнатую очаровашку. — Они обожают орехи. Вон там орешник, видите? — показываю я пальцем. — Она снизу все снимала, а до верха ей не добраться. Прыгает она только на полтора метра от земли, а если прыгнет сверху, просто упадет мимо, ветки-то тоненькие, не ухватиться за них. А как почувствовала запах своих любимых орехов — сразу со ствола спустилась. Такая кла-а-асная.

Тихий смешок рядом оторвал меня от созерцания красоты. Что?

— Значит, белки, да? Плюс успехи в спорте. Что еще спрятано в этой девчонке?

Он говорит это так, словно ему и впрямь интересно, и я даже не пытаюсь сдержать свой язык.

— Я много чем увлекаюсь. Например, кубик Рубика могу собрать. Не за минуту, конечно, но за парочку вполне справляюсь! — гордо декларирую я.

Улыбка Босса становится шире.

— Еще шахматы, шашки, домино! Я росла с отцом, так что... вынуждена была стать его спарринг-партнером. Ну, про "Звёздные войны", наверное, и рассказывать не стоит, все и так понятно.

Развожу руки в стороны.

— Почему же, очень интересно. И что со "Звездными войнами"?

— Ну, имя мое... ясно же, как день, где собака зарыта.

— Мне — нет.

— Лея... золотой купальник... Звёздные войны! — смотрю на него в упор. Что непонятного-то?

— Так, я тебя сейчас остановлю. Я не смотрел эти фильмы. И все, что ты сейчас говоришь — просто набор слов для меня.

Я не смотрю на него, я плююсь! Как это не смотрел? Такие люди вообще существуют? Разве он не играл в детстве с метлой, изображая звук светового меча, не хрипел в кастрюлю, как Дарт Вейдер, не отстреливал повстанцев — друзей во дворе? Или это я одна такая?

— Ты смотришь так, словно я сказал, что родился с тремя ногами, — вырывает меня из дум Биг Босс.

— Да я бы меньше удивилась, честное слово! Как так вышло?

— Ну, я довольно занятой человек, а тема космоса не из любимых, так что...

Он снова насмешливо пожимает плечами, все еще опираясь о дерево позади. Я разворачиваюсь к нему корпусом и эмоционально говорю:

— Да это же классика! Это же целый культурный пласт! Миллионы людей выросли и сформировали свое понятие добра и зла на этих фильмах!

— Я вижу...

— Так, мои слова о Люке Вы даже не поняли? — наконец доходит до меня. А я была так горда своей умелой аллегорией!

— Ну, мне пришлось воспользоваться Гуглом после нашего разговора, должен признать.

Его взгляд с насмешливого переходит в разряд изучающего. Он вглядывается в мои глаза, выискивает в них что-то, и мне, вдруг, становится не по себе. Неожиданно, пространство между нами кажется слишком ничтожным, воздух слишком раскаленным, а разговор чересчур интимным. Хотя мы же о Звездных войнах, какое там интимное, да?

— Вам надо посмотреть эти фильмы, — заключаю я и делаю шаг назад.

— Составишь мне компанию?

— Я... нет, конечно, нет. Что за странное предложение?

— Ничего такого, просто просмотр фильма.

— Это как "просто кофе", да?

— Не хочешь?

— Не понимаю, что происходит! — взрываюсь я и начинаю размахивать руками. — То мы с Вами словно не знакомы, то "кофе". То мне "не светит", то фильмы посмотреть... У Вас, может, есть брат-близнец? Или раздвоение личности?

Босс смотрит на меня, как на дурочку.

— Что? Я отрабатываю версии! Потому что вконец запуталась. Может, это мужская версия ПМС? Я то попадаю на затишье, то на рецидив?

Александр Германович запрокидывает голову и громко смеется. Запускает обе руки себе в волосы и взъерошивает их сзади. Затем хватает меня за руку и тянет к себе.

— В тебе сочетается диаметрально противоположное: непосредственность ребенка и дикая сексуальность.

Он произносит эти слова просто и легко, но в миллиметрах от моего лица, и я вся покрываюсь румянцем. Почему сердце провалилось в желудок и стучится в животе?

— И, кажется, пора проконсультироваться со специалистом, раз мне это нравится.

Его губ касается сексуальная ухмылка, и я чувствую жар, приливающий к низу живота. Что тут можно сказать?

— Похоже, не достаточно, раз мне не на что надеяться...

Я не упускаю шанса поддеть Босса. Хотя чувствую себя растаявшим на солнце мороженым от его близости и хриплого голоса.

— Я передумал.

Он снова впивается в мои губы. Почему-то это становится для меня неожиданностью. Я отскакиваю от него, как ошпаренная, и тут же спотыкаюсь о кочку позади. Больно приземляюсь копчиком на землю, и твердая шишка врезается мне в ягодицу, отчего я тихо шиплю.

Александр Германович присаживается напротив меня на корточки и заглядывает в глаза. Затем его взгляд опускается ниже и останавливается на моих красных коленках. Почему-то их вид вызывает у него очередную ухмылку.

— Где ты успела? — обводит покрасневшую кожу пальцем.

— На волейболе.

— Ах да, ты отлично брала пасы. Раньше занималась?

— Вы видели? — приглушенно спрашиваю я, потому что была уверена, он не провел рядом с полем и минуты.

— Завтра здесь будут синяки, — игнорирует он мой вопрос, как и я его.

Я выдыхаю — медленно и рвано. Его кожа жжется сильнее, чем ушибы.

— Это еще что, какой синяк будет здесь, — преувеличено-радостно произношу я, приподнимая шорты на бедре. — Так проехала по песку...

Взгляд Босса скользит по ноге, а вслед за ним и его пальцы. Касаются мягко, едва-едва, но все равно обжигают. Он останавливается недалеко от ссадины и проводит подушечкой пальца вокруг нее тоже.

— Ты сплошное несчастье, Лея, — выдыхает он и поднимает взгляд.

Голубые глаза смотрят в самую душу, тянутся к сердцу, проходятся разрядом в двести двадцать по венам. "Ты же обещала себе, Лея, обещала" — проносится в голове, а мои руки

уже блуждают в каштановой шевелюре. "Тебе не стоит на что-то надеяться" — материализуется на кончиках губ.

Но я всё равно прыгаю в этот омут с головой. Прикасаюсь к мягкому рту, прижимаюсь к мужскому телу, издаю стон прямо ему в губы.

Я снова проиграла самой себе.

Никогда такого не творила. Чтоб голову отключить и только чувствовать: руки, губы, жар.

Шишки.

Если бы не они, я, наверное, уже уплыла бы в мир своих грез и помахала белым флагом разуму окончательно. Но колючие бугорки, впивающиеся в мягкие ткани, напоминают: я сижу на жесткой земле и позволяю мужчине творить со мной сумасшедшие вещи.

Александр крепко сжимает меня в объятиях, его ноги по обе стороны от меня, держат, словно в капкане, а руки путешествуют по спине и волосам. Губы... это отдельная статья на сегодняшнем заседании. Мягкие, жгучие, невозможно сладкие они оставляют следы сначала на моих собственных губах, а потом на лице и, наконец, клеймят шею. Я никогда не думала, что одни только поцелуи способны довести до такого невыносимого удовольствия. До грани бессознательного.

Жесткие ладони перемещаются на мою грудь, сжимают ее аккуратно поверх плотной ткани. Затем сползают вниз к краю футболки и забираются под нее. Кожу опалает от первых прикосновений. Я издаю тихий стон, не в силах поглотить его. Босс притягивает меня ближе, а потом и вовсе усаживает себе на колени. Я тут же ощущаю выпуклость в его штанах, и это ужасно возбуждает.

Его движения становятся смелее, ладони пробираются под шорты, сжимая ягодицы, язык вторгается в рот — властно и настойчиво. А я трюсь о него сильнее, желая немного снять напряжение, или напротив, разжечь посильнее.

Наше дыхание напоминает рваные хрипы, я чувствую влажность у себя между ног, а затем и пальцы там, где их быть не должно. Отскакиваю от мужчины, резко выпрямляюсь у него на коленях. И смотрю огромными круглыми глазами в его голубые омуты. Уже который раз позволяю ему то, что никому ранее. И это беспокоит меня. То, как он способен отключать мой мозг парой прикосновений, то, как распутно я веду себя под его чарами.

— Я знаю, знаю, — он мягко поглаживает пальцами мою щеку. Теми самыми, что секунду назад были у меня в трусах. — Не лучшее место. Но с тобой так трудно остановиться.

Его голос больше похож на хрип. Взгляд с поволокой вызывает дикое томление внизу. Он скользит им по моей коже вниз вместе с ладонями. Приподнимает футболку и осматривает кожу живота. Широко расставляет пальцы и сжимает ими талию.

— Такая тоненькая, — снова низкий шепот у моей шеи.

Ряд коротких сводящих с ума поцелуев, а потом все прекращается. Одним резким движением он снимает меня с себя и сажает рядом. Я ничего не понимаю. Смотрю на него с недоумением и морщусь от очередной шишки в самом неподходящем месте. Александр складывает руки в замок на своей шее сзади и протяжно выдыхает в районе своих согнутых колен.

Встаю на плохо слушающихся ногах и немного отхожу от него, даю ему время успокоиться, знаю, мужчинам оно необходимо.

Прислоняюсь спиной к широкой сосне, прислушиваясь к сумасшедшему сердцебиению. Никакие канаты не способны так разогнать адреналин в крови как этот мужчина. Никакая трапеция.

— Ты очень красиво улыбаешься.

Александр уже на ногах и идет в мою сторону. Пытаюсь спрятать свою улыбку, но это чертовски сложно, когда все внутренние органы во главе с вагиной танцуют ламбаду.

Он берет меня за руку и отрывает от дерева.

— Идем.

Мы выходим к полю для соревнований буквально через минуту. Все это время мы были так близко... Хотя площадки уже пусты, народ явно переместился к следующему пункту на повестке дня. Пальцы Босса переплетаются с моими. Такой, казалось бы, простой жест, но отзывается миллионами бабочек внутри. Мы совсем как пара. Идем бок о бок, за руки, глупо улыбаемся.

Что же будет дальше?

Я строю сотню теорий, пока мы подходим к базе. Моя бедная губа вся изжевана от внутренних переживаний. Мы останавливаемся за одним из домиков, прячась от любопытных глаз, которые непременно встретят нас, покажись мы вот так за руку.

Мое лицо вновь оказывается в плену сильных ладоней.

— Возьми свои вещи и через десять минут я буду ждать тебя в пятнадцатом домике. Он с другого конца базы.

Глаза Александра прожигают во мне дыру.

— Я думала сейчас бассейн, — лепечу я, как дурочка.

Он коротко смеется в ответ.

— В домике есть джакузи, думаю, мы что-нибудь придумаем.

Он впивается в мой рот с жадным поцелуем, вторгается языком внутрь, распяляет затихшее было либидо, а потом вновь отстраняется.

— Жду тебя.

И уходит, огибая сооружение, за которым мы прятались.

Даю себе несколько минут прийти в себя, немного отдышаться и спрятать дурацкую улыбочку и иду к камерам хранения.

— Вот ты где, — перехватывает меня на пути Руслан. — А я тебя искал. Где бродила?

Он широко улыбается мне, впрочем, как и всегда. Но меня это только раздражает, потому что он стоит на моем пути. Том самом, где я решила прыгнуть в омут и ни о чем не жалеть после. Не замедляя шаг, иду за своими вещами.

— Да так, прогулялась, — пространно машу в сторону леса. — Ты знал, что здесь есть белки? — хочу пресечь все его вопросы на корню.

— Нет. Покажешь? — подмигивает он.

— Я вообще нагулялась уже, хотела отдохнуть, — придаю лицу выражение сожаления. Как бы от него отвязаться?

— Слушай, я как раз в город собираюсь, поедешь? А то автобусы заказаны только на восемь вечера.

— Нет, я, наверное, еще побуду. В бассейн хотела. И с девчонками пообщаться ещё не успела после волейбола.

— Да, ты шикарно играла.

— Ты про шикарный удар мячом в лицо?

— Что? — не понимает он.

Значит, не смотрел.

— Кстати, я думала, ты будешь за меня болеть до конца. Куда пропал?

— Да, понадобилась мужская помощь со столами для фуршета, — смеётся он.

— Я видела вас с Александром Германовичем, — выпаливаю я и внимательно вглядываюсь в лицо Руслана.

Вот он шанс выяснить хоть что-то. Боссу задать эти вопросы так и не удалось и не уверена, что подвернется возможность со всеми этими поцелуями и неугомонными руками.

— Аха, — как-то нервно выдыхает он. — Шефу и здесь нейдет, все о работе, о работе. Хочет прикрыть один проект, а я против.

На губах Руслана снова расплывается усмешка, точно такая же, как тогда, во время разговора с Боссом. Значит, правда. О работе говорили. А у меня просто паранойя.

— Понятно. Он, видимо, трудоголик, раз даже в выходной о делах думает, — заполняю я паузу, пока выгребая свои вещи из ячейки.

— Да ну, уверен, сейчас уже развлекается с кем-то в своем бунгало! — саркастично выдает парень.

Я замираю, как вкопанная.

— С чего ты взял? — не чувствуя губ, говорю я.

— Наш шеф знаменит не только трудоголизмом, — снова смеётся Руслан. — Если ты понимаешь, о чем я. — Подмигивает он.

А я хотела бы не понимать. Хотела бы быть последней дурочкой, не способной сложить два плюс два, чтобы не видеть полной картины. Я очередное увлечение, не больше. Хотя он же предупреждал, да? Сказал, чтоб не надеялась. Тогда почему же глупое сердце так саднит сейчас?

— Я передумала, — говорю Руслану. — Подбрось меня домой.

Спасибо отрезвляющим словам, не позволили мне выставить себя идиоткой. В очередной раз.

Глава 18. Алиса

Тишина может оглушать.

Скидываю туфли и звук металлических набоек о паркет разносится по пустой квартире. Серые стены давят одиночеством, а тоскливая кружка с недопитым с утра кофе напоминает о моем выборе. Но все не напрасно. Я повторяю это как мантру.

Скидываю свой костюм и личину безупречной женщины и глубоко выдыхаю. Стягиваю волосы на затылке в пучок и смываю косметику, позволяя коже дышать. Меня ждет прекрасный вечер: пара бокалов вина, растянутая футболка и подготовка к этапу три.

Но сначала мне нужен допинг — ежедневный ритуал, который придает силы и напоминает, зачем я это делаю. Подношу трубку к уху, слушая равнодушные гудки, и, наконец, долгожданное:

— Привет! — от этого голоса все внутри переворачивается, сердце бьется чаще, а губы сами расплываются в улыбке.

— Привет, милый! Как твои дела? — знаю, дежурная фраза, но это тоже традиция.

— Хорошо, — просто отзывается он. — Я соскучился.

— Я тоже, милый. Очень.

— Когда ты приедешь? — нетерпеливо спрашивает он.

— На следующих выходных, — выдыхаю я, крепче сжимая трубку. Мне кажется, я сейчас расплачусь, поддамся эмоциям и рвану к нему, наплевав на все.

— Я ждал тебя завтра, — приглушенно говорит он. — Опять работа?

"Это ради тебя!" — хочется завопить мне, но он не должен пока этого знать. Он поймет, обязательно поймет, когда все закончится.

— Да, нужно поработать. Но на следующей неделе я приеду, обязательно. Хочешь, чтобы я привезла что-нибудь особенное?

— Себя! — смеется он.

А потом мы замолкаем, загнанные в тупик этим разговором. Что можно сказать друг другу, когда между вами полторы тысячи километров и недели разлуки?

— Я люблю тебя, — шепчет он.

— И я люблю тебя, милый. Целую.

Он отвечает мне тем же. Я смеюсь — высоко и радостно, а потом кладу трубку. Сердце болезненно сжимается из-за того, что я вынуждена быть вдали от него, такого родного, теплого и любимого.

Захожу в галерею фотографий и бесконечно долго листаю наши совместные фото. На каждой из них мы широко улыбаемся, не смотря на боль в серых глазах. За этой болью есть история, такая, что меняет человека, весь его мир, но на этих коротких кадрах — мы лишь бесконечно любящие друг друга люди.

И я храню самые счастливые из воспоминаний глубоко в своем сердце под слоем льда, которым его окружила. Его объятия, поцелуи, его запах. Сладкая вата на двоих, вечерние прогулки, ночные разговоры.

Все ради тебя, Матвей.

Я хорошо подготовилась. Передо мной схема передвижения объекта, его распорядок дня, привычки, любимые места посещения и даже информация о заработной плате.

Удивительно, как легко заполучить такую информацию, посвятив этому пару недель своего времени и имея своего человека в бухгалтерии.

Самое сложное в моем плане — заманить объект в ловушку. Да, две успешно реализованные стадии позади, но это было просто. Такой, как господин Яковлев, легко клюет на красивую обертку, а уж поиграть он всегда за. Бездушный ублюдок.

Другое дело — подвести его к нужным действиям. Сети на дне давно раскинуты, осталось только толкнуть его в бездну.

На завтрашний тимбилдинг я особо не рассчитываю, осознавая, что большую часть времени проведу за организационными вопросами. Жанна вообще не хотела подключать меня к этому мероприятию, ссылаясь на то, что я новый человек, и, вообще, количество сотрудников уже четко прописано. Но одна из ее девочек, отвечающая за важную локацию, слилась перед самым днём X, открыв тем самым мне путь к Боссу.

Перебираю в голове возможные варианты завтрашних провокаций, но для третьей стадии лес не слишком подходит. Какая ирония, не правда ли, — лес не подходит для охоты. Хотя... неожиданная мысль озаряет, как прожектор сцену. Идея настолько проста и гениальна, что я радостно подпрыгиваю на диване, хватая ноутбук.

Мне понадобится: листы для записи, бордовая помада и несколько хорошо построенных фраз.

Изучаю турбазу, на которую нас завтра везут, по карте на их официальном сайте. Заботливые владельцы расщедрились на 3D модель прилегающей территории, позволяя будущим клиентам совершить заранее виртуальную прогулку по местности. Отмечаю для себя наиболее выигрышные позиции, на которых легко разместить подсказки.

Отдел обучения в полном составе приезжает на место раньше основного потока сотрудников на добрый час. Мы получаем задание от Жанны и распределяемся по локациям. В моем ведении сегодня бадминтон. Даже смешно. Неужели взрослые люди будут участвовать в турнире по бадминтону?

Пока остальные ребята разошлись по своим позициям, я приступаю к подготовке своего собственного квеста. Засаекаю время, чтобы не проворонить начало дебильного бадминтона и пробегаюсь по точкам, оставляя ориентиры для МББ. То, что он пойдет по их следу, не сомневаюсь, ведь приманка обещает ему жаркий приз. Жаль, я не смогу следить за его передвижением, но уж точно увижу на финальной стадии.

Огромные автобусы прибывают, напичканные сотрудниками "Маффина" под завязку. База мгновенно обретает голос и жизнь. Уверена, природные обитатели этих мест попрятались по норам, услышав шум от прибывших гостей.

День тянется невообразимо нудно. Любителей вялого времяпрепровождения с перебрасыванием друг другу волана набирается на удивление много. Не всем же скакать по отвесным препятствиям и с пейнтбольным оружием в руках, — успокаиваю я себя. После обеда активность сотрудников значительно снижается, то тут, то там, можно обнаружить небольшие группки с закусками и стаканчиками, явно наполненными не соком. Но это не моя проблема. Мне инициатива сотрудников только на руку.

Пару раз я замечаю и МББ: он мелькает на футбольном поле, потом возле столов с обслуживанием, и, в конце концов, я замечаю его, направляющегося в один из домиков. Все, как я и рассчитывала.

Стараюсь остаться незамеченной и окольными путями пробираюсь к его убежищу. На крыльце оставляю первую записку с ярким отпечатком губ и свой бюстгальтер — идеально

гармонирующий по цвету с помадой.

Осталось дождаться, когда хищник пойдет по следу жертвы.

Ему понравится игра.

Мне уж точно.

"Найди меня□"

Так просто. Всего два слова на тонком бордовом кружеве. Завлекающий отпечаток губ, точь-в-точь как тот, оставленный мной в его кабинете. Манящий запах духов. И нарисованная карта.

Я наблюдаю издалека, как МББ вертит в руках деталь моего гардероба и ухмыляется; как подносит его к лицу и втягивает тонкий аромат; как раскрывает сложенный вчетверо листок и с недоумением смотрит на него. Он выискивает чье-то лицо среди толпы, прочесывает ряды коллег вдалеке, ища подтверждения своим догадкам. Но я ближе, чем он может представить. Решительный шаг оставляет за спиной тяжелую дверь домика и провоцирует мою улыбку. Зверь клюнул на приманку.

Я провожаю взглядом его широкую спину, обтянутую белой футболкой. Подумать только, идеальный представитель мужской особи — высокий и подтянутый — хорош в любом одеянии. Как же природа могла так поступить: одарить внешностью бога и вселить в нее душу дьявола? Это и есть тот самый баланс вселенной?

Мне не нужно следовать за ним, чтобы убедиться, что тот не сошел с пути. Цель ведь не в этом. Как раз наоборот, я жажду увидеть, когда же он поймет, что в конце его ничего не ждёт? Может, на первой же остановке, когда увидит мой спортивный топ, призывно раскачивающийся на ветке маленькой елочки? Или только к концу, наткнувшись на трусики, вольготно накинутаые на пенек посреди небольшой полянки? А может, пройдет весь путь и разъяренно ворвётся в свой домик, осознавая, что я водила его кругами?

Но и там его будет ждать разочарование — лишь пустота и издевка: "Попался?"

Захожу в деревянную хижину, которую МББ не потрудился закрыть за собой, и готовлюсь к финалу. На кровати оставляю тюбик своей помады и записку. Переодеваюсь в точно такой же комплект одежды, который разбросала на всем пути следования своей жертвы: кроп-топ, не скрывающий ярких лямок бюстгальтера, высокие короткие шорты, скрывающие лишь часть округлых ягодиц и яркие губы, куда же без них. Пусть увидит весь образ в сборе. Это мизерная награда за бесцельно проведенные минуты среди одних лишь деревьев.

Набрасываю на себя легкий кардиган, чтобы не смущать коллег, которым не предназначен шикарный вид сзади, и возвращаюсь на свою локацию. Желаящих заняться самым никчемным на сегодня видом деятельности не находится и со спокойной душой я уношу инвентарь в автобус.

Сотрудники крупного холдинга с шестизначными зарплатами ничем не отличаются от обычных людей, когда на лес начинают опускаться сумерки. Спрятанные от всевидящего ока Жанны бутылки с горячительным, песни у разожженного профессионалами костра, странные парочки, пытающиеся незаметно скрыться в густом полесье.словно мы в пионер лагере, а они — лишь шкодливые подростки, мнящие себя взрослыми.

Часть сотрудников отправились с восьмичасовыми автобусами в город, но для самых стойких у нас запланировано ещё несколько мероприятий. Поджаривание зефирок у костра, командобразующие игры для взрослых и любимое всеми — танцы под хиты девяностых все там же, у полыхающего огня.

Биг Босса нет уже довольно давно. Я посматриваю на часы и, то и дело, бросаю взгляды

на его домик, но высокая статная фигура так и не появляется. Я обежала базу за сорок минут, точно зная точки, на которых размещу объекты. Мог ли взрослый, умный мужчина не справиться и за полтора часа?

Или он бросил на полпути, разгадав мою каверзу?

Есть только один шанс проверить — пройти по тому же пути, что и он. Иду сразу к конечной точке — исключаю вариант с сошедшим с дистанции мудаком. Черт, а ведь игра должна была закончиться иначе. Я всерьез понадеялась на этот маленький квест, он стал бы шикарнейшей опорной точкой для будущих действий. Что ж, в запасе немало и других планов, нужно просто набраться терпения.

Но негодование от провала уже разжигает раздражение внутри. Поляна с злополучными трусиками находится не так уж и далеко от основной базы, но резко обрушившиеся сумерки делают дорогу несколько дискомфортной. Приходится подсвечивать себе телефоном и отмахиваться от колючих веток, норовящих запутаться в волосах. На несколько секунд останавливаюсь, чтобы стянуть их в высокий хвост и продолжаю путь.

Самой откровенной части моего нижнего белья на месте нет.

— Попалась, хитрая лиса, — жёсткие руки крепко прижимают меня к торсу, а пробирающий голос шепчет на ухо. — В свою же ловушку угодила.

Он прикусывает мочку моего уха, вызывая пронзающие насквозь импульсы по всему телу.

Перед лицом появляется элегантный тюбик моей ланкомовской помады с изысканным названием Drama'Atic. Под стать моменту.

— Это я заберу себе, — шепчет он, убирая предмет в карман позади меня. — Как и остальные трофеи.

МББ широко расставляет пальцы и обводит ими мой голый живот. Второй рукой приспускает кардиган с левого плеча и касается его легким поцелуем. И ещё одним, и ещё, крепко сжимая предплечье. Кожу в местах, где он прикасается, обжигает огнем. словно метка стражника перед казнью.

Я сдерживаю порыв вырваться из его навязчивых объятий и выбить дух одним точным движением колена. Нет, пока рано. Хищник должен почувствовать кровь, чтобы охота стала интереснее.

— Ты же этого добивалась? — снова возле самого уха.

— Мне просто было скучно, — томно выдыхаю я. Он не видит моего перекошенного отвращением лица, и это играет мне на руку.

Эти слова заводят объект. Он низко рычит и прижимает меня к ближайшему дереву. Телефон выскользывает из рук и падает в траву, подсвечивая наши силуэты фонариком снизу вверх.

С моих плеч окончательно слетает кардиган и отправляется в неизвестном направлении. Жёсткая рука накручивает хвост на руку, сильнее прижимая к дереву. Непроизвольно из меня вырывается стон боли, но мужчина позади ошибочно воспринимает его, как звук удовольствия.

Свободная рука путешествует по моим бедрам, приподнимая ткань легких шорт ещё выше, оголяя ягодицу.

— Черт, ты очень хороша, — хрипит Босс.

— А Вы по-прежнему ошибочно полагаете, что мне все это нравится, — спокойно говорю я.

Хватка в волосах становится слабее, и я поворачиваюсь в руках ублюдка. Заглядываю в его невероятно красивое мудаческое лицо и с лёгкостью отталкиваю на несколько сантиметров. Он не сопротивляется. Только смотрит на меня, как вегетарианец на стейк — то ли хочет уничтожить, то ли сожрать.

Желваки перекатываются на мощной челюсти, выдавая его гнев. Но из его уст звучит лишь спокойное:

— Все еще утверждаешь, что не хочешь этого?

— Мне всего лишь невыносимо скучно, Босс, — сексуально вывожу я. — Будь на вашем месте другой...

Болезненную для его это фразу МББ не дослушивает, впиваясь губами в мой рот цвета марсалы.

Слово ничего не значит, когда оно не произнесено.

Я бы хотела сказать "нет", но он не спросил. Я бы хотела ему не ответить, но губы сами вступили в этот танец. Я бы хотела его оттолкнуть, но руки не слушались, мелко дрожа.

Густой мужской запах — природный, острый — вскружил голову и отключил разум. Настырные мягкие губы затеяли умелую игру и затуманили сознание. Воздух раскалился вокруг нас, словно перед грозой, лес укрыл в моменте, защищая от реальности и лишних дум. И если бы не твердое доказательство, что все зашло слишком далеко — спасибо природе — я бы не очнулась.

Реальность чересчур интенсивно закружила меня: чужие руки на коже, ненавистный язык во рту, болезненно жаркое дыхание опалает щеку. Двойная доза отвращения накатывает до тошноты — этого не должно было произойти. Впиваюсь ногтями в его плечи, зная, что оставлю кровавые следы и прикусываю губу своего мучителя.

Босс отстраняется, болезненно шипя.

— Дикая! — сплевывает он, ощупывая нижнюю губу пальцами. — Но мне нравится.

Его хищный оскал выглядит особенно жутко в полумраке. Небольшой дозы света от телефона не достаточно, чтобы смягчить черты его лица, напротив, тени складывают устрашающую картинку: острые скулы, раздувшийся от частого дыхания нос, странный блеск в черных глазах. Тьма похоти застила прозрачную голубизну, сверкающую при свете дня.

Этот хищник готов, заверните!

Отталкиваюсь от дерева, грациозно подхватываю с земли кардиган и телефон и ныряю в заросли, оставляя разгоряченного мужчину позади себя. Сердце отдает глухими ударами в ногах при каждом соприкосновении с почвой. Я вся горю от пережитых ранее минут. Все слишком быстро, слишком далеко зашло. Сейчас главное не оступиться и сделать верные шаги: хищник должен стать жертвой, а не победителем.

Но он опять сыграл не по правилам. А я не все предусмотрела.

Густые деревья расходятся перед взором, являя пустую базу. Ни шумных разговоров, ни любимых всеми хитов девяностых, ни, собственно, персонала. Ошарашено застываю на краю леса, окидываю взглядом домики, тлеющий костер и следы недавнего пребывания здесь людей: пустые стаканчики, небрежно выкинутые бейджики и утопанные тропинки. Поверить не могу.

Сколько меня не было? Почему не слышала двигатель автобуса и сборы шумной толпы? Как теперь добираться домой, черт возьми?

Лёгкий шорох слева возвещает о том, что рядом появился объект недавних событий. Такой дебильной ситуации я никак не предвидела! Как вишенка на торте, с неба начинают опускаться холодные тяжелые капли дождя. Касаются оголенной кожи, просачиваются сквозь легкую ткань, скользят по волосам.

Сука!

— Скажите, что Вы на машине, — не поворачивая головы, адресую вопрос МББ.

— Не сегодня, красотка, — с усмешкой говорит он. — Но я могу предложить тебе переночевать в своем бунгало.

Он смотрит на меня, я чувствую обжигающий взгляд левой щекой, но голову так и не

поворачиваю.

— Спасибо за лестное предложение, Босс, — с привычной интонацией вывожу последнее слово. — Но я, пожалуй, откажусь.

Под набирающим силу дождем устремляюсь к домику администрации. У них наверняка можно вызвать такси, или они знают, кто может меня подвезти до города, не может быть иначе.

— Ну, удачи! — летит насмешкой в спину. — Если что, предложение в силе. Домик пятнадцать, красотка.

Размечтался, козел!

В административном помещении свет не горит, дверь заперта и на стук никто не реагирует. Восхитительно. Природа, тем временем, разошлась не на шутку — вокруг сверкают молнии, устрашающе гремит гроза, а стена дождя убивает последний шанс выбраться отсюда на любой попутке. Даже чертов домик у них не снять, потому что никого из персонала нет!

Я собираю всю свою браваду и уверенно стучу в тяжёлую деревянную дверь. Меня словно ждали — она открывается мгновенно, выпуская наружу тепло и свет. В ореоле этого великолепия стоит самый ненавистный мне человек, но сейчас он — единственное спасение. И если все верно разыграть — вечер может закончиться в мою пользу.

Гадкая ухмылка на идеальном лице только разжигает мое раздражение. С жестом повелителя мира, не иначе, он приглашает меня войти в дом. Крепче прижимаю к себе рюкзак, вытасенный минутой ранее из камеры хранения, и вступаю на его территорию. Надо признаться, играть на чужом поле задача нелёгкая, у противника преимущество, а я уже выбилась из сил. Но я смогу это сделать, я знаю, ради чего. Ради кого.

Внутри просторно и очень тепло. Слева вглубь дома уходят две двери, справа витая деревянная лестница ведет вверх, а прямо перед взором предстает картинка из каталога "Дом и сад". Версии для богачей. Гигантских размеров кровать, медвежья шкура перед камином, гигантское панорамное окно с видом на мокрые сосны. Траходром. Все понятно.

Моих плеч касаются массивные руки, и я отскакиваю, как ужаленная. Сзади раздаётся смешок.

— Хотел быть джентльменом и помочь снять мокрую одежду.

— Я вполне справлюсь сама без псевдо-джентельменских замашек, — холодно говорю я. — Где ванная?

— А здесь ее нет.

Поворачиваюсь к МББ и встречаюсь с хитрым взглядом. Мужчина складывает руки на груди и опирается плечом на стену.

— Есть джакузи, показать?

Из меня вырывается совсем не подходящее хладнокровному образу фырканье. О, он бы хотел, я знаю.

— Можете указать мне направление, я взрослая девочка, справлюсь.

Приглушаю голос до низких ноток и повожу плечами, позволяя прилипшему к телу кардигану начать движение вниз. Мудак снова прикладывает пальцы к губам, словно пытается стереть свою улыбку и пространно машет в сторону дверей слева.

Я поворачиваюсь спиной к напыщенному индюку и неспешно иду в указанном направлении. По пути снимаю отяжелевшую от дождя ткань, позволяя МББ оценить вид сзади при свете. Приглушенный выдох говорит о том, что шалость удалась. Да, эти шорты

изобрел ценитель женской красоты.

Он не шутил. Ванную комнату с блеском заменили на комнату с джакузи. Отделанное деревом помещение состоит из вычурной плоской раковины с медным краном и зеркалом над ним и, собственно, самой гигантской ямы разврата. Закрываю помещение на щеколду — как предусмотрительно! — и всматриваюсь в свое отражение в зеркале. Черт, дело плохо.

Мокрые волосы слиплись в непривлекательные патлы, а ровный бронзовый тон на лице теряет свою насыщенность. И косметичку я не захватила. Даже предположить не могла, что застряну тут. Громко выдыхаю, пытаюсь не поддаваться панике. "Я смогу, я смогу, я смогу" — очередная мантра для пошатнувшейся уверенности.

Но, правда в том, что застрять в домике посреди леса на всю ночь с мужчиной имеющим вполне очевидные мотивы — совсем не то, чего мне бы хотелось. Не на этом этапе.

Распускаю хвост и тут же собираю волосы в большой тугий пучок наверху. Расчески нет, а так они выглядят вполне сносно. Стягиваю с себя уже промокший топ, шорты и нижнее белье и набираю джакузи. Мой план донельзя просто: подразнить тигра, но оттянуть момент, когда мы останемся наедине.

Использую одну из пахучих бутылочек, предоставленных базой отдыха, для создания ароматной пены и с громким стоном удовольствия погружаюсь в воду. Ручка на двери несмело шевелится. Сначала мягко опускается вниз, потом, когда дверь не поддается, уже с большим напором. Мужчина по ту сторону нервно стучит, но я не отзываюсь.

— Ты решила начать без меня, хитрая лиса? — насмешливо-укоризненно звучит из-за двери.

— И начать и закончить... — нараспев отзываюсь я.

— Рррр, подбрось хоть картинок, — негодует Босс. — Скажи мне, твой купальник настолько же развратен, как и те шортики?

— Тот, который я оставила дома? — невинно отзываюсь я. — Даже не знаю, но не думаю, что у Вас появится возможность когда-либо его оценить.

— Я мог бы захватить вина и свечи...

— Да у Вас тут полный набор!

Высоко смеюсь, и мой голос отзывается эхом от стен просторного помещения. Мерзавец даже не понимает, что выдает себя с потрохами. Или напротив? Специально говорит все, чтобы в случае согласия я не имела никаких претензий? Он очень хорош в этой игре. Но у него недостаточно карт на руках, чтобы выиграть эту партию.

— Мы оба знаем, чем закончится эта ночь, зачем тянуть? — хрипло выдает МББ.

— Вы до сих пор надеетесь, как грустно, — язвительно отвечаю я.

За дверью слышатся удаляющиеся шаги. Я расслабляюсь в теплой благоухающей воде, позволяя мозгу немного отдохнуть от напряженной работы. Как только сознание начинает уплывать в сонную негу, из рюкзака раздается настойчивый звонок. Матвей! Как я могла забыть?

Тянусь до сумки и выуживаю сотовый.

— Привет, милый! — мурлычу я.

Пытаюсь передать всю свою нежность, через голос.

— Привет! — раздается радостное. — Я решил сам приехать к тебе на выходные.

Неожиданный поворот. И совсем, совсем некстати. Его не должно быть здесь, просто не должно.

— А я уже взяла билеты к тебе, может, в следующий раз? — вру, чтобы не пускаться в долгие отговоры. Он все равно не слушает.

— Хорошо, — просто отзывается он. С ним всегда так — легко и непринужденно, он верит мне безусловно, любит искренне и без глупых сцен. Настоящий мужчина.

— Я очень-очень скучаю, дорогой, скоро увидимся.

— Сегодня было ужасно без тебя.

— Мне тоже, — выдыхаю, сдерживая эмоции. — Но на выходных наверстаем, да? Не будем вылезать из постели, только ты, я и гора еды. Договорились?

— Ага.

— Люблю тебя.

— И я тебя. Очень, — трогательно говорит Матвей.

— Пока.

— Пока.

Мое сердце разрывается и саднит, как и каждый раз после такого разговора. Но и улыбка не сходит с лица, пополняя запасы положительных эмоций. Я снова тянусь к галерее фотографий, они надёжно запрятаны под пароль на телефоне, чтоб никто кроме меня до них не добрался.

Вот он щурится от света, закрывая пол лица ладонью, вот корчит дурацкую рожицу на селфи со мной, потому что ненавидит их, вот целует меня — это из любимых — крепко держа в своих объятиях.

Бесконечно люблю его.

Я лежу в воде, предаваясь лучшим воспоминаниям, пока вода не остывает, а все пузырьки не исчезают под воздействием воздуха. С неохотой выбираюсь из собственного идеального мирка и тянусь к полотенцам. Заворачиваюсь в огромное белое облако и только тут понимаю, что мне нечего одеть. Разве что... Черт!

Щеколда на двери отдаёт гулким эхом по всему дому. Хотя я и не пыталась быть тихой. Шлепаю босыми ногами по деревянному полу прямоком в гнездо разврата. Как я и думала, Босс вольготно расположился у камина, попивая янтарную жидкость из стакана.

— Где мои вещи? — с наскока начинаю я.

Взгляд мужчины перемещается на меня. В его расширенных зрачках пляшет пламя — отражение огня в камине или внутренний жар — мне не понять. Пламя скользит с моих босых ступней по щиколоткам, коленям и бедрам, достигая границы белого полотенца. От этого взгляда моя кожа покрывается мурашками там, где только что были его глаза. Возможно, стоило запереться в чертовом джакузи на всю ночь.

— Где моя одежда? — повторяю, когда секунды проходят, а ответа не следует.

— Ты про мой трофей? — сводит он брови.

— Я про свою сухую одежду, волей случая, оказавшуюся в Ваших руках, Босс.

Стараюсь сохранить внешнее спокойствие, когда внутри поднимается тревога. Я практически обнажена наедине с явно подвыпившим, раззадоренным тигром. Но хищник всегда чувствует страх, поэтому я играю роль до конца.

— Тебе придется остаться в полотенце, красотка, я не возвращаю то, что честно заполучил.

Он снова отворачивается к огню, делая поток обжигающей жидкости. Окей, будь по-твоему, урод. Возвращаюсь в ванную и натягиваю полусухое нижнее белье и необъятный махровый халат с логотипом этой дебильной базы.

Убеждаюсь, что бордовое кружево немного выглядывает с одной стороны и возвращаюсь в гостиную. Сажусь на кровать по правую сторону от МББ и закидываю ногу на ногу, оголяя одно колено. Чувствую теплый взгляд на кончиках пальцев ног и непроизвольно дёргаю ступней, словно пытаюсь его согнать. Но очередной крепкий захват опоясывает щиколотку, останавливая движение.

Длинные крепкие пальцы сжимают ногу, как браслет. Нет, кандалы. Мне нестерпимо хочется вырваться из этого болезненного плена, но игра продолжается, я помню.

— Выпьешь? — глухо доносится слева.

— Нет. А что наверху? — заманиваю в беседу, хочу отвлечь от накала вокруг нас.

— Спальня. Показать?

— К чему все эти вопросы, Вы же знаете мой ответ?

Босс поворачивается ко мне корпусом и встаёт на колени прямо передо мной. Бокал с горячительным остался стоять на полу, и теперь уже две руки касаются моей лодыжки, мягко ведут вверх, соблазняют. Глаза напротив прожигают дыру, не сводят взгляд с моих, ищут там ответы на свои беззвучные вопросы.

— Скажи мне, Алиса, — вкрадчиво начинает Босс, достигая пальцами колена и поглаживая чувствительное место под ним. Он наклоняется ближе, съедая пространство и воздух между нами.

Я упираюсь ногой ему в живот, не позволяя приблизиться ко мне, держа на расстоянии.

— У тебя кто-то есть? — звучит неожиданно.

Так значит, он слышал мой разговор и сделал соответствующие выводы. Неожиданный бонус к сегодняшнему дню.

— Это проблема? — хитро улыбаюсь я.

— Не для меня, — уголок его губ искривляется в усмешке. — Но это уже совершенно другая игра.

Его голос опускается до шепота. Хватка на моей ноге ослабевает, и ублюдохк отстраняется. Подхватывает свой стакан, и становится на ноги.

— Я буду наверху, — равнодушно кидает он и удаляется по винтовой лестнице.

Пульс шумит в ушах. По позвоночнику бежит холодный пот.

Это было... на грани.

Глава 21. Лея

"Да пребудет с вами Сила" — вещает с экрана Йода.

Я запикиваю в себя очередную порцию желтых M&Ms и со стоном вытягиваю ноги. Две трети фильма я провела, не шелохнувшись, лишь изредка работая челюстью. Не потому, что "Скрытая угроза" моя любимая часть, нет. Просто все это время я копалась в своих мыслях.

Юный Энакин знакомился с Падме, а я пыталась состыковать действия со словами Мистера Биг Босса. Будущий Дарт Вейдер ловко маневрировал по пустыне Татуина, а я прикидывала какие ядовитые фразочки могла бы бросить надменному засранцу в лицо. И вот, уже Совет Джедаев собрался, а кроме коронного "я себя не на помойке нашла" в голову ничего не приходит.

Или всё-таки нашла, раз чуть не пошла в тот домик, отключив мозги и последнюю гордость? Хотела же! И уже наострила лыжи. Если бы не отрезвляющий взгляд со стороны, то...

А что, собственно, было бы после? Он выставил бы меня сразу по завершении? Или удосужился бы подвести до дома, а там "до свидания, было приятно познакомиться"? В любом случае, в понедельник я бы стала посмешищем.

А я себя не на помойке нашла! Черт, действительно классная фраза, не зря ее так любит Викот. При первой же возможности кину ее этому наглому Боссу в лицо. Вот пусть только снова заведет это свое "я передумал"!

К утру понедельника я наполнена боевой решимостью. Любой его взгляд — я отвернусь. Любое слово — проигнорирую. А лучше вообще буду избегать коварного Босса. Буду работать, не поднимая головы, на обед только с девчонками, домой вместе со всеми. Так и не пересечемся ни разу. Не станет же он меня преследовать, в самом деле?

Мерная дробь по карнизу вынуждает снова достать джинсовку и влезть в любимые кеды. Скручиваю волосы в плотный жгут на макушке и закрепляю канцелярской резинкой — хотя в самую пору суперклеем — они плохо переносят повышенную влажность. Любимый издавший виды зонт бирюзового цвета я не нахожу и громко чертыхаюсь, вспоминая, что забыла его на работе. Хватаю дежурный дедушкин раритет, который можно сложить только в две пары рук, и выбегаю из подъезда. Лучше уж так, чем совсем без укрытия.

Стою под козырьком подъезда несколько секунд, прежде чем решаюсь сделать шаг в стену дождя. Раскрываю черный, пахнущий, как и сам дед, зонт и смело ступаю в ливневый поток. От резкого гудка автомобильного клаксона подпрыгиваю на месте и попадаю правым кедом в огромную лужу. Тряпичная ткань мгновенно пропитывается влагой, и я удрученно вою. Слева снова раздается громкий гудок. Да кто этот ненормальный, блин, я что проехать мешаю? Иду себе спокойненько по тротуару, пытаюсь удержать громоздкий зонт против ветра, а не пуститься вместе с ним в путешествие, как Мэри Поппинс. Проезжай, проезжай, чувак.

Но краем глаза улавливаю, что та машина неспешно следует за мной. Прибавляю шаг, но разве обгонишь автомобиль? Резко заворачиваю за угол, стремясь как можно скорее оказаться на оживленной улице, и не стать жертвой дворового маньяка. Неожиданно кто-то дёргает меня за локоть, разворачивая на сто восемьдесят градусов.

Я с недоумением смотрю в черные глаза напротив.

— Руслан?

— Ты что, в наушниках? — улыбается он, забираясь под мой стремный зонт. Он туда, конечно, не помещается со своим ростом и габаритами, поэтому сгибается в три погибели и почти прижимается ко мне. — Я тебе сигналил...

— Что ты здесь делаешь? — чувствую себя идиоткой, надумала уже себе всякого. И сцены с похищением, с целью продать в рабство, было самым адекватным среди этого всего.

— Проснулся сегодня с острой необходимостью творить добрые дела, — он обнажает ряд белых зубов. — Пойдем в машину, льет, как из ведра.

Он подцепляет меня под руку и мягко разворачивает назад, к своему БМВ. В моей голове, конечно, роятся мысли, что странно все это и уж слишком навязчиво уже в который раз. Но я их игнорирую, мечтая только забраться в прогретый салон.

У дверцы машины у нас выходит странный танец: Руслан галантно открывает мне дверь, а я пытаюсь сложить чертов зонт. С усилием дергаю его за верхний рычажок, но тот выдает лишь заржавелый скрип и никак не сдвигается с места. Тяну со всей силы, и орудие попытки резко схлопывается, обдавая нас с Русланом брызгами. Я бы уже усиленно просила прощения, если бы на этом все закончилось. Но нет же, нет. Самая соль в том, что зонт может и сложен, но до нижнего паза его еще нужно дотянуть. Если не произойдет финального щелчка, этот монстр тут же раскроется заново.

Пальцы уже покраснели от напряжения, а до заветного отверстия не хватает пары миллиметров. Я беспомощно вскидываю глаза на невольного свидетеля этого позора. Он все понимает без слов. Кладет свои руки поверх моих, заставляя пальцы передать управление, и в одно ловкое движение защелкивает этот раритет.

Руководитель беспредела смотрит на меня с мягкой улыбкой и помогает забраться в салон, даже не прокомментировав эту постыдную сцену. Зонт он закидывает на заднее сидение и, быстро обежав машину, забирается в салон.

Секунду я размышляю над тем, стоит ли позориться еще больше, и приняв рациональное решение — мне ж не замуж за него идти! — снимаю мокрые кеды. Руслан снова широко улыбается, и врубается нижний обогрев. Я подставляю ноги в сырых носочках под теплые струи воздуха и блаженно улыбаюсь.

— Так что тебя потянуло в мой двор? — задаю рациональный вопрос.

— Ну, я же говорю, острый передоз геройства в крови.

— Не стоило...

— Ой, Лея, да не парься ты. Я по-дружески. Представил, сколько тебе тащиться под дождем до метро... а мне не трудно сделать небольшой круг. Кстати, может, за кофе заедем?

— Хорошая мысль, — улыбаюсь в ответ.

Руслан классный. И вроде, действительно, хочет только дружить. Он делает радио погромче и начинает очень фальшиво подпевать Басте про выпускной. Невольно я тоже присоединяюсь на припеве, и вот мы уже вместе голосим хит летний хит:

Медлячок, чтобы ты заплакала.

И пусть звучат они все одинаково.

И пусть банально, и не талантливо;

Но как сумел — на гитаре сыграл и спел.

Руслан постукивает по рулю в такт, и мы разражаемся громким смехом.

— Ты прикольная девчонка, — выдает он. — Так что, парень все еще в наличии?

— Прости, — неопределенно пожимаю плечами, хотя он этого не видит, смотря на дорогу.

— Может, я лучше него? Не узнаешь, пока не попробуешь, — насмешливо произносит он.

— Руслан, я...

Ну, вот что сказать, чтобы не обидеть, а?

— Ладно, просто подумай над этим. Ты мне нравишься.

Он паркует автомобиль возле кофейни и поворачивается ко мне.

— Что тебе взять?

Я начинаю судорожно натягивать все еще мокрые кеды.

— погоди, я сама схожу.

Он кладет свою руку поверх моих ладоней, натягивающих обувь.

— Сиди, сушишь, я все принесу.

Я поднимаю глаза и встречаюсь с темным взглядом. Да, Руслан определенно классный, хоть и надеется на то, чего быть не может.

— Так что тебе принести?

Я прикусываю губу, не решаясь попросить дорогущий моккачино. Да и не дам ли я ему напрасную надежду тем, что приму этот жест?

— Ка-пу-чи-но, — неуверенно вывожу я.

— Большой?

Я киваю.

— Сахар?

— Два.

— Заказ принят, — смешно рапортует он и выходит из машины.

Быстрой перебежкой добирается до известной кофейной сети и скрывается за стеклянной дверью.

Я расслабленно откидываюсь на сиденье, наблюдая, как крупные капли разбиваются о лобовое стекло. По радио крутят очередной романтический хит, тепло из печки просушивает мои носочки, и жизнь кажется не такой уж плохой. Я даже забываю о Боссе: великом и ужасном.

Руслан запрыгивает в салон с двумя огромными чашками кофе и встряхивает голову от лишних капель, почти как кокер-спаниель моей соседки после прогулки. Я морщусь от прилетевших в лицо холодных брызг.

— Считаю это вендеттой за зонт, — смеется герой сегодняшнего дня. — Держи, взял тебе черничный латте вместо скучного капучино. Нельзя сегодня отделаться обычным кофе, так это не работает.

— Что не работает?

— Настроение, — он вручает мне горячий стакан и делает глоток из своего. — В такой ужасный дождливый день поднять настроение могут только такие мелочи: добраться до работы сухим, в приятной компании, под хорошую музыку и с необычным кофе. Что думаешь?

Он наклоняется немного вперед и опирается локтями в руль. Ехать мы, судя по всему, пока не собираемся.

— Хорошая жизненная позиция, — банально выдаю я.

— А ты веришь в знаки, Лея? — вдруг выдает он и впивается в меня серьезным взглядом.

— Не знаю, наверное, я слишком невнимательная, чтобы их замечать.

— Ты мне кое-кого напоминаешь, — тихо говорит он. — Девушку из моего прошлого. Она много для меня... Знаешь, она тоже все время подпевала песням на радио, а еще постоянно снимала обувь в машине, как будто заходила в чей-то дом, а не просто садилась в тачку. У нее был такой же заразительный, как и у тебя, смех. И такой же вид ангела во плоти...

Руслан протягивает руку к моей щеке и проводит костяшками пальцев по скуле. Я позволяю ему эту вольность, потому что есть в его взгляде что-то такое, что четко говорит: он сейчас не здесь. Его разум далеко в прошлом, и на моем месте он видит совсем другую. Но долго чужие прикосновения я выносить не могу.

— Вы расстались? — подаю я голос, рассеивая дымку в темном взгляде.

Он резко отдергивает руку и делает пару больших глотков кофе, чтобы снова собраться.

— Да, — коротко заключает он.

Затем заводит машину и под шустро работающие дворники мы выдвигается в сторону работы. В салоне повисает тишина, разбавленная лишь приглушенным ранее радио. Я пью свой черничный латте, ужасаясь, насколько он мерзок. Вообще, с детства не люблю чернику, удивительно, что из всех возможных вариантов Руслан выбрал именно этот вид кофе. Ещё одна монетка не в его копилку.

К тому времени, как мы подъезжаем к офису "Маффина", дождь не утихает ни на грамм. Стоянка уже заполнена до отказа и приходится парковаться на достаточном удалении. Я раскрываю свой дурацкий зонт и беру под него высокого маркетолога. И хотя всю дорогу от кофейни он явно находился в своих думах, сейчас он снова расслаблен и весел.

— Тебе нужен нормальный зонт.

— Он у меня есть! Просто на работе.

— Как мудро. Именно там, где он чаще всего тебе нужен, — смеётся Руслан.

— Ой, молчи, у тебя вообще зонта нет.

— У меня есть машина!

— И чем она тебе сейчас поможет? — саркастично выдаю я.

Руслан снова смеётся. У дверей офиса мы останавливаемся, и я сразу передаю опасную миссию по складыванию этого монстра в руки сильного мужчины. Он пару секунд трясет его, разбрызгивая капли по сторонам, а я хихикаю над тем, что и у него не все складывается ровно с раритетом. Наконец, зонт сложен, и Руслан галантно открывает мне дверь, пропуская внутрь.

Возле лифта мы сталкиваемся с Боссом.

Сцена, как в плохом кино. Плохом, потому что фильм без световых мечей априори хорошим быть не может, а с нелепой встречей у лифта смеющейся парочки и злого Босса — может!

Мы буквально вваливаемся в фойе холдинга: мокрые, хохочущие, борющиеся за дурацкий зонт. Руслан кричит: я выброшу его! А я: отдай немедленно, это семейная реликвия! Наши голоса звенят в просторном холле, отбиваясь от стеклянных стен и увеличивая их громкость. Я ныряю высокому шатену под руку и вцепляюсь в пластиковую ручку зонта, Руслан зажимает меня где-то подмышкой, и я начинаю похрюкивать от нелепости ситуации.

Но мой легкий настрой тут же рассеивается, как тьма, на которую направили прожектор, когда я чувствую обжигающий щеку взгляд. Мне даже не надо поднимать глаза, чтобы убедиться в своих подозрениях. Я чувствую кожей, всем своим существом, что рядом находится тот, кого я поклялась себе избегать. Руслан вскидывает голову и замечает Босса на мгновение позже, чем я. Он прекращает смеяться, перемещает свою руку на мою талию и ведет к лифту, словно хочет показаться перед начальником в обнимку со мной.

— Доброе утро, Александр Германович! — преувеличенно-радостно говорит Руслан.

— Доброе? — словно спрашивает Босс в ответ.

Его глаза сверлят маркетолога, не удусуживаясь опуститься на меня. Здорово, снова делаем вид, что не знакомы.

— Прекрасное! — улыбается шатен, крепче сжимая пальцы на моей талии.

— Вы сегодня рано, Руслан Адамович.

— Был повод пораньше вылезти из постели, да, Лея? — обращается он уже ко мне.

Я замираю в ступоре. Что это за провокация такая, что за двусмысленность? Зачем вообще было такое говорить? Я безмолвно открываю рот, хватаю воздух, как рыба, выброшенная на берег, и впиваюсь взглядом в темноволосого парня, все ещё прижимающего меня к себе. Пытаюсь прожечь глазами в нем дыру, жаль, я не супермен с лазерами вместо них.

Однако Руслан словно и не чувствует моего негодования, он смотрит прямо на Босса, не скрывая своей ухмылки. Я перевожу взгляд на Александра и вижу, как он внимательно изучает нашу парочку: руку на моей талии, одинаковые кофейные стаканы в наших руках, дурацкий зонт, висящий на сгибе локтя у маркетолога.

Лифт громко звенит, возвещая о прибытии, и мы втроем, как по команде, заходим в пустую кабинку. Мы с Русланом останавливаемся у дальней стенки, а Босс впереди, спиной к нам, как бы показывая, что мы ему больше не интересны. Наверх едем в гнетущей тишине. Я аккуратно освобождаюсь из навязчивых объятий и снимаю свой древний зонт с руки Руслана. Он никак это не комментирует, лишь сопровождает мои действия взглядом. Лифт тащится с медлительностью улитки. Он всегда едет так, будто время ничто, или только сегодня?

Наконец, звучит спасительный сигнал, и я пулей вылетаю из кабинки, оставив двух противоречивых мужчин позади. В спину мне летит "пока, Лея" — от Руслана и прожигающий поясницу взгляд Босса. Двери позади сходятся, и лифт начинает движение вверх. Я слышу неразборчивую эмоциональную речь в удаляющейся кабинке.

Что это было вообще?

Наш корпоративный отдел погружен во тьму. Ожидаемо, в такую рань еще никого нет, даже амбициозной Вики. Включаю свет и плюхаюсь в свое рабочее кресло. Погружаю лицо в ладони и протяжно стону. Что творится вокруг? Я словно попала в дебильную романтическую комедию — что ни день, эмоциональные качели.

На рабочем столе звенит телефон. У меня нет дисплея для определения номера, но мое предчувствие развернуло транспарант с именем звонящего в голове. Я нерешительно поднимаю трубку и ещё более нерешительно произношу: да.

— Восемнадцатый этаж, мой кабинет, живо, — гневно шипит Босс.

— Я... не...

— Это приказ руководства, Лея, — грозно выплевывает он и кладет трубку.

Вот черт!

На слабеющих ногах поднимаюсь с места и иду обратно к лифтам, оставив вещи на рабочем столе. Сжимаю и разжимаю пальцы на руках, пытаюсь унять дрожь в них. Пока поднимаюсь на четыре этажа вверх, перебираю в голове придуманные вчера фразочки, но они, как назло, разбегаются в потёмках разрозненного сознания. Ладно, Лея, просто держи голову выше и не позволяй выставить себя идиоткой.

Я никогда не была на восемнадцатом этаже. Передо мной открывается просторная светлая приемная по типу полукруглого атриума. Вдоль стен расположены двери с золотыми табличками. И только одна из них открыта в ожидании посетителя.

Меня.

Я глубоко вдыхаю и неспешно выпускаю воздух через рот, в попытке успокоить расшалившееся сердцебиение. И смело шагаю на встречу с Боссом. Вхожу в огромный пустой кабинет и останавливаюсь, непонимающе оглядывая помещение. Где Александр?

За моей спиной хлопает дверь, и сильные руки стремительно закручивают меня вокруг своей оси, разворачивая на 360 градусов. Спина оказывается прижата к деревянной двери. Я не успеваю испугаться пылающего взгляда напротив, следующее, что я ощущаю — вкус поцелуя на своих губах. Настырного, беспощадного, злого.

Я должна оттолкнуть зарвавшегося Босса, но руки почему-то творят несусветную дичь: обвивают талию мужчины и прижимают его ближе к себе. Губы оказываются еще более непослушными и впускают язык мужчины в рот. Жар охватывает все тело от самых кончиков пальцев до корней волос. Мы, как безумные, впиваемся друг в друга, тяжело дыша, сжимая пальцами кожу и издавая странные утробные звуки.

Все заканчивается так же неожиданно, как и началось. Александр вжимается в меня корпусом и кладет подбородок мне на голову. Он тяжело дышит, а ниже пояса пульсирует явное доказательство его настроения.

Сердце стучит где-то в горле, а потом проваливается в желудок, разгоняя всех бабочек. Что этот мужчина творит со мной?

— Что ты творишь со мной? — тихо произносит мужчина, словно отзеркаливая мои мысли.

Я молчу, не в силах подобрать слов к этой ситуации, только сжимаю рубашку Босса под пиджаком в своих пальцах.

— Почему сбежала в субботу? Почему с ним? И сегодня...

Александр немного отстраняется от меня и сжимает в ладонях мое лицо. Он впивается острым взглядом в мои глаза, пытается добраться до недр души, выискать там угодные ему

ответы.

— Он тебе нравится? — задает неожиданный вопрос.

— Только как друг, — шепчу я.

— Ты с ним так смеялась... Почему со мной не так?

Он не ждёт ответа, снова касается моего рта, но на этот раз поцелуй очень лёгкий, мягкий, нежный. Он проводит губами по моим, захватывает нижнюю и оттягивает ее, а потом мягко раздвигает их своим языком, выманивая мой на встречу. Я начинаю дрожать от распирающего чувства внутри, такого всеобъемлющего, что слов ему не подобрать. Боже, этот мужчина бог. Я готова на все в его руках.

Сильные руки скользят по моим плечам, очерчивают грудь и сжимаются на талии. Задерживаются там ненадолго и продолжают свой путь вниз. Ладони сжимают мои ягодицы, немного приподнимая меня вверх, впечатывая в твердое тело мужчины. Доказательство его возбуждения давит мне в живот, вызывая теплое тянущее ощущение внизу живота, и я издаю совершенно неприличный стон прямо в губы Александру.

Это звук сносит плотину сдержанности мужчины. Он подхватывает меня под ягодицы и поднимает вверх, заставляя обвить себя ногами. Со мной на руках он выверенно идет к своему столу. Сажает меня на твердую поверхность и тут начинается настоящий ураган.

Наши руки, губы, дыхание, все перемешивается. Босс нетерпеливо запускает теплые пальцы под мою футболку, прикусывает нижнюю губу и начинает страстное путешествие своего рта по моей коже: скулы, ухо, шея. Я снова дрожу, сильнее впиваясь в широкие плечи. Ещё, ещё, пожалуйста, ещё.

Он снова читает мои мысли: спускает с плеч джинсовку, нетерпеливо тянет футболку вверх, впивается зубами в шею. Пульс бьётся в висках, голова в тумане желания, я тяну руки к его пиджаку и неуклюже стягиваю его вниз. Хочу почувствовать его ближе, теснее, интимнее. Проворные пальцы ловко расстегивают пуговицу на моих джинсах и тянут язычок молнии вниз, не прекращая жадно исследовать кожу губами. Ещё секунда и одной рукой он поднимает меня над столом, а другой — стаскивает плотную ткань с ягодиц.

Он движется уверенно, будто делал это тысячу раз. Холодная поверхность стола лишь распяляет своим контрастом с моим внутренним пожаром. Я, словно загипнотизированная, наблюдаю за тем, как скользит джинсовая ткань по коже, все больше оголяя ноги. Сердце грохочет в ушах, ощущения, как на грани обморока.

Неожиданный громкий стук в дверь — ушат холодной воды. Мамочки, что же я творю!

— Нельзя! — рявкает Босс на дверь.

Я вскакиваю со стола и судорожно пытаюсь натянуть приспущенные джинсы. За дверью слышится стук удаляющихся набоек. Господи, какой кошмар! Прыгаю на месте, влезая в тесную одежду, застегиваю пуговицу и тут же ныряю под стол в поисках своей футболки. Краем глаза наблюдаю, как Александр Германович встряхивает пиджак, только что валяющийся на полу, и приглаживает волосы, в которых минуту назад побывали мои пальцы.

Я прикусываю губу, не зная, как теперь себя вести. Снова притвориться, что ничего не было? Или свалить отсюда и из страны заодно, чтобы перестать влипать в мужчину напротив?

— Сядь, — его руки тяжело опускаются на мои плечи, и я плюхаюсь в кресло посетителей, сжимая в руках мокрую джинсовку.

Босс грациозно обходит стол и присаживается в свое замдиректорское кресло. Я опускаю взгляд себе на руки и заливаюсь краской так, что все лицо горит.

— Сегодня вечером. Я буду ждать тебя на стоянке в половине седьмого, — коротко говорит Александр.

— Я не приду, — хрипло вырывается из моего горла.

Собираю всю свою силу воли и поднимаю взгляд на мужчину напротив. Он вопросительно вскинул брови и смотрит на меня так, что хочется бежать без оглядки. Но я выдерживаю этот взгляд.

— И почему же?

— Я не хочу. Я не создана для таких отношений, простите. В субботу... что было бы после?

Задаю единственный вопрос, который сейчас имеет значение.

— А чего хочешь ты? — задумчиво проводит пальцами по губам.

— Того, на что мне не стоит надеяться, — пожимаю плечами, отводя взгляд в окно слева от нас.

Тяжёлые тучи мрачно смотрят на город. Так же, как я в свое будущее без этого мужчины.

— Не можешь забыть моих слов, — насмешливо произносит он. — Хорошо, Лея. Давай попробуем. Ты любишь кино?

Глава 23. Алиса

Вот мерзавец.

Он врал.

Машина МББ стоит на стоянке базы, усыпанная мокрыми листьями, и с залепленными грязью колесами, но она здесь. А мудака сказал, что вчера был без нее.

Сверлю его гневным взглядом, сложив руки на груди не просохшего до конца топа, пока он погружает свои вещи в багажник. Небо снова затягивают грозовые тучи, с минуты на минуту разразится очередной ливень.

— Что? — стреляет в меня глазами. — Тащиться в такой ливень в город было бы неразумно.

— Вы солгали!

— Как и ты, — глухой щелчок багажника скрывает саркастический смешок Босса.

— И что это значит? — фыркаю я.

— Вчера ты сказала, что будь на моем месте любой другой... но позже, твое тело говорило совсем другое, красотка.

Напыщенный индюк. Поправляю сбившийся на макушке пучок и игнорирую сверлящий лопатки взгляд.

— Прощу, — галантно открывает мне дверь Босс, мягко проводя пальцами по голой пояснице.

— Я доберусь на такси, но спасибо за предложение, — вкладываю в свою улыбку максимум яда и отбрасываю его руку.

— В такую глушь они не поедут. Садись, Алиса Селезнева, это просто поездка.

— А кофе — это просто кофе... — шепчу я, когда высокий паршивец огибает машину и садится за руль.

Протяжно выдыхаю, настраивая себя на непростое путешествие, и изящно опускаюсь на переднее сидение. Радио разрывается иностранными композициями сексуального подтекста, а мы едем молча, залипнув каждый в своих мыслях.

— Тебе куда? — вырывает меня из дум низкий голос.

— Текстильщики.

— Не ближний свет, — ухмыляется мужчина.

— Можете высадить меня у ближайшего метро, — холодно говорю я.

— Пожалуй, так и поступлю.

Вот козел.

— Вам не привыкать, — хмыкаю я.

— Что, прости? — недоумевают Босс, бросая взгляд на мои голые ноги.

— Высаживать на полпути. Бросать, едва въедете в город. Передать ответственность пассажиру. Боже, какую бы ещё придумать метафору для этого вашего "трахнуть и бросить?" — беззаботно кидаю я.

— В курсе значит. И кто же тот добродетель, что тебя посвятил? Дай догадаюсь: Жанна. О, она многое могла бы рассказать о том, какие это полпути, — расплывается он в мерзкой улыбке.

— И что, даже не екает?

— Напротив, меня заводит то, что с тобой не нужно играть в хорошего парня. Это

новый уровень. Добиться цели, зная, что ты понимаешь правила этой игры, ммм... кайф.

Длинные пальцы на руле начинают выстукивать ритм в такт очередной песни. Это не тот эффект, которого я добивалась, но вызов принят, не этого ли я добивалась?

Мы добираемся до Текстильщиков очень быстро. Вопреки угрозам высадить меня у ближайшего метро, Босс показательно подвез к самому дому.

— В гости не напрашиваюсь, — смеётся мерзавец, поднимая ладони вверх, словно в примирительном ключе. — Ты слишком хороша для этого, да? И парень, наверное, дома? Он, кстати, в курсе где и с кем ты провела ночь?

— А это не Ваше дело, Босс, — вывожу губами сексуальное "о". — До понедельника. Надеюсь, не увидимся.

Открываю дверь машины и аккуратно ставлю ноги на асфальт.

— Не надейся, — хмыкает мне в спину гад. — Ты будешь моя, Алиса.

Я перекидываю рюкзак с вещами через плечо, и быстро иду к подъезду, не достаивая его ответом. Непогода добралась и до Москвы.

В квартире первым делом принимаю обжигающий душ. Яростно стираю с себя следы прикосновений этого мужчины. Каждое его касание, каждый сальный взгляд. Ненавижу его. Ненавижу, ненавижу!

Чувствует себя богом, играет с людьми, как с пешками. Ему плевать на чувства других, женщины для него — всего лишь легкодоступные цели, мужчины — конкуренты, не достойные сражаться на одном с ним поле. Хотя и здесь были исключения. Но он не чувствует вину за содеянное с десятком глупых девчонок, не раскаивается, не страдает. Чертов ублюдок не чувствует ничего.

Но скоро это изменится!

Понедельник встречает резким похолоданием, напоминающим, что осень не за горами. Отличный повод выгулять новый брючный комбинезон. Собираю реанимированные после дождя волосы в высокий хвост, достаю новый тюбик ланкомовской помады цвета марсалы и обвожу губы идеальным полукругом. Черная ткань плотно прилегает к коже, красиво подчеркивая изгибы тела, а высокие шпильки делают ноги бесконечными.

Сегодня важная встреча с новыми партнёрами. Я должна показать себя во всем великолепии. Пускай моя карьера в этой компании не будет долгой, но показать себя профессионалом — тоже часть плана.

Семнадцатый этаж встречает меня рядом разноцветных мокрых зонтов, выставленных вдоль свежеекрашенных стен. Полуосвещенный коридор разносит стук моих каблуков на несколько метров вперёд и когда на пороге нашего единственного работающего кабинета меня встречает Лена, я даже не удивляюсь.

— Привет! — радостно говорит она, немного подпрыгивая на месте. — Я так и подумала, что это ты идёшь. Мне шеф поручил заняться вместе с тобой памятками для продавцов, я кое-что набросала в выходные.

Она говорит на ходу, увлекая меня к нашим рабочим местам. Говорит эмоционально, активно жестикулирует руками и смотрит на меня блестящим от идей взглядом. Фанатизм от работы. Все понятно.

Ближайшие часы мы проводим за стыковкой наших видений будущих учебных материалов. Лена говорит четко и с должным профессионализмом, с ней легко и удобно. Единственное, что мне хотелось бы в ней поубавить — ее энтузиазм. Хотя нет, еще ее громкий голос. И, пожалуй, зелёные пряди. Лет пять назад мы бы даже подружились, но

сейчас в моей жизни нет места подругам, да и не верю я больше в них.

К обеду рабочее помещение наполняется странным гулом.

— Что происходит? — задаю я вопрос Лене.

— Да, — машет она рукой. — Все в предвкушении встречи с партнерами. В прошлом месяце, когда они приезжали, всех угощали пиццей и хорошим кофе. Было прикольно. Вот все и думают, что будет на этот раз.

— А мы разве не итоги работы за месяц будем обсуждать?

— Ну, у «Peshkov Group» свое видение формата ежемесячных встреч, — пожимает она плечами. — Но о делах тоже будем говорить, не волнуйся. Ещё у них есть забавная традиция знакомства с новыми членами команды... в общем, посмотришь.

Девчонка загадочно улыбается, и я напрягаюсь. Не люблю быть не подготовленной.

— Скажи, что мне не придется петь или что-то вроде того, — прошу ее.

— Не, ничего такого. Ладно, нам пора, пошли.

Лена собирает со стола документы, я беру свой фирменный кожаный блокнот, подвожу губы, обновляя помаду, и вместе с потоком людей направляюсь на восемнадцатый этаж. Туда, где расположен огромный зал заседаний. Уже по тому, что партнеры приглашены на этот этаж, можно понять, насколько проект важен для компании.

Я замедляю шаг, чтобы оказаться позади толпы и войти в зал в числе последних. То, что я сделаю при появлении должно быть замечено Боссом.

Выбивая металлическими набойками дробь на плитке, я врываюсь в помещение, кишашее людьми как раз в тот момент, когда Босс начинает свою речь. Он на долю секунды сбивается с подготовленной речи, впиваясь своим пронзительным взглядом в мои яркие губы. Делаю несколько грациозных шагов к свободному стулу и элегантно опускаюсь на него.

Босс продолжает свою короткую речь, передавая слово высокому плотному мужичку средних лет, и усаживается аккуратно напротив меня. Между нами длинный стол для переговоров, уставленный изысканными канапе и кофе, и не менее тридцати людей, но ощущения, словно не более пары сантиметров.

Он прожигает меня суровым взглядом насквозь, оставляя горячий след на лице. Обводит свои губы пальцами в уже хорошо знакомом жесте, но сейчас это не просто движение, это укор.

Я достаю из блокнота заранее подготовленный листок для записей, демонстративно, не отводя взгляда от голубых глаз, складываю его и прикусываю губами. Руки мужчины напротив сжимаются в кулаки, и я физически ощущаю его немую угрозу.

Воодушевленная реакцией МББ я не сразу замечаю, что спикер сменился. Но при первых же звуках знакомого голоса вскидываю глаза и замираю.

Здравствуй, дорогой.

Руслан — чертов — Че.

Собственной персоной. Высокий красивый подонок, ничуть не растерявший своего обаяния. Покоряющий толпу своей белозубой улыбкой и вкрадчивым голосом. Блещущий остроумием и исторгающий одну сногшибательную идею за другой. Маркетолог от бога. Обманщик от дьявола.

Здравствуй, дорогой.

Я тебя не ждала, но очень рада видеть.

Темноволосый парень у проектора разливается соловьем, презентуя маркетинговый план развития нового продукта и его вывод на рынок. Все смотрят на него с открытым ртом немого обожания, проглатывая каждое его слово, словно теплую булочку. В реальности же вместо булочек народ запихивает в себя халявные закуски, заливаясь кофе от благодетелей. Я не исключение: беру стакан с обжигающим напитком и прикладываюсь к нему ртом. В ушах стоит завеса из гулко бьющегося сердца, но я улыбаюсь самой притягательной из своих улыбок.

Щеку жжет горячий взгляд другого мужчины, но нет, Босс, на сегодня с тобой мы закончили. Теперь все мое внимание — на высоком красавце во главе стола.

На очередном тонко выстроенном монологе Че встречается со мной взглядом и сбивается с мысли. Замирает. И клянусь, на секунду мне кажется, что он меня узнал. Давай же, хотя бы ты, докажи, что все это что-то для тебя значило! Но секунды, показавшиеся мне миллионами лет, оканчиваются ожидаемо: пустой взгляд проходит сквозь меня и перемещается на следующего слушателя.

Я держу лицо, выдавая страх за заинтересованность, предвкушение за вовлеченность и острое желание мести — за располагающей улыбкой.

После выступления Руслана, каждая из сторон кратко презентует итоги работы за прошедший плановый период. Я применяю все техники активного слушания, стараясь не выдать, как далеко сейчас мои мысли. Там я прокручиваю все изменения, которые произошли с мужчиной напротив за это время: волосы чуть длиннее, костюм подороже, взгляд более расслабленный. Но по сути, внутри все тот же гнусный лжец. Интересно, он все еще в игре?

Это довольно просто проверить. Я постукиваю наманикюренным пальцем по стаканчику в руках. План вырисовывается пока только в общих чертах.

— И последнее: традиционное представление новичков нашей команды, — голос Босса вырывает меня из дум.

Только не это.

— Алиса, прошу.

Я поднимаю глаза на Босса и встречаюсь с насмешливым взглядом. Легким взмахом руки он приглашает меня встать и подойти к трибуне.

Сейчас будет какая-то подстава, да?

Сохраняя приветливую улыбку, я грациозно двигаюсь по направлению к руководству. Ловлю заинтересованные взгляды партнеров, но отвечаю только на один из них — объекта моих сегодняшних дум.

— Господа, позвольте представить вам девочку из будущего — Алису Селезневу! —

Босс материализуется возле меня. Несколько добрых смешков проносится по залу. — Алиса — тренер, которого мы так долго искали. Прошу любить, но сильно не пользоваться, самим нужна.

От новой хохмы все больше людей начинают посмеиваться. А наглая рука Босса ложится на мой зад, пользуясь завесой трибуны.

— Алиса, у нас существует традиция знакомства с новым членом команды: каждый из присутствующих задаст по вопросу, Ваша задача, на него ответить с предельной честностью.

Он отходит к своему месту, напоследок сильно сжав мою ягодицу.

— Ах да, вопросы не всегда будут адекватными, — весело добавляет он. — Приступим? Кто хочет начать? Может Вы, Руслан Адамович, — кивает он на приятеля.

— Почему бы и нет, — сухо говорит Че и переводит взгляд на меня. — Алиса, как по-вашему, знаки существуют?

А, настолько неадекватные. Понятно. Темный скупающий взгляд проходится по мне сканером, но я легко выдерживаю его.

— Слишком глубокий вопрос для такой короткой встречи, Руслан, — снисходительно говорю я. — Задержитесь после совещания, и подискутируем на этот счёт, — томно произношу я, и по залу вновь проносятся несколько смешков.

— Я женатый человек, — незамедлительно отвечает Че. — Мне эти чувства аморальны.

Смешки переходят в откровенный хохот, а я замираю, вцепляясь пальцами в края трибуны. Даже так? Это было сказано для красного словца, чтобы потешить народ, или мир перевернулся с ног на голову, и ублюдки превращаются в добропорядочных семьянинов?

Мы молча прожигаем дыры друг в друге, улыбаясь одними лишь уголками губ, беззвучно прощупывая друг друга.

— Следующий вопрос, — разрезает тишину голос Босса.

Эх, такую игру в гляделки запарол. Перевожу взгляд на толстяка рядом с Че. Он сально ухмыляется, кидая взгляд в ложбинку на груди, открывшуюся его взору, когда я немного наклонилась вперед. Он задаёт какой-то глупый вопрос, но я его почти не слышу. Отвечаю машинально, словно и не я вовсе. В голове — ураган из мыслей и чувств.

Все заканчивается довольно быстро: я не успеваю переключиться с автопилота, как звучит финальный вопрос:

— Алиса, что вы думаете о выражении "Лучшее враг хорошего"?

— Так говорят недостаточно амбициозные люди, — пожимаю плечами. — А Вы? — возвращаю вопрос МББ.

— Так говорят недостаточно амбициозные люди... — повторяет он мой ответ и расслабленно откидывается на спинке стула. — На этом допрос с пристрастием окончен, господа. Приветствуем Алису!

Сотрудники начинают хлопать, поддерживая меня, и я благодарно улыбаюсь.

Спустя ещё пару минут всех отпускают по рабочим местам. Поток людей в дверях закрывает от меня руководство и темноволосого маркетолога, с которым я жажду пообщаться. Но сейчас слишком много свидетелей, я понимаю. Забираю со стола свой блокнот и стаканчик с недопитым кофе и делаю решительный шаг вправо. Но тут же врезаюсь в твердое препятствие. Столкновение такой силы, что стаканчик между нами просто схлопывается, выплескивая содержимое на нашу одежду. И если на черной ткани моего комбинезона потеки едва видны, то на белой рубашке мужчины растекается огромное уродливое кофейное пятно.

— Дьявол! — шипит над головой Че. — Чем не знак, не так ли, Алиса?

Вкрадчиво говорит он, отряхивая галстук.

— И что же он говорит? — интересуюсь я, делая полшага назад.

— Что интуиция не врет: от Вас нужно держаться подальше, — ухмыляется он.

— Это сказала Ваша интуиция или Александр Германович?

Бросаю короткий взгляд ему за спину, наблюдая, как к нам уже приближается последний.

— Аха-ха, — низко смеется он. — Пальцы в рот не клади, да?

— Кому ты опять собрался пальцы пихать? — насмехается подошедший МББ, забрасывая приятелю руку на плечи. — Так понравилась наша Алиса? Не могу тебя винить...

— Заткнись, а? У тебя рубашки запасной нет, у меня в типографии через час встреча?

— Нет, дружище, прости.

— Ладно, пойду, позвоню жене, пусть привезет.

— Передавай привет женушке и напомни, что я всегда на быстром наборе, если ты наскучишь! — бросает МББ в спину Руслану, на что получает высоко поднятый средний палец.

— Он правда женат? — выпаливаю я прежде, чем обдумать свой вопрос.

— Положила на него глаз, Алиса? — прищуривается он. — В былые времена... но сейчас тебе ничего не светит, прости, красотка. Есть только я.

Он разводит руки в стороны, как бы являя себя мне.

— Не интересно, — сухо бросаю я и, огибая Босса, выхожу в коридор.

Руслан стоит недалеко от двери и тихо разговаривает по телефону. До меня доносятся только обрывки фраз:

— Ага, не успею просто. Подвезешь? Да я в чем угодно признаюсь, если ты сейчас приедешь, — смеётся он. — Спасибо, Мышка. Жду.

Я скрываюсь в уборной, чтобы привести в порядок комбинезон и обдумываю план дальнейших действий. Божественное провидение все сделало за меня: разлитое кофе, испорченная рубашка, жена едет сюда. Дело осталось за малым.

Это рискованный план, я знаю.

Но жжение в груди никак не проходит. Его не успокоит ни время, ни часы медитации, ни даже модный психотерапевт, мне ли не знать. Да, весь мой гнев направлен на другого человека, но и этот участник давнишних событий сыграл свою роль.

Я делаю несколько уверенных шагов по стоянке. Уже вижу затылок мужчины и частично девушку с ним. Сжимаю дрожащие руки в кулаки, не давая себе времени на раздумья — один решительный рывок и все закончится. Гложущее чувство ненависти подутихнет.

Пробегаюсь пальчиками по затылку мужчины и прежде, чем развернуться и впиться в его рот, ловлю ошарашенный взгляд его жены.

Руслан практически сразу отпихивает меня от себя, но я успеваю оставить ярко бордовый след от помады на его коже.

— Ты же так хотел этого, милый, — хрипло шепчу я.

— Что ты несёшь? — шипит дышащий огнем мужчина.

Я хитро улыбаюсь и поворачиваюсь к его жене. Она должна знать правду. Такие как он никогда не меняются. Я ещё могу ее спасти.

Я встречаюсь с огромными зелёными глазами и замираю. Маленькая, хрупкая девчонка с внушительным животом смотрит на меня, не скрывая своего шока. Черт. Она глубоко беременна, а я только что устроила такой концерт. Она же не начнет из-за этого рожать раньше времени, да? Моя хищная улыбка миг гаснет, и вся бравада сходит на нет. Меня начинает мелко трясти от отвращения к самой себе. За пеленой ненависти я упустила что-то очень важное.

Что-то, что важнее моей мести.

— Извините, — несмело говорю я. — Я ошиблась.

Разворачиваюсь на каблуках и стремительно шагаю к дверям офиса. Дура, дура, дура, сколько раз ты сама себе говорила, что месть — это блюдо холодное. А теперь весь твой план может пойти под откос.

Разъяренный мужчина догоняет меня уже внутри. Он прижимает меня к стене за плечи и буквально опаляет огнем своего взгляда. От веселого мальчишки, которого я помню, в нем не осталось и следа. Сейчас это истинный Че.

— Это что, мать твою, было?! — выплевывает мне в лицо Руслан. — Я в этих ваших играх с Яковлевым играть не собираюсь, так ему и передай. И если я еще раз увижу тебя или его рядом со своей женой, клянусь, от ваших красивых лиц ничего не останется.

Меня трясет от страха. Самообладание впервые за многие годы подводит меня и я начинаю бессвязно лепетать:

— Прости, прости...

— Рус! Отпусти ее! — слышится звонкое рядом. — Ты пугаешь ее!

Я перевожу взгляд на зеленоглазое чудо и замираю от ее гневного взгляда, направленного не на меня.

— Давай, рассказывай ей правду, — Руслан дёргает меня за локоть, отчего я приглушенно шиплю.

— Ай!

— Рус, иди, переодевайся, опоздаешь на встречу, — уже спокойно говорит его жена, протягивая чехол с рубашкой. — Мы поговорим наедине.

— Ещё чего! — фыркает он.

— Иди, — сводит она бровки на переносице.

Тот негромко выругивается и разворачивается к лифтам, бросая мне напоследок предупреждающий взгляд из разряда "расстроишь ее — убью".

— И помаду сотри, — летит ему в след.

Мы с его женой стоим напротив друг друга, не произнося ни слова. Она всматривается в мое лицо серьезным взглядом, резко контрастирующим с ее милым личиком. Боже, она выглядит совсем девчонкой. Как же она приручила этого дракона?

— Зачем ты это сделала? — наконец спрашивает она.

— Глупая месть, — решаю я сказать правду, переводя сбившееся дыхание. — Прости, я не должна была...

— Так ты одна из них... — она немного наклоняет голову и смотрит таким сочувствующим взглядом, что мне становится не по себе.

— Одна из них?

— Участвовала в их игре.

— Ты знаешь? — неужели и она когда-то была их жертвой?

— Послушай, сейчас как раз время обеда, а я жуть, как хочу чая, — девчонка поглаживает свой гигантский живот с полуулыбкой на губах. — Поговорим?

— Это что, типа экстренная психологическая помощь для жертв мудаков?

— Ну, если хочешь, можешь думать так. Но мне просто хочется с тобой поговорить. Для меня это важно, понимаешь? — ее ладонь в очередной раз очерчивает живот полукругом.

Я только киваю.

— Схожу за сумочкой и вернусь.

Возвращаться не тороплюсь, даю ей шанс передумать и уехать. Спускаюсь только через пятнадцать минут, но девчонка все еще в холле. Неспешно вышагивает по скользкой плитке в высоких кедах. Ее волосы развеваются густым облаком, а на лице гуляет задумчивая улыбка, почти блаженная. Как же она похожа на меня. Ту, из прошлого.

Мы безмолвно выходим из здания и идем к ближайшей кофейне в соседнем бизнес-центре. Она заказывает себе чай с облепихой, а я отвратительный черничный латте, просто, чтобы помнить, почему я сделала то, что сделала.

— Так, кто победил? — вопрос бьет наотмашь.

Я не была к нему готова, не была. Комок горечи застревает в горле, и я делаю глоток мерзкого кофе, чтобы убрать его и взять себя в руки.

— Александр, — это имя и сейчас вырывается из меня болезненным спазмом.

Жена Руслана немного расслабляется напротив. Наверное, она боялась услышать, что это был Че.

— Откуда ты знаешь об их игре? — задаю я свой вопрос.

— Он все рассказал мне, — просто пожимает она плечами и отпивает чай. — Он раскаивается, поверь. Прошло столько лет, но он до сих пор чувствует вину. Знаешь, он сказал мне, что если бы мог найти всех девушек, которых они с Яковлевым развели на секс в своей погоне за адrenaлином, попросил бы их о прощении.

— И ты веришь ему? — хмыкаю я.

Очередной глоток кислого кофе становится поперек горла.

— Ну, мы женаты, у нас будет ребенок, конечно, верю.

Между нами вновь повисает молчание. Одно из тех, где очень многое хочется сказать, но слова не в силах вырваться изо рта.

— Я не прошу тебя его простить, не уверена, что сама смогла бы, — наконец говорит она. — Но отпустить и жить дальше — лучшее, что ты можешь сделать.

— Ха, забавно, — горький смешок вырывается неосознанно. — Я говорила себе это тысячи раз. Теми же самыми словами. Из дня в день. Когда он перестал отвечать на мои звонки. Когда поняла, что меня просто использовали и все эти красивые слова не стоили и гроша. Когда лишилась работы и не смогла найти себе новую, потому что оказалась в черном списке работодателей. Когда уехала в другой город, надеясь начать жизнь заново. Когда... Впрочем, не важно.

Я опускаю взгляд на керамическую кружку у себя в руках. Я итак зашла слишком далеко, рассказала то, что не должна была. Теперь моя тайна в опасности. Узнает Руслан — узнает и МББ. И тогда все, что я делала последние пять лет, будет напрасным.

— Я могу попросить тебя не говорить о нашем разговоре своему мужу? — я доверительно заглядываю ей в глаза. — Мне не хочется выглядеть жалкой в его глазах.

— Конечно, без проблем. Просто скажу, что во всем виноват его старый дружок, пусть с ним разбирается.

Она прячет улыбку за чашкой и делает пару глотков ароматного напитка.

— Он тебе не нравится, — наконец догадываюсь я.

— Мерзкий тип, — кивает девчонка. — При первом же знакомстве предлагал устроить тройничок. И чем только он тебя покорил...

— Когда-то, он вел себя совсем иначе, — невольно перед глазами всплывают картинки из прошлого. — Что говорит только об одном: из него вышел бы прекрасный актер.

— О, да. Особенно с этим его профилем... — мечтательно произносит она.

Я невольно фыркаю от ее замечания, разливая часть черничного латте на стол. А она забавная.

— Пойду, возьму что-нибудь другое, — встаю из-за столика. — Отвратительный привкус черники.

— А я люблю чернику, — улыбается она. Надо же, они с Русланом идеально подходят друг другу. — Кстати, я — Маша.

— Лея.

Глава 26. Александр. Сейчас

— Какого хрена ты снова затеял?! — в мой кабинет влетает разъяренный посетитель. Дверь смачно прикладывается о стену, разнося грохот по всему этажу.

— Че, дружище, тебе стоит научиться стучать в дверь. Вдруг у меня под столом орудует хорошенькая секретарша?

— Да мне насрать, даже если она будет прямо на твоём лице скакать! — орет он. — Если ты или твоя долбанутая подружка выкинете что-то подобное еще раз — я клянусь, переломаяю ноги. Обоим.

— Вот сейчас заинтересовал, — насмешливо откликаюсь я и немного отъезжаю от стола. — Какая подружка и что выкинула?

— А ты приглядиись повнимательнее, она оставила на мне свой грёбаный отпечаток.

Он немного оттягивает ворот рубашки, демонстрируя ярко бордовые разводы. Мой член моментально реагирует на этот цвет. У этого отклонения есть название? Типа, цветоман или колоразависимый? Потому что это уже не впервой.

— Еле стер это со своей рожи! Но она постаралась на славу, рубашку можно выкидывать.

Даже не пытаюсь подавить свою ухмылку. Ох, хороша девчонка. Какой свежий подход!

— Ты debil, Яковлев? Решил закончить наше перемирие таким неадекватным способом?

Рус начинает расхаживать по кабинету, матерясь, как последний сапожник.

— Я здесь не причем, — поднимаю руки в примирительном ключе. — Что она сделала?

— Присосалась ко мне прямо при жене.

— Ха! Затейница.

Невольно кидаю взгляд на клочок бумаги с отпечатком губ, что храню возле клавиатуры. Улыбка сама расплывается на лице. Скоро эти губы будут на моем члене.

— Тебе смешно? Тебе, блять, смешно? Машка на последнем месяце! Ей вообще сейчас не до таких сцен!

— Рус, успокойся. Я здесь ни при чем. А девчонка просто заигралась. Хотя ход был хорош, признаю.

— Какой, на хрен, ход? Ещё раз втянешь нас в свои игры... я тебя предупредил!

Че грозно тычет в меня пальцем, отчего вызывает очередную усмешку. Ему никогда не удавалось держать эмоции под контролем. Поэтому я лидер счета по сей день.

— Даже не собирался. Живи себе счастливо со своей Мышкой, рожай целый выводок мышат, ты мне больше не конкурент, а значит, не интересен, — просто заключаю я. — Хотя, если твоей жене хочется порезвиться на последних сроках с кем-нибудь более интересным... Я всегда за новый опыт!

Рус срывается с места и бросается ко мне через стол. Вовремя успеваю вскочить с кресла и уклониться. Ржу, как сумасшедший, над этим безнадежным.

— Какой же ты скучный стал, Че. Глубоко травмированный ты мне нравился больше.

Отхожу на безопасное расстояние, пока этот псих снова не набросился на меня. Он сжимает челюсть, словно готов впиться мне в шею и вырвать оттуда кусок. Его глаза блестят, как у маньяка. Видел его таким всего раз и мне ни хрена не понравилось.

— Я шучу, приятель, шучу.

Выставляю ладони вверх, медленно отходя назад — так ведь надо поступать с дикими животными, да?

— Ты. Мне. Не приятель.

Рычит он сквозь сжатые зубы.

— Да, я понял это, когда не получил приглашение на свадьбу. Обидно, кстати, было, — еще одна насмешка над старым знакомым.

— Я терплю тебя исключительно из-за выгодного сотрудничества. Хотя иногда жалею, что наши пути снова пересеклись, — выплевывает друг.

— Ауч, снова в самое сердечко, — язвлю я. — А я думал, мы вернемся к прежнему: пижамные вечеринки и совместный маникюр.

— С годами ты нравишься мне все меньше, — уже спокойно говорит Че. — Для меня прошлое — лишь постыдный эпизод в жизни. Но для тебя — это сам ее образ. Ты совсем потерял человечность. Неужели тебе не хочется остановиться?

Чертов моралист.

— Взгляни на мою жизнь, Рус, — развожу руками, подобно железному человеку — гению, миллиардеру и филантропу. — Моя жизнь идеальна.

— У тебя странное понятие идеала. По-твоему, бесконечная погоня за адреналином и никакой ответственности — верх мечтаний?

— Ты забыл упомянуть классный трах. Адреналин, классный трах и никакой ответственности, дружище. Ты уже позабыл, какой это кайф.

Похлопываю Че по плечу и возвращаюсь в свое кресло. Выискался тут образчик добродетели. Не так много времени прошло с тех пор, как он соревновался со мной за очередной трофей в погоне за тем самым чувством пресыщения. Но легко быть святым, когда переписал свой финал. Мне такого не светит, коварная стерва-жизнь много раз продемонстрировала свой жирный фак на мои нелепые надежды. И теперь я берегу морду подальше от асфальта, в который она меня тыкала.

— Позаботься о том, чтобы твоя очередная подружка больше не светила у меня перед глазами. Я предупредил.

Рус разворачивается и вылетает из кабинета так же, как влетел — громко, с хлопаньем двери.

Откидываюсь в кресле и складываю руки в замок. Глаза жжет тот самый листок с ярким бордо. Алиса, детка, ты меня удивляешь. Полезла к Русу, зная, что он прибежит ко мне. Всю встречу не сводила с него глаз, флиртвала, проверяя мою реакцию, и бам! Забила точно в лузу.

Шикарная девочка. Девочка из высшей лиги. И сама приплыла прямо в руки. Тело, ум, амбиции, гонор. Давно твердой десяточки не было. А оттого, что она знает правила игры, только интереснее.

От яркого пятна, с которого я не свожу взгляд, начинает рябить в глазах. На секунду прикрываю глаза, чтобы прогнать вспышку, но услужливое подсознание тут же подбрасывает неудобные картинки: белокурая головка у меня на плече, веснушки на носу, звонкий смех, от которого щемит в сердце. Последние недели наваждение обострилось. Идиотизм. Столько лет прошло.

Встаю из-за стола и подхожу к стеллажу позади. Там в закромах целый склад элитного бухла — подарки от пресмыкающихся коллег и благодарных партнеров. Достаю початую бутылку Hennessy X.O двадцатилетней выдержки и залпом осушаю остатки на дне. Там не

больше 50 грамм, но сладкий терпкий напиток опускается по горлу горячейволной и сразу же дарит искомое облегчение.

Упираюсь ладонями в столешницу и глубоко выдыхаю. Я знаю, что будет дальше. Как бы глубоко я не посылал свое подсознание, гребаное прошлое всегда найдет лазейку. Тут к мудаку Фрейду не ходи — понятно, откуда ноги растут.

Пару минут размышляю. Ещё одна бессонная ночь или жесткое похмелье завтра... что же выбрать? Хватаю закупоренную бутылку Кальвадоса лимитированного тиража и направляюсь на выход. Пошло оно все. Заебался.

Пока опускаюсь в долбаном лифте на первый этаж, снова чувствую, подкатывает. Стены давят грузом прошлого, смешиваются с беспорядочной кинолентой в голове и отражаются киношным именем от потолка. Звенят в ушах мелодичным весёлым голосом, смущенный смехом и громкими стонами. Блять, завтра начну ходить по лестнице.

Откупориваю виски и присасываюсь прямо к горлышку. Глоток, ещё один и ещё. Этот горче и тяжелее, но в голове сразу же становится на сорок градусов легче. Спасительное бухло.

Двери лифта разъезжаются, и в фокус попадает девочка, мать твою, из будущего. Я сразу же кидаю взгляд на ее адские секси-губы. Без помады. Оставила ее на Русе, коварная. Засчитано.

Поднимаю взгляд на глаза и тут же вижу другую: в смешном полосатом платье и с ореолом белых волос. Привычно сжимается желудок, я моргаю, и видение уходит, оставляя горячую брюнетку. Да, именно ты-то мне сейчас и нужна.

Хватаю ее за руку и втягиваю в лифт, пока двери не закрылись. Нажимаю кнопку верхнего этажа, отправляя кабинку в долгое путешествие. Придавливаю ее к металлической стене и тут же впиваюсь в пухлый рот. Давай же, красотка, выполни свою функцию: сотри это чертово дерьмо из моей головы.

Она сопротивляется, впиваясь острыми коготками мне в плечи, но совсем не правдоподобно. Я слышу ее прерывистое дыхание и ощущаю рваный пульс. Она скоро сдастся.

Но я хочу ещё поиграть...

Глава 27. Лея. Тогда

Подушечки пальцев очерчивают мою скулу, спускаются к шее, касаются мочки ушей. Жёсткие, мягкие, горячие, ледяные — ощущения меняются, а человек напротив меня нет. Сегодня все идет по тому же сценарию, что и предыдущие десять дней: вечер, ужин, прогулка, машина.

— Я готов, — томно произносит Босс, придвигаясь ближе. — Сделаем это сегодня.

— Ты уверен? — я тереблю кромку своего цветастого платья. Это серьезный шаг, я очень волнуюсь.

— Я подготовился, — выгибает он уголок своих губ.

- Наверное, нужно предупредить отца, что я задержусь.

— Лучше скажи ему, что придёшь завтра.

— Даже так? — я насмешливо выгибаю бровь. — А ты осилишь-то всю ночь?

— Ну, может, мы будем не только смотреть "Звёздные войны"...

Тугой узел тут же стягивается вниз живота. Мы обсудили это еще там, в его кабинете, тем дождливым утром. Я просила немного убавить напор, а он гарантировал, что все будет так и тогда, когда я сама захочу. И вот, пошла уже вторая неделя, а дальше поцелуев мы не сдвинулись ни на миллиметр. Он держит слово.

— Я... — снова начинаю краснеть и по-идиотски жевать губу.

— Я пошутил, Лея, расслабься, никаких поползновений, я же обещал.

Он снова проводит пальцами по моей щеке, убирает одну непослушную прядь за ухо, а потом мягко высвобождает губу из плена зубов. Его глаза сверкают яркими бликами, отражая солнечный свет, и я тону в этих озерах, позволяя течению нести меня. Я не боюсь его. Верю каждому слову.

Его квартира очень похожа на него самого: изысканная, стильная, внешне холодная. Очень мужская. Темные стены, черный пол, приглушенного цвета мебель. Не огромная с панорамным видом на город, как я представляла — привет Кристиан Грей — а самых обычных размеров. Гостиная, совмещенная с кухней, спальня, гардероб. Экскурсия выходит очень короткой и не содержательной — меня сразу приглашают на диван.

Александр скрывается в комнате, стягивая галстук по пути, а я несмело изучаю взглядом пространство. Низкий журнальный столик передо мной кристально чист: ни следов от кружек, ни единой бумажки, словно с него только что сняли защитную пленку и поставили на выделенное место. Хм. Диван, на котором я сижу, кажется, тоже никогда не видел гостей — черная блестящая поверхность источает едкий запах кожи и скрипит при малейшем движении. Мои голые ноги моментально прилипают к покрытию и весьма болезненно отлепляются, с характерным звуком. Божечки, как же стыдно!

Босс появляется в дверях в простой серой футболке и мягких спортивных штанах с ноутбуком в руках. Зачарованно наблюдаю, как он движется в мою сторону, кажется, даже не моргаю. Сейчас в воздухе искрит какое-то волшебство, как в диснеевском мультике: начинают петь птички, и мужчина объят ореолом света, а я, застывшая от этой красоты, принцесса. Как он хорош. Совсем другой человек без костюма, совсем одомашненный, и оттого еще сексуальнее.

Прижимаю холодные ладони к горящим щекам и опускаю взгляд. Александр садится рядом на диване и раскрывает ноутбук на столе. Я украдкой изучаю его руки — сильные,

жилистые. Скользю взглядом к плечам — крепким, накаченным. Наблюдаю, как натягивается ткань на спине, когда он наклоняется. С ума сойти! Сердце трепещет в груди, отдаваясь в ушах и кончиках пальцев. Сама не понимаю, как так происходит, но моя ладонь ложится ему на затылок и начинает путешествие вниз, вдоль позвонков. Мышцы под ладонью напрягаются, перекачиваются, и я прерывисто выдыхаю, забывая вдыхать новый воздух. Кожу покалывает от тепла и силы этого мужчины.

Он застывает от моих робких движений и поворачивает ко мне лицо. Его голубые глаза сейчас ярче прежнего смотрят на меня изучающе, с прищуром. Одним рывком он бросается ко мне и перетаскивает к себе на колени. Подол платья взлетает в воздух, и я хохочу от того, как неуклюже приземляюсь на Босса.

Он сжимает меня в своих объятиях, как ребенка, слегка покачивая на руках. Хотя, когда его рука ложится мне на бедро и начинает скользить вверх, приподнимая легкую ткань, я перестаю проводить эти странные ассоциации. Утыкаюсь носом в его небритую щеку и слегка им повожу, впитывая его мужской запах. Наши губы встречаются сами собой: я чуть наклоняюсь, он немного разворачивает лицо. Но когда это происходит, кажется, ничего естественнее и быть не может.

Его мягкие губы раскрывают мои — осторожно и нежно. Слегка прикусывают, оттягивают, срывают мой стон. Его ладонь на бедре достигает трусиков и очерчивает их кромку. Я дрожу в его руках, таю, как никогда остро чувствую потребность в его близости. Но все прерывается также внезапно, как началось.

Александр отстраняется и заглядывает мне в глаза. В голубых омутах пляшет такое пламя, что я задыхаюсь.

— Ты очень вкусная, — хрипло выдает он.

Я громко смеюсь, закидывая голову назад.

— Я даже не уверена, что это комплимент.

— Это он, одуванчик, поверь.

Рука, ещё секунду назад сжимающая мое бедро, взмывает вверх и приглаживает копну торчащих волос. Мое сердце вновь пропускает удар.

— Так... папа меня называет, — смущенно бормочу я.

— Папа? Черт, тогда я найду тебе другое ласковое прозвище. Но ты очень похожа на одуванчик. В самом лучшем смысле этого слова.

Александр расплывается в улыбке, и я отвечаю ему тем же.

— Пушистый белый одуван! — смеётся он мне на ухо, проводит носом по моей шее.

Я снова хихикаю на этот раз от щекотки и выскальзываю с его колен обратно на скрипучий диван. Босс перехватывает мои ноги, оставляя их у себя на коленях, и тянется к ноуту.

— Что, включаем первую часть?

— Сразу видно, что ты профан, — поддеваю мужчину. — Начинать надо с четвертой! Она и есть первая в цикле.

— Эм, странная математика какая-то, но ладно, как скажешь.

Мы устраиваемся удобнее: я облакачиваюсь на подлокотник дивана, Александр откидывается на спинку, поглаживая мои ноги на своих коленях, и экран загорается любимым: "В далекой-далекой галактике..."

Счастливее я себя ещё не чувствовала.

Глава 28. Александр. Сейчас

Девочка с привкусом вина. Сладко-терпкая, малиново-виноградная. Опускаю руку на ее шикарную задницу и прижимаю теснее к паху. Там все давно горит огнем. Но это будет слишком просто, да?

Делаю последний захват ее нижней губы, оттягиваю зубами, вдыхаю горький аромат и отступаю.

Опираюсь на поручень у противоположной стены и делаю глоток спасительного Кальвадоса. Девочка из будущего выглядит растерянной не дольше доли секунды, но я успеваю поймать этот момент и отпечатать в своей голове. Не так уж она хладнокровна. Алиса поправляет лацканы своего комбинезона, проводит ладонями по бедрам, расправляя невидимые складки, и складывает руки на груди. Меня одаривают взглядом "что дальше, мудака?".

Делаю еще один обжигающий глоток. Смотрю в серые глаза с нахальной улыбкой и полуприщуром. В гляделки мы ещё не играли, да, красотка?

Она не сводит с меня взгляда. Лифт отсчитывает этажи характерным гулом, бутылка в моих руках легчает, но она все так же не шевелится. Застыла, как древнегреческая статуя. Если подумать, Афродиту вполне могли лепить с нее, до того девочка хороша. Кабинка останавливается на последнем этаже, и двери разъезжаются. Но ни одному из нас нет до этого никакого дела. Двери снова съезжаются, а мы так и остаемся стоять, вросшие в металлическую плиту под ногами. В пустом зависшем над пропастью лифте.

Хороша. Ох, хороша.

Не могу сдержать рвущийся хохот. Всё-таки отвожу взгляд первым и снова заливаюсь дорогостоящим бренди. Смешок вырывается сам собой.

— Вы пьяны, Босс?

— Пока нет, но скоро это исправлю. Хочешь присоединиться?

— Посреди рабочего дня?

— А поехали в ресторан. Что скажешь? — игнорирую ее обвинительный тон.

— А может сразу к Вам? К чему все эти прелюдии? — гневно отбрасывает волосы за спину.

— Ха, засчитано.

Мы снова замолкаем. Лифт дергается и начинает снижение, очевидно, кто-то вызвал.

— Ты правда присосалась к Че при жене?

— Как быстро распространяются слухи...

— Как быстро ты превращаешься в шлюху в моих глазах...

— Что??? — разносится гневное по кабинке.

О, да. Эти горящие глаза, эта вздымающаяся грудь. Эффект достигнут.

— У тебя есть парень, при этом ты не отказываешь себе в удовольствии тесно пообщаться с другими мужчинами. Так что, может, мне просто тебе заплатить и прекратим эту нелепую игру?

Очередной глоток бурбона растекается лавой внутри. Пожалуй, пора приостановить возлияние без закуски, иначе я не доберусь до такси. Девчонка напротив уже в расфокусе, что только обостряет недавнее наваждение. Кадры сменяются кадрами: гневная брюнетка, забавная блондинка, горяча фурия, нежный ангел. Перемешиваются в коктейль, опьяняют

сознание. Сжимаю переносицу, чтобы прогнать видения.

— Какой же ты ублюдок! — шипит девчонка напротив и разворачивается к дверцам.

На "ты" перешла, это что-то новенькое.

— Эй, не надо стесняться своей натуры, мне нравятся шлюшки. Правда, только на завтрак. На обед предпочитаю блюдо поэкзотичнее.

Алиса снова разворачивается ко мне, и в контрасте с ее сверкающими гневом глазами губы расплываются в улыбке. Сейчас что-то выдаст, хитрая лиса.

— Наверняка ужасно неприятно осознавать, что такая шлюшка и для всех, кроме Вас, да, Босс?

От ее сексуального "Босс" снова начинает привставать в штанах. Хватаю ее за подбородок и притягиваю лицо к себе.

— У тебя ещё будет возможность показать все свои навыки, красотка. Ты до сих пор не раздвинула передо мной ноги только потому, что я этого не захотел. Запомни, Алиса, не пройдет и пары недель, как я окажусь в тебе. И ты сама меня об этом попросишь.

Дверцы разъезжаются на первом этаже, и я вываливаюсь из лифта. Цепляю плечом какого-то парня из ИТ и направляюсь к выходу. Нужно срочно на воздух.

Сзади не раздаётся стук каблуков, как я рассчитывал, но это и к лучшему, я не в форме для очередных баталий, как бы они мне не нравились.

Такси приезжает через двадцать минут. Я разваливаюсь на заднем сидении, игнорируя разрывающийся телефон. Судя по мелодии это не генеральный, так что вполне можно забить болт. Моя прекрасная помощница, привыкшая к таким вот отлучкам, знает, что делать. А жизненно важных вопросов открытыми я не оставил.

Тело тяжелеет от алкоголя, вызывая неприятное онемение. Снова зажимаю переносицу пальцами, стараясь подавить очередную волну тошноты и воспоминаний. Почему девчонка из прошлого стала всплывать, как только появилась девчонка из будущего? И чем дольше я провожу с ней время, тем больше мое больное подсознание подкидывает мне дерьма: я чувствую ее запах на Алисе, вижу ее глаза в этих холодных осколках, даже эти губы — совсем другие — но на вкус, как ее.

"Но в финале этой истории, я запомню лишь: тебе не на что надеяться"

Тянется эхом из прошлого. Идиотизм. Клинический. Снова тянусь к бутылке, но поток уже не остановить.

Пять лет назад.

"— Видел новую девчонку из оформления договоров? — передаю пас Че, тот перехватывает мяч и ведет к воротам.

— Опять разведенка без комплексов? — скучающе спрашивает он, забивая в пустые ворота.

— Эй, ту ты выбирал! — иду к скамейке и берусь за бутылку воды. — И сам же ее и чекнул. Эта поприкольнее будет.

Рус хватает полотенце и закидывает себе на плечо. Хорошо сегодня погоняли, в субботу на матче всех порвем.

— Надоели эти простушки. Может ту из юридического возьмём? С классной задницей?

— Замужем, дети, ипотека. Полный комплект, короче. Тебе оно надо?

— И чё эта девчонка? Надеюсь, не ниже семерочки, а то у меня даже не встанет, —

хохочет приятель, направляясь в раздевалку.

— Купишь себе таблеточки особого назначения.

— Черт, то есть там совсем финиш! Тебя потянуло на экзотику? Перекинемся теперь на уродин?

— Да ты её ещё не видел!

— Мне хватило твоего комментария.

Че стягивает футболку и направляется в душ.

— Заценишь завтра! — кричу ему вслед.

В ответ тишина. Дружище, ты даже не представляешь, какой экземпляр я откопал. Это же твой долбаный геиштальт. Будет сюрприз.

Занимаю свободную душевую кабинку и под ледяные струи прокручиваю в голове сегодняшнюю встречу в лифте. Смешная мокрая девчонка. Совсем не формат, но чертовски интересная. Нелепая, неуклюжая, но вместе с тем дико сексуальная. И с характером. Не каждая отказывается от предложения ее подвезти, а те кто не отказываются, нам не интересны.

К тому же, однозначно тип Руса — мелкая с невинными глазками. Именно таких он любит больше всего — мстит им всем из-за одной шлюшки. Борьба будет что надо."

Если бы я знал тогда, к чему все это приведет, не поехал бы на этом чертовом лифте. Заделался ЗОЖником и гонял на восемнадцатый этаж пешком. Каждый чертов день!

Глава 29. Лея. Тогда

Моего лица касается что-то теплое и мягкое. Скользит по щеке, забирается в волосы. Тяжело выхожу из глубокого футуристического сна, где балом правили межгалактические баталии и космические полеты и не сразу понимаю, что это пальцы Александра блуждают по мне.

С трудом приоткрываю один глаз и тут же щурюсь от бьющего в лицо солнечного света. Морщусь и тянусь к краю одеяла, которым накрыта, чтобы закутаться в кокон тьмы.

— Нет, пора вставать, одуванчик, — горячий шепот обжигает щеку, и дурацкие мурашки разбегаются табуном по рукам.

— Ты говорил, придумашь другое слово, — смеюсь я, немного приоткрывая глаза.

Александр сидит передо мной на корточках и выглядит до нелепости идеально. Никакого отпечатка подушки на лице или всклокоченных волос — напротив, свеж и бодр, а я даже боюсь представить, как выгляжу после ночи не в своей постели.

— Я передумал.

— Ты часто это делаешь, — насмехаюсь над ним.

— С тобой всё не по шаблону, — легко пожимает плечами. — Вставай, одуванчик, твой телефон разрывается уже минут двадцать. И судя по Дарту Вейдеру на экране, — он прижимает ладонь к губам и шипит. — Это твой отец.

Я перекатываюсь на спину и громко хохочу. Мы ведь и правда провели ночь за просмотром звёздной саги. Три фильма за спиной, ещё столько же впереди, но он уже проникся, однозначно! Помню, что на "Возвращении джедая" я уже откровенно клевала носом и перестала комментировать каждое действие героев и приводить странные закадровые факты. Встреча с эвоками*, собственно, последнее, что я помню перед тем, как провалиться в бездну сновидений.

А проснулась уже здесь.

Оглядываю комнату прищуренными взглядом, отмечая темно-шоколадные стены и огромную кровать, на которой ночевала, и выгибаю бровь.

— Ты перенес меня сюда?

— Не оставлять же тебя было на диване! — хмыкает Босс.

Я аккуратно приподнимаю одеяло, оглядывая себя — фух, одежда на месте. На моем лице, очевидно, отражается вся гамма пережитых эмоций.

— О, боже, хорошего же ты обо мне мнения, одуван! — он щелкает мне по носу и встаёт в полный рост. — Я не святой, но предпочитаю девушек в сознании. К тому же у нас договор, да?

— Ничего не знаю, я ничего не подписывала.

Натягиваю одеяло по самую макушку и тихо посмеиваюсь над собственной шуткой. Но смех тут же обрывается, когда мне на бедра взгромождается тяжелый мужчина. Я ахаю от сильного давления на ноги и скидываю одеяло с лица.

Александр смотрит на меня с привычной ухмылкой. Его ладони собирают тяжёлую ткань, оголяя меня по пояс. Хорошо, что я пришла к нему в наглухо закрытом платье, иначе, с моей удачей, сейчас они с моей грудью встретились бы взглядом. А так, она аккуратно упакована в цветастое платье.

— Так, если нет никакого договора, может... — хрипло говорит он, пока очерчивает

мои ребра пальцами.

Кончики его пальцев слегка задевают грудь, и я моментально вспыхиваю. Александр сидит спиной к окну, и свет, льющийся оттуда, обрамляет его силуэт, словно ангела. Падшего ангела. Очень, очень грешного ангела.

Он сжимает кисти моих рук и заводит мне за голову. Чертовски эротично. Он точно не смотрел "Пятьдесят оттенков"? А то что-то мне все это напоминает. Если он сейчас достанет галстук, надо бежать, потому что все эти БДСМ-штучки точно не для меня!

Сама не замечаю, как начинаю хихикать от собственных мыслей. Александр тут же отстраняется и слезает с меня.

— Ну, и как тебя соблазнять, если ты все время смеешься? — он насмешливо сводит брови и растягивается на кровати рядом со мной.

Тяжелая рука ложится мне на живот, а нос мужчины упирается мне в плечо.

— Я не всегда такая, честное слово, просто вспомнила кое-что... — шепчу, боясь разрушить момент.

— Мне нравится, — губы касаются разгоряченной кожи. — Просто придется сделать так, чтобы ты ни о чем больше не думала. Я справлюсь, поверь.

Теперь его губы сжимают мочку уха, мягко оттягивая его. Дыхание учащается, вторя сердечному ритму. Как хорошо. Очередной стройный ряд мурашек разбегается по спине и рукам. Но момент портит разрывная мелодия моего телефона.

— Мне... надо... — бессвязно бормочу я, выбираясь из сладкого плена.

Перекатываюсь через Босса, задевая его нос своим, и бегу в гостиную за телефоном. Папа. Конечно.

— Я жива, — говорю вместо приветствия.

— Это хорошо. Купишь молока по пути? — спрашивает он будничным тоном.

— Ты поэтому названивал мне шесть раз? — возмущаюсь я. — Чтобы попросить купить молока???

— Ещё джем захвати. Персиковый. Сегодня день блинов, ты забыла что ли?

— Помню, — бурчу я. — Скоро буду.

— Я записал "Голос", без тебя не смотрю.

Я отключаюсь и громко выдыхаю. Суббота — традиционный день блинов и дурацких телешоу. Сколько бы мне не было лет, как бы папа не был занят, он всегда выкраивает для меня этот день. И я просто не могу его пропустить, как бы мне не хотелось.

— Съездим позавтракать? — доносится сзади, прежде, чем сильные руки берут меня в захват.

Я прижимаюсь к крепкой груди, и расплываюсь в улыбке. Эндорфины в мозгу зашкаливают. Кто бы мог подумать, что этот статный властный Босс такой лапочка?

— Не могу, сегодня день блинчиков.

— Ммм, звучит вкусно.

Мое ухо снова оказывается в плену жадного рта. Я дергаюсь в его объятиях, пытаюсь увернуться от чувственной пытки. Очерчиваю рукой с зажатым телефоном в воздухе дугу и сношу светильник на стене. Черт.

Мы на секунду замираем и смотрим, как пластиковый короб осыпается кусочками на пол. Блин, опять. Зажимаю рот рукой и лицо искривляет гримаса ужаса. Боюсь даже взглянуть на мужчину позади.

— А я все ждал, когда ты начнёшь крушить мою квартиру, — неожиданный смех

застаёт меня врасплох.

— Прости.

— Ты ходячее несчастье, одуван, — покровительственно говорит он.

— Ты уже говорил.

— Значит, для тебя это не новость.

— Не новость, — вздыхаю я. — Уж поверь. Где у тебя щётка?

— Да забей, всего лишь светильник. Я думал, будет что-то помасштабнее! Разбитые окна или сломанная кровать. На последнее даже надеялся.

Александр снова смеется, закидывает мне руку на плечо и разворачивает к двери.

— Что ты там говорила о блинчиках?

— О, прости, это было не предложение. Мне нужно домой, у нас с отцом традиция — каждую субботу мы проводим вместе. Может, продолжим завтра?

Заглядываю ему в глаза и строю милую мордашку. Папа всегда на нее покупается, может, и с парнем сработает?

— Завтра никак, Лея. День рождения — семейный праздник, ну, ты понимаешь. Может, приедешь сегодня вечером?

— Стой, у тебя день рождения?

— Ага.

— Почему раньше не сказал?

— Да не имеет значения. Просто дата. Очередной повод повидаться с семьёй, которую год не видел.

— Но с меня все равно подарок.

Прижимаюсь к его щеке губами и быстро отстраняюсь.

— Я воспользуюсь ванной?

По дороге к дому я все прокручиваю в голове, что можно подарить такому мужчине на день рождения. Боже, я даже не знаю, сколько ему исполняется лет. Я даже не знаю, в каком мы с ним статусе... но точно знаю, что станет идеальным подарком.

Это будет память на всю жизнь.

**эвоки — раса маленьких мохнатых двуногих существ, похожие на медведей. Они известны тем, что помогли Альянсу повстанцев одолеть силы Галактической Империи в финальной битве 6 части ЗВ.*

Глава 30. Александр. Сейчас

Я опираюсь на стол позади себя и смотрю на девушку напротив. Она безупречна в этом обтягивающем, как вторая кожа, костюме цвета спелой вишни. Алиса прожигает во мне дыру своими холодными глазами. Такой контраст льда и жара во взгляде мгновенно вызывает во мне прилив возбуждения. Она медленно облизывает нижнюю губу, слегка прикусывая ее, и опускается на колени.

Я задерживаю дыхание, наблюдая самую порочную картину на свете. Она упирается лицом мне в пах, неспешно проводит носом по выпуклости, а затем несильно впивается в член зубами, прикусывает его через ткань. Я издаю стон, сам того не замечая. Сексуальная дикая кошка. Очень сексуальная.

Собираю ее волосы на затылке, чтобы лучше видеть лицо с обнаженными белыми зубами и оттягиваю ее назад.

— Где твоя помада? — хриплю сквозь сжатые зубы. Моя выдержка на исходе, но я должен осуществить эту грязную фантазию.

— В сумочке, — снова томно прикусывает губу, кидая взгляд на стол позади меня.

Скидываю ее сумку на пол, продолжая удерживать девушку за волосы. Она не глядя выуживает помаду, открывает тюбик и, смотря прямо мне в глаза, начинает путешествие по своим губам. Яркое бордо растекается густым вином по пухлому рту. Член дёргается в штанах, мечтая быстрее оказаться вымазанным этим великолепием и ее слюной.

Черт, это долго не продлится.

Проклятая трель телефона вырывает меня из горячего сна. Я щурюсь, приоткрывая глаза, и снимаю руку со стоящего колом члена. Воздержание никогда не было для меня проблемой, если я знал, что буду вознагражден в конце игры. Но, кажется, моему либидо осточертело работать по графику, и оно сговорилось с подсознанием, подбрасывая сочные картинки для разрядки во сне.

Перекатываюсь на скрипучем диване и тянусь к замолкшему телефону. Солнце фигачит прямо в глаза и не понять — оно ещё не зашло, или уже встало. Сколько, мать твою, времени?

Экран светится редким "Мама". Перебираю в голове все поводы, по которым она может звонить, и ни черта хорошего не ожидаю в восемь утра вторника.

— Саша, — звучит вместо приветствия.

— Мама, — холодно отзываюсь я.

— Тебя на выходные ждать?

— С чего бы?

— Твой день рождения. Игорь спрашивает, хотел заказать ресторан.

— В этом году не смогу вырваться. Работа.

- Я ему так и сказала.

Мы замолкаем. Тяжесть этой тишины давит на плечи и грудную клетку. Вот она реальность: нам больше не о чем разговаривать, мы совершенно чужие люди. Мы стали ими ещё до смерти отца, но после отделились окончательно за неимением связующего звена. Я не был дома четыре года. И думаю, уже можно перестать называть то место таковым.

— Как... у тебя дела? — выдавливаю я, наконец.

— Все хорошо, спасибо, что поинтересовался. Я позвоню тебе двадцать второго.

— Да, — говорю я уже коротким гудкам.

Не позвонит.

Не удивлюсь, если о моем дне рождения вспомнил дядя Игорь, а не она. Казалось бы, как женщина, которая выталкивала ребенка из своей утробы, может такое забыть? Оказывается, не достаточно просто пронести в себе будущего человека девять месяцев, чтобы считаться матерью. Слишком много факторов для этого должно сложиться. У моей матери — не сложилось.

Но пока был жив отец, это не так бросалось в глаза.

Хотя не стоит строить иллюзий, я всегда знал, что она меня не любит. Она вообще никого кроме себя не любила. Даже отца, боготворившего ее всю жизнь. Сколько раз она уходила от него, с громким апломбом хлопая дверью, сколько раз бросала ему в лицо свои измены. Но он всегда все ей прощал, как несмышленому ребенку, забавную проказу. И мне говорил: она создана для любви, земное ей чуждо.

Так он оправдывал свою музу, женщину, которая все ставила выше него. Выше нас. Но я всегда видел ее нутро: законченная эгоистка. Бессердечная сука. Как и все они. По ее вине он так рано ушел.

Страхиваю с себя остатки вчерашнего опьянения и иду в душ. Холодная вода разогревает кожу и тонизирует организм. Не так уж часто я бухаю, чтобы совсем расклеиться, но утренний разговор, плюс вчерашнее наваждение немного подкосили. И приближающийся юбилей ни черта не радует.

Очередной костюм садится идеальной удавкой, сжимает в тиски "большой босс" и напоминает о маске, которую нужно натянуть на лицо. Из зеркала на меня смотрит хладнокровное чудовище, затянутое в дорогую упаковку. Чудовище, которым мне нравится быть. Никаких чувств и ненужных терзаний. У него все просто и легко, он познал суть жизни и берет от нее только лучшее. Живого человека внутри уже почти нет.

Это заметил даже единственный друг. Бывший друг.

Пять лет назад.

— Ну что, неудачник, какие планы на сегодня? Будешь дрочить в кулачок? — Рус ржет, как дебил, приглаживая свои лощенные волосы в отражении на моей Ауди.

— Да пошел ты. Тебя ещё в первый день отшили, так что сегодня ничего не светит, — выплевываю я, перебрасывая ключи от машины в руках.

Мы стоим на стоянке перед офисом и соревнуемся ещё и в словесной дуэли: кто выведет соперника из строя морально. В остальные дни, свободные от игры, мы с Русом отлично ладим, даже приятельствуем. Но когда начинается соперничество заряженные адреналином от гонки мы переходим к жёстким баталиям. Необходимым нам обоим.

В нашей игре существует всего несколько правил: не вмешиваться в партию другого, действовать строго по очереди, не вставлять сопернику палки в колеса. И сегодня — день Че. Сегодня он занимается девчонкой, а мой удел — отойти в сторону и не мешать, как бы мне не хотелось схватить ее и закончить то, что мы начали вчера.

— Сегодня я повезу ее домой и проявлю чудеса джентльменства, вот увидишь, она поплывет. Такие девчонки ждут принца на белом коне и с удовольствием потом его седлают за парочку красивых жестов, — продолжает хорохориться Рус.

— Ты знаешь, что будет завтра, Че. Так что сегодня можешь даже не рыпаться.

Он знает не все о вчерашнем вечере, но достаточно, чтобы понимать, как далеко я зашел. Жесткий смешок вырывается из меня до того, как я замечаю белокурую головку за спиной Руса. Я замираю, окидывая девчонку взглядом: она выглядит совсем юной и чертовски сексуальной в простом легком платице и облаком кудрявых волос. Похожа на одуванчик: такая летняя и воздушная. И я не могу оторвать от нее глаз.

Заметив мою реакцию, Че разворачивается и расплывается в пластиковой улыбке. Мерзавец умеет играть хорошего парня.

— Лея! — срывается он с места. — Как твой лоб?

Он поднимает руку и очерчивает висок девушки пальцами. Мне хочется оторвать ему кисти рук и запихнуть их ему в глотку. Это нормальное желание соперника, ревность здесь не при чем. Я просто очень хочу победить.

Смотрю, как Лея отшатывается от его прикосновений и невольно улыбаюсь ее реакции. Значит, я пока лидирую. Она вскидывает свои глаза поверх плеча Руса и смотрит на меня. Ждет моей реакции. Но сегодня не мой день, детка, прости. Я тут же натягиваю хладнокровную маску и делаю вид, что меня не интересует представшая передо мной картина. Солнечные очки помогают скрыть мой блестящий предвкушением победы взгляд.

Я бросаю короткое "до завтра" и, обогнув машину, сажусь в салон. Спустя минуту я выезжаю со стоянки, оставляя парочку в зеркале заднего вида.

Если бы не дурацкие правила игры, сегодня она была бы моей, уверен. Она могла быть моей ещё вчера, если бы я не ступил и не отпустил ее домой.

Вспоминаю, как накрыло меня вчера в машине, когда Лея забралась своими мягкими пальчиками в мои волосы. Как снесло крышу от ее тонкого дрожащего в моих руках тела и неумелых поцелуев. Это какой-то новый вид удовольствия, не испытанный ранее. Она отходит от стандарта девушек, которых мы выбираем обычно: слишком неопытная, слишком простая, слишком бесхитростная. Может поэтому мое тело так на нее реагирует? Обезумел от новизны и чистоты?

Как еще объяснить то помутнение, когда она выскользнула из машины, а я остался сидеть, пришибленный к месту, не способный двигаться ещё минут пять? Я даже не говорю про адский стояк в штанах, который не спадал потом полдороги к дому.

Интересно, как далеко пойдет сегодня Рус? Что она позволит ему?

Глава 31. Лея. Тогда

"Приедешь?" — светится на экране в воскресенье вечером.

"Да" — коротко отвечаю я.

Одеваю любимую футболку с "Розовой пантерой", юбку-солнце и черные кеды. И пускай, выгляжу чуть ли не как школьница в этом наряде, чувствую себя привлекательной. Даже мои волосы сейчас мне нравятся. Ну и что, что торчат в разные стороны под нелепым углом? Ему нравятся!

"Одуванчик" — звучит в голове любимым голосом.

Кидаю в рюкзак сменную одежду, зубную щётку и коробку с подарком и кричу папе, чтобы сегодня меня не ждал.

Тот выходит из своей комнаты и оглядывает меня подозрительным взглядом.

— Опять к Вике?

— Ага, — опускаю взгляд на кеды, прикидывая, перешнуровывать их или и так сойдёт. Но на самом деле просто прячу глаза от всевидящего ока.

— Ага, — вторит мне отец. — Передавай ей привет.

Складывает руки на груди и смотрит на меня таким пронзительным взглядом, что волей-неволей глаза приходится поднять. Совершенно отцовским. Он знает, что я совсем не к Вике собираюсь, но ждет, когда я признаюсь ему сама. А я сама трушу. Пусть пока сохранится иллюзия хорошей девочки. Меньше всего мне хочется отвечать на папины вопросы об Александре. Я и сама на некоторые из них пока не могу ответить.

Хватаю джинсовку, папа закрывает за мной дверь, и я окрыленная бегу по ступеням вниз. Под ярким сентябрьским солнцем добегаю до метро и за пару пересадок добираюсь к дому Босса. Сердце радостно стучит от предвкушения встречи с ним, ладони снова потеют. Думаю, сегодня мы перейдем на новый этап.

Пока жду лифт, телефон сигнализирует о новом сообщении. Руслан. Уже который день пытается вытащить меня то на прогулку, то в кино. Не сдается, хоть я и сказала ему прямо, что у меня есть другой. Игнорирую очередное приглашение и захожу в лифт. Роюсь в рюкзаке в поисках маленькой коробочки, которую приготовила для Александра. Вообще-то я заказала их отцу, но его день рождения только в октябре, а тут экстренный случай.

Вытираю ладошки об юбку и жму дверной звонок. Дверь тут же распахивается, словно меня ждали под ней. Александр невыносимо красив. Смотрит на меня горящим взглядом, протягивает руку и тут же одним сильным рывком затягивает в квартиру. Прижимает к стене, выбивая дух, и тут же припадает к моим губам.

Это не поцелуй. Это сжигание на костре: невозможно пошевелиться и тело все в огне. От его рук, сжимающих талию, от губ, жадно исследующих мои, от горячего дыхания, смешанного с парами алкоголя. Он выпил. Конечно, есть повод.

— Ты очень долго ехала, — шепчет мне на ухо, пробираясь поцелуями по скуле к шее и вниз.

Прижимается плотнее ко мне, вжимая в стену сильнее. Путешествует руками вверх и вниз, оставляя обжигающие дорожки там, где прошли его пальцы. Я всхлипываю в его руках от переизбытка чувств. Отдаленно слышу, как ударяется об пол коробка с подарком, зажата до этого в моих руках, и рюкзак. Сквозь толщу грохочущего сердца чувствую, как слетает джинсовка с плеч. А потом и юбка приземляется у ног воздушным облаком.

Мозг затуманен невыносимым желанием. Я даже не понимаю в этот момент, как, должно быть, нелепо выгляжу в одной футболке, трусиках и кедах. Все уходит на второй план. Остаётся только это огромное чувство внутри, распирающее грудную клетку.

— Я так хочу тебя, одуванчик, — низкий шепот пробирает до самых костей. — Не могу больше ждать, прости.

Он подхватывает меня под ягодицы и несёт в сторону спальни. Я сжимаю его плечи и смотрю в затуманенные желанием глаза. Они, как море перед грозой — темнеют до глубокого сине-серого цвета.

Александр аккуратно укладывает меня на постель и нависает сверху. Очерчивает кончиками пальцев мое лицо и я прикрываю глаза от накрывшего меня удовольствия. Тело прошибает электричеством от этих мягких касаний. Он выпрямляется, застывая на коленях между моих разведенных ног, и окидывает меня жадным взглядом. Мужские ладони ложатся на мои колени и медленно спускаются вниз. Когда два больших пальца останавливаются на бедренных косточках, немного отодвигая кромку трусов, я выгибаюсь от очередного разряда, пробившего меня насквозь.

Ладони скользят дальше, приподнимая мою нелепую футболку, оголяя грудь. Все это происходит так медленно, так волнительно, что я начинаю дрожать в его руках. Взгляд мужчины возвращается к моим глазам. И в этот момент все меняется.

Словно мы стояли на медленном повторе лучших моментов матча, а теперь снова возвращаемся к игре. Моя футболка слетает вместе с лифчиком, рот Александра оказывается на моей груди, животе, бедрах. Он третя носом о местечко, пока прикрытое трусиками, и меня выгибает дугой. Его ладони скользят мне под попку и стягивают последний лоскуток ткани, прикрывающий тело.

Ещё мгновение и он лежит на мне.

— Да, да, — как сумасшедшая повторяю я, прижимая его ближе.

Чувствовать его тело на себе — такое жесткое, сильное, мужское — невыносимо хорошо. Ощущать требовательные губы и пальцы — невозможное удовольствие. Жар и адреналин захватывает каждую клетку, каждый нерв. Я забираюсь под его футболку руками и хнычу от несправедливости — он может трогать мою кожу, а я лишена этого. Тяну ее вверх, не в силах ждать. Он помогает мне, опирается на локти и позволяет ткани соскользнуть, затем отбрасывает ее в угол комнаты. Когда наша кожа соприкасается — его раскалённая и моя ледяная — вырывается хриплый стон. Не понимаю мой или его.

Низ живота охватывает горячая лава, комната кружится перед глазами, воздуха не хватает. Он потирает своей твердостью у меня между ног, и я уношусь в другую вселенную к радужным пони и мармеладный жирафам, так мне хорошо. Никогда ничего подобного не испытывала. Всегда считала, что секс — это просто механическое взаимодействие с лотереей в конце. А оказывается, просто был нужен правильный человек.

Где-то за пределами этой комнаты происходят все эти вещи: он стаскивает с себя штаны, впивается зубами в мое плечо и сжимает бедро. Сильно, даже жёстко, нетерпеливо разводя мои ноги шире. Шепчет слова, которые поплывший разум даже не в силах распознать:

— Я не подготовился... Я успею... Так хочу тебя.

Он входит в меня одним толчком. Сразу на всю длину, вышибая весь воздух из лёгких.

— Черт! — шипит он.

Останавливается на секунду, смотрит в мои глаза своими бушующими океанами и

начинает двигаться. Сначала медленно, проверяя мою реакцию, затем быстрее, глубже, волнительнее. Я обхватываю его поясницу ногами, помогая сохранять ритм, впиваюсь ногтями ему в лопатки, прикусываю ключицу перед глазами. Он рычит и сжимает в кулак мои волосы.

Наши губы соединяются в безумной жажде друг друга. Мне хочется целовать его глубже, царапаться о жёсткую щетину, издавать стоны и жаться к нему плотнее. Хочется раствориться в этом моменте, впитать в себя каждое дыхание, каждый его хрип.

Все заканчивается быстрее, чем я ожидала. Тяжёлый импульс проносится по телу, сжигая каждую нервную клетку, заставляя дрожать и кричать. Уши закладывает и тело мгновенно становится легче, возносится над "здесь и сейчас". Сквозь толщу сердцебиения я ощущаю, как живот заливают чем-то теплым, слышу глубокий мужской стон, а затем чувствую его тело на себе.

Не в силах открыть глаза, опираюсь на другие органы чувств: осязаю разгоряченную кожу, чувствую терпкий мужской запах, слышу учащенный пульс под своими ладонями. Под этот мерный стук уплываю в небытие, где воздушное облако подхватывает и несёт меня.

Надеюсь, в рай.

К реальности возвращаюсь от теплых поцелуев, покрывающих мое лицо. От нежных поглаживаний щек и нашептывания: не спи, одуванчик.

— Я не сплю, — улыбаюсь, так и не открывая глаз.

— А мне кажется, тебя вырубил, — смеется мне на ухо Босс. — На моей памяти такое впервые, и я польщён.

Влажное тело прижимается к моему боку, голова ложится на плечо.

— Ты весь мокрый!

— Ты тоже, — ухмыляется он, опуская пальцы мне на живот. Я вспыхиваю, когда он начинает размазывать доказательство своего финала по моей коже. — Надо в душ, но не хочется вставать. — Устало шепчет мужчина.

— С днем рождения, — шепчу я в его макушку.

— Ужасный выдался день, — выдает он грустный смешок.

— Семейная встреча не удалась? — робко спрашиваю я.

— Это мягко сказано. Скажем так, не я был звездой сегодняшнего дня. Хорошо, что ты приехала.

Это небольшое откровение заставляет мое сердце трепетать. Он же почти признался, что я нужна ему, да?

— И прости, что не сдержался, — его пальцы переходят на внутреннюю сторону бедра, поглаживают влажную кожу, заставляя выгибаться от щекотки. — Я не собирался, но ты часто становишься катализатором для не свойственных мне вещей.

Я хихикаю от чувственных ощущений и забавного умозаключения. Это я катализатор? По-моему, все наоборот. Никто раньше не заставлял меня совершать такие приятные глупости. Поворачиваюсь к Александру боком, зажимая его ладонь между ног.

— У меня для тебя есть подарок.

Он вскидывает голову и впивается в меня своим пронзительным взглядом. Подбирается пальцами к запретному местечку вместо того, чтобы просто вынуть руку.

— Серьезно? — насмешливо улыбается он. — Я как раз хотел тебе предложить сделать мне подарок.

Он бросает взгляд вниз, где его восставшее настроение уже покачивается в моем направлении. Я этого не вижу, потому что не могу заставить себя посмотреть на обнаженного мужчину, но чувствую, как что-то твердое тычется мне в бедро. Щеки заливают краской. Неужели мы... еще раз?

Он вытягивает руку из плена моих ног и берется за ладонку. Тянет ее ко рту, оставляет поцелуй на внутренней стороне затем ещё один обжигающий на запястье. Я широко раскрываю глаза, чтобы не пропустить ни мгновения из представшей картины. Столько чувства в этих бесхитростных действиях, столько поклонения.

Александр кладет мою ладонь себе на грудь и, направляя своей рукой, скользит вниз. Под моими пальцами влажная мягкая кожа с редкими волосами ощущается очень... по-мужски, что ли. У меня спирает дыхание от силы тактильных ощущений. Когда мы достигаем того места, на которое я старалась не смотреть все это время, он помогает моим ледяными пальцами обернуться вокруг его члена. Рваный выдох вырывается из меня вместе с самообладанием. Он убирает свою руку и подносит ее к моему лицу. Большим пальцем он оттягивает мою нижнюю губу, проводя очень явную ассоциацию. Ах, вот, что за подарок.

— Очень хочу твой ротик, — подтверждает он мои догадки.

Сердце предательски отзывается внизу живота. Разве оно должно там стучать? Я прикрываю глаза, силясь понять свои ощущения от этого предложения. Страх? Предвкушение? В этот момент большой палец Александра приоткрывает мне рот, проникая внутрь. Инстинктивно я обхватываю его губами и слегка прикусываю зубами. Из него вырывается хриплый стон. Подстегнутая такой реакцией я втягиваю палец глубже и прохожусь по нему языком.

— Черт, — шипит Босс, прикрывая глаза.

Его эрекция толкается в мою ладонь, словно хочет оказаться на месте этого пальца. Я и сама хочу. Выпускаю подушечку изо рта с громким чмоканьем и атакую рот мужчины. Он не ожидал этого, но тут же подключается к поцелую, жадно сминая мои губы. Откатывается на спину и я оказываюсь практически лежащей на нем. Его рука тут же сжимает мои волосы, удерживая голову в определенном положении, пока он атакует мой рот. Член все так же дергается в моей руке. Я отрываюсь от его рта и, оставляя короткие поцелуи на скулах, ключицах и его груди, опускаюсь вниз.

Александр замирает и смотрит на меня из-под опущенных век. Я следую своей интуиции и острой потребности сделать этому мужчине приятно. Опускаюсь на колени перед его широко расставленными ногами и ладонкой изучаю длину. Лицо снова заливают краской, но теперь уже от возбуждения. Я не так, чтобы специалист по членам, видела только один и то мельком, но этот — красивый. Большой, ровный. Мне очень хочется взять его в рот.

Не снимая ладони, я смыкаю губы на головке, прохожусь по ней языком и вбираю член глубже. Чувствую свой вкус вперемешку с его и ужасно возбуждаюсь от этого. Никогда не думала, что это возможно, но меня всю трясет от желания.

Вскидываю глаза на Александра и вижу грозные тучи во взгляде, направленном на меня. Из приоткрытого рта вырывается рваный выдох, руки он заводит за голову и впивается ими в спинку кровати. Мышцы играют на его руках и торсе, создавая кадр из спортивного журнала. Модели Хьюго Босс нервно курят в сторонке.

Одной рукой я скольжу по его твердому животу, продолжая неспешно двигаться вниз и вверх, языком и губами. Это интересно. Это приятно обоим. Ему — физически, мне —

эмоционально. Видеть, как хорошо я могу ему сделать...

— Черт, я ужасно хочу в тебя, одуванчик, — хрипит он, не сводя прожигающего взгляда с моих губ. — Хотя нет. Продолжи так.

Он опускает ладонь вниз и очерчивает пальцами мою щеку. Запускает руку мне в волосы и мягко помогает двигаться в приятном для него ритме. Не давит, не напрягает. Направляет.

Неожиданно он оттягивает мою голову и, перехватывая член второй рукой, совершает несколько интенсивных движений. Густая жидкость попадает мне на грудь и живот под протяжный мужской стон. И это тоже ужасно эротично.

Александр закрывает глаза сгибом локтя и начинает смеяться. Я осторожно вытягиваюсь вдоль его тела, чтобы не испачкать простыни.

— Хорошо?

— Черт, одуванчик, это лучшее завершение этого долбаного дня. Мне кажется, я даже встать сейчас не смогу.

Улыбка растекается по лицу, отражая мое внутреннее ликование. Наверное, после всего, что сегодня было глупо называть его Александром. Хотя это имя очень идет ему и его статусу. Даже язык не поворачивается его сократить. Но мы же перешли на новый уровень, да?

— Саш, — несмело тяну я. Перекатываю на языке, пробую на вкус это новое обращение.

Он отнимает руку от лица и впивается в меня странным взглядом.

— Мне бы в душ, — смеюсь я, показывая ладонью на свое тело.

— Будет исполнено, — он резко подпрыгивает на кровати и подхватывает меня на руки.

Я визжу от неожиданности и восторга.

— Кажется, ты говорил, что не сможешь даже встать!

— Я передумал, — подмигивает он мне.

Ногой открывает дверь помещения, локтем включает свет, ставит меня на дно керамической ванны и включает душ. От первых холодных капель я снова визжу. Саша смеется — легко и непринужденно — и на одной щеке образуется ямочка. Я такая невнимательная, или он никогда по-настоящему не смеялся раньше?

Он залезает ко мне, тянется за гелем для душа и очень нежно растирает им меня.

— Завтра ты будешь пахнуть, как я.

— Я уже пахну, как ты, — саркастично замечаю я.

Глаза мужчины загораются, и он обхватывает мыльными ладонями мою грудь.

— Черт, и как мне завтра работать с этой мыслью? Ничего не планируй на завтрашний обед.

— Как скажете, Босс.

— Кажется, я снова тебя хочу, — рычит мужчина и прижимает меня к стене. Холодная плитка почему-то обжигает тело в предвкушении нового приключения. — Придется спуститься вниз, кажется, в машине есть неприкосновенный запас, — мурчит мне на ухо Босс. — Безопасность превыше всего. Никуда не уходи, не шевелись, не вздумай одеваться. Я с тобой ещё не закончил.

Он исчезает за дверью, и спустя пару минут я слышу хлопок двери.

Боже, ощущение, что я застряла в порно-мыльной опере...

Утро наступает так рано и неожиданно, что я не сразу понимаю, что за сумасшедшая

мелодия звучит в ухе. Разлепляю один глаз и тянусь к телефону, чтобы прекратить свои мучения. Но под рукой оказывается вовсе не разрывающий перепонки гаджет, а крепкий мужской торс.

Воспоминания минувшей ночи всплывают лентой ярких вспышек. Преимущественно восемнадцать плюс. Я расплываюсь в улыбке и сладко потягиваюсь в постели. Ужасно хочется спать, тело ломит, словно после марафона, но мне так хорошо!

— Одуванчик, что за жуткие звуки? — горячее дыхание опалает мне щеку.

— Будильник.

— Сколько времени?

— Шесть тридцать.

— Выключи это адово устройство и иди сюда, — сильные мужские руки тянут меня в свои объятия, и я еле успеваю дотянуться до телефона.

Колючая щека ложится мне на плечо, нос утыкается в шею, а тяжёлая рука прижимает к кровати. Я тут же проваливаюсь обратно в сон.

Второе пробуждение выходит совсем другим: неспешным и мягким. Я поворачиваюсь на бок и чувствую тепло утренних лучей на лице. Из приоткрытого окна доносится чириканье птиц и шелест деревьев, звуки, которые еще напоминают лето. Я снова улыбаюсь, не в силах погасить рвущееся наружу счастье.

Тянусь к телефону и тут же подскакиваю на кровати. Восемь часов! Я опоздаю, и мне влепят штраф. Третий за месяц. И все, ползарплаты, считай, нет.

Оборачиваюсь, а мужчины в моей постели нет. Не очень приятное чувство. Встал и не разбудил меня? Может, он уже топчется в коридоре, облаченный в очередной идеальный костюм, ожидая от меня той же самостоятельности? Господи, какая же я дурочка, что не поставила второй будильник. Теперь собираться впопыхах... с моими-то волосами!

Заворачиваюсь в простынь и начинаю выискивать свои вещи на полу. Так, вот смятая футболка, тут же лифчик, где же трусики? Ползаю на четвереньках, исследуя подкроватное пространство, когда дверь в спальню приоткрывается. Вскидываю голову и встречаюсь с очередным насмешливым взглядом. Нет, он еще не одет...

Мягкие спортивные штаны низко сидят на бедрах, а помимо них на нем только... улыбка! В руках у него чашка с кофе, аромат которого достигает меня даже в другом конце комнаты. Очевидно, мы сегодня опоздаем.

— Не торопись, — говорит он, обжигая взглядом силуэт, завернутый в тонкую ткань. — И если ищешь белье, — он кивает на тумбочку у кровати.

Я поднимаю взгляд и густо краснею. Мои скромные белые трусики вольготно расположились на торшере. Черт. Вот позорище. Прижимаю к груди только что собранные вещи, попутно прижимая простынь, и энергично ползу к находке. Одним резким движением срываю злополучные трусы с торшера и, конечно же, тяну дурацкую лампу вместе с ними. Светильник начинает падать, и я подставляю руки, забывая, что они нужны, чтобы держать простынь на груди.

Громкий хохот разрывает пространство комнаты. Боже, почему, ну, почему ты сделал меня такой неудачницей? Ставлю торшер на место и снова закутываюсь по самые уши, горящие огнем стыда.

— Одуванчик, ты просто нечто! Жалко, что сегодня не выходной, завалить бы тебя прямо здесь на полу, — говорит Саша, сверкая глазами.

— Надо... на работу... — мямлю я. Не говорить же прямо, что я еще от ночного

марафона не отошла. Кажется, после вчерашних упражнений, мой организм считает, что его сбила машина.

— Надо, — хрипло говорит он. — Собирайся, успеем ещё кофе выпить.

И выходит из комнаты. Со скоростью метеора натягиваю на себя нижнее белье и майку, едва доходящую до бедер, и крадусь в коридор к рюкзаку за сменной одеждой.

Босс стоит спиной за кухонной панелью перед кофемашиной. От его широкой обнаженной спины со следами царапин меня бросает в дрожь. Подавляю в себе дикое желание подойти и обнять его, прижимаясь губами к загорелой коже. Не хочу выглядеть влюбленной дурочкой. Хотя уже совершенно очевидно, что так оно и есть.

Хватаю рюкзак и коробочку с так и не распакованным подарком и скрываюсь в ванной. Сначала — привести себя в порядок, потом вручать.

Волосы, ожидаемо, походят на гнездо сумасшедшей вороны. А свою волшебную расчёску я, конечно же, взяла забыла. Достая запас шпилек и сооружаю хитрую прическу на голове, такой вариант "стильная небрежность", "домохозяйка с тремя детьми", "я никогда не слышала о шампуне". Но все лучше, чем "домовёнок Кузя".

Платье из плотной немнущейся ткани, созданное богами, не меньше, отлично подходит для такого походного варианта ночевки. Я выгляжу почти сносно, даже без косметики.

Верчу в руках маленькую коробочку, размышляя, насколько глуп мой подарок. Но важно же внимание, да? Особенно после вчерашнего сложного дня.

Саша все ещё орудует возле кофемашины, когда я возвращаюсь. Сажусь на высокий стул за стойкой и кладу на нее свой презент.

— У меня капсулы только для эспрессо, но в холодильнике есть молоко, посмотри, — говорит он, не оборачиваясь.

— Не надо, мне не помешает кофе покрепче после сегодняшней ночи, — улыбаюсь я.

И килограмм углеводов, если уж на то пошло. Но выклянчивать для себя завтрак как-то неприлично, поэтому я просто складываю руки в замок перед собой и жду, когда он обернется.

— Ваш кофе, мадам, — с замашками вышколенного официанта говорит Босс, ставя передо мной чашку с ароматным черным напитком.

Его глаза натываются на коробочку, и он приподнимает брови в уже знакомой мне манере.

— Подарок, — констатирую очевидный факт.

— Так ты серьезно о подарке говорила?

— Конечно!

— Хм.

Взгляд мужчины становится серьезным. Он берет в руки небольшой квадратный короб и открывает. На черном бархате лежит две запонки в виде "Сокола тысячелетия". Простые металлические, но очень достоверно исполненные.

— Если когда-нибудь решишься их одеть, они будут напоминать тебе обо мне, — нервно улыбаюсь, не понимая по каменному лицу его реакции.

Саша вскидывает глаза и смотрит на меня так, что кажется, я сейчас заплачу. Столько в его глазах чувств. Он огибает стол и сжимает меня в объятиях.

— Одуванчик, ты... словно не с этой планеты, — нежно шепчет он мне в макушку.

— Это ещё одно определение "странной"? — мое сердце сжимается от силы накативших эмоций.

— Нет, это большой, огромный комплимент. Спасибо за подарок. Он очень... милый. Я пойду собираться, а ты допивай пока кофе.

Он разворачивается и уходит в спальню, больше не глядя на меня. Возвращается уже в идеальном костюме и с сосредоточенным выражением лица. Босс вернулся. Саша остался в постели.

Все время пока спускаемся из квартиры и едем в машине, больше не разговариваем. У Александра такое лицо, словно он уже весь в работе и планирует, как минимум, захватить мир. Дорога до офиса занимает не больше десяти минут, потому что его квартира находится совсем рядом, но за это время я успеваю понять, что между нами что-то невидимо изменилось. И что он не надел мой подарок.

А здесь фотография легендарных запонок. Заходим через браузер, чтобы оценить подарок;)

Глава 32. Александр. Сейчас

Холодный душ. Двойной эспрессо. Подрочить.

Залог успеха любого дня.

Захожу в пустой офис, зная, что в такое время встречу здесь только уборщицу. В оглушающей тишине поднимаюсь в лифте на родной восемнадцатый этаж. Прислоняюсь виском к холодному металлу и делаю очередной глоток спасительной минералки. Пожалуй, пора перейти на другие методы борьбы с накатывающей депрессией.

День рождения не самый худший повод для нее, а вот годовщина смерти отца, пожалуй, тянет на большее, чем просто хандра. Сжимаю переносицу пальцами, желая прогнать темные мысли и сосредоточиться на текущих задачах. Вывод нового продукта на рынок — приоритетнейшая из них. Почему-то только я вижу перспективу накопительного страхования жизни, генеральный искренне полагает, что компания протянет еще десяток лет на убыточном автостраховании и крупницах имущественного. Возможно, поэтому совет директоров хочет его сменить. И если мой бизнес-план выгорит — именно мне достанется это место.

Я никогда не был честолюбив, мне, подобно Оскару Уайлду, вполне достаточно самого лучшего. Просто в какой-то период жизни все лучшее из нее ушло, оставив только эту работу. И сделать целью своей жизни карьеру — не так уж и плохо. Точно лучше всего этого дерьма с подгузниками и эгоистичными суками в роли жены.

Дверцы лифта шумно разъезжаются, открывая темный коридор приемной. Привычным жестом включаю освещение и сразу морщусь от яркого света офисных ламп. В кабинете открываю окно, чтобы впустить свежий августовский воздух, который совсем скоро сменится прохладным сентябрьским, хотя свежим в центре Москвы назвать его можно с натяжкой. Дверь оставляю открытой, чтобы продлить ощущение свободы от четырех давящих стен.

К девяти часам офис заполняет стук каблучков и дверей кабинетов. Была бы моя воля — отвел себе целый этаж, чтобы была возможность поработать в тишине. Закрываю кабинет и снова погружаюсь в дела. Когда раздается стук в дверь, я готов начать убивать. Сегодня день не для посетителей, я же предупреждал помощницу.

Игнорирую стук, продолжая собирать аналитику по тестовому вводу продукта. Если не совсем идиоты — развернутся и уйдут. Но, кажется, человек с той стороны единственный в этой компании, кто ещё не знает, как я ненавижу незваных гостей, потому что стук повторяется, а затем ручка двери опускается вниз.

В кабинет сначала всплывают ноги, а потом и все остальное стройное тело, облаченное в супер облегающее черное платье. Я откидываюсь на спинку кресла, наблюдая, как Камилла уверенно вышагивает к моему столу.

— Можно?

— Ты уже вошла, — раздраженно кидаю я.

— Дело срочное, Саш, — она аккуратно отодвигает стул и садится напротив меня.

— Камилла Георгиевна, — акцентирую внимание на субординации. — Сегодня не приемный день, а я по горло в аналитике. Запишитесь на завтра.

Возвращаю взгляд на экран ноутбука, как бы говоря, что на этом разговор закончен. Вообще, ее выкрутасы уже начали подбешивать. То, что когда-то я имел неосторожность

засунуть член в ее вагину, а после сохранить деловые отношения между нами, очевидно, натолкнули ее на мысль, что она имеет привилегии здесь. Но это не так. Доказательство тому — как минимум пятеро таких же, как она, в то или иное время оказавшихся в моей койке, и по-прежнему занимающие крупные должности в компании. Но ни одной из них я ничего не обещал, а Камилла и вовсе была изначально оповещена, что эта акция разовая.

— Саш, ты видел план на четвертый квартал?

— Более того, активно участвовал в его распределении, — устало бурчу я, все так же не отрывая взгляд от экрана.

— Почему на мой канал опять прирост в сорок процентов? Где я, блять, их возьму?

Поднимаю глаза на блондинку и невольно вскидываю брови. Не ожидал от нее такой реакции. Видимо перспектива упустить годовую премию ее не прельщает. Хотя она всегда была остра на язычок.

— У тебя пролонгация СРО* в ноябре по новым тарифам. Плюс, не ты ли хвалилась, что заполучила Дементьева с его парком машин?

— Он слился.

— Он же дружок твоего мужа? — удивленно говорю я. — Ты его обхаживала года два.

— Дообхаживалась! — срывается блондинка, размахивая руками.

Понятно. Вот почему я предпочитаю иметь дело с мужиками на руководящих постах — от них такого не услышишь. А ещё Камилла в очередной раз убеждает меня в шлюховатости всего женского рода. Запороть такую сделку ради одноразового перепихона? Seriously?

— Это не мои проблемы, — отмахиваюсь от нее. Не сомневаюсь, что именно она вешалась на перспективного клиента, это в ее духе. От ее цепких лап даже я не ушел когда-то. И плевать она хотела на мужа и дочь, ждущих ее каждый вечер дома.

— Саш, — выдыхает она, по-видимому, собираясь на второй заход со своими, как ей кажется, железными аргументами.

— Свободна, — жестко говорю ей.

Блондинка гневно фыркает, встает и направляется к двери.

— И в следующий раз запишись на прием, — холодно кидаю ей в спину.

От грохота двери об косяк за спиной звенят стекла. Раздражение на нее и ситуацию в целом только подбрасывают дров во внутренний пожар. Как я, блять, устал от них всех.

Как я, блять, устал.

Практически следом в дверь раздается ещё один стук. Требовательный и громкий. Куда, к чертям собачьим, сегодня смотрит Карина, моя верная стокилограммовая помощница?

— Войдите, — ору я, не ожидая от этого дня уже ничего хорошего.

Дверь широко распахивается, и в кабинет быстрым шагом влетает девочка из будущего. Очень короткая юбка ее приталенного костюма тут же отвлекает меня от негативных эмоций, перекрывая их похотью. На пухлых губах привычно алеет помада, от которой у меня неконтролируемый стояк. А уж эти молнии в глазах, ммм, вот и моя разрядка подоспела.

— Что значит "отдаю в бессрочное пользование"? — орет она, цитируя фразу из моего сегодняшнего письма. Надо сказать, я сделал это специально. — Я, по-вашему, вещь?

— Нет, дорогая, ты — ресурс, и я могу распоряжаться тобой, как мне заблагорассудится. Откидываюсь на кресле, ожидая отличного спарринга, так необходимого мне сейчас.

— И вы решили, передать меня «Peshkov Group» для... чего? Чтобы я не мозолила Вам глаза, Босс?

Фурия стоит над моим столом, пытаюсь расчленить меня взглядом. Хороша. Очень.

— Считайте, что это командировка. Изучите персонал компании, выявите слабые места, подготовьте на основе этого учебные материалы.

— После Вашего письма они не будут воспринимать меня всерьёз!

— Это всего лишь шутка, это очевидно всем, кроме Вас, Алиса.

— Вы отправили ее в официальном письме и с корпоративной почты, вряд ли в «Peshkov Group» так подумают.

— Что Вы хотите, Алиса? Чтобы я послал им новое письмо, в котором буду просить не обижать моего прекрасного тренера?

— Нет, я хочу... — она замирает, обдумывая дальнейшие слова.

Я встаю с места и огибаю стол, чтобы оказаться позади горячей брюнетки. Черт, от простой словесной перепалки у меня уже стоит.

— Вы хотите... — подталкиваю к ответу, останавливаясь за ее спиной. Запускаю руку в волосы, наслаждаясь гладким шелком, струящимся по пальцам, и отодвигаю их на один бок. Припадаю носом к ее шее, вдыхая тонкий женственный аромат.

Девчонка не шевелится, позволяя мне эту вольность. Интересно. Это новая провокация? Или она, наконец, сдалась?

И только я думаю, что сегодня мы перейдем на новый уровень, как Алиса выскользывает из моих рук. Идет к двери, оставляя после себя шлейф духов и разочарования. Впиваюсь пальцами в крышку стола, подавляя очередную волну раздражения. Девчонка упорно делает вид, что ей это не интересно, а я теряю терпение.

Неожиданный звук поворота ключа в двери заставляет застыть на месте. И ее томный голосок пробивает волной возбужден

— Я хочу... закрыть этот вопрос.

Звук поворота замка эхом разносится в голове, соединяясь в животрепещущую картинку. Оборачиваюсь на сладкие звуки и снова замираю. Тонкие пальчики Алисы пробегаются по круглым пуговицам, расстегивая жакет. Что задумала хитрая лиса?

Она облакачивается лопатками на закрытую дверь и с тягучей медлительностью вытаскивает из петель пуговичку за пуговичкой. Когда полы пиджака расходятся, взору предстает атласный топ с кружевом, никак не ассоциирующийся с работой. Алиса поводит плечами, заставляя массивную вещь скользить вниз по рукам. Пах простреливает от вида высокой полной груди и сосков, выступающих сквозь тонкую ткань. А нижнее белье девочка сегодня не одела...

— Какой вопрос Вы хотите закрыть, Алиса? — хриплю я, облокотившись на столешницу позади. Сглатываю скопившуюся слюну, мечтая накрыть ртом идеальные горошинки.

— Тот, где ваш стояк мешает моей работе, — отзывается девчонка.

Она делает несколько шагов в мою сторону, расстегивая по пути молнию на юбке. Красиво, нарочито-неспешно.

— Просто закроем вопрос с вашим недотрахом и я смогу нормально работать. Ведь так?

Серые глаза впиваются в мои, хитрая улыбка приподнимает один уголок рта. Думает, я откажусь? Не сегодня, красотка. Не сегодня.

Кладу ладонь на ее пальчики, сжимающие язычок молнии, застрявший на середине пути. Глаза девчонки сверкают — думает, я хочу ее остановить! Тяну молнию ниже, открывая вид на ее кружевные черные трусики и помогаю ткани соскользнуть к ее ногам.

Алиса предстает передо мной в образе элитной шлюхи: маленькие трусики, чулки, высокие каблуки. Член упирается в ширинку брюк, уже готовый сбросить накопленное напряжение.

— Да, это поможет, — низко шепчу я, изучая силуэт развратной красотки напротив.

Она не шевелится. Часто дышит и жжется взглядом. Выжидает.

Кладу ладонь ей на шею и медленно веду по плечу, снимая лямку будуарного топа, она соскальзывает легко и непринужденно, слегка оголяя левое полушарие. Дыхание спирает от предвкушения. От нереальности происходящего. Она так долго бегала и, наконец, пришла сама. Не по сценарию, не так, как я люблю, но очень-очень вовремя.

Веду ладонью по выступающим ключицам к другому плечу, подцепляю вторую тонкую лямку и веду вниз. Атласная ткань приспускается ещё, но не спадает окончательно, зацепившись за твердые соски. Это зрелище выбивает дух. Как итальянская порнуха — красиво и эротично, хочется продлить удовольствие.

Чувствую на своем лице обжигающий взгляд, но могу смотреть только на эти бодрые сиськи.словно загипнотизированный. В этот момент в голове звенящая пустота, а вся кровь прилила к мозгу поменьше. Вот мое лекарство на сегодня.

Одно движение пальцем и ткань оголит идеальное тело, но я не спешу, наблюдаю за вдохами-выдохами, и как атлас сам по себе двигается вниз по миллиметру.

— Ты очень красивая, — выдыхаю я.

— Да, я уже слышала это, — надменно отвечает она и делает решительный шаг вперед, оказываясь ровно между моих широко расставленных ног. — Что вам нравится больше всего, Босс?

Хочет немного поиграть в комплименты? Такая холодная, а тоже нуждается в ласке, да?

— Твои губы, — останавливаю свой взгляд на ярком бордо.

— Гиалуронка, — выдает она мне на ухо.

— Волосы, — вдыхаю тонкий аромат.

— Окрашивание, выпрямление.

— Грудь, — касаюсь носом ее скулы и веду ниже по шее.

— Не моя заслуга, — вновь фыркает она.

Кладу ладонь на правое полушарие и мягко сжимаю в руке. Черт, отличная работа, ощущается совсем как натуральная.

— Так что же, Босс? — ее губы почти касаются моих. — Вам нравится весь этот маскарад?

— Да, Алиса, мне нравится.

Продолжаю сжимать упругую грудь и выдыхаю ей в самые губы.

— Даже если ты скажешь, что и в заднице силикон, а вместо вагины еще недавно был член, я отвечу так же: мне нравится. И раз уж мы откровенны: мне плевать на твою душу, внутренний мир и содержание. Мы все участники этого долбаного бала-маскарада, просто не все готовы это признать.

— Ублюдох.

— Стерва.

Вкус ее помады я ощущаю с первых секунд нашего столкновения. Она показательно размазывает ее по моему рту, то прикусывая мои губы, то проникая внутрь языком. Я вступаю в эту схватку, давая ей фору. Пусть покажет себя.

Кладу ладони на ее талию, приподнимая повыше и прижимая плотнее к себе. Пусть почувствует силу моего желания. От этих движений топик собирается на ее талии, давая,

наконец, доступ к идеальной груди. Скольжу вверх, уже представляя, как буду загонять член между ее сисек прямо здесь, посреди кабинета, в разгар рабочего дня.

— Черт! — она отстраняется и бросается к пиджаку, валяющемуся возле двери.

Сквозь затуманенный желанием мозг прорезается динамичная мелодия. Телефон. Очень вовремя. Алиса судорожно трясет жакет, нервно выуживая трубку из кармана. Интересная реакция. И не понятная. Неужели этот звонок важнее, чем то, чем мы сейчас занимались?

Поправляю эрекцию в штанах и прислушиваюсь к разговору. И от первых же слов мое настроение стремительно падает.

— Да, милый! — преувеличенно-радостно здоровается она. — Да, могу. Что случилось?

Алиса прикусывает нижнюю губу, но совсем не так эротично, как делала это раньше. Скорее задумчиво. И этот жест вызывает какой-то болезненный спазм внутри, природа которого мне не понятна. Она отворачивается к стене, подтягивает лямки топа на место и продолжает разговор.

— Нет, я же говорила, что смогу прилететь только в субботу. Я знаю. Я тоже очень скучаю.

Ее голос понижается до чувственного шёпота.

— Люблю тебя, милый. Очень жду встречи. Целую.

Она смеётся на последних словах собеседника. А я сжимаю кулаки от отвратительной лжи, так легко слетающей с губ этой шлюхи. Так много вранья: грязного, неприкрытого. Только что она совала свой язык мне в глотку, предлагая трахнуть её прямо здесь и сейчас, а секунды спустя клялась в любви другому. Меня заполняет гнев такой силы, что кажется, сейчас сорвёт. Обхожу свой стол и сажусь в кресло, чтобы увеличить дистанцию между нами. Мне нужно пространство, чтобы успокоить рвущееся наружу желание ударить тварь.

И почему меня удивляет, что девочка из будущего оказалась очередной прощмандовкой? Они все такие. И чем эффектней маскарадный костюм, тем хуже нутро. Мне ли не знать.

— Так что, продолжим, Босс? — игриво заводит она новую песню, но ближе не подходит.

Наверное, чувствует, что настроение в кабинете изменилось. Не может не чувствовать.

— Нет, — бросаю острое, как нож. — Свободна.

Она слегка приподнимает брови, но, не меняя грации в движениях, подходит к столу и подбирает с пола свою юбку. Присаживается на край стола, эффектно располагая попку в мою сторону, и продевает ножки в ткань. Предательская эрекция снова набирает силу, пока все нутро кричит, как хочет прибить шлюху.

Алиса соскальзывает со столешницы и упаковывает себя в костюм. Я наблюдаю за ней, до конца не понимая, почему меня так взбесило ее двуличие? Она не первая и уж точно не единственная дрянь из тех, что хотели насадиться на мой член, имея "большую и чистую" любовь. Так почему сейчас этот дурацкий разговор стал последней каплей в море моего упаднического настроения?

Очередной щелчок возвещает о том, что девчонка уходит.

— Хорошего дня, Босс, — сексуально растягивает она и скрывается за дверью.

Дрожь неудовлетворения пробегает по позвонкам, концентрируясь в солнечном сплетении. Отвратительный день. Отвратительный.

*Пролонгация — продление договора страхования.

Пустая квартира встречает тьмой и безысходностью. Выворачивает нутро своим холодом, отравляет остатки сознания. Дни становятся короче, обычный рабочий вечер теперь всегда заканчивается в сумерках, все больше нагнетая настроение.

Врубаю свет во всей квартире, чтобы прогнать чувство дикой усталости и приземляюсь на диван в гостиной. Как есть: в ботинках и опостылевшем костюме. Тянусь за початой ещё вчера бутылкой на кофейном столике и делаю два внушительных глотка. Разрастающаяся дыра в груди не стягивается, как по мановению волшебной палочки, но покрывается пеленой спасительного отупения.

Запускаю пальцы в волосы, уничтожая тщательно собранный с утра образ холеного сноба. Срываю дебильный галстук в светло-серую полоску, вызывающий только одно желание — повеситься именно на нем и делаю очередной глоток обжигающей жидкости. Откидываюсь на спинку дорогущего дивана и упираюсь взглядом в черный экран плазмы. В ней отражается верхний свет и мой унылый силуэт. Жалкое зрелище.

Очередной глоток алкоголя выжигает пищевод, грозя проблемами с желудком, но тем не менее, напоминая, что я все еще жив. Но это сомнительное утверждение. Ничего не хочу: ни двигаться, ни есть, ни думать. Если бы не работа, заставляющая вставать с постели каждое утро, сотрудница клининга обнаружила бы мой хладный труп прямо на этом диване в очередную пятницу. Или среду. Когда они там приходят по графику? Я даже не уверен, что они все еще посещают мой дом, потому что квартира не меняет своего лица ото дня ко дню. Хотя, отсутствие многотонного слоя пыли на горизонтальных поверхностях, наверное, и есть свидетельство их визитов.

Тянусь к карману и достаю телефон. Верчу в руках тяжелый предмет, снедаемый странным противоречием: не хочется ни с кем разговаривать и ужасно хочется, чтобы кто-нибудь выслушал. Открываю контакты, упираясь взглядом в бесконечную череду людей с приставкой "работа". Тех, кому не безразлично, сдох я или все еще жив среди них нет. Вот как-то так. Не научился заводить друзей или растерял их всех по пути на вершину карьерной лестницы. Хотя нет, не было их никогда, не доверял, боялся стать как отец: идиотом, чьи друзья насмеваются за спиной и точат ножи в ожидании момента слабости. Единственным, с кем была эта полу-дружба полу-соперничество — Рус. Но тут все понятно, мы сошлись на общем мировоззрении и не сказать, что здоровых потребностях.

Но она отобрала даже это.

Пять лет назад.

Я же все решил. Ещё там, в лифте: смотрел на это облако непослушных волос, глаза, блестящие гневом, и тонкие губы, изрекающие недоуменное негодование, и понял — она не создана для игры.

Должно же быть весело. Просто и забавно. Встретились, поиграли, разошлись, каждый получил то, что хотел, даже если сам себе в этом не признавался. Это происходит с каждой третьей. Все эти драмы после, истерики, скандалы, угрозы — не потому, что их развели на секс, а потому, что они лгут сами себе. Знают, что происходит, знают, что дальше не пойдет, но упорно пытаются сделать вид, что святые. Но их уже не спасти.

А эту еще можно. По крайней мере, хочется в это верить. Такой у нее взгляд... И словно

строка бегущая на лбу: верю в сказки и пушистых единорогов.

Даже раздражает. И восхищает. А ещё бесит, выводит из себя, интригует, завораживает. Тысячи диаметрально противоположных эмоций, сменяющих друг друга, как стеклышки в калейдоскопе. Не должен так заморачиваться, взял и отрубил, приняв хладнокровное решение. Рус изначально был прав: девчонка из юридического, с крепкой задницей, куда более подходящая кандидатура. Все эти ее ужимки и короткие юбки сразу выдают ее нутро. Вот с ней будет забавно.

А от звездной девочки, как зовет ее Че, один геморрой.

Взять хотя бы ее неуклюжесть — как до сих пор жива — загадка. Или странные фразочки, которые она вворачивает то тут, то там, искренне полагая, что все вокруг в теме. За последнюю неделю я обращаюсь к Гуглу чаще, чем за весь предыдущий год! Но самое ужасное в девчонке — то, что никак не удается выбросить из головы — ее дикая сексуальность.

Такое сочетание невинности и порока, что башку сносит. И нижнюю тоже.

Но я же все решил.

Так какого хрена стою сейчас здесь и пялюсь на тонкий гибкий силуэт, совсем не изящно отбивающий высокие подачи на поле? Конечно, Рус виноват. Слинял сразу после нашей громкой победы и оваций группы поддержки, состоящей из целого корпоративного отдела. Я знал, что ее среди них нет. Слишком гордая, чтоб поддерживать мудака, который пару дней назад отшил ее. Но и увидеть ее в волейбольном турнире на соседней площадке не рассчитывал. Просто выискал глазами Че, проследил за его взглядом и вот... залип.

Спортивные девчонки — мой отдельный фетиш. Ещё с юношеских времен, когда дрочил под Марию Шарапову с ее знаменитым "ах" во время подачи. На всю жизнь осталась стойкая ассоциация: спорт равно секс. И высокая Лея в своем спортивном обмундировании, не оставляющем простора для фантазии — неконтролируемо возбуждает рецепторы. Хочется вдохнуть естественный запах ее тела после интенсивной нагрузки, пройтись ладонями по мокрой коже, сорвать с соленых губ стон.

Но этого не будет. Я точно решил.

— С девчонкой слишком много геморроя, — озвучиваю свои мысли спарринг-сопернику. Возвышаюсь над ним, пока он в расслабленной позе втыкает в ту же картинку, что и я секундой ранее. Открываю бутылку с водой и жадно присасываюсь, пока жду реакции Руса.

— И?

— Игра не стоит свеч. Посмотри на нее, там же огромный баннер: храню себя до свадьбы.

— Когда тебя это останавливало? — хмыкает Че.

— Я выхожу из игры. Подыщем другую кандидатуру. Та из юридического, Света, кажется, как раз наш типаж.

— Света — королева минета, — ржет Рус. — Уже пройденный этап.

— Когда? — хладнокровно спрашиваю я, тем не менее, закипая внутри. Он все время так делает, если чувствует, что игра складывается не в его пользу: сбрасывает напряжение на стороне.

Мне этого не понять. По-моему, ощущения от финала тогда просто смазываются. Тот острый адреналин от победы в забеге с соперником просто сходит на нет, если разбрасываться на простые задачки в процессе.

— На днях, пока ты играл в принца очарование с нашей звездной девочкой, — равнодушно отзывается он. — Мне было невыносимо скучно, а у Светланы Вадимовны такая задница и амплитуда ее раскачки при ходьбе... Тебе стоит попробовать!

— После тебя? Не в моих правилах, ты знаешь. Короче, сворачиваем с девчонкой, найдем другую.

Возвращаю Че к главному. Напускаю максимум безразличия и даже не смотрю ему в глаза, с каменным лицом наблюдая за Леей в игре.

— Ты так говоришь, потому что сегодня мой день? — насмехается друг.

— Я так говорю, потому что на неопытных девственниц у меня не стоит, — холодно отрезаю я, впервые произнося такую наглую ложь. — Я — пас.

Разворачиваюсь и ухожу. Надеюсь, Рус ещё не влип по самые уши в свою собственную игру в хорошего парня и отлипнет от девчонки. Должен. Без соперничества его не прет на таких, я знаю. А мне почему-то не все равно на его планы относительно нее.

Полчаса спустя вижу, как Че зажимает "королеву минета" возле своего домика, завлекая эту амплитудную задницу внутрь. Отлично. Он переключился. Можно спокойно выдохнуть и перестать уже вести себя, как благородный принц, спасающий юную деву. В конце концов, все, что мог, я для нее уже сделал. Она взрослая девочка, с остальным справится сама.

Собираюсь поучаствовать ещё в паре мероприятий на сегодняшнем полевым выезде — сбросить напряжение, подыскать новую кандидатуру. Вроде в бухгалтерии новая девчонка на агентские выплаты пришла. Вот в бассейне ее сегодня и заценю.

Но на веревочном парке все выходит из-под контроля. Девчонка оказывается в моей команде — и куда только поперлась со своим везением — навернется с высоты на первом же препятствии! Минуты молчаливого контакта — рук, ног, спины — и меня снова ведёт. Куда и зачем не понимаю, но тело реагирует странной вибрацией на нее. Как высокочувствительный гаджет на морозе: я зависаю и бьюсь током. На финальном испытании с трапецией Лея смотрит на меня таким взглядом, словно просит спасти из заточения. А я ни хрена не прекрасный принц. Но смотрю на то, как она потирает маленькие ладошки о короткие шорты и вспоминаю ее холодные пальчики в своих волосах. Ее тонкие ручки явно не приспособлены к физическим нагрузкам. И вопреки всем здравым мыслям решаюсь на рыцарский поступок: спасти принцессу из башни.

Ставлю ее перед собой, она все понимает без слов, и когда говорю обхватить меня ногами, так и делает. Здоровый мужской организм тут же реагирует на близость молодого тела и ее запах — природный, острый, животный — и сразу выдает себя внушительным стояком. Благо девчонка висит высоко и не чувствует под собой восставшего монстра.

На таком близком расстоянии и при дневном солнечном свете я её ещё не разглядывал. Оказывается, к забавным кудрявым волосам и серым глазикам прилагается ещё и россыпь веснушек. Большие и маленькие, рыжие и светло-золотистые, они покрывают бледные щеки и маленький носик. Девочка-солнце, не иначе.

Когда мы скатывается на страховочной сетке, я уже понимаю, что все, что решил до этого — полная хрень. И что ужасно хочу ее. Сегодня. Сейчас. Немедленно.

Но жаркие поцелуи и небольшой петтинг на поляне среди колючих шишек и под взглядом так приглянувшейся ей белки ничем не заканчиваются. Был уверен, что сегодня мой день. Она была готова на все в моих руках, согласилась прийти в домик, украдкой, прекрасно понимая, к чему это приведет.

Но уехала с ним.

Чертов мудак не покинул игру. А я впервые хочу закопать конкурента живьём.

Это было начало конца.

Глава 34. Лея. Тогда

Я успеваю испытать все оттенки самобичевания за это утро. Сначала в машине, не понимая, чем ему так не приглянулся подарок, затем в лифте, где мы безмолвно прощаемся едва заметным наклоном головы, а потом и невыносимо долгие четыре рабочих часа до обеда.

И хотя он сам вчера говорил, чтобы я на это время ничего не планировала, в итоге, так и не дал о себе знать. Пятнадцать минут я провожу в полной тишине пустующего кабинета, в ожидании чуда, а затем решаю не заикливаться на этом и пойти прогуляться. Хотя бы до метро. В конце концов, это же Мистер Биг Босс, у него полно важных и срочных дел, и встреча со мной в рабочее время явно не в приоритете.

В тайне надеюсь на повторение сценария трехнедельной давности, где мой неудавшийся поход за пирожками вылился в судьбоносное знакомство в лифте, но в этот раз поднимаюсь наверх одна. На столе уже красуется новая пачка договоров, и я удивляюсь, взглянув на даты на них.

— Вик, тут полисы от третьего числа, а сегодня седьмое...

— А от кого? — спрашивает подруга, не отрывая взгляд от экрана компьютера.

— Атлантика.

— А, так это клиенты самого Яковлева, им можно. Вводи задним числом.

Когда слышу знакомую фамилию, сердце реагирует бунтом: пускается вскачь, периодически замирая, а потом снова возобновляя бешеный ритм. Так он приходил. Он сам лично оставил эти договоры, а значит, я зря ушла. Берусь за огромную стопку и быстро перебираю разноцветные бумажки, выискивая послание лично для меня. Но привычного стикера, которыми мы периодически обменивались, не нахожу. Странно. Хотя возможно, его кто-то отвлек...

Проверяю телефон, там тоже ничего. Ладно, Лея, хватит параноить. Пришел, как и обещал, а то, что ты, дура, не дождалась — твои проблемы.

Окончания рабочего дня жду с особым трепетом. Расправляюсь со стопкой полисов раньше времени и несколько минут сижу в зудящем предвкушении. От сверления часов на компе отвлекает Викот.

— Как выходные провела? — спрашивает она, выуживая из сумочки помаду.

— День блинчиков, ты же помнишь, — нервно бросаю я. Не люблю врать и утаивать, особенно от единственной подруги, но и поводов осудить меня давать тоже не хочу.

— Ах, ну да, точно. Ваша традиция. А я с такими ребятами познакомилась в субботу, — начинает она обводить губы ярко алым блеском. — Просто огонь! Оба спортсмены, ЗОЖники, качки и свободны.

На последнем слове она бросает на меня вопросительный взгляд, и мне хорошо известен этот посыл.

— Один из них наверняка урод, — фыркаю я. — Хочешь его мне сбагрить?

— Какая ты прозорливая! Мисс Марпл просто. — Смеется подруга. — Не урод, но не в моем вкусе. Слишком смазлив, но как назло, как верный оруженосец, не покидает своего друга Дон Кихота. Я сказала, что у меня есть симпатичная подружка, повернутая на "Звездных войнах", и он так загорелся...

Викот потирает нижнюю губу о верхнюю, распределяя помаду, и складывает губы

бантиком, оценивая результат в зеркале.

— Я пас, Вик. У меня планы.

— Хм, твои таинственные "планы", — она загибает пальцы в кавычки. — Уже порядком подбешивают. Может, расскажешь?

— Да ничего такого, просто один парень...

— Ага, ага, — отмахивается Викот. — Это я уже слышала. Не хочешь говорить — не надо, но за это — с тебя штраф. Поможешь подруге с личной жизнью.

Она встает с места и вырубает комп. Закидывает сумочку на плечо и смотрит на меня с фирменным прищуром.

— Завтра. Одна встреча. Возьмёшь на себя толстяка, а я позажигая с красавчиком.

— Толстяка? — брови сами взлетают вверх. — Ты же сказала, он смазливый!

— Ой, не придирайся к словам. Не толстый, а слегка перекачанный. Не смазливый, а слегка пидаристичный.

— Шикарно, — бормочу себе под нос.

— Блин, Лея, я же тебе не спать с ним предлагаю, просто посидите в уголке, пообщаетесь на свои задротские темы. Ты в них ас.

Вот умеет Вика и унизить, и похвалить одновременно. Но больше, конечно, унизить.

— Один раз и только ради тебя, — сдаюсь я. Всё-таки совесть грызет, что скрываю от подруги личность объекта моей страсти, она-то со мной всем делится!

— Спасибо, красотка, — чмокает она воздух возле моего лица и скрывается за дверью кабинета.

Я выключаю комп и направляюсь вслед за ней, вклиниваясь в поток девчонок из нашего отдела. Мы всей гурьбой вваливаемся в лифт, и я снова проверяю телефон. Ничего. Значит, сегодня еду домой.

"Может самой ему написать?" — размышляю, пока лифт отсчитывает этажи вниз.

Но тут же отвергаю эту мысль. Очень не хочется быть навязчивой. Освободится — позвонит, я уверена.

Папа приходит с работы вслед за мной, устало садится на диван и громко, театрально выдыхает. Видимо, день не задался.

— Устал? — спрашиваю я.

— Ох, одуванчик, почему твое поколение — сплошные идиоты?

Ну вот, старую песнь завел.

— Ну, не все, как видишь.

— Иногда мне кажется, что моя дочь единственное исключение, — устало улыбается он.

— Опять стажёр?

— И чему их в этом ПТУ учат! — гневно размахивает руками отец. — Прислали к нам троих таких на практику. Безусых. Мы им защиту выдали, инструктаж в первый день провели, на самый простой участок поставили. Сегодня один без пальца остался. Дебил.

Я прикрываю рот ладонью, чтобы скрыть свой ужас. Папа нечасто такое рассказывает, но я каждый раз представляю все это в ярких картинках. Слишком впечатлительная.

— Как? — шепчу я несмело, сама не знаю зачем.

— Этот деградант додумался ключи от машины на пальцах вертеть, а как пришла пора дверь под пропил ставить, его ключи в вентиляцию и затянуло вместе с мизинцем. Повсюду кровища, этот орет, производство стоит. Медик его забинтована по-быстрому и в

травмпункт. Но там уже пришивать нечего, останется с девятью пальцами.

— Какой кошмар!

— Нет, детка, кошмар начался после, когда он перебинтованный явился ко мне в офис и стал орать, как потерпевший, что всех здесь засудит. Такого нагородил... насмотрелся видать ютуберов хреновых и туда же права качать. Дебила кусок.

— Пап, но он же сам виноват!

— Конечно сам. Тут любой инспектор по безопасности подтвердит. Плюс камеры на производстве. Но нервы потрепал.

Отец прикрывает глаза рукой и потирает их, словно очищая от песка.

— Дочь, принеси водочки из холодильника, а? И бутеров каких-нибудь. Тяжёлый день...

— Ага, сейчас сделаю. Ты раздевайся.

Папа не часто вот таким приходит. Он вообще нескончаемый позитив и уравновешенность. А той бутылке в холодильнике уже полгода, как пить дать. Видимо, этот день выбил его из колеи.

Пока нарезаю бутерброды, телефон пиликает входящим сообщением. Я сразу же бросаю нож, вытираю руки о кухонное полотенце и открываю Вотсап.

"Приедешь?" — короткое и лаконичное, но такое желанное, отзывается учащенным пульсом.

От сладостного предвкушения повтора вчерашнего вечера в животе закручивается узел. Но ровно до того момента, как из гостиной доносится голос отца.

— Дочь, и огурчикихвати.

— Хорошо! — отзываюсь я.

Беру телефон и печатаю простое "Не сегодня".

Сегодня я нужнее здесь.

Большую часть ночи мне снился Джабба Хатт* танцующий под Аббу. А подпевали ему коты из рекламы "Вискаса". Жесть, короче.

Проснувшись с четким ощущением, что в просмотре "Звездных войн" пора сделать паузу. Я люблю отца, и звездную сагу и даже к Джаббе питаю теплые чувства, несмотря на то, что он держал мою тезку в рабстве, но у меня серьезный передоз. Всего несколько дней назад мы залпом посмотрели три части с Александром, а вчера с отцом в сотысячный раз его любимый четвертый эпизод. Он всегда его смотрит, когда у него стресс.

Утро встречает не слишком ласково: осень берет свое, и сентябрьское солнце никак не уравновешивает холодный ветер. Я достаю из закров огромной синий свитер на одно плечо и массивные кроссовки, которым намечающийся дождь будет нипочем. Скрепляю волосы на затылке невидимками и заливаю тонной лака сверхсильной фиксации, других методов усмирения своей копны я просто не знаю.

Несмотря на то, что резко похолодало, сентябрь прекрасен: листья, неспешно меняющие свой окрас, воздух, наполненный свежестью, пение птиц, готовящихся к перелету в теплые края. Прекрасно. Я люблю начало осени, ну, ту ее часть, где не льют дожди, смертельные для моих кудрей. Особенно люблю в это время влюбляться.

Ладно, влюбляюсь я, может, и впервые. Ну, чтоб так сильно и прямо осенью. Но это же волшебный антураж для любовной истории, правда? Так и представляю нас с Сашей под одним зонтом, перепрыгивающими очередную лужу, и как кутаюсь в его большой вкуснопахнувший пиджак, и букет из кленовых листьев вместо привычных роз тоже

представляю.

Картинка, которую я нарисовала в своей голове, так хороша, что я принимаюсь вертеть ее в своем воображении, наполняя новыми деталями и чувственными сценами. И так увлекаюсь, что едва не упускаю свою остановку. Выбегаю из метро с широченной улыбкой и, не замечая угрюмых невыспавшихся лиц прохожих, лечу к офису "Маффина".

Может, я и фантазерка, и идеалистка, но мне нравится быть такой. Мне нравится, что я могу быть счастлива просто от позитивных мыслей или от того, что зонтик сегодня с собой не забыла. А ещё оттого, что у меня роман пусть и с совсем неподходящим человеком и с совсем туманными перспективами, но я счастлива.

На стоянке вижу знакомый автомобиль с тонированными задними окнами, и сердце пропускает удар. Может, встречу его у лифта? Или, он сам меня наберёт и пригласит к себе... я не против закончить то, что мы начали пару недель назад.

Чтобы ни было, сегодня замечательный день!

Едва касаюсь ручки входа в здание, на мое плечо ложится тяжелая мужская рука. Первые секунды, пока я думаю, что это рука Александра, я испытываю неконтролируемую радость. Но мгновение спустя, когда носовые пазухи улавливают чужой аромат, понимаю, что это всего лишь Руслан. Очень, очень настырный Руслан.

— Эй, звёздная девочка, ты куда пропала? — фамильярно говорит он, приоткрывая для меня дверь.

— Была занята, — пожимаю плечами.

— Ты бегаешь от меня, что ли? — в лоб спрашивает он.

— Нет, просто реально занята.

Не снимая руки с моего плеча, мы идем к лифтам, где уже столпился народ и поглядывает на нашу странную парочку. Боже, сейчас напридумывают чего ни попадя, а потом разгребай эти слухи. От пристального внимания заливаюсь привычным румянцем и аккуратно выскальзываю из мужских объятий.

— Слушай, я уже говорила, что не свободна, так что нам, наверное, не стоит вот так общаться...

— О, боже, Лея, ты разбиваешь мне сердце, — Руслан картинно прижимает ладонь к груди и закатывает глаза. — Я же с дружескими намерениями!

Мне сразу же становится неловко. Я никогда не дружила с мальчишками, так что понятия не имею, что является дружеским жестом, а что уже флиртом и подкатом. И обижать Руслана совсем не хочется.

— Ты просто классная девчонка, с тобой интересно и я хотел бы общаться. А то, что ещё и красивая, так это просто бонус для такого эстета, как я.

Шутливые слова маркетолога попадают прямо в цель. Мне приятно слышать, что я интересная, да и что красивая тоже очень приятно, чего уж тут скрывать!

— Может, выберемся в кино сегодня? Возьми своего парня, а для меня подружку. Или просто с подругой приходи, если у тебя есть такая же классная, как ты! А то мои балбесы-друзья резко решили остепениться и кинуть меня по всем фронтам.

— Ой, прости, сегодня у нас итак, вроде как, двойное свидание. Но может, к концу недели? Я спрошу подругу.

— Договорились! — Руслан легонько касается кончика моего носа, такой дружеский щелчок, который убеждает меня в отсутствии с его стороны притязаний.

Он просто одинок. Хотя как при такой внешности и харизме он может остаться без

друзей в голове не укладывается. Но мне хочется ему помочь, он хороший парень и очень милый и идеально подойдет Викоту! Боже, как же я раньше не додумалась их свести? Если у нее с сегодняшним ЗОЖником ничего не выйдет — организую им знакомство!

Вдохновленная этой светлой идеей расплываюсь в ещё более радостной улыбке, которую Руслан принимает на свой счёт и улыбается в ответ, снова закинув руку мне на плечо. Ну и пусть, план-то уже созрел!

Как только мы с несколькими девчонками выходим из лифта, они тут же зажимают меня в коридоре и пытаются на тему наших с маркетологом отношений. Я максимально искренне говорю, что мы просто подружились, но скептические взгляды и цоканье языков говорит, что нифига мне не поверили.

Викот, как всегда, уже на работе и вся в договорах, хотя до официального начала дня еще десять минут. Видимо, она очень хочет подняться по карьерной лестнице.

— Привет! — бросаю я.

— Привет! — не отрываясь от экрана, говорит она. — На сегодня все в силе?

— Ага.

— Хорошо, а то парни нас в "Абсент" зовут.

— Это разве не бар?

— Ну да.

— А.

— Что не так? — фыркает она, удостоив, наконец, взглядом.

— Просто я не пью, ты же знаешь. И там, наверное, шумновато будет, не пообщаешься.

— Да они тоже не пьют, расслабься, говорю же, ЗОЖники. Пососете совместно какой-нибудь зеленый смузи, там и этой хрени навалом.

— Ну, как скажешь. Слушай, а ты знакома с Русланом из маркетингового? — прощупываю я почву.

Вика, вернувшаяся было к вводу полисов, замирает над клавиатурой и тихо цедит:

— Знакома.

— И как он тебе? — пытаюсь выведать побольше информации.

— Никак. На раз, не больше. К чему такие вопросы?

— Да просто он попросил познакомить его с подругой, и я подумала...

— Интересно...

— Что именно?

— Да ничего. Значит, общаешься с ним?

— Ну, мы типа друзья.

— Ага, — снова фыркает она и вновь погружается в работу.

Я хочу было спросить, что значит это ее "ага" и странный тон, но неожиданно звонит стационарный телефон. Сердце подпрыгивает в груди, ожидая тот самый голос с той стороны, и не ошибается. Короткое, лаконичное, жесткое "зайди" спускает крючок самообладания. Ладони снова потеют, а узел в груди стягивается сильнее.

— Александр Германович вызывает, — кидаю Вике, чтобы она оповестила Камиллу Георгиевну, если та будет меня искать и встаю с места.

Считаю количество шагов до лифта, а потом и секунды подъёма на восемнадцатый этаж, чтобы немного успокоить расшалившееся сознание. Дверь в кабинет Босса открыта и, заглянув туда, вижу его за столом: как всегда упакованного в идеальный костюм, с тщательно уложенными волосами и ухоженной щетиной. Сердце заходится в припадке от

накативших эмоций. Почему этот мужчина так красив?

Робко стучу в распахнутую дверь и тут же получаю обжигающий взгляд.

— Проходи, Лея, и закрой за собой дверь, — холодно говорит он.

Я вся съеживаюсь от его тона. Я что-то сделала не так? Аккуратно прикрываю дверь до тихого щелчка и переминаюсь с ноги на ногу, не зная, что делать дальше.

— Сядь, — говорит он, откидываясь на спинке кресла.

Александр ставит руку на подлокотник и проводит пальцами по губам, сканируя меня твердым взглядом. Я чувствую себя неуютно. Сажусь на краешке стула с идеально выпрямленной спиной, руки на коленях, как у воспитанницы какого-нибудь элитного интерната и теряюсь в этом многозначительном молчании. Всё-таки что-то случилось.

— Ты встречаешься еще с кем-то помимо меня? — наконец выдает Босс.

С ума сойти, мы снова вернулись к "Лея-дает-всем". Я выпускаю воздух из лёгких. Оказывается, я даже не дышала все это время. Негодование затапливает меня с головой: мне кажется, или мы ходим по замкнутому кругу?

— Нет, конечно, нет! — выпаливаю быстрее, чем полагается и более эмоционально, чем нужно.

Александр на секунду прикрывает глаза, а затем шумно выдыхает. Молчание затягивается.

— С кем ты была вчера? — еще одно холодное, жесткое.

— С отцом.

— А что за двойное свидание у тебя сегодня?

— Откуда?..

— И у стен есть уши и к ним, обычно, прилагается пара ног и рот, которые спешат доложить заинтересованному лицу.

Резкий тон сбивает меня с толку. Все мое самообладание летит к чертям, размахивая по пути белым флагом.

— Вообще, это забавная история, — робко начинаю я и сама понимаю, как глупо и неубедительно звучу. — Моя подруга Вика, попросила составить ей компанию. А я, вроде как, задолжала ей за то, что скрываю свой роман. Ты не подумай, она ничего не знает, но бесконечно врать ей тоже не получается...

Я осекаюсь, когда Александр прикрывает глаза пальцами, а затем сильно сжимает переносицу. Когда его глаза снова распахиваются, я вижу там смесь эмоций, которые не распознать. Могу сказать одно: в этом взгляде нет ничего хорошего.

— Все понятно, — руки мужчины повисают на подлокотниках кресла. — Собственно, это было понятно сначала. Ты свободна.

Он делает многозначительный жест кистью руки в сторону двери, и внутри меня все обрывается. Что понятно? Что понятно??? К глазам подкатывает горячий поток. Я не понимаю, что происходит и в чем причина, очевидно одно — он прогоняет меня навсегда.

— Я... если хочешь, я не пойду на эту встречу. Я собиралась тебе сказать, честно.

Мой голос звучит так тихо, что я не уверена, услышал ли он хоть слово. Пытаюсь поймать взгляд Босса, но он делает вид, что меня в кабинете уже нет. Его лицо — непроницаемая маска. И от этого становится так страшно и больно, что я чувствую, как искривляется лицо в попытке удержать жалобный всхлип. По щекам уже струятся дорожки слез, и я смахиваю их рукавом свитера, лишь сильнее растирая влагу по лицу.

— Пожалуйста, Саш, я... Объясни мне, — эти слова даются очень сложно, сквозь комок

в горле и дыру в груди, вперемешку с плачем и паникой.

— Просто уходи, — говорит равнодушно, глаза в экран компьютера.

— Нет, я не уйду!

На место растерянности и жалости к себе приходит раздражение и гнев.

— Что я сделала не так? Просто согласилась помочь подруге? — вытираю свитером очередные дорожки слез, выкатывающиеся по инерции. — Почему ты так себя ведёшь? — повышаю голос, и теперь он звучит выше и противнее, с надрывом, который мне совсем не хочется показывать.

— Прекрати плакать, — тихо говорит он.

Горло сжимает очередной спазм, узел в желудке противно скручивается, грозясь превратиться в громкий плач.

Я встаю с места и подхожу вплотную к столу мужчины, который изо всех сил старается не показать своих эмоций. Огибаю стол справа и оказываюсь у плеча Александра.

— Объясни!

Он поднимает на меня взгляд и снова этот спектр эмоций, неотличимых друг от друга. Раздражение? Гнев? Жалость? Боль?

— С кем ты была вчера? — повторяет он свой вопрос: зло и рвано.

— С отцом! У него был тяжелый день, я осталась составить ему компанию! Ты думаешь, я была с кем-то другим? Из твоей койки сразу рванула в другую?

Прожигаю дыру своим взглядом, не отвожу взгляд ни на секунду, чтобы показать свою решительность.

— Что за двойное свидание? — он повышает голос. От меня не укрывается то, что от моего вопроса он отклонился и то, как подрагивает его рука, сжимающая компьютерную мышь в руках.

— Ты не слушаешь! Никакое это не свидание. Подруга просто попросила разбавить их компанию на сегодня. Что я ещё должна сказать? Что не сплю с кем попало? Что для меня все, что было — серьезно и я не из тех, кто легкомысленно относится к таким вещам?

Саша вновь тянется к глазам и потирает их пальцами, словно пытается убрать неудобное ему видение. Его челюсть сжимается, выделяя желваки на скулах. Но меня уже не остановить.

— Знаешь что? Ты ужасный человек. Когда тебе надо — само очарование, а стоит переступить какую-то только тебе ведомую границу — все, казнь, расстрел на месте, никакой пощады.

Голубые глаза впиваются в меня потрясенным взглядом.

— Лея, — хрипло начинает он.

— Даже слушать тебя сейчас не хочу! — резко разворачиваюсь на пятках и несусь к двери. Сердце грохочет в груди, пробивая себе путь на свободу, щеки пылают, все тело тяжелеет, словно налитое свинцом. Я никогда в жизни не была так зла!

— Стоять! — крик достигает меня, когда я уже касаюсь ручки двери. Я замираю от неожиданности.

Позади раздается стук мужских каблуков о плитку, и спустя мгновение сильные руки разворачивают меня на сто восемьдесят градусов. Крупная ладонь ложится на подбородок и приподнимает лицо вверх, где меня уже ждёт испытующий взгляд холодных глаз.

— Мне от тебя крышу рвет.

Это простое тихое признание сносит плотину уверенности к чертям. И я начинаю

громко всхлипывать, закрыв глаза.

Чувствую бережное прикосновение к щеке: сначала пальцев, собирающих влажные дорожки, а потом и губ, нежно стирающих последние доводы рассудка. Несколько поцелуев в заплаканные щеки, пара в навверняка распухший нос и один в губы. Я не отвечаю на мягкое движение его рта, только трясусь в его руках и давлю в себе признаки истерики. Что он делает? Разве так можно?

— Прости, одуванчик, — шепчет он, возвращаясь к мокрым щекам. — Не плачь.

Его руки обхватывают меня плотным кольцом, прижимая ближе к его телу. Я привстаю на мысочки, обвивая его шею руками, утыкаюсь в терпко пахнущую шею носом и затихаю. Мы стоим так целую вечность. Такую бесконечно долгою, что я успеваю сформулировать у себя в голове тысячу вопросов.

— Почему ты так со мной? — выдаю прямо в горячую шею.

— У меня вчера тоже был сложный день. Я хотел, чтобы ты приехала.

— Надо было просто позвонить.

— Так просто это звучит. А мне совсем не просто. Ты бы приехала?

— Нет, но развеяла твои глупые подозрения.

— Я просто не смог.

— Я не понимаю, — украдкой вытираю глаза, которые по ужасному стечению обстоятельств сегодня решила накрасить.

— Я должен признаться тебе, одуванчик. Я нихрена не понимаю, что между нами.

Он немного отстраняется и заглядывает в мои заплаканные глаза.

— И я не понимаю, что должен делать и чувствовать. Я хочу, чтобы каждый вечер ты проводила со мной, ты можешь?

— Нет, — честно отвечаю ему. — Потому что тоже ничего не понимаю. Мы встречаемся?

Этот вопрос выбивает Александра из колеи. Я знаю, что все сложно, и, наверное, именно для таких случаев ВКонтакте придумал этот дурацкий статус, но мне нужно это знать. Я не хочу ни к чему не обязывающих встреч. Не смогу так.

— Да, одуванчик, — говорит он уверенно, хоть и после значительной паузы. — Мы встречаемся. Можешь передать своей подруге, что твой парень не разрешает тебе ходить на чужие свидания. И что я приватизирую тебя на все вечера следующих недель. А может, и лет.

Из меня вырывается смешок. Что это, если не признание?

— Так я могу сказать всем, что...

— Давай не будем спешить, посмотрим, куда это приведет, — спокойно говорит Босс.

Я расслабляюсь в его руках, сама тянусь к губам в примирительном поцелуе, сама крепче жмусь к крепкому торсу, желая нагнать упущенное накануне ощущение его близости. Саша продолжает держать меня в кольце своих рук и очень чувственно касаться губ. Потом переходит в дорожку чувственных поцелуев на щеку, шею и, наконец, оголенное плечо. Отодвигает кромку свитера дальше, высвобождая больше кожи для обжигающих прикосновений.

Мы дышим очень громко. Атмосфера как-то слишком быстро накаляется, переходя из плоскости смешанных эмоций в жажду большего. Вожу ладонями по его широкой спине, больше всего желая снять этот чертов пиджак, запускаю пальцы в густые волосы, ловя ртом его чувственный стон. Голова кружится, кружится, кружится.

— Больше не плачь, одуванчик, — горячо шепчет мне в шею Александр. — А теперь иди, иначе утреннюю планерку придется сдвинуть на вечер из-за тебя. Мне итак сидеть теперь перед топами с этим... — он прижимает меня плотнее, явственно давая понять, о чем говорит.

Резко отстраняется и шумно выдыхает.

— Иди. В шесть тридцать жду тебя на парковке и никаких псевдо-свиданий. Ты поняла меня, Лея?

Его голос звучит четко и властно, настолько обезоруживающе эмоционально, что так и хочется выпалить: да, господин.

Пожалуй, с "Пятьюдесятью оттенками серого" я тоже пока завяжу.

С плохо скрываемой улыбкой выхожу из кабинета Босса. Его помощница, с которой мы, кажется, столкнулись впервые, осматривает меня с холодным прищуром. Ах да, наверное, я выгляжу, как зареванная клуша. На своем этаже ныряю в туалет и привожу себя в порядок. Потеки туши легко смываются водой, а вот с покрасневшимся носом ничего уже не поделать, пройдет само через пару часов.

— Викот, — тяну я, как только возвращаюсь на рабочее место. — Все отменяется. Мой парень категорически против моей встречи с другим. Даже ради тебя. Прости.

Вижу, как округляются глаза подруги, когда она складывает два плюс два: то где и с кем я сейчас была и мое покрасневшееся лицо. А что? Я ничего ей не говорила, она догадалась сама!

*Джабба Хатт — персонаж киносаги «Звёздные войны», огромный слизнеподобный инопланетянин.

Глава 35. Лея. Тогда

У меня есть теория. Фортуна — дама с вечным ПМС. Ей то не нравятся кудрявые, то блондинки, то высокие и стройные. И каждый раз я подхожу под этот ее нелепый критерий.

Пусть сегодня обошлось без вывернутых ног и застрявших лифтов, но очередная партия полисов приезжает за час до конца рабочего дня и выглядит так, словно здесь застрахована одна небольшая африканская страна. Я до ночи ее не осилю! Хотя я уже приловчилась к этим дурацким НС-кам и даже чувствую себя в них профи, такой объем на одни мои хрупкие плечи ужасает.

Викот демонстративно со мной не прощается, когда уходит, и меня этот факт неприятно жжет. Ну чего она обиделась? Я что, не имею права на личную жизнь? Когда кабинет пустеет, я набираю короткие четыре цифры и закусываю подушечку пальца от волнения. Никогда ему сама не звонила, а после утренней сцены, как я здраво оценила, ревности, уже и не знаю, чего ожидать.

Но мягкое "Да, одуванчик" — рисует улыбку на моем лице.

— Я к половине седьмого не успею, — сразу говорю я. — Тут договоры подвезли к концу дня, фух, пачку...

— И сколько тебе нужно времени?

— Часа два... — Тяжелый вздох с той стороны заставляет тут же исправиться. — Полтора. Я справлюсь за полтора.

— Хорошо, я зайду за тобой.

— Я буду ждать, — улыбаюсь, как дурочка, честное слово.

Все хорошо. Он зайдет, мы вместе проведем чудесный вечер. Возможно, я даже останусь у него на ночь...

За приятными мыслями работать становится легче. Я как заведенная стучу клавишами, вбивая привычные уже строки о застрахованном лице, использую горячие клавиши для быстрого сохранения и перехожу к следующему полису. Когда я слышу, как приоткрывается дверь, передо мной остаётся не больше пятерки договоров. Не отрывая взгляда от экрана, с улыбкой бросаю:

— Ты как раз вовремя, я почти закончила.

— Рад это слышать, — доносится насмешливое от порога.

Я вскидываю глаза, ошарашенная неожиданным гостем.

— Руслан?

— А ты, видимо, ждала не меня, — он приподнимает один уголок губ, и странное выражение его лица вызывает во мне озноб.

— Задержался на работе? — стараюсь вложить в голос побольше непринуждённости, но какое-то грызущее чувство тревоги меня не оставляет. Зачем пришел да еще и в такое время?

— Ага, — он неспешно проходит мне за спину и кладет руки на плечи. — Ты тоже, смотрю, трудишься, не покладая... рук.

Озноб проходится по позвонкам, и я встаю с места, чтоб избавиться от неприятных прикосновений. Отхожу от него, делая вид, что хочу сложить полисы в папку.

— Я думал, у тебя сегодня двойное свидание, — вкрадчиво говорит он, следуя за мной к стеллажу.

— Отменилось.

— Значит, сегодня свободна? Или появились другие планы? — хитро прищуривается он, останавливаясь прямо за стеклянной дверцей, которой я отгородилась от него.

— Да, другие планы, прости.

— А ты не так проста, как кажешься, — снова странная улыбка.

— Даже не знаю, что на это ответить. Руслан, ты что-то хотел? У меня просто ещё работа и...

— Да, я в курсе, что за "и". Но у меня есть вопрос, — его ладонь ложится на дверцу стеллажа и с грохотом захлопывает ее, пугая меня. — Скажи, маленькая лгунья, почему для него — парня нет, а для меня — есть? — он говорит это с хохотом, расплываясь в хорошо знакомой отрепетированной улыбке.

— Руслан, — я проглатываю его имя вместе с комом в горле. — О чем ты?

— Черт, а ты и правда хороша, — высоко смеётся он, делая шаг ко мне.

Я отступаю на такое же расстояние назад и упираюсь в подоконник.

— Мне не очень комфортно, не мог бы ты... — я выставляю ладонь, чтобы не подпустить парня ближе.

— Да ладно, звёздная девочка, мы же друзья, а друзьям ни к чему такие расстояния.

Он поднимает руку и очерчивает пальцами мою скулу.

— Ты очаровательная вертихвостка, столько недель на тебя потратили... Я устал быть хорошим парнем, к тому же, они тебе и не нравятся, да?

Руслан перехватывает мою выставленную ладонь и отводит в сторону. Делает шаг ко мне и, схватив за шею, впивается в губы поцелуем.

Я каменею от страха. Он очень высокий и сильный, а в кабинете, как и на всем этаже, никого. Пытаюсь отвернуться, верчу головой из стороны в сторону и изо всех сил отталкиваюсь дрожащими руками о его плечи. Ненадолго удается увернуться, но Руслан продолжает жалить злыми настырными поцелуями щеку и шею.

— Не надо, пожалуйста, мне не нравится! — кажется, что кричу, но выходит какой-то сдавленный шепот.

Что с ним случилось? Как весёлый дружелюбный парень превратился в это чудовище? Он немного отстраняется, чтоб взглянуть в мое лицо, все еще не ослабляя хватки на шее и талии. Его глаза прожигают во мне дыру, и я никак не пойму, что вижу на дне этих черных дыр: злость, гнев, боль?

— Не надо, — как можно тверже говорю я, хотя голос трясется. На секунду в его взгляде зажигается осознание, он ослабляет хватку и мне кажется, что он собирается сделать шаг назад, но неожиданно отлетает от меня на целый метр.

Я зажимаю рот рукой, подпрыгивая от испуга. Руслан оказывается на полу, а над ним возвышается Босс. Он стоит спиной ко мне, но по его напряженной позе я понимаю, что он очень зол.

— Я же тебе сказал, Че, оставить ее нахрен в покое! — орет он.

Руслан вскакивает на ноги и широко улыбается, словно совсем не боится рассвирепевшего Босса напротив.

— Дружище, все в рамках правил, — насмешливо приподнимает он ладони вверх.

— Лея, — неожиданно бросает мне Александр. — Иди вниз, подожди меня в машине.

Он достает из кармана пиджака брелок от автомобиля и, не глядя на меня, протягивает его.

Я так скована страхом, что ни секунды не задумываюсь над своими действиями, просто

протягиваю руку и беру ключ. Огибаю парней, сохраняющих дистанцию, но сверлящих друг друга убийственными взглядами, и выбегаю из кабинета.

— Вот ты сука! — последнее, что слышу, когда за мной закрывается дверь.

С дико колотящимся сердцем спускаюсь на парковку, отпираю черный БМВ и сажусь в автомобиль. Только в прогретом за день салоне замечаю, как меня трясет. Я впервые попадаю в такую ситуацию и сознание того, что могло произойти, если бы не пришел Саша, накрывает меня панической атакой. Хотя нет, Руслан бы не стал, он уже собирался отстраниться от меня, когда вмешался Александр. Я яростно пытаюсь себя в этом убедить.

Разум, словно в тумане, не понимает и половину из произошедшего, стирает то, что Руслан говорил, то, как мы вообще подошли к этому поцелую. Возможно это шок от произошедшего, но я не понимаю даже сколько времени проходит, прежде чем дверь со стороны водителя открывается. Я вздрагиваю и вся сжимаюсь от этого звука. Саша садится за руль и замирает. Мы сидим несколько минут в полной тишине, прежде чем он протягивает руку и мягко забирает ключ зажигания из моих ладоней.

Заводит машину, кладет руки на руль. Я сразу же замечаю сбитую кожу на его костяшках.

— Вы подрались?

— Слов он не понимал.

Он не смотрит на меня, сосредотачиваясь на дороге. Каша в голове понемногу начинает раскладываться по местам, и я нервно загибаю пальцы, пытаюсь отвлечься от раздражающих голову мыслей. Прислоняюсь головой к стеклу и прикрываю глаза. Плакать не хочется, в конце концов, ничего ужасного не произошло, но какая-то многотонная тяжесть давит мне на плечи и заставляет отключиться.

Просыпаюсь, когда Саша вытаскивает меня из салона машины: берет на руки и прижимает к себе.

— Я могу сама, — сонно бурчу ему в шею, за которую держусь.

— Спи, одуванчик.

Дальше помню урывками: как меня качает, пока поднимаемся по лестнице, как тихо ругается Саша, пытаюсь открыть дверь, как спина касается мягкого матраса. Я сразу сворачиваюсь калачиком, а сзади меня обнимает сильное мужское тело.

Спасительная пустота захватывает в свой плен.

Я просыпаюсь среди ночи: раз, и сна, как ни бывало. Сажусь в постели и поднимаю волосы вверх, позволяя шее охладиться. Я полностью одета, как и мужчина, спящий рядом со мной. С меня он не снял даже обувь, сам потеет в отутюженном костюме тройке.

Вечер выдался стрессовым для нас обоих.

Тянусь к телефону и тут же замираю, увидев четыре пропущенных от отца. Черт, он наверняка волнуется. Аккуратно спускаю ноги с кровати, стягиваю кроссовки и бесшумно, на мысочках, выхожу из спальни, зажав в руках обувь и телефон. Мягко прикрываю дверь в комнату и отхожу подальше, в кухонную зону, чтобы позвонить отцу.

Он снимает трубку с первого же гудка.

— Ну, знаешь, дочь, я уже слишком стар для всего этого... — выговаривает он вместо приветствия.

— Прости пап, — выдыхаю я. — Вечер выдался... как у тебя вчера. Я и не заметила, как уснула.

— Да, я так и понял. Снова у Вики?

— Все еще шпионишь по приложению? — улыбаюсь я.

— Ну так, дочь к полуночи не приходит, на звонки не отвечает, хорошо, что мудрый человек позаботился о нервах родителей. Так что, сегодня снова останешься у подружки?

— Ага. Только знаешь пап, я не у Вики, я у... парня. Прости, надо было давно сказать.

Закусываю губу, ожидая реакции отца.

— Да я уж догадывался, — выдыхает он. — Парень-то хороший, или очередной имбецил, как Пашка тот?

— Нет пап, он... другой.

— Знакомиться будем?

— Позже.

— Хорошо, дочь. Спасибо, что перезвонила.

— Пап, — окликаю его прежде, чем он повесит трубку. — Я люблю тебя.

— И я тебя, одуванчик. Веди себя хорошо.

Замираю с трубкой в руке, улыбаясь своему потрясющему отцу. Он не видит, но я благодарна, что именно он достался мне коварной судьбой. По всем остальным фронтам в моей жизни полный провал, а вот отец на пятерочку. И Александр... Может, не такая уж я и невезучая.

Теплые руки обвивают мою талию, и я вздрагиваю, выходя из временной прострации. Даже не слышала, как он приблизился.

— Как ты? — шепчет мне на ухо.

— Выспалась.

— Ха, я, кажется, тоже. Хотя повторять такой опыт в костюме при плюс двадцати пяти не планирую. Я в душ, ты со мной?

Он прикусывает мочку уха, и по всему телу разбегаются мурашки, выводя тело из ступора.

— Ага.

Разворачиваюсь в любимых руках и прикусываю поросший щетиной подбородок.

— Намылишь меня?

— Черт, одуванчик, ещё бы!

Саша хватает меня за руку и тянет в ванную. По пути он скидывает с себя пиджак, расстегивает жилетку и ремень. Я избавляюсь от свитера где-то между кожаным диваном и кофейным столиком. Одной рукой расправляюсь с молнией на джинсах и застежкой на лифчике. В ванную мы заходим уже наполовину оголенные и на сто процентов возбужденные. Саша прижимает меня к раковине, стремительно впиваясь в мой рот. Его руки сразу опускаются на грудь, страстно сжимают ее, выдавливая из меня всхлип. Крупные мужские ладони скользят ниже, забираются за плотную джинсу, располагаются на ягодицах.

Мы жадно поглощаем друг друга: губами, руками, каждым вдохом. Я втягиваю его потрясающий аромат, замешанный на дорогом парфюме и его чистом природном запахе. Моя голова начинает кружиться, как бывает это всегда, рядом с ним. Кажется, остановись он сейчас — я умру. Наше жаркое дыхание смешивается, тела превращаются в один сплошной нерв, где бы мы ни коснулись друг друга — от этого места по коже кругами расходится дрожь.

Я прижимаюсь к нему плотнее, бесстыдно потираюсь в самых чувствительных местах, хочу уже перейти к главному, но Саша не спешит. Напротив, чем больше проходит времени, тем неспешнее он становится. Сначала его губы покидают мои и начинают чувственное

путешествие по щекам, лбу, носу. Каждый миллиметр моего лица касаются невесомые, преисполненные нежности поцелуи. Затем ладони целомудренно скользят вверх по спине, поглаживают, распространяют тепло и умиротворение. Это новый уровень чувственного удовольствия для меня. Я улетаю куда-то за грань реальности, даже с закрытыми глазами все плывет, как на карусели, сердце бухается в желудок и истошно бьётся там, разжигая медленный костер.

Тело становится лёгким, почти невесомым под давлением этих мягких губ и пальцев. Я откидываюсь назад, позволяя Саше опуститься с поцелуями ниже: по шее, плечам, выступающим ключицам и, наконец, груди. Его рука очерчивает те же дорожки, что и губы минутой ранее, электрические импульсы превращают меня в один сплошной нерв.

— Еще, ещё, — шепчу, сжимая волосы на его затылке.

Саша отрывается от меня, и я невольно распахиваю глаза. Почему мы остановились, почему? Перед глазами пелена возбуждения, но она не мешает разглядеть пламя в голубых озёрах напротив и глубину чувств, когда с отчаянной медлительностью он опускается передо мной на колени. Я не дышу и не двигаюсь, впитывая каждое мгновение этой картины: как он прижимается губами к моему животу, как продевает пальцы под грубую ткань джинс и тянет их вниз, как не сводит своего пронзительного взгляда с меня все это время.

Кожа покрывается мелкими мурашками, когда я остаюсь совершенно обнаженной перед этим мужчиной. Пульс зашкаливает, то и дело, отдавая то в ушах, то в горле, то внизу, в том самом месте, к которому теперь аккуратно прикасается пальцами Саша. Я снова закатываю глаза от запредельности ощущений. Все так глубоко, так интенсивно, так мощно, что ноги еле держат.

— Вся такая влажная, — хрипит он, поводя носом по чувствительной коже возле тазовых косточек и пальцами там, внизу.

Я цепляюсь ладонями за край раковины позади себя. Она больно впивается в ягодицы, но это ничуть не уменьшает градус удовольствия от медленной пытки опытного мужчины. Я дышу так часто, что, кажется, сейчас отключусь от переизбытка кислорода и не сразу замечаю, как мы меняем позицию. Одна моя нога теперь переброшена через плечо Александра, его губы касаются складочек, а язык пробирается глубже, выписывая какие-то невероятные пируэты.

Боже. Боже. Боже.

Сумасшедшее ощущение. Невыносимая пытка. Запредельное удовольствие.

Кажется, я кричу, когда меня охватывает первая волна, но все происходит словно сквозь толщу воды. Все сосредотачивается в одной точке и взрывается пламенем, мгновенно распространяясь на все тело. Помню, как тяжелеет каждая косточка, каждая мышца, и я сползаю на пол рядом с мужчиной, подарившим мне самое мощное удовольствие во всей моей жизни. Он притягивает меня к себе на колени, крепко прижимает к груди и целует в макушку.

Душ после выходит очень коротким.

Немногим позже мы снова лежим в кровати. Я в его огромной рубашке на голое тело, он в одних боксерах престижной марки. Саша перебирает мои непослушные волосы и улыбается одним уголком губ.

— Поговорим? — аккуратно спрашивает он.

— Не очень хочется, — прижимаюсь щекой к его теплой ладони.

— Это неправильная позиция. Просто обсудим сейчас, один раз и навсегда закроем эту

тему.

— Хорошо, — тяжело выдыхаю я. — Я не давала ему повода, поверь. Да, мы общались, но как друзья, я даже сказала ему, что у меня есть парень. Не знаю, что сегодня произошло.

— Ты испугалась?

— Да. Хотя сейчас понимаю, он, наверняка, не зашёл бы слишком далеко. — Выписываю пальцами круги на обнаженном торсе. — Он хороший парень, просто в его голове что-то перемкнуло.

— Не оправдывай его, — жёстко говорит Саша. — Ты совсем его не знаешь.

— Может быть... Думаешь, люди способны так долго притворяться совсем не теми, кем являются? Делать вид, что хотят одного, а на самом деле...

— Способны, — коротко и ёмко говорит он.

— Что же будет дальше, Саш? Мне его избегать? Или нужно поговорить? Я не хочу, чтобы такое повторилось.

— Не волнуйся об этом, одуванчик, такое не повторится. Ты больше его не увидишь.

Вскидываю глаза и шумно сглатываю ком. Он же не...

— Боже, у тебя такое лицо. Он написал заявление. А с завтрашнего дня уходит на больничный вплоть до самого последнего рабочего дня. Никакого криминала.

— Он написал заявление? Добровольно?

— Под небольшим давлением, — Саша касается пальцем моих губ, немного оттягивает нижнюю и прерывисто выдыхает. — Ненавижу мысль, что он тебя касался.

Эти слова взрывают целый склад боеприпасов в моей груди. Пули летят в разные стороны, разрывая то печень, то лёгкие. Граната с выдернутой чекой останавливается у самого сердца, считанные секунды до взрыва.

— Всего один поцелуй, — шепчу я, болезненно сжимаясь. Он больше не захочет касаться меня?

— Придется стереть его единственный раз миллионами моих, — говорит он и касается моих губ.

Сжимает поочередно верхнюю и нижнюю, обводит их языком. Меня трясет под воздействием этих мягких движений. Он зол не на меня, какая я глупая, он уже доказал это ранее в ванной. Обхватываю его затылок ладонями и вступаю в этот чувственный танец. Мы даже не углубляем поцелуй, достаточно только нежных касаний.

Мое сердце переполняет восторг, я стараюсь зафиксировать этот момент бесконечного счастья в своей голове, отпечатать его, как фотоснимок на старом полароиде. Боже, я люблю его. Очень сильно.

От признания, готового сорваться с моих уст, меня спасает один телефонный звонок. И этот звонок меняет все.

Глава 36. Лея. Тогда

Со своего ракурса я вижу только напряженную спину с окаменевшими мышцами и часть его серьезного профиля. Лёгкая атмосфера романтической сказки сменилась на жесткую драму, как только он услышал ответ на свое стандартное "слушаю". Я пока не знаю, в чем дело, но над нашей кроватью явно сгустились тучи.

— Как? — выходит болезненный хрип из моего мужчины. — Да, я выезжаю.

Он кладет телефон на кровать рядом с собой и зарывается лицом в ладони. Тишина звенит громче крика. Саша не шевелится долгие болезненные минуты, и я несмело протягиваю руку и касаюсь его спины. Он вздрагивает, словно забыл, что я здесь. Словно забыл, где он, и что его окружает. Когда он поднимает взгляд, вздрагиваю уже я. Никогда не видела такой пустоты в глазах человека.

— Отец... умер, — эти слова даются ему очень трудно, они продираются сквозь колючую проволоку боли и повисают гильотиной над нашими головами.

Я не знаю, что делать в таких случаях. Любые слова сейчас будут казаться лишними, любое сочувствие — фальшивым, я даже боюсь прикоснуться к нему, такая агония исходит от этого мужчины.

— Надо ехать, — сухо говорит он и встает.

Бесчувственным выверенным шагом он подходит к шкафу и достает оттуда спортивную сумку. Укладывает туда пару свитеров, брюк и нижнее белье. Когда его рука вытаскивает черный костюм, аккуратно покоящийся на широких плечиках вешалки, он застывает. Смотрит на этот дорогой кусок ткани и не может решиться уложить его в сумку.

Я, наконец, отмираю. Встаю с кровати и, стараясь не шуметь, выхожу в ванную, собираю там ему принадлежности в дорогу. Неизвестно сколько он пробудет дома, как минимум дня три, наверное, нужно обеспечить ему комфорт. Хватаю его зубную щетку, все для бритья и даже шампунь, и по возвращении в комнату укладываю все это в боковое отделение сумки. Мелочь, но это единственный способ поддержки, который я могу оказать.

Саша стоит уже наполовину одетый и смотрит в одну точку на стене. Мое сердце сжимается при виде этого сильного мужчины совершенно выбитого из колеи. Да, я потеряла мать, но мне было всего четыре, я почти ничего не помню. Потерять родителя в осознанном возрасте — совсем другая боль.

Делаю робкий шаг к Саше и обнимаю его со спины, прижимаясь щекой к горячей лопатке. Кожей чувствую влагу и поражаюсь этому факту. Почему он мокрый? А, это не он, это я и мои слезы. Мои руки дрожат на его животе, и я изо всех сил пытаюсь сдержать горький всхлип жалости. Теплые ладони ложатся на мои руки и поглаживают, словно успокаивая, хотя это же я должна делать, да?

— Мне нужно ехать, — безэмоционально говорит он.

— Я сейчас соберусь.

Отрываюсь от напряженного тела и несусь по квартире, собирая разбросанную ранее в приступе страсти одежду. Господи, ведь не прошло и часа с того момента, как мы были счастливы. Разве так должно быть? Сначала вселенская эйфория, а после жесткое приземление на ребра. Или ты только так и работаешь, вселенная? Мокрые щеки никак не удастся стереть, потому что дорожки из слез все текут и текут, беззвучно и горько, словно это мой отец...

Боже, даже думать об этом не могу!

Когда вдеваю ноги в кроссовки, в гостиной появляется Саша. Он выглядит как оболочка, не больше: пустой холодный взгляд, автоматические движения, ни одной эмоции на лице. Сумка с грохотом приземляется на пол рядом с мужскими ботинками. Я замираю рядом, стараясь стать невидимой, оградить его хотя бы от беспокойства обо мне. Достāju телефон и вызываю такси по приложению. Минутой позже мы вместе выходим из квартиры и спускаемся вниз.

Он закидывает сумку в багажник и коротко обнимает меня, вдыхая мой запах, как успокоительное.

— Доберешься? — заботливо спрашивает он.

— Уже вызвала такси. Можно я завтра тебе позвоню?

Он кивает и садится в машину. Кажется, видение того, как удаляется его машина, навсегда отпечаталось в моей голове.

Утром я чувствую себя совершенно разбитой. Незаметно прокралась домой, чтобы не разбудить отца и не поспала ни одной дурацкой минуты этой ночью. Меня не покидали тревожные мысли: сначала переживания за Александра, а потом и за своего собственного отца. Ведь когда-нибудь это случится и с ним. И, боже, хорошо бы не скоро, кроме него у меня никого нет.

Когда выхожу из комнаты, отец уже одевается в прихожей, его рабочий день начинается за час до моего. Он с удивлением смотрит на меня, безмолвно спрашивая, как это я оказалась дома?

— Вернулась вчера... — тихо бурчу я.

— Что-то случилось?

— Да. Поговорим об этом вечером, ладно? — устало выдыхаю я.

— Хорошо, дочь. Закроешь за мной?

Я подхожу ближе к отцу и крепко его обнимаю. Он пахнет как всегда — опилками и краской, запах, проникший в каждое волокно его повседневной одежды.

— Хорошего дня, пап, — шепчу ему в плечо, а у самой глаза на мокром месте.

— Не нравится мне твоё состояние, — говорит папа мне в макушку. — Расскажешь мне все?

— Обязательно. Вечером.

Делаю шаг назад и, не поднимая блестящих от накатившей жидкости глаз, тянусь к ручке двери. Папа молча выходит, ни о чем больше не спрашивая, я запираю за ним дверь и глубоко втягиваю воздух в лёгкие. Я слишком близко к сердцу принимаю чужую боль. Слишком ярко переношу ее на себя. Хотя не это ли показатель моих чувств к Александру?

Хотела выйти на работу пораньше, но из-за лёгкой прострации и какой-то пришибленности от недосыпа даже опаздываю. Офис уже гудит роем сотрудников, снующих туда-сюда с бумажками и кофе. Наш корпоративный отдел выглядит странно: девчонки сидят за рабочими столами и работают тихо, как мышки. Обычно в это время они перебрасываются колкими шутками и обсуждают, кто, как вчера провел вечер, даже если перед ними гора полисов, и они их активно вносят в систему. Но сегодня все выглядит как на рекламном буклете: десяток склоненных над компьютером голов, сосредоточенные лица, отточенные движения пальцев.

Я бесшумно приземляюсь на свое место и запускаю комп. На часах одна минута десятого, почти не опоздала, но от Камиллы Георгиевны все равно влетит, когда она увидит

время входа в систему. Черт. Кидаю взгляд на место, где вчера лежали полисы, и замираю, увидев пустое пространство. Вскрываю с места и начинаю шарить глазами по всей поверхности стола и даже заглядываю под него, в надежде на чудо.

— Не кипишуй, — шипит на меня Викот, которая ещё вчера со мной не разговаривала. — Я ввела твои договоры. Как ты вообще их оставила? Не могла шесть штук, блин, довести?

Только у нее получается орать на меня шепотом.

— Вчера кое-что произошло, мне пришлось срочно уйти... — пытаюсь оправдаться.

— Тебя Камилла на британский флаг порвет. Еще и опаздываешь опять, — Вика морщит гримасу недовольства, но за ней явно улавливается что-то ещё. Нервы. — К ней с утра пораньше безопасники нагрянули, видимо очередной громкий страховой случай. Молись, чтоб не по твою душу.

— А я тут причем? — непонимающе пялюсь на подругу.

— Притом. Видимо, какой-то косяк в базе. Они не часто сюда заходят, но никто не хочет попасть к ним на ковер.

Именно в этот момент дверь в кабинет руководителя открывается, Камилла Георгиевна возникает в проходе и, быстро окинув взглядом присутствующих, останавливает свои холодные, густо подкрашенные глаза на мне. Черт. Я вся съеживаюсь от плохого предчувствия.

— Лея, — звучит ледяное.

И хотя я точно знаю, что ни в чем не виновата, все равно начинаю трястись.

Все здесь давит на меня.

Наглухо закрытая дверь. Стулья, выстроенные напротив полукругом. Сканирующие взгляды мужчин, тяжело запечатанных в строгие костюмы. И вопросы... Их так много и они настолько обвиняющие, что тело лихорадит.

Все начинается с пространных вопросов о семье, достатке, образовании и отношении к компании. Меня смущает холодный тон и въедливый взгляд худощавого мужчины в сером пиджаке, но я стараюсь отвечать максимально честно и открыто, периодически кидая взгляд на Камиллу Георгиевну. Наверное, ища в ней безмолвную поддержку. Она сидит чуть поодаль, нахмурив брови и постукивая пальцем по лежащей перед ней папке, всем своим видом показывая, что сейчас не на моей стороне.

Я съеживаюсь от очередного вопроса сурового мужчины напротив, но отвечаю максимально подробно.

— Лея, перечисли всех клиентов закрепленных за тобой, — резкая смена темы с моего диплома на рабочие нюансы выбивает меня из колеи, и я не сразу собираюсь с мыслями, чтобы ответить.

- Северный Металлопрокатный, Деревообрабатывающий и Ламповый заводы. Три средних специальных образовательных учреждения. Пятый ювелирный. Атлантика. Медицинская клиника номер один...

— Достаточно, — прерывает "серый пиджак". — Расскажи процедуру ввода договоров от этапа их получения.

— Проверка заполненности граф. Внесение в базу данных. Связка с квитанцией об оплате. Подшивка бумажной версии в папку этой организации.

Второй безопасник, все это время не проронивший ни слова, кидает

многозначительный взгляд на Камиллу Георгиевну и получает едва заметный кивок в ответ.

— Процедура работы с некорректно заполненными договорами, — тем временем не дает мне передышки первый.

— Возврат менеджеру с дальнейшей эскалацией до ответственного лица.

— Сроки внесения договоров в базу данных?

— Один рабочий день. Исключение — договоры заключенные после 13:00 пятницы, ввод до 13:00 понедельника, — чеканю я памятку оператора.

— Ваши действия в случае задержки предоставления полисов для ввода?

— Эм, — заминаюсь я. — Информирование руководства?

Снова ищу поддержки Камиллы Георгиевны и снова наталкиваюсь на ледяной взгляд.

— Информирование руководства, — спокойно повторяет "пиджак". — Так скажите нам, Лея, как вышло так, что договоры по "Атлантике" внесены в систему задним числом?

Лицо мгновенно багровеет. Это же те самые полисы от Александра!

— Я... мне сказали, для них это нормально.

— Кто?

— Вика, — шепчу я, вытирая влажные пальцы о край свитера.

Второй мужчина снова кидает многозначительный взгляд на моего руководителя. Та нажимает громкую связь и набирает короткий номер. После непродолжительных гудков раздается приглушенный голос Вики.

— Да.

— Вика, напомни мне сроки внесения договора в базу.

— Один рабочий день, — тут же выпаливает та.

— Можно ли ввести полис задним числом?

— Нет.

— А твоя подруга говорит, что ты ей сказала так сделать.

— Я... — слышу замешательство с той стороны. — Нет... я такого не говорила.

Не могу поверить!

— Спасибо, Вика.

Камилла Георгиевна обрывается звонок и снова возвращает свой холодный взгляд мне.

— Вика работает здесь уже второй год и проявила себя исключительно как надежный сотрудник. К тебе, Лея, у меня такого доверия нет. Систематические опоздания, ошибки при вводе данных, постоянные задержки на работе, то ли из-за медлительности, то ли, чтоб решать свои личные вопросы...

Я вся вспыхиваю от последнего комментария. Она знает?

— Но... — голос предательски дрожит, когда я пытаюсь оправдаться. — Я говорю правду, не знаю, зачем Вика лжет. Я просто не знала, что делать. Я все исправлю. Это больше не повторится.

— По этим договорам произошел страховой случай, — равнодушно констатирует второй безопасник. — Пожар на паркинге. Ущерб на двенадцать миллионов.

Я замираю, не зная, как реагировать. Почему они все это говорят мне?

— И вот в чем дело, Лея, — понижает голос до устрашающего баритона мужчина. — На лицо мошенничество.

— Что? Я... не понимаю, — лицо снова начинает гореть.

— Полисы появляются в системе позже положенного срока, страховой случай заявлен до даты страхования. Крупный ущерб. Сомнительные обстоятельства.

Глупо тарашусь на людей, сидящих передо мной. Ничего не понимаю. Причем тут я?

— Кто принес тебе эти договоры?

— Александр Германович, — сквозь ком в горле говорю я.

— Ложь. Ты работала напрямую с Атлантикой? — голос становится более угрожающим.

— Нет, я никого там не знаю, — от прессинга глаза обжигают слезы.

— Ложь. С твоего номера зафиксировано несколько звонков на рабочие телефоны "Атлантики", ты внесла договор задним числом, ты путаешься в показаниях.

— Позвоните Александру Германовичу, он скажет, что это не я, — цепляюсь за последнюю надежду.

— Дело в том, Лея, что мы уже связались с ним. И он понятия не имеет, о каких договорах речь.

— Но этого же его клиенты! — почти кричу я.

— Но конкретно об этих полисах он в первый раз слышит. С ним Атлантика не связывалась.

— Этого не может быть, — я отчаянно размазываю слезы по щекам.

— Договоры без подписи страховщика. Как ты это объяснишь? — вмешивается в разговор Камилла Георгиевна, поднимая вверх папку. — А в системе ты проставила Яковлева.

— Но это же его клиенты, — как заведённая повторяю я.

— Значит так, Лея, — жёстко говорит тот, второй, молчаливый безопасник. — Сейчас ты садишься писать объяснительную. Подробно, с указанием всех участников вашей схемы. Напишешь хорошо — отделаешься увольнением, без передачи дела в суд.

Я захлебываюсь слезами. Из меня вырываются какие-то звуки, слова оправдания, просьбы, мольбы мне поверить, но это все летит мимо их ушей.

Двое самых страшных мужчин, которых я встречала в своей жизни, тихо встают и кидают напоследок:

— Камилл, проследи.

Когда они выходят из кабинета, я уже не сдерживаю громких рыданий. Глаза застилает пелена из слез. Как же так может быть? Разве можно обвинить человека просто так?

— Успокаивайся и садись, пиши, — спокойно говорит Камилла Георгиевна.

Я поднимаю взгляд на нее и вижу, как она вытаскивает ручку и листок бумаги.

— Я не знаю, что писать. Я правда ничего не делала, просто внесла полисы.

— Пиши все, как было, — почти сочувственно говорит она. — Я бы хотела занять твою сторону, но факты не на твоей стороне. Подумай, чьему слову поверят: Яковлева, который занимает не последний пост в этой компании и обладает безупречной репутацией, или девчонке из неполной семьи, чей отец всю жизнь пашет на заводе за копейки.

— Он бригадир... — меня бесит то, как меня выставляют нищей.

— Но выглядит все именно так. Ты либо глупая девчонка, которая решила быстро заработать, либо тебя подставил замдиректор. Согласись, во второй вариант верится труднее.

Ее слова бьют меня словно обухом по голове. Это бред, конечно, бред. Полный. Немыслимый.

Прикрываю глаза, чтобы немного собраться. Нужно просто ему позвонить. Да, Александр все решит. Он же знает, что я этого не делала, он принес эти договоры, он... нет,

он тоже сделать этого не мог. Это какое-то глупое стечение обстоятельств. Или здесь замешан кто-то другой! Он все выяснит. И все будет хорошо.

Делаю глубокий вдох и приступаю к объяснительной. Подробно описываю все события от момента, как полисы оказались у меня на столе и до того, как убрала их в папку. Отдельно приписываю, что вообще об этой компании до этого момента не знала, как и об этом страховом случае.

Без давления со стороны пугающих безопасников мысли удастся выразить логично и последовательно. Я уверена, это недоразумение легко разрешится после одного моего звонка.

Камилла Георгиевна отпускает меня домой, объясняя, что с этого дня я в неоплачиваемом отпуске, пока идет разбирательство. Я хватаю свою сумку и, стараясь не смотреть на любопытные лица девчонок, вылетаю из офиса. На улице сразу набираю Александра. Идут долгие гудки, но трубку он не поднимает. Конечно, его отец...

Домой возвращаюсь, как на иголках. Расхаживаю из стороны в сторону не в силах взять себя в руки. Грудь спирает страхом. Даже паникой. Что же будет? Чем это грозит мне, если они не разберутся?

В тот же день я набираю Саше ещё несколько раз, но в ответ — только длинные гудки, сменяющиеся короткими. Разрастающаяся дыра в груди начинает давить на все внутренние органы, как опухоль. Я запираюсь в комнате и плачу, не позволяя войти даже отцу. Мне страшно, очень страшно.

Следующий день не приносит ничего хорошего. Меня снова вызывают в службу безопасности и уже на их территории подвергают жесткому прессингу, выбивая признание, которое я дать не могу. На меня давят, меня запугивают. Я выхожу от них с трясущимися руками и страхом перед будущим. В десятый раз набираю Александру, но теперь его телефон выключен. Мне не хочется думать о нем все эти ужасные вещи, которые вложила мне в голову Камила Георгиевна, но невольно, это все равно происходит.

Думаю, сейчас помочь мне может только один человек.

Я дожидаюсь конца рабочего дня и ловлю ее у выхода из здания.

— Вика, — окликаю я уже бывшую подругу.

Она поворачивается и вздрагивает. В ее глазах я вижу страх.

— Поговорим?

Лицо подруги меняется за секунду: из растерянного в отстранённое. Знаю эту ее привычку слишком хорошо, чтобы понимать, что она старается казаться хладнокровной. Всегда так делает, чтобы не выказать слабость.

— Лея, — сухо отзывается она, перекидывая сумочку на плече и окидывая взглядом спины девчонок из отдела.

Они уже ушли вперёд, не заметив пропажи подруги. Оставив ее на растерзание мне.

— Вика, зачем ты соврала? — спрашиваю в лоб, потому что нервы на пределе. — Ты понимаешь, в чем меня обвиняют?

— Потому что мне нужна эта работа! — сразу взрывается она, даже не пытаясь себя оправдать. Маска слетает с лица так же быстро, как появилась. — Два года работы, ни одного косяка, а стоило тебя сюда устроить, и все пошло через жопу.

Вика активно жестикулирует руками, задевая сотрудников, потоком выходящих из здания. Я немного смещаюсь в бок на крыльце, чтобы избежать лишних глаз и ушей.

— Ты же знаешь, что я не виновата, просто скажи Камилле, что это ты мне

посоветовала ввести договоры задним числом.

— Какая же ты эгоистка, — зло шипит подруга. — Хочешь, чтобы и меня поперли вслед за тобой? Ты забыла, что на мне два кредита, доставшиеся от бывшего мужа? И что я одна живу, без помощи родителей?

— Вика, ты сама себя слышишь? Ты понимаешь, что меня судить будут? Меня в мошенничестве обвинят, если ты ничего не скажешь.

— Меня достало уже твое нытье. Я тебя на работу устроила, обучала, блин, в счёт своего времени, косяки твои все время прикрывала, а ты, похоже, сюда трахаться пришла. Повзрослей, а? И научись уже брать ответственность на себя. Не я тебе сказала внести договоры без подписи агента. Я просто сказала, что Атлант вечно с договорами тормозит. Ты могла, блин, голову включить, и ничего бы не было.

— Вот это и скажи! Этого будет достаточно, чтобы подтвердить мою версию. Я тебя прошу, пожалуйста. Я же с твоих слов все это сделала.

— Слушай, — она нервно проводит ладонью по лицу, — Тебя это все равно не спасет, там, говорят, и звонки с твоего рабочего телефона были и полисы неизвестно кем заполненные. И косяк со вчерашними договорами, которые мне пришлось доводить... Камилла вчера всю статистику по тебе подняла. Я не буду себя подставлять. Мне нужна эта работа.

— Значит, меня подставить можно? Наша дружба вообще для тебя ничего не значит?

— Дружба? — ее голос снова взлетает на несколько октав вверх. — Ты, блин, как ребенок, которого мне навязали. Я тебя везде за собой таскаю, все за тебя разруливаю, и все равно ты все время получаешь то, что не заслуживаешь. А по поводу подставы... ты бы лучше у "парня" своего спросила.

Глаза Вики горят такой ненавистью, что я съеживаюсь от каждого произнесенной ей слова. Так вот, значит, как она меня видит? И никакая это не дружба, оказывается... От того, как манерно она произносит слово "парень", комок в груди разрастается все больше. Что это за намеки?

— Не делай такие глаза, Лея! — вбивает она гвозди в гроб моего самообладания. — Я же сказала тебе, что "Атлантика" — клиенты Яковлева. Неужели ты думаешь, что это совпадение? — ее слова колючие и жесткие находят прореху в моем мозгу и устраивают там переворот. — Такой неожиданный интерес со стороны большого босса к мелкой девчонке из корпоративного отдела... Да они забавляются так со своим дружком!

— Что? — сухие губы с трудом разлепляются.

— Неужели ты думала, что такие мужики способны запасть на тебя? Даже смешно, честное слово! Это у них что-то вроде корпоративного соревнования: кто быстрее разведет новенькую на секс. С тобой прям провозились, хочу сказать, — злая насмешка не ранит, потому что дыра в груди ничего не чувствует.

Ощущаю, как кровь отливает от лица, как слабеют мышцы, как желудок скручивается узлом.

— Кто? — выдыхаю из последних сил.

— Мудак Че и его вечный партнер Яковлев. Видимо, стало скучно, и они решили не только повеселиться, но и бабло отмыть. А тут ты — святая наивность. Так что с ними и разбирайся. Я тебе ничем помочь не могу.

Вика приподнимает ладони и делает шаг назад, намереваясь уйти. Я не чувствую губ, не чувствую тела, только сердцебиение шумит в ушах, напоминая, что я ещё жива. Ее слова

забираются в каждую щёлочку моей ослабленной уверенности в Александре. Стучат молоточками "ты же чувствовала, знала". Складывают картинку в пазл: все эти странные перешептывания, неожиданный интерес ко мне, настойчивость Руслана и... Нет. Нет, нет, нет. Не правда. Не правда!

— Откуда ты знаешь? — кричу уже в след уходящей Вике.

Она застывает, но не оборачивается.

— А ты как думаешь? — горько бросает она.

Осознание потрясает очевидный факт.

— И кто победил? — срывающимся голосом говорю я.

— Че.

Она произносит его фамилию, словно ставит точку. Жестко и болезненно. А потом снова возобновляет шаг. Я стою не в силах сдвинуться с места, как дерево, пораженное молнией — сгорая до тла.

— Почему ты мне не сказала?! — кричу в след бывшей подруге, когда она оказывается уже у самой дороги.

Она оборачивается, не сбавляя шаг, ее волосы треплет ветер, закрывая лицо.

— Потому что я плохая подруга! — кричит в ответ.

Клянусь, в этот момент я вижу улыбку на ее лице.

Я набираю этот чертов номер в миллионный раз. В этот день, на следующий и еще через день. Ответ всегда одинаков — аппарат абонента выключен или вне зоны действия сети.

Когда на дисплее высвечивается номер Камиллы Георгиевны, я не жду уже ничего хорошего. Апатично отвечаю на звонок, отстраненно выслушиваю приговор.

Меня в компании больше не ждут. Никаких обвинений не будет, прямых доказательств нет. "Пожалели мелкую дурочку" — эмоционально выговаривает мне бывший руководитель. За трудовой можно не приходить, в любую контору в Москве мне путь заказан — единые черные списки эйчаров работают не на моей стороне.

Я даже не плачу. Просто рада, что все закончено. Остается только одно — рассказать все отцу. Он пока ничего не знает, сам пропадает на работе последние дни и даже не заметил, что я никуда не ходила. А рассказать, что у его дочери теперь нет никакого будущего — не слишком привлекательная перспектива.

— Дочь, надо поговорить, — объявляет отец с порога.

Я знала, что этот момент настанет. Но смотрю сейчас в его осунувшееся лицо и понимаю, что речь пойдет не обо мне.

— Что случилось, пап?

Мы проходим в комнату и садимся на диван. Отец устало трет затылок, не зная, как начать.

— Помнишь, я на днях рассказывал о несчастном случае на производстве?

Я киваю, пока не понимая, к чему он ведёт.

— Так вот, пострадавший парень оказался очень пронырливым. Он обратился в службу охраны труда, поднял шумиху в соцсетях... Пока идет расследование, меня попросили с должности. Но Серегин сказал, что по факту, обратно меня не ждут и по-дружески рекомендовал выходить на пенсию.

— Папа! — бросаюсь к нему и крепко обнимаю. Слезы, которые, казалось, должны были вытечь за последние дни, льются новым потоком, обжигая воспаленные щеки. — Но он

же сам виноват!

— Это никого не интересует, одуванчик. Нужна показательная казнь.

Папа прижимает мою голову к груди и мягко поглаживает.

— Ничего, ничего, прорвёмся. В октябре как раз пятьдесят, пенсия по вредному производству хорошая будет. Ты работаешь. Перестану скучать коллекционные выпуски ЗВ. Подужмемся.

Я вцепляюсь пальцами в пропахший древесиной свитер и жалобно скулю.

— Меня уволили, пап, — задыхаюсь собственными слезами.

Тяжёлая ладонь застывает на моей голове.

— Мне теперь никуда не устроиться.

Всхлипы становятся всё громче. Рыдать в родных объятиях совсем не то, что тихо в подушку. Вся моя боль, все отчаяние от сложившейся ситуации выплескивается наружу. Выливается океаном соленой жидкости, морем утробных звуков. Папа молча гладит, прижимает меня к себе, пытаюсь утешить, но я знаю, что он тоже в ужасе.

Я не знаю, как дальше жить. Впервые, я и жить не хочу, разрываемая болью предательства. Только отец — вековой столп, не позволяющий сейчас уйти мне на дно.

Две недели спустя ситуация становится хуже. В моих дрожащих руках три теста с двумя одинаковыми бледно-красными полосками. Я решаюсь в последний раз набрать номер, который безрезультатно набирала в течение семи бесконечно болезненных дней.

— Не звони сюда больше, — вливается ядом в кровь.

Голос, пропитанный злостью, говорит лучше любых слов. Все это правда. Наконец, окончательно подтвердилось. Все было ложью. Он играл со мной, а после подставил.

Разрушил мою жизнь.

Глава 37. Алиса

Кто-то сказал, что лечит
Видимо, не всегда
Различия бесконечны, разные города
Самое страшное время
Между нулем и шестью
Однажды мне показалось
Что я без тебя умру

Я каждый день собиралась
На улицу, как на войну
Казалось, какая малость
Без сердца, но все же живу
Я тысячи раз пыталась
Свободно дышать без тебя
В холодных, чужих объятиях
Свобода мне не нужна

Не было ни ночи, ни дня
Когда не вспоминала тебя
Не было ни ночи, ни дня
Когда я забывала...

Не могу. Идите все к черту
Сама разберусь. Я к нему...
Я жить без него не смогу,
Не могу. Идите все к черту
Проклятая гордость, люблю.
Я жить без него не смогу.

(Анна Седокова — Не могу)

Самолёт мягко приземляется на взлетной полосе аэропорта и неспешно разворачивается в сторону терминала. Яркое краснодарское солнце разительно отличается от московского. Жарит сильнее, но почему-то кажется, что не так беспощадно. Я вдыхаю невероятный запах цветущих деревьев, доносящийся даже сюда, в царство бетона и стекла, и впервые за долгое время чувствую себя не скованной железным обручем в груди.

Позволяю ветру трепать свои непослушные волосы, улыбке предвкушения растянуться на лице, а сердцу забиться сильнее в ожидании долгожданной встречи. Я так скучаю по двум самым дорогим мужчинам в моей жизни.

Из аэропорта беру такси — это дорогое удовольствие и не каждый согласится брать такой удаленный заказ, но это лучше, чем ехать с пересадками на двух автобусах, следующих строго по расписанию до нашего хутора. Подставляю свое чистое лицо солнцу в

приоткрытое окно автомобиля и ловлю кожей каждый лучик света. Знаю, уже к вечеру миллион веснушек загорится на моем лице ярче новогодних гирлянд, но густой слой привычных косметических средств позволит скрыть их в серых офисных буднях. А пока, сегодня, сейчас, я могу позволить себе быть собой.

В чемодане у меня только удобные майки и шорты, никаких тесных юбок и строгих костюмов, удушающих своей безукоризненностью. На смену каблуками — любимые кеды и сандалии, которые ни одна офисная мышь на себя не оденет. В душе — сказочная Белоснежка распевает песенки для своих друзей-зверей.

Когда такси подъезжает к ферме, сердце начинает привычно щемить от восторга предстоящей встречи. Я не звонила, но знаю, что меня ждут за этими воротами. Толкаю тяжелую дверь проходной, оставляя чемодан снаружи, и быстро шагаю к нашему дому. Нет сил идти медленно, степенно и тащить ненужным грузом за собой вещи. Радостный крик заставляет сорваться с места и помчаться навстречу светлой кудрявой макушке, мелькнувшей в окне первого этажа.

Маленький, но такой уже взрослый человек, бежит мне навстречу с широченной улыбкой. Матюша врывается в меня и крепко сжимает в объятиях.

— Мама! — кричит он так, чтобы все услышали. — Мама приехала!

Мы валимся на пыльную дорожку и радостно хохочем. Я сижу прямо на земле, ощущая влажную после недавнего полива почву под собой, и прижимаю к себе сына. Покрываю поцелуями его пухлые щечки и маленький носик с громким чмоканьем. Он кривится и пытается увернуться.

— Мама, ну, мам, — не любит телячьих нежностей.

— Что? Я соскучилась! — зажимаю его лицо ладонями и громко театрально издаю "муа" при каждом касании губ его теплой мордочки.

— Фу, — морщится он, вытирая следы моих поцелуев ладошкой. — Что ты мне привезла?

Я снова заливаюсь громким хохотом. Вот такие они дети в этом возрасте: долгое отсутствие родителя с лихвой покрывается подарками. Но я знаю, как он скучал. Чувствую по тому, как он жметя ко мне и не хочет выпускать из вида. Наши встречи всегда такие: сумбурные, смешные и трогательные. Он, конечно, сначала рассмотрит все игрушки, которые я ему привезла, а потом мы на два дня выпадем из окружающего мира, утонув в своем: где много разговоров, игр и объятий.

— Все в чемодане, — треплю его по волосам. — Боже, как ты оброс! Дед забыл, как выглядит машинка для стрижки, или вы ждали меня? — выгибаю я бровь.

— А, — машет он рукой. — Он занят просто был.

— Ну, тогда придется все взять в свои руки. Но сначала распакуем чемодан, да? — хитро улыбаюсь я.

— Ага! — Матвей вскакивает на ноги и мчится к воротам. Я не спеша иду за ним, зная, что мой очень целеустремленный сын хочет сам затащить его в дом.

— Какие люди и без охраны! — насмешливо раздается сзади. Это фирменное приветствие отца, отработанное годами такого ритма нашей жизни.

Я резко разворачиваюсь на пятках и влетаю в объятия отца, почти так же, как сделал это Матюша минутами раньше со мной.

— Па-па, — тяну я, не в силах сдержать улыбки. Он в одной хлопчатобумажной футболке и старых рваных джинсах, испачканных пылью и землей, но я обожаю видеть его

таким. Обожаю его запах: солнца, травы и ягод. Запах лучшей жизни.

Поднимаю голову и ахаю от представшей картины, которую не рассмотрела толком, когда захватывала его в плен. На фоне темно-коричневой кожи, давным-давно подружившейся с краснодарским солнцем, белеет выгоревшая борода. Вообще, он сейчас больше похож на дальнего родственника забугорного Санта Клауса с облаком белоснежных волос на голове и густой растительностью на лице.

— Папа! — укоризненно говорю я, отстраняясь. — У вас с внуком забастовка и вы решили зарастить, как Чубакка?

Отец раздражается густым смехом, прижимая меня одной рукой к своему боку.

— Каюсь, мы потеряли триммер, который ты купила. Или его кое-кто спрятал, — понижает он голос до доверительного шепота и кивает в сторону маленького шкодника, втягивающего огромный, в сравнении с ним, чемодан в ворота.

Облако кудрявых волос, точь-в-точь, как мои натуральные, сейчас обрамляют его маленькую головку, как огромная шапка. Матвей абсолютная моя копия. От бледной кожи, которая с трудом поддается даже южному солнцу, до вот этих вот непослушных завитков. Пожалуй только цвет глаз он взял не от меня: пронзительно голубые озера совсем не то, что наши с отцом серые, среднестатистические. Сын похож на маленького херувимчика с самого своего рождения, что не мешает ему быть сущим дьяволенком, когда ему что-то хочется. А ещё не по годам рассудительным. И я невольно задаюсь вопросом: это наследственное или таким его сделали обстоятельства, в которых ему приходится быть самостоятельным большую часть времени?

— Папа, он похож на девчонку, — шепчу так, чтобы Матвей не услышал, иначе скандала с нахмуренными бровями не избежать.

— Да сейчас все дети такие, не отличить: мальчик, девочка. Ну, хочешь, садовыми ножницами его обкорнай, я тебе принесу, — машет он на задний двор, к теплицам, в которых снуют наемные рабочие.

— Нет уж. Свожу его завтра в город, пусть специалист приведет в порядок. И как вас в садик в таком виде пускают?

— Галина Ивановна, кстати, предлагала самой его подстричь, но как-то не удобно.

Папа смущенно улыбается, и переводит взгляд на Матвея, который двумя руками катит тяжелую, но такую приятную ношу к дому.

— Ну что, одуванчик, — обращается он к внуку, вызывая цунами чувств у меня в груди. — Помочь перетащить через порог?

— Не, я сам, — кричит маленький мужчина.

Как только оказываюсь в доме, сразу бросаюсь на кухню, оттуда уже доносится умопомрачительный запах свежесобранной клубники. Жадно окидываю стол с контейнерами идеальных ягод и тяну к ним руки. Слюна собирается во рту, желудок призывно урчит, требуя свой любимый завтрак.

— Стоять! — разносится громовое за спиной. — Это для ресторана, я уже все выверил по весу! Твоя порция в холодильнике.

Я разочарованно рычу, зная, что мне достанутся не такие красивые ягодки. Лучшие — всегда идут на продажу.

— Даже не помыл! — возмущенно восклицаю я, выуживая огромную миску сочных, еще теплых плодов.

— Только собрал, — улыбается папа.

— Что, сам?

Открываю воду и откидываю ягоды на дуршлаг. Проще, конечно, промыть сразу на грядке поливочным шлангом, но эту, видимо, собирали в спешке к моему приезду.

Закидываю мою любимую гигантскую Азию (сорт крупных плодов — прим. автора) в рот и мычу от взрыва вкуса. Все рецепторы выходят из спячки после столичной пластиковой еды. Поглощаю ягоду за ягодой, почти не разжевывая, пытаюсь наесться впрок, потому что впереди опять пресные будни.

— Мама, — на кухне появляется Матвей с огромным трансформером в руках, но судя по сдвинутым бровям, он от него не в восторге. — Робокар Поли? Ты серьезно?

Иногда меня так и тянет рассмеяться от этих его фразочек, но я держусь, внимательно выслушивая сына. Что не так с Поли? Он же обожает этот мультик! Смотрю на отца, ища подсказки, но тот лишь поджимает губы, стараясь сохранить серьезный вид.

— Я же уже не смотрю этот мультик. Он для малышей, — серьезно заявляет мне ребёнок, еще четыре месяца назад праздновавший четырехлетие и требовавший торт с этим персонажем на нем.

— Да? — поднимаю я брови. — Как жаль, что мне никто не сказал, — бросаю укоризненно взгляд на деда. Эти огромные машинки стоят как слиток золота, блин.

— Надо чаще появляться дома...

Дед засовывает руки в карманы и удаляется, знает, что сейчас настало наше с Матюшей время. А его время — вечером, когда сын будет глубоко спать. Вот такой у нас теперь график встреч — по расписанию.

Мы с сыном возвращаемся в большую комнату, где он уже начал распаковывать чемодан и садимся прямо на деревянный пол.

— Так что будем делать с Поли? — спрашиваю сознательного ребенка, пока тот вынимает остальные подарки.

— А, отнесу в сад. Малышня будет рада.

Я снова улыбаюсь, думая о доброте сына и его пополняющемся словарном запасе. Классные кеды с Микки Маусом не вызывают восторга, а вот огромный набор юного художника в виде портфеля на кнопках зажигает такой восторг в его глазах, что я невольно закрываю глаза, подавляя легкое жжение от переизбытка чувств. Знаю, непозволительно много ему накупила, но меня не было две недели, это возмещение. Единственное, что я могу сделать для него сейчас.

Хотя совсем скоро, я смогу сделать для него главное — вернуть счастливую маму, без груза прошлого и постоянного чувства рефлексии. Ту, которая будет улыбаться по утрам, и верить в лучшее будущее. Которая сможет растить сына зная, что зло в этом мире всегда получает по заслугам. А добро побеждает, хоть иногда, ему и приходится взять в руки пистолет. Я так близка к этому.

Матвей с радостным визгом открывает портфель и с огромными глазами рассматривает набор из маркеров, фломастеров, восковых мелков и красок. Ставит мольберт, который прилагается в комплекте, и тут же цепляет туда белые листы. Мой сын выпадает из реальности, как только его пальцы касаются ровного ряда двух десятков разноцветных принадлежностей для рисования.

Это его маленькая страсть. Он постоянно рисует: на любых поверхностях, любыми подручными средствами, с того момента, как научился держать ложку в руке. Я не знаю, откуда эта его предрасположенность, наверное, с той стороны его родословной, о которой я

почти ничего не знаю, потому что по нашей линии никто талантом не одарен. Но я люблю это в нем.

Я все в нем люблю.

— Спит?

— Да, уснул.

Я подхожу к холодильнику и с помощью букв-магнитов креплю очередные рисунки к дверце.

— Места уже не хватает, — вздыхаю я, оглядывая наслоения разноцветных листов. — Может, купить большую магнитную доску? Повесим в его комнате...

— Можно, — отец ставит на стол два бокала и разливает в них сидр собственного производства. — А что он нарисовал? Это лейка?

— Это слон, папа! — я тихо смеюсь.

— Ах, слон! И как это не догадался. Почему разноцветный?

— Он так видит. А не догадался ты, потому что только о лейках своих и думаешь, — подкалываю его, выдвигая для себя стул.

— Ну да, куда нам, фермерам, до высокого!

Сквозь открытое окно в помещение врывается свежий вечерний воздух. Он разносит сладкий запах ягод и теплой земли. Я вдыхаю полной грудью и тянусь за бокалом, делаю маленький глоток, откидываюсь на спинку стула и прикрываю глаза. Боже, как хорошо.

— Как у тебя дела? — заводит стандартное отец.

— Хорошо, — просто отвечаю я. Ему не нужно знать деталей, достаточно моего заверения.

— Когда ты вернёшься, Лея? — его обычно добродушный взгляд теряет легкость под грузом дум.

— Скоро папа, скоро, — очередной глоток сладкого клубничного напитка.

— Дочь... — вздыхает он.

— Я знаю, пап, — отвечаю на его безмолвный укор. — Но я очень близка. Не больше месяца, клянусь.

— Я переживаю за тебя. Весь этот маскарад, — окидывает взглядом мое лицо. — Так много сил ты потратила. А что будет после?

— Я вернусь. И смогу, наконец, жить нормально.

— Сможешь ли? — скептически смотрит отец.

— Смогу, — говорю твердо, убежденная в своей правоте. Ведь у меня есть четкий план, даже на жизнь "после".

— Я боюсь, что тебе всегда будет мало всего этого.

Отец откидывается на стуле и смотрит в огромное кухонное окно, выходящее на теплицы. Его взгляд блуждает по уходящим за горизонт грядкам и огромным стеклянным куполам, где круглый год живёт клубника. Это его мечта. Его идеальная старость, как он всегда говорил. Я не думала, что он действительно решится продать квартиру в Москве, бросить все и купить эту ферму. Но обстоятельства толкнули нас на решительные перемены.

Денег с продажи двушки с хорошим ремонтом с лихвой хватило на приобретение готового клубничного бизнеса со всеми этими теплицами, хоз постройками и домом на десять работников, в котором мы обосновались. Предыдущие хозяева не поленились передать и технологию по выращиванию, сбору, сортировке и укладке ягод и даже базу своих клиентов. Благослови господь цены на недвижимость в столице — нашего капитала хватило

и на модернизацию фермы для работы в круглогодичном режиме.

Первый год был очень сложный. Изнеженная кожа не желала привыкать к палящему солнцу, а израненная душа не могла исцелиться. Растущий живот вызывал панику и болезненные спазмы в груди. Я жалела себя каждый день, упивалась этим чувствами, не в силах взять себя в руки. Непривычно теплая зима накрывала апатией вместо снега, а весна не принесла с собой ничего, кроме понимания: я скоро стану матерью. После рождения Матвея я долго приходила в себя.

Смотрела, как он первый раз поднимает головку, чтобы осмотреть такой яркий мир вокруг и чувствовала, что часть моего сердца оттаивает. Улыбалась, когда он впервые перевернулся на бочок, и поняла, что ради него хочется жить. Когда он сам сел, смешно кряхтя и раздувая щеки, мне захотелось подарить ему идеальную жизнь. Наблюдая, как он подтягивается ручками за бортик кроватки и встаёт, я точно решила, что буду счастлива. Когда сделал первые шаги в нелепых синих сандалиях — в голове созрел план.

Этот план и привел меня сюда. Я многое прошла за прошедшие годы: переломала и заново срастила скелет внутри, перепрошила каждый нерв, каждую ложную установку, изменилась до последнего волоска. Шаг за шагом, подбираясь все ближе к тому, кто разрушил мою жизнь. Чтобы разрушить теперь его.

И осталось совсем чуть-чуть. Несколько точных шагов и у него не останется ничего, только пустота и гнев, выпускающий яд в кровь. Надеюсь, он сохнет от него.

— Как прошла ваша неделя? — переключаюсь с навязчивых мыслей.

"Отдыхай, Лея, возьми по максимуму от этих двух дней. Будь хорошей матерью и дочерью" — как мантра на эти выходные.

— Ну, у Матвея снова появилась подружка в садике. Они поженятся, когда вырастут.

Я смеюсь в свой бокал, это уже четвертая "невеста" сына.

— А ещё он приватизировал ноутбук, так что не вини меня, если он вырастет блогером. Каким-то лешим он сам залез на Ютуб...

— Папа!

— Ну что? Я не могу смотреть за ним каждую минуту. Если ты не заметила, у меня помимо четырехлетнего ребенка еще два гектара в попечении.

— Прости, пап. Знаю, это не справедливо. Ты должен был жить в своё удовольствие, кататься по Европе и видеть внука по выходным и праздникам, как все нормальные дедушки.

— Да не, это для пердунов, — отмахивается он. — Я чувствую себя именно так, как должен, словно жизнь только начинается, понимаешь? Просто боюсь, что совсем скоро Матвею станет недостаточно мамы "выходного дня". Он задает много вопросов, ты же понимаешь и уже все анализирует и делает выводы. Ты можешь упустить момент его взросления.

— Я делаю это ради него.

— Не надо себя обманывать, одуванчик. Ты делаешь это ради себя, — вкрадчиво, но без укора говорит отец.

Между нами повисает тяжелое молчание. Оно ложится грузом мне на лопатки, сгибая напором вины. Да, я часто убеждаю себя, что Матвей должен жить в мире, где всем воздается по заслугам, где есть справедливость, и хорошим людям положен хэппи энд. Но в реальности все банально — я не могу быть счастлива, пока не закрою этот долбаный гештальт.

— Это так плохо? — я кручу высокий бокал за ножку, не сводя взгляда с розового

напитка, перекатывающегося по стеклу.

— Я не знаю, дочь. Я бы предпочел, чтобы ты просто жила и радовалась тому, что у тебя есть: талантливому ребенку, добряку отцу и свежей клубнике круглый год, — папа смеется, и в уголках его глаз собираются глубокие морщинки. — Помнишь, ты в детстве все время кричала: обожаю клубнику! Ела бы ее каждый день! Устраивала мне забастовку зимой, отказываясь есть суп, пока я не достану ягод. Ты ещё посмотрела мультфильм "Двенадцать месяцев", и на мой закономерный вопрос "где я ее достану" смешно вскидывала бровки и говорила: "Так надо тебе в лес пойти и у лета попросить!"

— Нет, не помню, — смеюсь я. — Но я и сейчас ем ее с удовольствием, ты же знаешь. Спасибо, что осуществил мою детскую мечту.

Я беру отца за шершавую ладонь и легонько ее сжимаю.

— Ты очень многое для меня сделал.

— Не достаточно, — поджимает он губы. — Я хочу, чтобы моя дочь снова улыбалась. Но не так, как научили тебя в той бизнес-школе, из которой ты вышла Алисой. А как прежняя Лея.

— Ее уже нет, пап. Я очень старалась сохранить её в себе, но не смогла, не удержала. Ее убило все то, что произошло тогда, — к глазам подкатывают слезы. Снова жалость к себе, а я думала — прошло.

— Надо было убить его, — папа сжимает ладонь в кулак и гневно смотрит на него. — Ты не должна это расхлебывать. Я — должен был. Ещё тогда. Взять дробовик и размозжить его голову.

— У тебя нет дробовика, — усмехаюсь я. Этот разговор у нас не впервой.

— Значит, купить дробовик. Подстеречь возле работы и... — он подносит руки к голове и изображает взрыв. В театральности отцу не откажешь.

— Его ждёт кое-что похуже мозгов на асфальте, пап. Поверь.

Я допиваю последний глоток вина и встаю.

— Звонил Серёгин, — внезапно говорит отец, и я застываю возле стола. Давно не слышно было старого папиного приятеля. — Пригласил на юбилей в субботу. Я думаю съездить.

— А Матвей?

— Возьму его с собой. Он давно напрашивается к тебе, для него это будет целое приключение. Как думаешь?

— Не знаю, — потираю лоб, оценивая все сопутствующие риски от пребывания моего сына в столице. — Подумаю завтра, скажу тебе. Спокойной ночи, пап.

— Сладких снов, одуванчик.

Я по-прежнему дергаюсь от этого ласкового прозвища. Столько раз просила отца не называть себя так, кричала и даже плакала, когда у него вырывалось, и постепенно он забыл это обращение. И вот опять. Спустя столько лет, как эхо, как напоминание, как призыв не сдаваться.

Холодная дрожь по спине лишь распаляет мою решимость. Скоро. Скоро. Совсем скоро.

Глава 39. Александр

Машину немного ведет на мокрой дороге. Стараюсь сосредоточиться на серой извилистой полосе, а не гнаться за локомотивом тягучих мыслей. Сбрасываю скорость при очередном знаке "населенный пункт", чтоб не нарваться на штрафы, которые я всегда забываю оплатить, и включаю радио.

Словно насмешка судьбы, на первой станции звучит сплошная раздражающая болтовня. Переключаю волну в надежде на легкий релакс, но судьба или программа вещания выходного дня категорически против. На очередном шедевре отечественного производства уши начинает кровоточить, и я раздраженно вырубая магнитолау.

Салон вновь наполняется приглушенным звуком трения шин о дорожное покрытие и пронсящих по встрече автомобилей. Нервно стучу пальцами по рулю от невыносимости этих минут. До пункта назначения всего ничего, но творящийся в душе хаос не дает расслабиться и вдохнуть полной грудью. Легкие сжимает в тиски — не продохнуть. Голова скована обручем горячей боли, тянущейся от затылка к вискам.

Смотрю на горизонт — темно-серый, тяжёлый — и вновь погружаюсь в невеселые думы. Черные пятна пляшут перед глазами хороводом размытых силуэтов, тягостное молчание ложится грузом на плечи и гнет к земле. Но хуже всего — запах смерти, заполняющий ноздри до головокружения.

Возвращаюсь в реальность, уловив периферийным зрением яркие пятна вдоль дороги. Сворачиваю на обочину и выхожу под мелкий накрапывающий дождь. Небольшая перебежка через две полосы и я молчаливо рассматриваю ряд пластиковых цветов перед собой. Женщина напротив не давит на меня, как это бывает обычно, а терпеливо ждет, когда я приму решение. Не знаю, что она читает на моем лице, но даже когда я протягиваю ей две помятых купюры взамен на небольшую корзинку с белыми лилиями, она не произносит ни звука.

Остаток дороги до кладбища проходит незаметно. Я паркуюсь перед воротами и долгий путь до пятнадцатого ряда преодолеваю пешком. Дорогие ботинки тонут в рыхлой земле, обрастая комьями налипшей грязи, но мне откровенно плевать. Самое страшное сегодня — видеть профиль отца на каменной черной плите напротив. Могила выглядит аккуратной и ухоженной, в отличие от многих на моем пути, не зря я плачу деньги специальной службе: плитка, устилающая небольшой участок, вычищена от листьев и песка, старые выцветшие букеты убраны, ограда свежеевыкрашена.

Ставлю маленькую корзинку с лилиями на постамент и зажигаю лампаду заготовленными спичками. Сегодня нам с отцом предстоит долгий безмолвный разговор, как и всегда в этот день.

Пять лет назад.

— Сын! — отец хлопает меня по плечу, едва я переступаю порог родного дома. — Сегодня ты припоздился, мы тебя с утра ждали.

— Да, решил отоспаться в кое-то веки.

Наши скупые мужские рукопожатия быстро переходят в крепкие объятия. Я улыбаюсь отцу: открыто и искренне, очень скупал.

— С днём рождения. Пошли, Сань, покажу тебе кой-чего.

Мы проходим в его мастерскую, и я сразу же открываю рот от изумления. На потолке красуется огромная фреска с изображением пышнотелых женщин в развивающихся одеждах, наподобие работ Боттичелли. Изумленно оглядываю стремянку и постамент с шпаклевкой, порошками красок и измазанными кистями.

— Как ты вообще до такого дошел? — спрашиваю отца.

— Калугин, что в пяти домах от нас живёт, заявил, что желает раскрасить своды своего крытого бассейна фреской с "Рождением Венеры", представляешь? И, говорит, любые деньги, Яковлев, отдам, только сделай, чтоб все ахнули. Пижон престарелый. Тренируюсь вот. Это тебе не на стене цветочки малевать для его куклы домашней. Тут техника нужна.

— Ну, поздравляю, отец, это новый уровень! Тебя веке так в пятнадцатом с руками и ногами оторвали бы.

— Четвертовали бы, ты хотел сказать? Как еретика? — смеётся отец. — Ты ж приглядишься, я Мадонне цапки современные навесил, а вместо младенца у нее ковер в руках.

— Так это Мадонна? — смеюсь я. — Интересный подход!

— Ты ж знаешь, срисовывать под копирку это не мое. Нет в этом изюма!

Мы стоим, задрав голову, и в тишине разглядываем каждый свое: отец наличие предстоящей работы, я — уже готовый результат.

— И как ты справляешься, у меня от двух минут шея затекла.

— Шея это что! Вот спина отваливается после пары таких часов и рука немеет. Почему-то левая. Но оно того стоит, скажи?

— Отец, это не шутки. Тебе уже не двадцать, — говорю строго, потому что переживаю за его здоровье, всё-таки работа с красками на протяжении стольких лет может здорово сказаться на организме.

— И тридцатилетний сын лучшее тому напоминание! — хохочет он в ответ. — Слушай, я еще ого-го, внуков точно дождусь! Кстати, как там, на горизонте не маячит это дело? А то хотелось бы успеть их лицезреть, а не только пощупать из-за старческой слепоты.

— Боюсь, что тебе придется держаться из последних сил, никаких шансов в ближайшем будущем.

— Сань, я знаю, что карьера, столица, все дела. Но знаешь, я до сих пор считаю, что среди тысячи моих работ, ты — самая лучшая.

— Даже лучше той, которая у Элифанова в галерее висит всем на обозрение? — подкалываю я.

— Пф, то мой наглый плагиат на "Шоколадницу", а Элифанов тот в этом ни хрена не понимает.

Отец берет меня под руку и ведёт в гостиную.

— Ни одна моя картина не сравнится с прекрасным сыном, который взял от меня лучшее, — продолжает он. — И знал бы ты, какое это счастье, видеть свои черты в другом человеке, знать, что никогда не будешь одинок, что есть тот, кто будет приходить на твою могилу после...

— Папа!

— Что? Тебе уже тридцать и пора узнать, что люди не вечны!

— Давай не будем об этом сегодня.

— Хорошо, давай переключимся на твою личную жизнь. Обожаю слушать твои тирады по поводу женщин и переоцененности их в жизни мужчины.

— Вообще-то...

— Что? Неужели и на улице моего сына зажглись огни "она не такая"?

— Пока рано говорить, — просто пожимаю плечами. Но почему-то очень хочется рассказать отцу о Лее — сумасшедшей девчонке, помешанной на Звездных войнах, с которой мы даже дальше поцелуев не зашли. Как подростки, честное слово.

— Знаешь, Сань, мужчине нужна женщина. Такая, чтоб зажигала внутри него что-то, с которой хотелось бы становиться лучше, которая переворачивала бы рычаг нормальности внутри до упора и тебе крышу сносило. Понимаешь?

— Как мама? — мне не удаётся скрыть ноты сарказма в голосе.

— При всех ее недостатках, именно благодаря ей я тот, кем стал. И ты тоже, Сань.

— Где она сейчас?

Разве нормальная мать не вышла бы встречать сына? Не поздравила бы его с днём рождения первая?

— Она скоро будет, уверен.

Слова отца лишь подтверждают то, что уже знаю: она забыла и не придет. Очередное увлечение ей интереснее, чем собственная семья. Но мартовская кошка нагуляется и вернётся, а отец снова закрывает на это глаза.

Она приходит уже под вечер, когда мы с отцом и дядей приступаем ко второй бутылке виски под чисто мужские разговоры. Вваливается веселая и пьяная под руку со старым знакомым отца. Пошла, значит, по его друзьям, хороши же приятели, не гнушаются воспользоваться тем, что им не принадлежит.

Скандал набирает обороты за долю секунды. Отец не выдерживает развернувшейся перед ним сцены и срывается в ор. Мать не остаётся в долгу, и спустя несколько мгновений раздаётся звук битого стекла. Незваный гость тихо сваливает, чтоб не стать частью этой театральной постановки, мы с дядей разводим родителей по углам. Он берет на себя мать, я отца.

Такие сцены не новость в нашем доме. Скорее, неприятная закономерность. И чтобы отец не говорил, жить так — не нормально. Твоя собственная жена не должна унижать тебя, прилюдно выставляя свои связи, а друзья не должны бить исподтишка. В очередной раз я задаюсь вопросом, возможен ли другой сценарий. Существует ли будущее с альтернативной концовкой, где рядом любящая женщина и счастливые дети? И невольно в памяти возникают лучистые серые глаза и россыпь веснушек. Сердце сжимает странный спазм, не знакомый мне ранее.

И я мчусь домой, чтобы развеять это наваждение.

— Если бы я знал тогда, что это наша последняя встреча, я бы не уехал, пап, — эти слова вырываются наружу, несмотря на немой диалог внутри.

Я был нужен ему, но променял на секундное увлечение, недостойное этого времени. Может, все сложилось бы иначе, останься я хоть на пару дней. Может, я бы вовремя вызвал скорую, обнаружив его в мастерской. Может, даже и не было бы приступа, будь я там, и сглаживая углы с женщиной, по недоразумению зовущейся моей матерью. Так много "может" и такой нелепый финал.

Прости пап.

И с днём рождения меня.

Отражение в зеркале мне не врёт. Оно беспощадно и зло. Выставляет напоказ все то, что видеть не хочется: седеющие виски, мимические морщины, бесконечная усталость в глазах.

Праздник удался. Правда, шумная вечеринка с друзьями и близкими затерялась где-то между звонком генерального со стандартным "поздравляю" и вечерним смс от дяди. Наверное, застряла в параллельной вселенной, где рядом есть люди, которым не плевать.

Бросаю финальный взгляд в тусклое зеркало над раковиной и, пообещав самому себе сменить, наконец, лампочки в ванной, стираю с лица остатки крема для бритья. Сегодня, как никогда, хочется стать другим человеком. Женщины красят волосы, мужчины сбривают бороды — это естественный этап борьбы со стрессом.

И я, наконец, до него дошел.

Возле дивана в гостиной скопилась целая батарея бутылок. Они отзываются лёгкой тошнотой и сухостью во рту при одном лишь попадании в ракурс. Выбираю очередной костюм, сегодня в более мрачных цветах, чем обычно, ведь завтра годовщина... я не привык из-за этого пропускать работу, но почтить память таким нехитрым способом вполне себе позволяю.

Беру с тумбы часы, застегиваю металлическую застежку до щелчка и открываю верхний ящик. Там хранится еще один ежегодный ритуал. Эхо из прошлого.

— Александр Германович, доброе утро! — громко вещает моя верная помощница, как только я выхожу из лифта. Ее голос режет высоким сопрано мой опухший после выходной попойки мозг.

— Доброе, — сухо отзываюсь я, следуя к двери кабинета.

— С прошедшим Вас! — уже чуть менее бодро говорит она.

— Спасибо, Карина, — поворачиваю ключ в замке и шагаю в спасительную тишину.

Хлопок закрывающейся двери позволяет выдохнуть и немного ослабить самоконтроль. Самое сильное желание сейчас — запереть эту чертову дверь и погрузиться в спасительную пучину дел. Но ожидание еще одного идиотского ритуала не позволяет мне это сделать.

Расстегиваю пуговицу на пиджаке и приземляюсь в рабочее кресло. Мягкая кожа тут же подстраивается под меня, даря знакомый комфорт. Ставлю локти на стол и провожу ладонями по лицу. Непривычная гладкость вызывает лишь раздражение. На кой черт взялся сегодня за бритву? Что это может изменить в моей жизни?

Не успеваю включить компьютер, как в дверь стучат. Понеслась.

К обеду дорогу в мой кабинет не протоптал только ленивый. Натянутые улыбки, лживые пожелания, идиотские подарки. Конечно, что ещё подарить долбаному руководителю, как не бутылку отборного вискаря? Мини-бар пополняется с такой скоростью, что моя не отошедшая после выходных печень начинает ныть.

Я даже не стараюсь нацепить на лицо подходящий случаю фейс. Возможно, поэтому никто из смельчаков не задерживается в моем кабинете и пяти минут. К обоюдному удовольствию.

От очередного стука в дверь меня перекашивает. Сжимаю кулаки, силясь унять раздражение, и клянусь себе издать приказ об отмене корпоративных поздравлений с днём рождения. К следующему году.

В кабинет вваливается толпа сотрудников во главе с неумным специалистом по продажам с семнадцатого этажа. Отобранные лично мной для важного проекта люди вызывают не такой гнев, как остальные, наверное, потому что на них я возлагаю огромные надежды. А ещё потому что среди них я выискиваю взглядом ту единственную, которая отвлекает меня от бесконечного ада в голове.

На ней сегодня скромный черный костюм, резонирующий с дико сексуальными губами. Ее непокорность отзывается во мне уже знакомым приливом адреналина, и уголок губ сам собой ползет вверх, олицетворяя удовольствие от этого протеста.

Шумная Соколова заводит громкое "Happy birthday", чем вызывает не только мой шок, но и всего коллектива, стоящего за ее спиной. Но почему-то и эта странность не воспаляет бешенство в крови, а вызывает лишь смех. Боже, как давно я не смеялся. Смотрю на нелепую девчонку в огромных салатных кроссах и впервые за очень долгое время улыбаюсь. Хорошая девчонка. Умная, отличный продажник и чертовски смешная. Какой-то странный спазм сжимает орган в груди, тот самый, отвечающий за перекачку крови, который давненько не отзывался. Но это не сексуальный интерес или азарт, как бывало ранее, просто рикошет из прошлого. Достиг, наконец, сознания, откликнулся спустя столько лет.

Облако непослушных волос, веснушки на маленьком носике, тихий искренний смех.

Я заставляю себя опомниться, вынырнуть из наваждения, отрезвиться мыслью "все было ложь". Но проклятые спазмы не уходят, сжимают теснее, окольцовывают болью, спускаются в желудок и принимаются там разжигать костры. Чувствую бесконечную усталость и словно сквозь мутное стекло вижу себя со стороны.

Идиот, блять. Возьми себя в руки.

Заковываю себя в щит хладнокровности, натягиваю маску безэмоциональности и сухо благодарю за очередную коллекционную бутылку, которой суждено стать сегодняшним ужином. Коллеги покидают кабинет с натянутыми улыбками, ничего общего с тем энтузиазмом, с каким они в него вошли.

— Алиса, задержитесь, — словно со стороны слушаю свой голос.

Руки начинает трясти от необходимости эмоционального допинга. Хотя бы ненадолго вырваться из захватившей в плен темноты, немного ядовитых фразочек, возможно, в комплекте с острым язычком. Это все, что мне нужно.

Брюнетка совершает плавный оборот вокруг своей оси и впивается в меня ледяным взглядом. Да, красотка, именно это мне сейчас и нужно.

— Почему вы не в "Peshkov Group"? С сегодняшнего дня вы в их ведении.

Я откидываюсь на спину кресла, скользя взглядом по изящной фигуре.

— Как раз собираюсь туда. Не могла же я пропустить поздравление своего любимого Босса, — стерва делает шаг вперед, наклоняется и упирается руками в поверхность стола.

— Я польщен, но не думаю, что оно того стоило.

— Мы с Владиславом Юрьевичем пришли к соглашению, что я вполне могу уделять им половину своего рабочего дня. А остальную оставить для "Маффина".

Хитрая лиса наклоняется еще ниже, чтобы показать мне немного больше, чем видно остальным в ее декольте.

— Ты разговаривала с Крупским?

Этот факт должен рассердить, потому что это выходит за рамки субординации, а Крупский человек непростой и важный, но опять же, по неведомым мне причинам, вызывает

лишь легкую улыбку. Бесстрашная девчонка.

— Он передавал наилучшие пожелания моему Боссу, — томно выдает она.

Я смотрю на эти пухлые губы и борюсь с желанием сменить локацию, на ту, где я возвышаюсь над ней, а она у моих ног на коленях. Приятное тепло разливается по телу в предвкушении очередного раунда, который может зайти дальше, чем в предыдущие разы.

Встаю с кресла и, упираясь в стол на манер Алисы, наклоняюсь корпусом вперед. Между нашими лицами не больше пятнадцати сантиметров. Я могу рассмотреть ее серую радужку вблизи и увидеть реакцию от последующих слов.

— Не хочешь сделать мне приватный подарок? — красноречиво бросаю взгляд на ее яркий рот.

Она отшатывается от меня, как-будто ее пронзило током. Впервые вижу ее лицо, искаженное таким отвращением. Что, не получала раньше таких предложений? Никогда не поверю.

Выпрямляюсь и складываю руки на груди. Ну же, поиграй со мной ещё немного.

Алиса застывает напротив с гневно сверкающими глазами. Ее грудь вздымается от частых вдохов, призванных помочь ей взять себя в руки. Когда ее взгляд натывается на мои руки, что-то в выражении ее лица неуловимо меняется. Пробегает какая-то тень, словно стирающая знакомую мне женщину.

На ее лице расплзается хищная улыбка, почти ядовитая, которой не обмануть меня. Она делает шаг, затем ещё один и, огибая стол, приближается ко мне.

— Бедный Босс, — шипит она, — считает лучшим подарком минет, как печально.

Ее слова неожиданно бьют прямо в цель. Пронесются по натянутым нервам, срастаясь с огромным комом гнева внутри. Она чувствует мое слабое место и давит на него своим острым коготком.

— Только от тех, кому больше нечего предложить, — бросаю в нее слова, но они ее не трогают.

Она делает одно ловкое движение и присаживается на стол прямо передо мной. Немного раздвигает ноги, словно приглашая меня. И я делаю этот шаг, горя желанием наказать стерву.

Запускаю руку ей на затылок, заставляя поднять голову и взглянуть мне в глаза. Второй рукой скольжу по ее бедру, поднимая плотную ткань юбки. Она безумно сексуальна. Опускаю взгляд на ее манящие губы, но не касаюсь их, застываю в миллиметре от ее кожи.

— Ты такая красивая... — провожу губами по ее коже, едва касаясь щеки. — И такая стерва! — нервный смешок вырывается прямо ей на ухо.

Чувствую дрожь под своими пальцами. Хочу трахнуть ее сейчас, но больше всего — наказать за правду, которая больно бьёт под дых.

— Предпочитаете покладистых мышек, Босс? — еле слышно говорит она.

— Предпочитаю диких кошек, Алиса. Но не сегодня. Не сегодня...

Делаю шаг назад. Руки соскальзывают с податливого тела, оставляя горячий след на ладонях. Натягиваю привычную маску холодного мудака и жестко говорю:

— Свободна.

Глава 41. Алиса

— Ты такая красивая, — мою щеку обжигает горячее дыхание. — И такая стерва! — смеется мне на ухо.

— Предпочитаете покладистых мышек, Босс? — глухо шепчу я, охваченная его жаром.

— Предпочитаю диких кошек, Алиса. Но не сегодня. Не сегодня...

Он делает шаг назад и смотрит на меня с холодной полуулыбкой.

— Свободна.

Мудак машет рукой в сторону двери, словно прогоняет чернь из барского дома. Глазам не верю. Делаю стремительный выпад вперед и сжимаю в кулаке его галстук.

— Сегодня — время дикой кошки, — шиплю ему в лицо за секунду до того, как впечатать свой рот в его.

Он отвечает мгновенно. Склоняется надо мной, впивается пальцами в волосы, ныряет языком в глубину рта. Это злой поцелуй, мстительный. Я обхватываю его ногами, прижимая теснее, я хочу, чтобы он думал, что сейчас все произойдет. Мне нужно, чтобы он разделся. Мне нужен мой подарок обратно.

Во мне бурлит гнев такой силы, что будь я богом, Помпея пала бы еще раз. Как он смеет их одевать? Как может после всего... Недостойный ублюдок. Закончились дорогие аксессуары или понял очевидный факт и решил вывести меня на чистую воду? Ты не победишь в этот раз, клянусь. И никогда больше не прикоснешься к этим запонкам. Они никогда не должны были оказаться у тебя.

Пальцами ослабляю узел его галстука, пока мой наигранный стон он ловит губами. Сплетаюсь с ним в диком, отчаянном танце языков, позволяю его мерзким ладоням лечь на грудь, нырнуть под жакет, сжать полушария с силой. Ладонями очерчиваю его плечи и стягиваю тяжёлую ткань пиджака. Он помогает мне, сам вытряхиваясь из нее. Но моя цель дальше, гораздо дальше.

Крепче жмусь к твердому телу, ощущаю восставшую торпеду в его штанах, я помню, какой он на вкус и это воспоминание откликается одновременно щемящей болью и неконтролируемым желанием. Я трусь об него, позволяя ему ещё и эту вольность, впитываю уже его стоны, когда он отпускает мои губы и, крепко сжимая волосы на затылке, оттягивает голову вверх, чтобы получить доступ к шее и впитаться в нее.

Мне почти больно. Хотя нет, не почти. Мне отчаянно невыносимо бороться с накатывающими волнами удовольствия. Мозг и тело ведут непримиримую войну. Каждый тянет одеяло на себя, разрывая душу пополам. Почему он? Ну почему это всегда только он?

Сжимаю челюсть до скрипа, желая прогнать наваждение, скапливающееся горячим шаром внизу живота. Трясущимися пальцами расстегиваю пуговицы на белоснежной рубашке. "Он должен поверить, что сейчас все случится" — как мантра в моей голове. Должен позволить мне забрать, то, что ему не принадлежит.

Босс на секунду отстраняется от меня и, все еще сжимая волосы, всматривается в мои глаза помутневшим взглядом. Возможно, не верит, что я всерьез, возможно, проверяет свои ощущения. Но я знаю, что он хочет увидеть и позволяю глубоко запрятанным чувствам выйти на поверхность, чтобы обмануть, запутать мерзавца. Сама тянусь к его губам. Накрываю их своим ярким бордо, размазываю остатки матовой помады, клеймя собой. Он, как чертов фетишист, поедает ее вместе с моими губами и не замечает, что я уже у его

запястий.

Щелчок и одна запонка у меня. Второй — и полный комплект скрывается в маленьком кармашке моего жакета. Пора все прекратить, цель достигнута. Но коварные пальцы не слушают мозг, касаются теплой кожи под рубашкой, проходятся по жестким волоскам, вызывая утробные звуки мужчины напротив.

Я в плену, захвачена его запахом, вкусом, теплом. Коварный мерзавец слишком хорош. А я слишком изголодалась. Я говорю себе, что сейчас все на моих условиях, что я контролирую ситуацию. Даже прикидываю в голове рокировку плана своих действий, если все случится сейчас. По-настоящему, а не так, как я задумала.

Руки Александра уже у меня между ног. Он натирает там двумя пальцами сквозь тонкий капрон и не спасающий меня хлопок. Дрожь проходит по ногам, спине, рукам. Мириады мурашек атакуют чувствительную кожу. Он тянется к ремню на брюках, звучит металлическое трение пряжки, затем звук разъезжающейся молнии. Я уже так далеко в своих ощущениях, что ничего не соображаю. Сильные руки отрывают меня от стола, переворачивают и укладывают на жесткую поверхность стола. Костяшками на бедрах я врезаюсь в дерево, пальцами сжимаю противоположный край.

Коварные пальцы задирают мою юбку и в одно мгновение стягивают колготки с трусиками. Сквозь толщу пульсации крови в ушах слышу звук открывающегося ящика стола, пока одна тяжёлая ладонь прижимает меня к столу так, чтобы я не шевелилась. Боже, боже, что же я творю. У него арсенал презервативов прямо в верхнем ящике рабочего стола! Скольких он нагибал вот так же? Скольких будет после меня?

Ужасное чувство слабости и безысходности моего положения накрывают болезненной волной. Непрошенная слеза, влага, которой, казалось, во мне не осталось за столько лет, сползает по щеке. Он снова делает это. Он снова король положения. Касаюсь лбом прохладного дерева и делаю глубокий вдох, чтобы собраться. Нужно прекратить все это. Сейчас же. Сиюминутно.

Но в этот момент в меня погружаются длинные пальцы. Я выгибаюсь от остроты ощущений.

— Охрененно узкая, — хрипит он.

Вдруг всего становится слишком много: его пальцев, его запаха, голоса, жара, боли, гнева, желания. Меня трясет от бессилия перед моментом. Я хочу его, ужасно хочу, вопреки ненависти, своему плану, здравому смыслу. Только один раз. Всего один раз снова почувствовать это.

И я сдаюсь. Отпускаю себя, расслабляюсь в мужских руках. Он чувствует это. Вынимает из меня пальцы, шуршит фольгированный пакетиком и наступает та самая бесконечная секунда "до". Я жду боли, слишком давно все это было в последний раз, но вместо этого...

Дверь кабинета с грохотом открывается.

— Яковлев, я без прелюдии! — звучит разрывное до того, как вошедший может оценить ситуацию в кабинете.

— Вышел вон! — орет мужчина за моей спиной.

Боже, спасибо, спасибо тебе. Я рывком распрямляюсь над столом, пока дверь закрывается с той стороны. Дрожащими руками тянусь к спущенному белью, но мужские руки останавливают меня, прижимаясь сзади.

— Он не войдёт, а долго это не продлится, — шепчет он мне в затылок, снова пробираясь пальцами вниз. — Я так хочу тебя.

Вырываюсь из его цепких рук и делаю шаг в сторону. Подтягиваю белье, опускаю задранную юбку. Александр стоит напротив с совершенно охреневшим лицом и покачивающимся членом наперевес. О, да, я вижу, как он меня хочет. А ещё ситуацию в целом и картину, которую застал Руслан минутой ранее. Нет, этому не бывать.

— Я, пожалуй, пойду.

Возвращаю на лицо холодную маску. Это не трудно, потому что ощущаю себя так, словно резко протрезвела после недельного запоя. Делаю нетвердые шаги к выходу, когда в спину мне летит:

— Шесть тридцать на парковке.

Самоуверенный мудака. Мысленно посылаю ему жирный фак, хлопая дверью.

Че караулит под дверью с совершенно бесстрастным выражением лица.

— Быстро вы. Думал, Яковлев способен на большее, — скучающе тянет он.

— Хочешь с ним посоревноваться? — зло улыбаюсь я.

По лицу Руслана пробегает какая-то тень, но расслабленной позы он не меняет. Ещё один идеальный подонок, умеет держать марку.

Не дожидаясь очередного саркастического выпада, направляюсь к лифту. Спускаюсь на свой этаж и забираю сумку. Эта временная стажировка в "Peshkov Group" очень вовремя. Мне нужно собраться с мыслями и вернуться к четко намеченному плану. Я близко, очень близко, и если правильно разыграть сегодняшнюю карту, вполне могу покончить с ним еще до конца этой недели.

Да. Я снова в строю, а временное помутнение спишем на нервный срыв.

Сжимаю в кармане драгоценные запонки. Они дороги не своей ценой, а ценностью, которую я в них вложила. Вместе с ними я вручила мудаку и свое сердце, а он...

Зачем он их носит?

Глава 42. Александр

— Никогда раньше не замечал твоей тяги к эксгибиционизму, — Рус входит в кабинет, едва я успеваю упаковаться и перевести дыхание.

Член все еще стоит шлагбаумом, болезненно упираясь в ширинку. Тело потряхивает от накопленного напряжения, которому не дали выход. Черт, этот вид сзади будет преследовать меня ночами. То, что девчонка была на все готова прямо здесь, на столе, посреди рабочего дня — просто дико меня завело. Увело в такие дебри желаний, что перекрыло все прочие мысли и чувства. Как пилюля от депрессии, хочется закинуться ей ещё, чтобы не выходить из этого состояния. Но суровая реальность в виде бывшего друга маячит в дверях. Сорвал мне жесткий сеанс психотерапии, мудака.

— Зато ты верен себе: пытаешься влезть без смазки.

— Один — один, — ухмыляется Че, усаживаясь в кресло посетителя.

Застегиваю пуговицы на рубашке, пытаюсь совладать с раздражением. Приди он на четверть часа позже, уверен, все бы уже закончилось. Слишком сильно было возбуждение, слишком развратна поза, слишком узкая девчонка... всего слишком. От воспоминаний, как горячо и туго зашли в нее мои пальцы, по позвонкам проходит озноб, оседая в паху, отчего член снова непроизвольно дергается. Че сидит с таким выражением лица, словно увидел, как стартует Аполлон 13: смесь неверия и ужаса.

— Не принимай это на свой счёт, — бросаю бывшему приятелю, пока тянусь к манжетам рубашки.

Так. А где запонки?

— Мы слишком долго не общались, я уже ни в чем не уверен, — стебется Рус.

— Нарываешься, Че, — одаряваю его холодным взглядом и подхожу к столу.

Приподнимаю разбросанные бумаги в надежде обнаружить свою пропажу. Откидываю папки с отчетами коммерческого отдела, собираю рассыпанные скрепки, перелопачиваю гребанные стикеры, но тщетно. Запонок нет. Неприятное чувство жжется внутри, словно к груди приложили раскалённую подкову.

Отодвигаю стул и осматриваю пространство под ногами. Пусто. Мусорная корзина — пусто. Кресло — ничего. Черт. Черт. Черт.

— Очень занимательно наблюдать, как ты мечешься, но я по делу. Оставил гандон в своей пассивности?

— Ищу твое чувство самосохранения, — шиплю на придурка. — Переходи к делу.

Закатываю рукава рубашки и сажусь напротив Че. Вернусь к поиску запонок после его ухода с трезвой головой и успокоившимся либидо. Они не могли исчезнуть из кабинета.

— Есть идея устроить промо к открытию нового медицинского центра. Крупский будет перерезать ленточку, детишки радостно разрисовывать крыльцо мелками, а инвесторы жрать дорогой коньяк.

— И?

— Не тупи, Яковлев, для вас это отличный шанс наладить контакты с крупными рыбами. Инвесторы — сплошь бизнесмены с гигантскими корпорациями за плечами. Это отличный шанс для вас зайти с новинкой через верхушку, а не с заднего входа, как это обычно бывает. Кто откажет руководству в обязательном страховании жизни?

— Это предложил Крупский?

— Это предложил его руководитель отдела маркетинга, который не забывает добра.

— Под "добром" ты же не расквашенный нос имеешь ввиду?

— Всего лишь одно очень удачное трудоустройство.

— Да, за это ты меня не благодарил, — откидываюсь в кресле и окидываю приятеля взглядом.

— Видимо, настало время, — Че встречается со мной взглядом и многозначительно молчит. Я вкладываю в это молчание "больше ничего тебе не должен" смысл. — Что ж, открытие назначено на десятое. Подготовь презу и выбери пару мордашек посимпатичнее, будет телевидение. Не гарантирую, что тебя станут слушать, но закрыть этих мордovorотов в одном помещении с бухлом — вполне.

Он встает с места, я поднимаюсь вслед за ним, протягиваю руку для закрепления договоренностей. Его оценивающий взгляд падает на протянутую руку, и я вижу борьбу за ничего не скрывающей физиономией. Он никогда не умел скрывать эмоций — как открытая книга с бегущей строкой посреди лба. Сейчас там написано: не уверен, что готов закончить нашу холодную вражду.

Не стоило предлагать его жене тройничок, возможно, обошлось бы малой кровью. Но с тех пор, как мы встретились на той злополучной конференции, мой язык неконтролируемо проходит по их идеальной парочке, пытаюсь пробить брешь в отшлифованной картинке. Это внутренняя потребность убедить самого себя, что не все так сказочно в королевстве Че. А может, это неконтролируемое чувство разочарования, ведь Рус получил то, чего когда-то хотел я.

И эта протянутая ладонь сейчас — оливковая ветвь. Он сделал шаг навстречу мне. Я делаю ответный.

Рукопожатие выходит крепким и жестким. Как и положено, после длительной ссоры.

— Покурим? — вдруг предлагает Рус.

— Ты же бросил.

— Снова начал, — пожимает он плечами. — Будет у тебя жена на девятом месяце, посмотрю на тебя.

Он говорит это с усмешкой, ему невдомёк, что со мной такого никогда не случится. В моей вселенной это из разряда прыжка с парашютом — знаю, что многие делают это, но я никогда не решусь.

Мы спускаемся вниз к отведенному для курения месту. На удивление здесь пусто, сказывается разгар обеденного перерыва. Че вынимает пачку сигарет, одним ловким движением выбивает одну и зажимает ее во рту. Протягивает полупустую пачку мне. Я не курил лет с шестнадцати, когда это было показателем престижа среди школоты. Отец застучал меня на лестничной клетке — тогда его картины еще не висели по частным коллекциям, и мы жили в обычной панельной девятиэтажке — и отодрал за уши. Унизительно и больно. Чем отбил охоту брать в рот эту гадость на многие года. Но сейчас почему-то рука сама тянется к пачке, перекрывая все установки отца и голос разума.

Просто кажется необходимым приобщиться к этому ритуалу. Может, удастся переключиться с алкоголя на сигареты и сдохнуть раньше?

Щелчок зажигалки. Ещё один. Мы поочередно вытягиваем горький дым. Горячий воздух неприятно обжигает легкие, раздражает слизистую, но дарит какое-то странное умиротворение.

— Когда срок? — разрушаю я тишину.

— Да на днях уже, — Че нервно потирает лоб.

— И кто?

— Пацан, — выдыхает струю дыма.

— Поздравляю.

— Я, блять, на грани нервного срыва, так что не с чем.

— Да, воздержание до добра не доводит, — не удерживаюсь от подкола. — Тебе одолжить какую-нибудь длинноногую секретаршу для сброса напряжения?

— Себе одолжи, — огрызается Рус. — Из нас двоих недотрах явственно не у меня.

Пропускаю мимо ушей его замечание. Он читает меня не хуже, чем я его в былые времена. Действительно, пост затянулся. Страхиваю пепел в урну и снова обращаю свой взгляд к приятелю.

— Так в чем дело?

— Из меня так себе образец для подражания.

— Значит, станешь примером того, как не надо, — спокойно выдаю я.

— Отличное утешение. Тебе бы в психологи, — саркастично говорит он и тушит окурок.

Но тут же достает ещё одну сигарету и прикуривает.

— Взял на себя ответственность — неси ее до конца. Дети все чувствуют, ему будет достаточно того, что вы его любите.

— Как с матерью? — вдруг переключается на меня Че.

— Никак. У тебя с отцом?

— Лучше. Новость о внуке немного растопила ледяное сердце главврача.

— Тогда не вижу проблемы.

Тушу окурок и кладу руки в карманы брюк. Почему-то этот разговор снова загоняет в тьму, которая чудом начала отступать, благодаря горячей брюнетке. Че сорвал джек-пот. Жена, родители, ребенок. Никакой никотин не лишит его этого. Тогда как мне приходится довольствоваться тем, что есть.

Окидываю взглядом холдинг, возвышающийся глыбой стекла и металла, и тяжело выдыхаю. Что будет, когда "Маффин" станет моим?

— Ладно, я поехал, надо Мышку в больницу завести на осмотр.

Че снова протягивает мне руку, и это рукопожатие выходит уже совсем другим. Почти дружеским.

В кабинете царит настоящий хаос. Сейчас трезвым взглядом могу оценить картину, которая предстала перед Русом, когда он вломился в кабинет. Бумаги вокруг стола, сваленные горой папки, рассыпанные канцтовары. Черт, я бы повторил, не задумываясь. Прямо сейчас. Но на этот раз предусмотрительно запер бы кабинет.

Привожу рабочее пространство в порядок, раскладывая все по местам. Но того, что ищу — нет. Как это возможно? Не могли же запонки просто испариться под горячим телом бизнес-тренера.

Неожиданная догадка бьёт под дых. Сам себе не верю, но других вариантов же нет? Это могла быть только она.

А теперь, внимание, знатокам, вопрос: какого хрена?

Ты клептоманка, Алиса?

Глава 43. Алиса

Я вижу эту женщину в зеркале уже не первый год, но каждый раз невольно удивляюсь. Стоит лишь немного задуматься, а потом поймать свое отражение в какой-нибудь витрине, и я вздрагиваю. Я себя не узнаю.

И дело даже не в том, как сильно изменилось мое тело с появлением ребенка — да, появились округлости, о которых угловатая девчонка и не мечтала, и я теперь умело ношу эти перемены, но по сути, не так уж кардинально все это на меня повлияло. Гораздо больший вклад в новый образ внесли исчезновение московской бледности и непослушных кудрей. Я вижу свои длинные гладкие волосы и не верю, что решилась. Всю жизнь ненавидела эти непослушные спиральки: они тяжело расчесывались, ещё тяжелее укладывались, а уж что происходило с ними во влажный день... но стоило зайти в кабинет профессионала, который обещал избавить меня от них, что-то сжалось внутри.

Я смотрела, как исчезает мой натуральный блонд под тяжестью густой краски, а потом и на то, как умелые руки мастера запечатывают цвет кератиновым раствором для выпрямления и молчала. Хоронила прежнюю Лео в полной тишине, точно зная, для чего это делаю. Я не улыбалась с благодарностью, когда мастер восхищалась результатами многочасовой работы, не сказала "спасибо", когда покидала салон. Выдержала тяжелый взгляд отца с гордо поднятой головой и позволила себе последние горькие слезы лишь наедине с темнотой в пустой комнате.

Полюбить узкие юбки, высокие каблуки и тонну макияжа было сложнее всего. Хотя нет, худшим было — позволить тонкой игле проникнуть под кожу и ввести туда филлер. Всего лишь губы и умелый макияж, но лицо изменилось до неузнаваемости. Прежними остались только глаза — я хотела, чтобы он смотрел в них и видел истинную меня, когда я поставлю его на колени.

Возможно сегодня тот самый день. Я распрямляю плотную черную ткань на бедрах и веду длинный язычок молнии вверх к самой шее. Это идеальное платье для офиса и разврата. Идеальное для финального этапа. Всего два шага отделяет меня от достижения цели. Всего два шага — и он заплатит за все.

Семнадцатый этаж, как всегда, встречает гулом голосов и запахом кофе. Иногда мне кажется, что сотрудники здесь ночуют, чтобы не отрываться от поставленной задачи. Их руководитель умело замотивировал персонал, этого у него не отнять. Профессиональный ублюдок.

Едва я касаюсь своего стула, как рабочий телефон разрывается громкой полифонией. Делаю глубокий вдох, собираюсь с силами и снимаю трубку.

— Зайдите ко мне, Алиса, — звучит хладнокровное.

— Сейчас?

— Немедленно, — отрезает он.

Что ж, я знала, что так будет. Разговора не избежать после вчерашнего. Но моя задача на сегодня гораздо многограннее, чем просто оправдаться за запонки, которые он не заслужил. Я касаюсь карманов платья, проверяя, не топорщится ли предмет, который он ни за что не должен увидеть и смело шагаю к лифтам.

Александр сидит за рабочим столом, полностью погруженный в работу, когда я останавливаюсь в проеме открытой двери. Стучу в деревянный откос, понимая, как глупо это

выглядит.

— Могла не стучать, я слышал твои каблуки от самого лифта. Прикрой дверь и присаживайся, — говорит он, складывая ладони "домиком" перед лицом.

Я прохожу к столу и аккуратно опускаюсь на стул напротив Александра. Очень важно, чтобы хрупкий предмет в кармане не пострадал.

— Не хочешь мне объяснить, куда пропали мои запонки?

— Нет, — просто отвечаю я.

— Они имеют для меня определенную ценность, я хотел бы получить их назад.

Каков лжец!

— Не думаю, что могу вам в этом помочь, Александр Германович.

— Алиса, они нужны мне, — впивается в меня жёстким взглядом.

— Я даже не понимаю, о чем мы говорим...

Строю из себя дурочку.

— О, я думаю, это не так, — он встает с места и направляется к двери.

За спиной слышится щелчок двери.

— Зачем вы закрываете дверь? — громко спрашиваю я.

— Что бы сегодня нам никто не помешал, Алиса, — вкрадчиво говорит Босс, останавливаясь у меня за спиной.

Он кладет руки мне на плечи и ведет их вниз, поглаживая обнаженную кожу рук. В груди стягивается узел предвкушения. Адреналин разгоняет сердце до безумного ритма, заставляя вибрировать все тело.

— Почему ты не пришла вчера?

— Не собиралась поддерживать ваши фантазии.

— Как интересно. А мне показалось, что фантазии были обоюдными.

Из него вырывается смешок. Александр огибает кресло, в котором я сижу, и становится прямо передо мной, опираясь на стол позади.

- Вам показалось, — вскидываю на него глаза и сверлю пристальным взглядом.

С минуту происходит безмолвный поединок. С минуту мы не шевелимся, накаляя момент. Затем Александр касается моего рта большим пальцем и проводит им по губам, размазывая помаду.

— Плохая, непослушная девочка, — хрипло выдает он. — Я же говорил тебе не использовать эту помаду.

Ловлю его палец губами и всасываю в рот, провожу языком по подушечке, впиваюсь в него зубами. Босс шипит от возбуждения, его взгляд затуманивается, когда он видит, как его палец скрывается между моих губ, а потом появляется весь измазанный ровным слоем бордо. Внушительный бугор прямо перед моим лицом знаменует достижение цели: он готов.

Он отталкивается от стола, обходит его и приземляется в свое рабочее кресло. Его длинные пальцы задумчиво касаются губ, голубые глаза сверлят меня обжигающим взглядом.

— Встань на колени, Алиса.

Идеальная фраза.

— Хотите поиграть в босса и подчиненную? — встаю с места и делаю несколько шагов в его направлении.

— Ты итак моя подчиненная, — он начинает расстегивать ремень. — А я твой босс. Очень, очень строгий босс...

Я облакачиваюсь о стол справа от него. Теперь я возвышаюсь над ним, а он смотрит на меня снизу вверх, гипнотизируя взглядом.

— Я буду сопротивляться, — с притворным ужасом говорю я, облизывая нижнюю губу.

— Думаю, мне это даже понравится, — улыбается наглец, касаясь пуговицы на брюках.

— А если я не соглашусь, вы меня уволите? — томно произношу я, поглаживая большой тяжелый степлер перед собой.

Он кидает взгляд на мои пальцы и тяжело сглатывает. Представляет, мои руки на нем, козел.

— О да, — тяжело дышит он. — Уволю по статье, с занесением в трудовую. Так что тебе лучше быть хорошей девочкой.

Его голос понижается до хриплого шепота, я делаю небольшой шаг вперед, чтобы его голос был лучше слышен.

— Опустись на колени и покажи, насколько ты квалифицированная подчиненная.

Его голос действует на меня магнетически. Я ведь знаю, что этому не бывать, я уже заполучила все, что мне нужно, но почему-то не могу сдвинуться с места, загипнотизированная его близостью.

Пальцы сами тянутся к язычку молнии на спине, платье само приземляется у моих ног. Я говорю себе, что это та самая точка, которая мне необходима. Тот финал, который я заслужила, потому что завтра все изменится навсегда. Делаю шаг из облака черной ткани и опускаюсь на колени перед тем, чья жизнь завтра будет уничтожена. Я милосердна, я подарю ему прекрасный чувственный день "до", или напротив чересчур жестока, поступая так же, как он со мной тогда.

В кармане платья, небрежно сброшенного позади, идёт запись всего, что здесь происходит.

Ловушка захлопнулась.

Глава 44. Александр

Пульс отсчитывает секунды в моем горле. Я вижу, как шикарная брюнетка стягивает платье и в одном белье и туфлях — дико сексуальных туфлях — приземляется у моих ног.

Сейчас мне плевать, зачем она забрала мои запонки, хотя все утро только об этом и размышлял. Мне плевать на все теории заговора и промышленного шпионажа, которые я состроил у себя в голове, складывая все факторы странного поведения девчонки за время нашего короткого знакомства. Мне плевать даже на то, что все не по плану и стандартному сценарию, которого я придерживаюсь вот уже не первый год для поддержания душевного спокойствия.

Она нужна мне сейчас!

Её аккуратные пальчики ложатся на вздыбленный пах и мягко поглаживают через ткань восставшую плоть. Я рвано выпускаю воздух из лёгких, которые грозят взорваться от перенапряжения вместе с сердечной мышцей, ускорившей свою работу в сто крат. Девчонка не сводит своих холодных глаз с меня, цепляет взглядом и не отпускает из плена. Я протягиваю руку и касаюсь пальцами ее щеки. Очерчиваю скулу, спускаюсь к подбородку и поражаюсь отклику своего тела на эту простую манипуляцию. Оно словно знает то, что не известно мне. Оно хочет девчонку во всех смыслах: физически, морально, ментально.

Кожу пальцев опалает тесный контакт. Из головы выветривается любая здравая мысль, исчезает сгустившийся недавно туман самобичевания, остаётся только дикая потребность в моем лекарстве от тоски.

Мне хочется растянуть мгновение этого зрительного контакта, хочется запомнить каждую деталь того, что будет дальше происходить, но когда рот девчонки опускается на меня, я могу лишь сдавленно мычать, уносясь в эйфорию.

Её рот горячий и влажный, и она точно знает, что нужно делать. Тело будто настроено на нее локаторами, словно давно знакомо с ней и откликается каждой клеточкой на этот контакт. Ощущения такие острые, что мне хватает пары минут, чтобы оказаться на грани. Отрываю девчонку от своего паха и ставлю на ноги.

Её взгляд затуманен тем же голодным желанием, что и мой. Кожа под моими руками холодная и влажная, что удивляет меня, я думал, она горит так же, как я. Вытягиваюсь рядом с ней в полный рост и, наконец, впиваюсь в её рот. Он — мой личный фетиш, мое незыблемое наваждение, моя пропасть, в которую я падаю, теряя реальность. Мы сцепляем языки в бешеном танце, сжигая друг друга учащенным дыханием, нетерпеливым касанием рук, произвольными стонами.

Я так хочу ее всеми немислимыми способами, что теряю связь с реальностью. В одно мгновение мы стоим у стола, а в другое, уже лежим на диване в другом конце кабинета. Он очень мал и совсем не предназначен для таких вот игрищ, а ещё совсем новый и издает странные звуки при трении с нашими влажными телами, но я кайфую каждую секунду, что ощущаю Алису под собой.

Я стягиваю с нее трусики, восхищаясь ее гладкостью там, внизу. Приспускаю бюстгальтер, впиваюсь ртом в маленькие розовые соски. Чувствую, как ее ногти царапают мои плечи через плотную ткань рубашки и отрываюсь от ее восхитительного тела, чтобы снять эту ненужную преграду. Пока я расправляюсь с мелкими пуговицами непослушными пальцами, девчонка играет с собой. Она обводит пальцами свои соски, зажимает их,

оттягивает и мне окончательно сносит крышу.

Тянусь к презервативу в кармане брюк, восхищаюсь собственной предусмотрительностью и скидываю оставшиеся вещи с несвойственной мне скоростью. Накрываю ее тело своим и медленно вхожу в нее. Черт, какая же она узкая, какая горячая.

Алиса выгибается подо мной, стонет так, что уши закладывает. Я снова накрываю ее безумный рот, ловлю каждый ее звук, каждую дрожь. В ее распахнутых глазах вижу неподдельную отдачу и желание. Впиваюсь пальцами в ее бедро и приподнимаюсь на одном локте, чтобы видеть, как она дышит, как собираются капли пота на ее ключицах, как губы беззвучно нашептывают: ещё.

Первая бешенная потребность в контакте сменяется желанием растянуть удовольствие. Я замедляюсь, почти полностью выхожу из нее, а потом с мучительной для нас обоих медлительностью снова вхожу до конца. Задерживаюсь в ее тепле на пару секунд и снова возобновляю это неторопливое движение. Хорошо известное мне напряжение рождается сначала в затылке, проходит горячей волной по позвонкам и скапливается в паху.

Я оттягиваю финал, но то, как сжимаются ее мышцы вокруг меня, как она горит подо мной, как едва слышно нашептывает "боже, боже, боже" — не способствует этому. Я опускаю голову ей на плечо, прохожусь языком по соленой коже, втягиваю сумасшедший клубничным запах и, эгоистично, не думая о ее удовольствии, кончаю.

На этом все должно завершиться, самое время встать, выпроводить девицу и спокойно продолжить работу с опустевшими, наконец, яйцами и мозгами. Но член даже не думает опадать. Он словно живет отдельной от разума жизнью, пульсирует в девчонке, не желая расставаться с так полюбившейся ему вагиной. И перетягивает на свою сторону все рецепторы, каждую нервную клетку, душу, если она все еще у меня есть.

Запускаю руку в волосы Алисы и крепко их сжимаю, проверяя свои ощущения. Да, тело по-прежнему горит огнем, желая не только продлить свое удовольствие, но и подарить его девчонке. Выхожу из нее с громким хлопком и поднимаюсь на ноги. Иду к столу.

— Лежать, — приказываю, едва вижу, что она зашевелилась и пытается встать. — Мы еще не закончили.

Сменяю презерватив и возвращаюсь к дивану. Спускаю ее ноги на пол, сажусь рядом и тяну ее на себя. Алиса с готовностью впускает меня в себя и начинает двигаться, все набирая и набирая темп. Она прикрывает глаза и откидывает голову, издавая приглушенные стоны. Я веду руками по ее тонкой талии, очерчиваю красивую грудь и запускаю палец ей в рот. Она с готовностью втягивает его в себя. Голова снова пустеет от накрывающего экстаза. Девчонка совсем не такая, как я себе представлял, такая холодная внешне и так пылает в моих руках. Мне снова рвет крышу от запредельных ощущений, я не могу определить, что это за чувство разрастается внутри комом вместе с возбуждением. Мне не понятна его природа и значение, я только знаю, что очень давно не испытывал такого накрывающего лавиной удовольствия.

Возобновляю путешествие своих ладоней по ее мягкой коже, девчонка дрожит под моими руками и такую реакцию невозможно подделать. Она вся — один сплошной оголенный нерв, одно прикосновение в правильном месте и она взрывается в моих руках. Красиво и феерично. С громким протяжным стоном, ногтями в моей коже, лихорадкой в моих объятиях. Я даю время немного прийти ей в себя и покрываю шею и плечи невесомыми поцелуями. Так я удовлетворяю свою собственную потребность в близости, которой лишён. Неспешно возобновляю движение внутри нее, кладу руки на ее бедра и сам направляю ее вверх и вниз. Алиса вновь оживает в моих руках, тянется к моим губам и оставляет на них

такой жадный поцелуй, что сердце внутри устраивает бешеные скачки, пытаюсь что-то мне сказать, кажется, это азбука Морзе, но я ни хрена не понимаю.

Тело в сговоре с мозгом и отключило все функции кроме "трахаться". Хватаю девчонку за волосы, и насаживаю на себя с остервенением. Хочу продлить этот кайф, хочу ещё и ещё, и ещё. Больше ее запаха, больше жара, стонов. Пусть проникнет под кожу и останется там навсегда. Никакого "после" не существует. Только необходимая жизненная потребность в ней здесь и сейчас.

По кабинету распространяются громкие шлепки наших тел и гортанные стоны. Это праздник для моих ушей, он затмевает все мысли, все прочие ощущения и установки. Когда меня накрывает второй раз, мы кончаем вместе с девчонкой и валимся грудой слипшихся тел на диван. Мне требуются минуты, чтобы вспомнить, как дышать, и где я нахожусь. Грудь распирает от стука сердца, непонятный узел в животе скручивает от потребности все повторить, но я их игнорирую. Встаю и, не глядя на девчонку, одеваюсь.

Мне не нравится то, как я потерял контроль, мне не нравится то, что все вышло за привычные рамки, мне не нравится то, что я хочу запереться здесь с девчонкой и повторять все снова и снова, а потом увезти ее домой и пустить дальше, чем любую за последние годы. Все это не нормально. И очевидно, вызвано накатывающей последнее время депрессией. Опускаюсь в кресло и прикрываю глаза, пытаюсь совладать с внутренним диссонансом. Тело и мозг не могут договориться, вступают в непонятную мне схватку, наперебой пытаюсь что-то друг другу доказать.

Из раздумий меня вырывает громкий хлопок двери. Ушла. Это к лучшему. Никаких драм и последствий. Все как я и хотел.

Ведь так?

Глава 45. Александр. Тогда

Я не помню дорогу. Не помню, как мелькала дорожная разметка, и как наступил рассвет. Помню только приглушенное в трубке: инфаркт, умер.

Останавливаюсь у порога родного дома, в котором был всего два дня назад, и не могу заставить себя переступить его порог. Оцепенение не проходит. Я не верю, что его больше нет, и боюсь убедиться в этом, открыв входную дверь.

Каждый шаг даётся с трудом, словно все кости налились свинцом и тянут к земле. Я вступаю в темный холл родительского дома и сразу понимаю: все правда. Это что-то в воздухе: тяжёлое, тягостное. Давит. Тишина кажется неестественной, траурной, выбивающей воздух из лёгких.

Меня встречает брат отца. По его лицу легко можно прочесть горе и боль, которые пока не коснулись меня, потому что я все еще в ступоре.

— Где? — пересохшим ртом выдавливаю я.

— Уже увезли, — приглушенно говорит дядя.

— Как... — я опускаюсь на диван в гостиной и сжимаю голову руками. — Как?

— Я нашел его в мастерской. Уже... уже ничего нельзя было сделать.

Он опускается рядом со мной и кладет руку мне на плечо, безмолвно поддерживая. Я не сразу понимаю, отчего так жжет глаза и почему все тело трясет.

Почему, почему, почему?

Мать заперлась в комнате и не выходит. День растягивается в бесконечную череду организационных вопросов и звонков с работы. В абсолютной прострации я отвечаю на несколько, не в силах в них вникнуть, а потом отправляю помощнице сообщение, чтобы меня не беспокоили. Телефон оставляю в машине и не вспоминаю о нем до самого вечера.

Только оставшись наедине со своими мыслями, я начинаю осознавать: его больше нет. Реальность накрывает волной гнева, сметая весь самоконтроль к чертям. Несусь в его мастерскую, где остались открытыми банки с краской, где разбросаны инструменты, а посреди помещения застыла стремянка и начинаю крушить все на своем пути. Толкаю лестницу, с которой он упал. Швыряю банки в стену, окрашивая ярко-алым цветом выбеленные полотна на них. Хочу содрать чертову фреску на потолке, которая потребовала от него слишком высокой цены, и застываю со шпателем в руках, едва поднимаю глаза.

Он почти закончил. Мадонна с персидским ковром в руках, кентавр с косами вместо гривы и стразами на подковах, Венера, появляющаяся не из ракушки, а из консервной банки. Господи, какой дикий треш. Смех рождается где-то в недрах желудка, разрастается до гомерического хохота, сводит мышцы лица.

Я оседаю на залитую краской пленку, прислоняюсь к стене и смеюсь. Глаза снова жжет, но я все смеюсь и смеюсь, не в состоянии себя остановить. Тело трясет от судорог, горло сжимается, глаза почти не видят картину над головой, но я не прекращаю смотреть. Выискивать детали, придумывать для них истории, как учил меня отец.

Его больше нет.

Но он здесь.

В каждом мазке кисти.

На следующее утро я все не могу проснуться. Лежу в кровати, закрыв глаза, и пытаюсь понять, что за странное ощущение холода в груди. Сначала в полусне мне кажется, что рядом

Лея. Что ее волосы снова щекочут мне лицо, а протяни руку и вот она — теплая, мягкая, солнечная. Я ощущаю ее дыхание на своей щеке, губы на шее, руки на груди. Мне хорошо в этот момент, не страшно, не больно, хотя сознание уже просыпается и нашептывает: это обман.

Я пытаюсь запутать свой мозг воспоминаниями о том первом утре, когда мы проснулись вместе: Лея жметя ко мне, сжимает футболку на груди своими маленькими пальчиками, пускает на нее слюни. Я улыбаюсь. Облако непослушных волос закрывает мне пол лица. Я почти задыхаюсь, но совсем не из-за перекрытых дыхательных путей, а от накрывающей лавины чувств.

Огромный воздушный шар разрастается внутри, распирает грудную клетку и учащает дыхание. Сердце выбивает незнакомый ритм, словно африканские барабаны на празднике плодородия. И мне это нравится.

Впервые.

Но жёсткий матрас и колючее одеяло уже пробудили рецепторы. Отогнали видение, открыли дверь для тьмы и холода. Я разлепляю глаза и всматриваюсь в незнакомый потолок с деревянными балками. Комната для гостей в доме родителей — звучит ужасно жалко, но я здесь не частый гость, чтобы занять свою собственную — до отвратительности стерильна. Пуста. Обезличена.

Я все не могу собрать себя по кускам, чтобы вылезти из постели и признать факт того, что все изменилось. Спуститься вниз и снова заняться организацией похорон. Забрать нужные бумажки, выбрать место для захоронения, попрощаться.

Дядя Игорь уже бодрствует, но выглядит так, словно не сомкнул глаз. Он живёт в паре километров отсюда, но уже который день вынужден торчать здесь. Они с отцом были очень близки, глядя на них, я часто жалел, что у меня нет братьев. А сейчас это по-настоящему ранит: не с кем разделить эту потерю, никто ее не может понять, ощутить, по крайней мере не в той же самой степени, как единственный сын.

Мы стараемся говорить на отвлеченные темы, но выходит сухо и ненатурально. Потом собираемся и выезжаем в ритуальную фирму. В машине я вспоминаю о телефоне и о том, что Лея собиралась мне позвонить. Болезненный укол пронзает грудь, потому что я забыл, но очень хочу услышать ее голос. Нажимаю на кнопку, но дисплей не загорается, и телефон не реагирует. Черт, разрядился. А о зарядке для своего долбаного Айфона я и не подумал.

Очередной день проходит за пеленой непонимания, неверия, несуразности происходящего. Я засыпаю с чувством разъедающего горя и просыпаюсь с ним же, возросшем в сто крат. Потому что сегодня день похорон.

В доме собираются люди, которых я едва узнаю. Мать спускается только ко времени, когда пора отправляться на кладбище. Я стараюсь на нее не смотреть, потому что виню за то, что случилось с отцом. Она подкосила его здоровье. Она разбивала его сердце день за днём, на протяжении стольких лет, пока оно не сдалось в итоге. Я не хочу ее видеть.

Когда гроб опускается в землю, я представляю, что мою руку сжимает белокурая девочка. Я почти чувствую, как она касается меня своими ледяными пальчиками, как помогает выстоять на ногах, как забирает дрожь моего тела себе. Она нужна мне. Только она может помочь сейчас все пережить.

Стоя посреди толпы, облачённой в черные одежды, я впервые понимаю, как одинок. И впервые ясно осознаю, что значит для меня эта смешная девчонка, сломавшая все мои установки, переписавшая правила игры, захватившая каждый сантиметр моего сердца. Я

страстно желаю, чтобы она сейчас была здесь, оказаться в ее руках, вдохнуть солнечный запах, слушать ее биение сердца, пока я буду медленно умирать. А потом, спустя минуты, часы, или дни, возродиться от ее мягкого голоса, теплых ладоней и неприкрытого оптимизма.

Я представляю ее рядом с собой каждую минуту этого тяжело дня. Безмолвно разговариваю с ней, делюсь своими переживаниями, гневом, печалью. Рассказываю, каким был мой отец на самом деле, а не то, каким его описывают люди вокруг, поднимая рюмку за его душу. Прячусь от раздражающих взглядов сочувствия и снова говорю с ней, словно она тут, рядом, все еще держит мою руку. Не отпускаю ее светлый образ ни на секунду, чтобы не сорваться в бездну горя, не начать кричать, как несправедливо, что все эти люди вокруг ходят, дышат, разговаривают, а он нет. Хотя достойнее многих!

Такой беззвучный диалог выматывает, но спасает. Я не прогоняю людей из дома отца, не крушу столы, не обвиняю во всем мать. Я держусь ради нее. Ради момента, когда снова увижу ее, снова почувствую себя живым.

В ночь решаю не ехать домой, боясь просто сойти с ума в темноте собственной квартиры. Выдвигаюсь с утра сразу на работу. Приезжаю на час позже, явно помятый и в совершенно разобранном виде. Сначала устремляюсь в свой кабинет, игнорируя приветствие помощницы, и ставлю телефон на зарядку. Как я и думал, тысячи пропущенных звонков от Леи — они греют мне заледеневшую душу, наполняют теплом.

Решаю не медлить. Иду прямо к лифтам, спускаюсь на ее этаж. Мне плевать, что подумают окружающие, плевать на имидж, дебилские правила и последствия. Она нужна мне сейчас, немедленно, сиюминутно. Никаких больше игр, никаких тайн, никаких недомолвок. Хочу, наконец, жить.

Её стол пустует. Вычищен под ноль, компьютер выключен, стул задвинут. Во мне поднимается паника, тело трясет, вспоминая пустую мастерскую отца. Сознание невольно придумывает самые страшные вещи, такие, от которых мурашки по телу и ком в груди. Я бросаю взгляд на ее соседку по столу, ее лицо мне знакомо, но вспомнить имя я не в силах. Просто киваю на соседний с ней стол и спрашиваю:

— Где она?

— Уволена, — кривит лицо девчонка.

Паника отступает, уступая место гневу. В глазах уже пляшут кровавые пятна, когда я открываю кабинет Камиллы.

Та расплывается в приветственной улыбке.

— Кофе? — спокойно спрашивает блондинка.

Я делаю размашистый шаг в ее направлении и отрицательно машу головой. Раздражение подбирается к горлу и сжимает его в тиски, но лицо остаётся непроницаемым — годы тренировки.

— Лучше скажи мне, что за история с Леей?

— Слышал уже, — вздыхает она и откидывается на кресле. — Садись, Саш. Тут такие пару дней безумные были.

Она устало сжимает переносицу и делает очередной глубокий вздох. Я продолжаю стоять, опираясь руками о её стол. Сидеть — сил нет, ждать — тоже, но я собираю остатки самоконтроля и просто выжидающе смотрю на Камиллу.

— Во вторник безопасники нагрянули. По твоей "Атлантике", — она делает выразительные глаза, словно я должен понять, о чем речь.

— Как это связано с ней? — не удерживаюсь я от очередной волны раздражения.

— Там крупный ущерб по парку машин и полисы, оформленные задним числом.

— Бред. У них пролонгация только в следующем месяце. Я никаких договоров не оформлял.

— Конечно бред. Полисы были оформлены в обход тебя. И все машины новенькие, только с салона, а через два дня — пожар.

— Я сейчас свяжусь с Михалевым и все выясню, — по привычке хлопаю по карману брюк, но потом понимаю, что телефон остался в кабинете. — Черт!

Ругательство вырывается само собой, сметая маску спокойствия с лица. Мне не нравится этот разговор, не нравится удивленное выражение лица Камиллы, не нравится вообще, что мы говорим о работе, когда я просто хочу узнать, что с Леей.

— Уже связались, — блондинка вырывает меня из торнадо эмоционального раздвоя. — Он вообще не в курсе оказался, что это за машины и кто инициировал страхование. Или хорошо притворяется. Только факт остаётся фактом — ущерб на несколько миллионов, сплошные пятна в истории с договорами и доказать ничего нельзя. Единственное, что удалось выяснить — причастность Уткиной к этому инциденту.

Я даже не сразу понимаю, о ком мы говорим. Сознание, слегка затуманенное событиями последних дней, обрабатывает информацию со скоростью улитки. Потом яркая лампочка озарения загорается перед глазами, и я столбенею.

— Лея?

Камилла устало кивает.

— Может всё-таки кофе? — внимательно всматривается в мое лицо, я снова отрицательно машу головой.

Состыковываю в голове все вышесказанное и уверенно заключаю:

— Ну, это совсем абсурд.

— Она призналась.

— Что?

— Девчонка призналась, что сознательно ввела договоры под твоим агентским номером задним числом. Плюс, с ее рабочего телефона было зафиксировано несколько звонков на номера "Атлантики". Но самое интересное не это. Подожди.

Она встает с места и выходит из кабинета. Я не выдерживаю и опускаюсь на стул. Ноги словно не держат, голова разрывается тупой болью в висках. Не понимаю, на меня так действует недавний стресс или недосып, а может я просто резко отупел, но слова Камиллы не складываются в общую картинку. Лея, договоры, призналась. Что, к чертям, тут произошло, пока меня не было?

В очередной раз неосознанно тянусь к телефону, чтобы позвонить ей и снова раздражаюсь сам на себя, что оставил его в кабинете. Надо было сразу набрать ей, как только увидел пропущенные. Просто услышать ее голос, просто услышать... Сжимаю ладони в кулак, пытаюсь собраться. Вскрываю с места, готовый рвануть к себе в кабинет, а оттуда сразу к ней. Потом разберемся с творящимся здесь идиотизмом. Не сейчас, не сегодня. Я не готов к работе, глупо было думать иначе.

Дверь кабинета распаивается, как только я к ней подхожу. Камилла удивленно смотрит на меня, сжимая пачку договоров.

— Саш, тебе надо на это взглянуть.

Она проходит к столу и раскладывает на них полисы. Я подхожу ближе, окидываю

взглядом бумажки перед глазами и застываю.

— Факсимиле? (Факсимиле — печать-подпись, часто используемая в компаниях для уменьшения времени работы с документами — прим. автора)

— Твое. Мы с тобой знаем, что печать не подходит для подписи полисов, а девчонка, видимо, не знала. Решила не подделывать подпись, а просто поставить штамп.

— Почему... ты думаешь, что это она? — горло скребёт наждачкой, ладони потеют. Это уже серьезное заявление. Это, мать твою, мошенничество.

Камилла вздыхает.

— Все знают, что у вас была интрижка, — ее голос спокоен без осуждения или упрека даже с нотками сочувствия.

— Откуда? — холодно спрашиваю я.

— Она сама трепалась на каждом шагу. Вы были главной новостью в отделе последние недели, — тело каменеет от этой информации. Неужели она... — Плюс твоя помощница подтвердила, что Уткина была у тебя частой гостью.

— Какого хрена она вообще рот открыла? — уволю Карину к чертям!

— Мы проводили расследование, Саш. Опрашивали всех, — миролюбиво поясняет Камилла. — Сначала подняли договоры — на них дата одна, в системе другая. Я сразу поняла, что это не твои полисы по факсимиле вместо подписи, даже звонить тебе не стала, тем более, что ты... у тебя... — она касается моего плеча ладонью, наверное, чтобы выразить сочувствие, но я чувствую только разрастающийся гнев. — Стали проверять специалиста, который их ввел. Обнаружили, что эти договоры не единственные такие у нее. Подняли ее звонки, там — "Атлантика" и все после завершения рабочего дня, когда здесь никого не было. Опросили сначала девчонок, они поделились сплетнями от первоисточника, что она якобы хвасталась, что сам замдиректора за ней вьется. Опросили твою помощницу...

Камилла замолкает. Я стою глушенный. Горячая волна затапливает все внутренние органы. Это все звучит настолько неправдоподобно, словно кто-то пересмотрел криминальных детективов на НТВ. Сжимаю голову руками, резко выдыхаю и приземляюсь на стул. Сука.

— Эти договоры не единственные? — приглушенно хриплю я.

— Нет. Было еще несколько. Но по ним все чисто, страховых случаев заявлено не было. Пока.

Сцепляю пальцы в замок на затылке, опускаю голову и часто дышу. Меня накрывает что-то сродни панической атаки. Меня не могли облапошить. Это невозможно. Просто невозможно.

— Думаешь, она разработала такую сложную схему, вышла на кого-то в "Атлантике", предложила устроить поджог, выкрала мое факсимиле... Ты сама слышишь вообще, что говоришь? Девчонке двадцать лет.

Поднимаю взгляд на Камиллу. Она стоит, прислонившись к столу, и смотрит на меня с жалостью.

— Саш, ты серьезно недооцениваешь женщин и их интеллектуальные способности. Не важно, сколько ей лет. Есть прямые доказательства.

Наманикюренный пальчик постукивает по разложенным на столе полисам. Мне хочется сломать ей его к чертям, причинить боль такую же боль, как та, что обжигает сейчас все внутренности.

— Конечно, она наверняка действовала не одна. Кто-то должен был ей рассказать, что

"Атлантика" — твои клиенты, что ты слаб на новеньких девочек, что...

— Что ты несёшь? — взрываюсь я и подсакиваю на месте.

— Брось, мы с тобой уже сколько лет работаем? Думаешь, никто не знает, про эти ваши игрища с маркетологом? Да только у меня в отделе три ваши "жертвы" сидят. Я молчу, потому что это не мое дело, но ты должен знать, я всегда буду на твоей стороне.

Она кладет ладонь мне на грудь и заглядывает прямо в глаза. Я хорошо понимаю, что это за уловка с невербальным контактом, и чего она добивается. Уже не первый год.

— Что говорят безопасники? — аккуратно снимаю ее ладонь с себя и отступаю на шаг назад.

— Девчонку ждет статья. Тебе нужно только подтвердить все, что уже итак известно, что она имела доступ в твой кабинет, что взяла твою печать...

— Я ничего подтверждать не буду, — резко прерываю ее.

— Без этого мошенничество не доказать.

— Я ничего подтверждать не буду! — уже ору я. — И я хочу поговорить с безопасниками. История шита белыми нитками.

— Хорошо, — спокойно говорит Камилла, пожимая плечами. — Я понимаю, что тебе неприятно осознавать, что тебя обвели вокруг пальца, но факты упрямая вещь, Саш. Посмотри собранное дело, убедись во всем сам. Я, если что, всегда к твоим услугам.

Покидаю корпоративный отдел в еще более безумном состоянии, чем в него пришел. Весь организм противится каждому шагу, каждой мысли. Плотная ткань рубашки липнет к коже, вызывая неприятный зуд. Ощущения, что я весь грязный: руки, тело, волосы, все кажется сальным, пропитанным разочарованием, покрытым слоем лжи.

Я запираюсь у себя и сразу берусь за телефон. Первый порыв — позвонить ей. Накричать. Надавить. Выведать правду. Но когда телефон в моих руках загорается ее именем, я снова впадаю ступор. Тот самый, уже знакомый мне за последние дни. Игнорирую ее звонок и звоню в службу безопасности. Нужно подойти к этому вопросу с холодной головой, я слишком предвзят, слишком субъективен, скажи она мне сейчас, что все это ложь — я поверю. А так нельзя, на кону очень высокая ставка.

К концу дня у меня на столе неопровержимые доказательства ее вины: распечатка звонков, скрины договоров в системе, показания сотрудников и главное — объяснительная, в которой она говорит, что это я принес ей эти полисы. Маленькая лгунья. Глупая, глупая, глупая девчонка.

А я еще больший идиот.

Глава 46. Александр. Сейчас

Меня преследует запах секса.

Он на моих руках, на одежде, в каждом глубоком вдохе. Кончики пальцев покалывает от дикого желания снова почувствовать холодную кожу под собой. Голова гудит от картинок, сменяющихся, словно слайды в диафильме, наполненные страстными образами и яркими вспышками.

Сосредоточиться на работе становится совершенно невозможно. В тысячный раз предпринимаю попытку собраться с мыслями и приступить к презентации, которую ждёт совет директоров, но все тщетно.

Мозг работает только в одном направлении: физической потребности.

И мне хорошо. Очень хорошо.

Откидываюсь на спинку кресла, прикрываю глаза. Мышцы лица сводит, и я даже не сразу понимаю, что это улыбка. Так давно она не появлялась на свет. Все мрачные мысли последних недель рассеиваются под ощущением лёгкости в теле. Кто бы мог подумать, что рецепт от депрессии так прост: снять сексуальное напряжение. Черт, знал бы, не стал так тянуть. Старые добрые рецепты оттянуть и наслаждаться предвкушением больше не работают, пора переходить на новый уровень. Возможно, стоит завести постоянную любовницу. Из тех, что приходят по первому зову, перегибаются через стол и тихо уходят после.

Брюнетку с адскими губами бордо.

От воспоминаний об отзывчивом теле по позвонкам вновь проходит электричество, а пах начинает подавать признаки жизни. Да, с такой, как она, хочется запереться в номере отеля и не выходить оттуда сутками, проверяя на прочность все поверхности. Собственно, почему бы и нет? Девчонка явно не против, и существование эфемерного мужчины ее не останавливает. Почему это должно волновать меня?

В тщетной попытке сосредоточиться на работе сижу, не отрывая взгляда от дивана в углу. Вспоминаю громкие стоны и шлепки влажных тел. Разрабатываю миллион сценариев того, что будет дальше, но ничто из того, что я напридумывал, не подготавливает меня к действительности.

На следующий день в дверях появляются представитель юридического отдела с эйчаром в комплекте. И по их лицам я сразу понимаю, что они пришли по мою душу.

Первые пять минут разговора походят на сцены из дешёвого американского фильма. Я слушаю слова, но они словно проходят сквозь меня. Какой, нахрен, харассмент?

— Это шутка? — только и могу выдать я после длинной витиеватой речи эйчара.

— Все очень серьезно, Александр Германович, — вступает в наш диалог юрист. — Алиса Владимировна обратилась к адвокату, который готовит иск по статье 133 УК РФ.

— И что это за статья?

— Статья 133 УК РФ предусматривает ответственность за понуждение к половому сношению или иным действиям сексуального характера с помощью шантажа, угроз или повреждения имущества, или используя материальную или иную зависимость жертвы.

— Но никакого понуждения не было! — взрываюсь я. — И вообще, что за бред, пусть она придет сюда и скажет все это мне в лицо!

Хватаю трубку и набираю внутренний номер стервы. Что за шутки такие?

— Александр Германович, — подаёт голос эйчар. — Алиса взяла отгулы за свой счет, пока ситуация не будет решена.

— Да какая ситуация! — ору я. — Что за идиотизм вообще? Она сама пришла ко мне и стала раздеваться!

— У Алисы Владимировны есть аудиозапись, где вы шантажируете ее увольнением, если она не вступит с вами в половой контакт, — вновь гундосит юрист. — Также она собрала подробный отчет о ваших действиях за последние недели: где, когда и в какой форме вы проявляли к ней недопустимые знаки внимания. Плюс ещё несколько девушек...

Он замолкает, и между нами повисает тяжелая пауза. Ещё несколько девушек что? Что?

— Поступило ещё несколько жалоб от сотрудниц на некорректное поведение с вашей стороны, — заканчивает эйчар.

— Пиздец.

Ныряю рукой в волосы, пытаюсь осознать происходящее. Все еще не верю, что все это правда. Похоже на дебильный розыгрыш. Может, это такой запоздалый креативный подарок от коллектива, и сейчас они выскочат из-за двери с криками "поздравляю"?

— И что теперь? — беру себя в руки. — Вынужденный отпуск, пока вы не разберетесь с этой стервой? Выплатим ей мою годовую премию, предложим должность в филиале?

— Все не так просто, Александр Германович. Компании не нужны судебные разбирательства. Вы, скорее всего, отделаетесь просто штрафом, судебная практика по статье 133 не слишком благосклонна к жертвам, но имидж... И политика нетерпимости наших французских учредителей...

Ей даже не нужно договаривать, я прекрасно представляю, что будет дальше.

— Мне дадут уйти по собственному желанию?

— Да. Без отработки и рекомендаций. Расстаёмся по согласованию сторон в три дня. Передачу дел осуществите сегодня, в пятницу придёте подписать приказ.

Сухие обезличенные слова повисают в воздухе. Они рассекают надвое мою жизнь. Еще вчера — без пяти минут генеральный, сегодня — безработный. И все из-за этой суки.

Я сохраняю лицо, пока пишу заявление под настойчивым взглядом людей напротив. Когда передаю дела идиоту с розницы. И даже, когда покидаю здание с дебильной коробкой, напичканной презервативами и бухлом из бара.

Осознание пиздеца приходит только на следующее утро, когда будильник звонит, а мое пьяное тело не в состоянии его отключить. Я ворочаюсь на неудобном диване, подминая пиджак под головой, и впервые понимаю, что это конец. Полупьяные мысли скачут с "убить суку" до "заставить ее во всем признаться". Последняя мысль мне нравится. Это решит все мои проблемы.

Я принимаю душ, выпиваю ударную дозу кофе и аспирина и еду к дому стервы. Я был там только один раз, когда подвозил ее после ночевки на базе отдыха, но дорогу запомнил. Жаль, не решился тогда проводить ее до квартиры, не пришлось бы, как чертову сталкеру, торчать сейчас в машине, высматривая ее в каждом, кто появляется из подъезда.

Пульсирующая боль в голове напоминает о том, что вчера я предпочел забыться, а не анализировать произошедшее. Это было моей второй ошибкой. Первой было — клюнуть на чертову стерву. Я же с самого начала чувствовал, что с ней что-то не так. Слишком выверены были ее действия, слишком гладкими слова. Но главный вопрос не то, как она обвела меня вокруг пальца, а то, зачем она это сделала?

Может, у меня не было достаточно времени или стимула, чтобы обдумать все ее

действия. Но сейчас есть. Моя импровизированная засада — идеальное место, чтобы разложить, наконец, по полкам все, что я упустил или игнорировал раньше.

Так кто же ты, Алиса?

Глава 47. Алиса

Я вся — сплошной оголенный нерв. Меня потряхивает, а ладони привычно потеют. Но ничто из этого не отражается на моем лице.

— Я пришла просто проинформировать вас об инциденте, — смотрю в бесстрастное лицо мужчины напротив и сохраняю уверенный тон. — Я просто хочу справедливости. Есть два варианта: первый — вы увольняете господина Яковлева, и все наши с ним исковые разбирательства проходят вне стен корпорации и никак на ней не отражаются. Вариант два — вы игнорируете мое заявление, я обращаюсь в прессу. У меня на быстром наборе, как минимум, два крупных издательства, которые отчаянно ждут истории о том, как крупные предприниматели покрывают сексуальные домогательства в своих компаниями.

Ситуация повторяется. Напротив меня — трое разъяренных людей, которые пытаются выставить виноватой меня. Я проговариваю свою историю раз за разом, сначала для отдела кадров, потом для юристов, а потом и самому генеральному. Глаза в глаза. Не поменяв ни слова в своей отрепетированной речи. Все началось с мягких уговоров и подкупа и перетекло в жёсткий прессинг. Но им меня не испугать. Не сейчас.

— Кстати, наши с вами приватные разговоры тоже записаны и станут отличным подспорьем в какой-нибудь скандальной передаче на телевидении. Только представьте, как долго страна ждала такой прецедент, чтобы разобрать его по косточкам и инициировать внесение изменений в российское законодательство, в котором до сих пор нет значения "харассмент". Публика жаждет крови, и я готова идти до конца. А вы?

Я смотрю в бездонные черные глаза напротив с холодной решимостью. Люди рядом с ним — всего лишь интерьер. Не они здесь лица, принимающие решения. Генеральный выглядит еще большим монстром, чем Александр. Его взгляд цепкий и жесткий, движения лишены гибкости, как и его слова.

— Увольнение. Что-то ещё? Компенсация, отпуск, должность? — безэмоционально говорит он.

— Нет. Только увольнение и гарантия, что он попадет во все черные списки работодателей. Я хочу видеть приказ о расторжении трудового договора и скрин письма, который вы отправите в кадровые агентства.

— Я вас услышал, Алиса. Ваша жалоба не останется без внимания. Можете возвращаться к работе.

Он делает снисходительный жест в сторону двери. Да, Александру было, у кого учиться.

— Я бы хотела взять отгулы за свой счёт на ближайшие дни, мне нужно немного прийти в себя после произошедшего.

— Хорошо. Валентина Николаевна, — обращается он к эйчару. — Позаботьтесь об этом.

Мы обе встаём и беззвучно покидаем кабинет. Подумать только, за дверью напротив сидит тот, чью жизнь я только что перевернула навсегда и даже не догадывается об этом. Я кидаю один короткий взгляд на эту дверь, просто чтобы попрощаться. У меня не было такой возможности в прошлый раз, а сейчас, кажется, что я навсегда оставляю прошлое в прошлом.

— Зря ты это затеяла, — говорит Валентина Николаевна, когда лифт начинает снижение. — Его просто уволят, а на тебе навсегда останется ярлык скандалистки. С такой репутацией потом никуда не сунешься.

Она говорит это вроде по-доброму, но в каждом ее слове сквозит двойное дно. Она профессионал и играет свою роль до конца. Её задача — замять конфликт в коллективе любым способом, и, конечно, она хочет сделать это красиво, уговорив меня отступить.

— Зря вы думаете, что меня это волнует. Как я уже сказала, я просто хочу справедливости.

Мы с ней встречаемся взглядом в блестящем отражении напротив нас, и обе держим этот взгляд, пока дверцы лифта не разъезжаются. В ее кабинете я пишу заявление на предоставление неоплачиваемых отгулов и заручаюсь гарантией, что меня будут информировать о ходе дела против Александра. Валентина Николаевна в очередной раз громко вздыхает, забирая бумажку у меня из рук.

— Ничем хорошим это не кончится, — говорит она.

— А это ещё и не конец, — я зло улыбаюсь, покидая кабинет эйчара.

В течение следующих часов ее кабинет посещают еще несколько сотрудниц. Девушки, которых не постигла моя участь, но с не менее уязвленной гордостью. Мне не составило труда найти их, ведь я месяцами наблюдала за Александром, собирала на него информацию, изучала его привычки и предпочтения. Смотрела, как он привозит их в любимый ресторан, как дарит одну красную розу и неизменно везет домой на "кофе". Раз за разом. Шаг за шагом. Он забивал этим гвозди в свой будущий гроб.

Склонить его жертвы на свою сторону вышло даже легче, чем я себе представляла. Всех их съедает хорошо знакомая мне жажда возмездия. Она требует выхода, болит, словно воспаленный аппендицит. И я предложила простую операцию по их излечению. Один надрез скальпелем — и больше не будет беспокоить.

Адреналин растекается по венам, вызывая дрожь в пальцах, сердцебиение в горле, шум в ушах. Я почти не чувствую ног, когда покидаю здание "Маффина". Лицо горит от пережитого минутами ранее стресса. На телефон то и дело приходят СМС от моих козырных дам, подтверждающая, что дело сделано. Теперь ему не отвертеться. Я заложила бомбу и поставила ее на таймер.

Совсем скоро рванет.

Этим же вечером я вылетаю домой. Чемодан даже не собираю, потому что через несколько дней возвращаться обратно, но лишь с одной целью — написать заявление на увольнение. Могла бы и сегодня, но тогда моя игра была бы не настолько впечатляющей, скорее истерично, и это не сыграло бы в мою пользу.

Перед взлетом начинаю нервничать. Это не страх полетов, он напрочь стерт годами, а просто накатывающий отходняк. День был не из простых. Горячее дыхание на моей шее. Жадные пальцы на бедрах. "Ещё, ещё". Прикрываю глаза, в надежде избавиться от наваждения. Мерзавец слишком хорош, я это знала, я была к этому готова. Жалеть не о чем, я все сделала правильно и даже получила удовольствие. Финал был эпичен.

Мы взлетаем, я открываю глаза и наблюдаю в иллюминатор за вечерней Москвой. Она прощается со мной темными улицами и вереницей загоревшихся в сумерках фонарей. Отзывается тянущей тоской, потому что совсем скоро мы попрощаемся навсегда.

Дома меня не ждут. Я добираюсь до хутора поздней ночью, тихо открываю дверь и сразу проскальзываю в спальню сына. Матвей спит, как маленький ангел. Его белокурая головка обрамлена ореолом лохматых завитков, которые я так и не добралась подстричь в минувшие выходные. Одеяло скинуто, маленький носик тихо сопит. Я стою у его кровати бесконечное количество минут, глажу его по голове, вдыхаю его детский запах, и мое сердце

сжимается от переполняющей его нежности. Он — это лучшее, что со мной случилось. Невероятно, что такое чудовище, как Александр, мог породить такое чудо, как мой Матвей. Возможно, это его искупление, о котором он не просил.

— Я думал, кто-то пробрался в дом! — шипит отец, когда я выхожу из спальни сына. В его руках я вижу страшное оружие.

— Ты что, спишь с тяткой?

— Я владелец крупной фермы, я вообще не сплю, — смеется он, приобнимая меня. — Что ты здесь делаешь, почему не предупредила, когда Матвей сегодня звонил?

— Хотела сделать сюрприз, — шепчу ему куда-то в плечо.

— Все нормально?

— Все хорошо, пап. На самом деле... все отлично. Все кончено. Я свободна.

— Так ты возвращаешься? — тихо спрашивает отец.

— Да, — улыбаюсь, не в силах сдержать свое ликование. — В понедельник пишу заявление и все. Представляешь?

Папа смотрит на меня долгим пронзительным взглядом и, наконец, улыбается.

— Слава богу.

Утро начинается с радостного вопля "мама" и килограмма клубники на завтрак. Я сообщаю сыну, что скоро так будет всегда, и я никуда-никуда больше не уеду. Прижимаю к себе его макушку и улыбаюсь так широко, что кажется, отвыкшее лицо может лопнуть. Мы проводим самые удивительные два дня, планируя, чем займёмся, когда я вернусь домой. Матюша загорается идеей, что теперь я буду отвозить его в детский сад и все, наконец, увидят его маму.

Сердце сжимается в очередной раз. Я была лишена слишком многого в погоне за мезьей. Сейчас самое время нагнать упущенное.

Утро субботы выходит очень суматошным. Отец мечется, приводя в порядок старый костюм, пылящийся на антресоли не один год. Матюша собирает в чемодан "самые необходимые" игрушки, без которых даже не представляет поездки в большой интересный город. Я упаковываю себе клубники и ловлю последние лучи солнца, которых в Москве не сыскать.

В самолёте Матвей заваливает меня вопросами: как это работает, а что будет дальше, а когда нас будут кормить. Я терпеливо отвечаю на всё и уже представляю, как мы проведем время в городе моего детства, пока отец будет отмечать юбилей давнишнего приятеля. Как я свожу его в центральный парк покормить белок, как покажу дом, где росла, как мы посетим зоопарк и ВДНХ. Он будет в восторге от дома бабочек.

Возле моего дома мы шумно выгружаемся из такси. Я отправляю отца с Матвеем вперед, а сама расплачиваюсь с водителем. Как только машина отъезжает, мой взгляд цепляется за ярко-голубые глаза, и сердце падает прямо вниз, обрывая все нити спокойствия.

Только не сейчас.

Пожалуйста.

Глава 48. Александр

На меня снизошло откровение.

Третьи сутки на одном кофе и паре пачек сигарет не потому, что хочется, а просто кажется необходимым. Без души, нормального сна и адекватного восприятия реальности. Вся моя жизнь — маленькая жестяная банка, в которой я заперт, и в ней только одна цель — выяснить правду.

Я порывался вломиться в этот чертов подъезд, а затем и в каждую квартиру, не важно, откроют мне добровольно или нет. Я хотел встать под окнами и просто тупо горланить, так громко, чтобы стерва услышала и вышла наружу. Думал даже сделать анонимный звонок в полицию — отголоски шкодливого детства — пусть приедут с собаками и ищут бомбу, которой нет, эвакуируют жильцов, подадут мне Алису на блюдечке. Но потом протрезвел.

И тогда мозг, наконец, начал подавать признаки жизни. Собирать информацию по крупицам, выстраивать ее в длинную логическую цепочку и подкидывать очевидные вещи, те, которые лежали на поверхности все это время и кричали о своей значимости. Каждое действие, каждый разговор, движение, вздох, взгляд — были выверены до мелочей. Давили именно на те болевые точки, о которых никто не мог знать.

Моя жажда адреналина.

Мои вкусовые пристрастия.

Мое либидо.

Есть только один очевидный пробел: ее мотивы. Сколько бы я не перебирал в уме причины, по которым стерва сотворила все это со мной, не мог найти тот самый ответ. Бесконечное количество раз выискивал ключ от двери, ведущей к разгадке, но когда, казалось бы, открывал один замок, сразу же наталкивался на другой. Кто-то захотел убрать меня. Кто-то за ней стоит. На пути к вершине карьерной лестнице я собрал немало врагов, те, кто метил на мое место, кто жаждал добраться до власти, кто просто боялся меня.

Но если все так, и девчонка действовала по чьей-то указке, появляется еще один пробел: на кой черт ей сдались мои запонки? Вот уж эта деталь никак не вписывается в картину, которую я нарисовал в своей голове. И ответ на этот вопрос я тоже с нее стрясу. Как и свои запонки.

Первые сутки я безвылазно сижу в машине, не решаясь покинуть ее даже на время, страшась пропустить девочку из будущего, потерять единственный шанс на свое спасение. На второй день мой запал значительно спадает, обрушивая реальность: девчонка тупо могла съехать отсюда. Или её приезд сюда мог быть такой же частью продуманной игры, возможно, она просила отвести ее не к себе домой, а к своему мужику. И вот ещё один кусок пазла, который никуда не встаёт. Что если таинственный ухажер — и есть серый кардинал, возглавляющий операцию?

К вечеру того дня мне звонят из конторы и просят приехать за документами. Вот и все. Приказ о расторжении трудового договора жжет глаза. Трудовая книжка всего с четырьмя записями, очерчивающими долгие годы, посвященные этой компании, пульсирует в руках. Взгляды, которыми меня сопровождают по коридорам — выкорчевывают остатки самообладания.

Ничего уже не изменить, не повернуть назад, не переломить ситуацию. Но на следующее утро я все равно занимаю свой пост. Мне нужна правда. И если будет нужно,

проведу напротив этого подъезда с ярко выкрашенной дверью остаток своей жизни. Судя по выкуренным пачками сигарет — она будет не слишком долгой.

Затягиваюсь очередной никотиновой отравой и откидываюсь на сидении, не сводя взгляд с окон многоэтажки. Горький дым обжигает лёгкие, распространяя успокоительное тепло по пищеводу, давая перерыв натянутым до предела нервам.

То, что я вознагражден за ожидание, понимаю не сразу. В первый момент мне кажется, что мозг играет со мной злую шутку, и я вижу то, чего нет. Так уже бывало в прошедшие дни, в каждой высокой брюнетке, появляющейся в моем поле зрения, я видел ее, срывался с места и жёстко обламывался, встречаясь с недоуменными взглядами девушек. Да и то, что передо мной именно Алиса, я верю не до конца. Ту холодную стерву на неизменных шпильках, запакованную в идеальный костюм, и с адскими губами бордо я едва узнаю в девчонке напротив.

Не знаю, что мешает больше: ее легкомысленное платьице, открывающее острые плечики среди промозглого сентября, или широкая улыбка, трансформирующая лицо до неузнаваемости. Я выхожу из машины и, облачиваясь на капот позади, вглядываюсь в эту незнакомку. Сигарета тлеет в руках, призывая втянуть в себя спасительный дым. Все тело потряхивает в предвкушении расправы. Девчонка достает огромный чемодан из багажника такси и передает ее какому-то старику, похожему на схуднувшего Санта Клауса. Рядом крутится мелкий пацан, что-то радостно выкрикивая, и Алиса раздражается звонким смехом. Неожиданный острый спазм сводит мне грудь. Сердце начинает стучать так громко и так беспокойно, словно пробивает себе путь наружу.

Она машет в сторону подъезда и дедок с пацаном скрываются за тяжелой дверью, пока стерва расплачивается с таксистом. Машина отъезжает, открывая мне обзор на тонкий силуэт девушки, и я срываюсь с места. Она словно чувствует мое присутствие, задирает голову и встречается со мной взглядом. Я преодолеваю последние пару метров и оказываюсь нос к носу с безжалостной стервой. Она никуда не уходит, не бежит, не пытается юлить. Прожигает во мне дыру, смело выдерживая взгляд, не шевелится, не одевает привычную мне маску безразличия.

Я приподнимаю ее лицо за подбородок и вглядываюсь в черты внимательнее. Это совсем другая девушка, словно все время нашего знакомства на ней стоял фильтр "офисная сука", а сейчас он отключен. Ни грамма косметики, ни грамма лжи. И, несмотря на то, что последние сутки я готовил разоблачительную речь до последнего своего слова, сейчас из меня вырывается совсем другое.

— Кто ты, Алиса?

Черные зрачки расширяются, заполняя собой почти все пространство радужки, и я понимаю, что это единственно правильный вопрос. Руку в месте нашего соприкосновения жжет, отдавая импульсом в позвонки. И я почти не дышу, ожидая ответа.

— Ты знаешь ответ, — тихо, но твердо произносит она.

Вырывается из моего захвата и делает шаг назад по направлению к двери подъезда.

— Зачем? — глухо спрашиваю я.

— И на этот вопрос у тебя тоже есть ответ, — ещё один шаг.

Но я наступаю следом. Не дам ей сбежать. Мне нужно больше, чем эти абстрактные слова. Горячая волна какого-то инородного чувства затапливает и отступает, накрывает и снова сходит. Я не понимаю, что со мной творится, не могу разгадать странные сигналы моего тела. Хочу убить эту суку, хочу ее разгадать. Почему от нее так рвет крышу? Почему

все тело трясет?

— У меня ни черта нет, — шиплю ей в лицо. — Ты лишила меня всего, что имело смысл. Ради чего?

Хватаю девчонку за локоть и встряхиваю. Хочу, чтобы спало наваждение, хочу освободиться от нее, но не получается, вязну все глубже.

Чувствую, что она тоже дрожит. От страха? Холода? Не отвожу взгляда от серых глаз, считывая ее реакцию на меня. Но ее глубокий злой смех все равно становится неожиданностью. Убираю руку, словно ошпаренный этой реакцией.

— Как закономерно. Ты лишил всего меня, а я тебя, — высокомерно заявляет девчонка. — Бумеранг.

Она снова смеется, хотя на глазах стоят слезы. Я пытаюсь обработать поступившую информацию, разложить ее на задворках сознания, проанализировать, но все внутри орет: что за бред?

— Так кто же я, Саш? — насмешливо спрашивает девчонка.

— Сука, — шиплю я, сжимая кулаки.

Ее фривольное обращение вызывает новую волну озноба. Она смеется надо мной, издевается!

— Мимо. Ещё попытка? — она наклоняет голову, опаяя саркастичным взглядом повлажневших глаз.

— Мам, мама, — врывается в наш словесный поединок мелкий мальчишка. — Я кепку в машине оставил.

Я перевожу взгляд на метр вниз, встречаясь с ярко-голубыми глазами, смотрящими на меня с интересом. Прохожусь по его веснушистому лицу, облаку белоснежных волос и застываю. Сквозь толщу участившегося сердцебиения мозг застревает на повторе: мама, мама, мама...

Возвращаю взгляд к той, кому адресовано обращение, и вижу страх в ее глазах. Неподдельный, глубинный, почти животный. Отступаю на шаг назад и осматриваю теперь этих двоих вместе. Ничего общего. Но тревожное чувство внутри разрастается все сильнее. Это какая-то шутка? Она решила свести меня с ума, подсунув кудрявого мальчишку, так похожего на... И запонки. Чертовы запонки.

Кажется, я ошибся в мотивах.

Я, мать твою, ошибся во всем.

Глава 49. Алиса

— Машина уже уехала, кепку не вернуть, — я выдавливаю из себя улыбку и дарю ее сыну. Провожу ладонью по белоснежной головке, силясь унять дрожь в руках. — Где дедушка?

Оборачиваюсь, но позади никого.

— Ну, в доме. Я сам к тебе пришел, — Матюша улыбается, гордый своей самостоятельностью.

— Милый, — я приседаю на корточки рядом с ним. — Это большой город, и здесь так делать нельзя. Это не безопасно. Один никуда не ходи, договорились?

— Ладно, — тянет он снисходительно и смотрит так пронзительно, словно делает мне одолжение.

— Пойдем, я отведу тебя к деду, — встаю и беру его за маленькую ладошку.

Мы делаем один шаг в направлении подъезда, прежде чем на моем предплечье с силой сжимаются мужские пальцы.

— Ты никуда не пойдешь, — тихо шипит он.

— Я отведу сына и вернусь, — гневно выплевываю я.

Неужели он подумал, что я забыла о нем? Как это вообще возможно, когда пять лет я каждый чертов день думала только о нем?

Он выпускает мою руку, и я продолжаю путь. Когда мы подходим к подъезду, дверь открывается, и появляется обеспокоенный отец. Он хмурит брови, смотря на Матвея, и раздражается поучительной тирадой.

— Вот скажите мне, мистер, разве я позволил уходить без разрешения, м? Что-то я такого не припомню.

— Дедушка, я уже не маленький и даже знаю, как правильно переходить дорогу! — сын топает ногой, устраивая мини-бунт.

Последнее время он все чаще заявляет себя взрослым и не терпит, когда с ним обращаются, как с малышом.

— Вот и пойдем, буду экзамен у тебя принимать, — насмешливо говорит отец.

— Что? — тут же с интересом спрашивает Матвей.

— Сейчас узнаешь! — хитрая улыбка расплывается под густой бородой, но тут же меркнет, когда его взгляд переходит мне за спину.

Отец тут же выпрямляется, его брови снова сходятся на переносице, а кулаки сжимаются до побелевших пальцев.

— Я разберусь, — едва слышно шепчу ему. — Матюша, иди с дедушкой, я скоро, — уже громче добавляю я.

— Пошли, одуванчик, — вздыхает отец.

Он не хотел, я знаю, не хотел, но сказал это очень громко. Непозволительно громко. И теперь, даже когда подъездная дверь захлопнулась за двумя самыми дорогими мне людьми, я не могу повернуться. Просто не могу встретиться взглядом с Александром, боюсь того, что теперь, все, кажется, стало совершенно прозрачно. Легко быть против него в личине Алисы, выстоять же против в облике Леи — невозможно.

Но один глубокий вдох и неспешный выдох позволяют собраться с мыслями и вернуть маску на лицо. Я оборачиваюсь и встречаюсь с ошалевшим взглядом голубых глаз. Точь-в-

точь, как у сына.

Александр замер на месте и смотрит на только что закрывшуюся дверь. Он часто моргает, словно его веки отяжелели, и ему приходится сражаться с ними. Затем он отмирает и тянется в карман кожаной куртки. Выуживает оттуда пачку сигарет, выбивает одну и подносит к лицу. Дальше те же манипуляции ждут зажигалку: карман, лицо, щелчок. Ещё один и ещё.

— Сука, — зло рычит он и предпринимает еще одну попытку на этот раз успешную.

Я, как замороженная, смотрю на тлеющий кончик сигареты, на то, как вздымается грудь мужчины, когда он делает глубокую затяжку и на то, как он запускает руку в волосы, нервно их теребя.

— Не знала, что ты куришь, — прерываю я тишину.

— С тобой, блять, закуришь, — выплевывает он, делая шаг ко мне.

Его взгляд почти безумен. Только сейчас я замечаю, что одежда на нем не первой свежести, как и его неаккуратная щетина. Волосы в беспорядке, хотя возможно это оттого, что часто он запускает в них пальцы, нервно взъерошивая. Его руки немного дрожат, когда он придерживает сигарету и делает очередную затяжку.

— Что это за концерт? — он тычет пальцами с зажатым окурком мне за спину.

— Понравился?

— Не зли меня, блять, — его глаза лихорадочно блестят. — Что это, мать твою, за представление?

Он снова подносит сигарету ко рту и судорожно вдыхает. Его начинает колотить сильнее. Эта дрожь передается ко мне и мне сложно понять, то пронизывающий сентябрьский ветер, забравшийся под легкое платье, или сумасшествие в глазах мужчины.

Я молчу, наблюдая за Александром. Он затягивается в последний раз, отбрасывает окурочек и в считанные секунды оказывается возле меня. Я испуганно делаю шаг назад, но крепкие руки мужчины вновь впиваются в мои плечи. Его захват сильный и болезненный, но это не самое страшное. То, как по телу пробегает горячая волна — гораздо хуже. Он заглядывает мне в глаза, опускает взгляд на лицо, изучает каждую черточку, каждую веснушку на загорелой коже. Меня бьёт сильная дрожь, я боюсь его, я боюсь себя.

— Я повторю свой вопрос и хочу услышать на него ответ: зачем, Алиса? — тихо говорит он.

— Ты знаешь.

— Нет, не знаю. Мне кажется, я схожу с ума. Это твоя цель? Сделать из меня чертова психа? Как ты узнала про запонки?

Он стоит совсем близко, я чувствую жар, который исходит от него. Он окутывает меня и страх куда-то отступает.

— Подумай, у тебя есть все подсказки, — я нервно сглатываю, когда одна его рука забирается мне в волосы и оттягивает их, запрокидывая голову назад.

— У меня ни хрена нет. По твоей же милости. А скоро не будет и рассудка. Что это за мальчишка? Взяла его где-то напрокат? Знала, что я приду?

— Это мой сын.

— Чушь, вы совсем не похожи. А он точная копия... Как ты о ней узнала?

— О ком?

— Не притворяйся. С тех пор как ты появилась, я постоянно вижу ее. Она не оставляет меня ни на секунду, пробирается в каждое воспоминание, в каждую мысль, — лицо

Александра кривится, словно в агонии. — Это твоя конечная цель? Свести меня с ума?

— Я просто хотела, чтобы ты заплатил за то, что сделал, — выдыхаю я.

Меня снова трясет. Он пытается меня обмануть, запутать, ввести в заблуждение. Понял, кто я и снова играется. Искусно манипулирует, говорит то, что я хочу услышать: что он помнил обо мне, что я что-то значила. Но будь это так, он бы не сделал того, что сделал.

— Ты отвратителен, — выплевываю я. — Я годами мечтала, чтоб ты сдох, но карма коварная штука и без вмешательства отказывалась воздать тебе по заслугам.

Он выпускает меня из рук и делает несколько неуверенных шагов назад. Снова пристально осматривает меня. Его глаза лихорадочно блестят, словно он теряет рассудок. И это был бы идеальный финал — мягкие стены и белая рубашка, лишенный всего, даже разума.

— Кто ты, Алиса? — снова этот вопрос.

— Ты уже знаешь ответ, — жестко говорю я.

Он сжигает меня своим взглядом. Не двигается, ничего не говорит, только смотрит.

— Этого не может быть, — наконец отмирает он. Его руки снова в волосах, он отходит еще дальше, смотрит на меня обезумевшим взглядом. Мечется, меряет шагами небольшое пространство перед подъездом. — Не может быть, — как заведенный повторяет он.

Затем останавливается и произносит только одно слово. Это слово выбивает из меня весь дух, потому что за столько лет я так и не смогла забыть то, как он его произносит. Так умел только он.

— Лея?

Глава 50. Александр

Звенья цепи не вставали на место. Они плясали перед глазами, мерцали зудящей мыслью, запутывали все больше. То сжимали в тиски, то ускользали сквозь пальцы. Я все пытался ухватиться за них, заставить застыть, хоть на мгновение, чтобы просто взглянуть на них тщательнее, найти им место в чередке хаоса, но все было тщетно.

А потом...

— Лея? — скорее выдох, чем звук.

Неверие. Страх. Боль.

Мозг начертил карту по подсказкам и показал, где зарыт клад — в прошлом. Отметил все, что уже лежало на подкорке: реакция тела, мозга, ее слова, чертовы запонки, "одуванчик" и... эти веснушки. Под слоем грима, что день ото дня скрывал от меня истину их было не разглядеть, но сейчас, стоило только коснуться взглядом ее кожи, проскользнуть от переносицы к щекам и обратно, очередной тупой спазм скрутил все внутренности.

Маскарад. Она уже говорила это однажды, а я понял совсем не так. Взгляд, жесты, волосы... все было другим. Но за всем этим скрывалась она.

Единственная, кому я позволил пробраться в сердце.

Единственная, кто посмела его задеть.

И как я не увидел этого раньше?

В груди что-то жжется, скачет, требует моего внимания. Сердце словно рвется вперед, к тому, что так долго ждало, жаждало, искало, но на смену этому странному, иррациональному чувству радости приходит другое, не менее сильное: ярость. Она вскипает в крови, отдается гулом в ушах, сводит кости и мышцы. Какого хрена она это сделала?!

Мы стоим напротив друг друга, должно быть, уже целую вечность. Наши взгляды скрещиваются в безмолвном поединке, накаляют воздух, требуют оппонента сложить оружие. Но я не сдамся. Не сегодня.

— Зачем? — сквозь зубы выдавливаю я.

Больше всего на свете хочется сейчас подойти к ней, взять за тонкие плечи и вытрясти ответ. Но я не делаю этого, сделать этот шаг, все равно, что шагнуть в прошлое, а оно как болото, затянет, не успеешь осознать. Но мне нужно узнать правду. К чему это все? Зачем являться в этом отравляющем образе и ломать то малое, что я сумел сохранить? Неужели той мелкой мести за мои прегрешения было недостаточно?

— Зачем? — тихо спрашивает она, словно не веря, что я снова это произнес. — Зачем?! — уже громче, почти истерично. — Ты просто уничтожил меня тогда! Растоптал, лишил всего! Этого тебе кажется недостаточно для мотива?

— Ты бредишь, — выдыхаю я и устало сжимаю переносицу. Девчонка неадекватна. Сбрендил. Поехала кукушкой. Что она несёт? — Где ты была все это время? Лечилась в психушке?

— Какой же ты... гад, — выплевывает она, и я замечаю, как ее трясет. На ней лишь тонкое летнее платье, а сентябрь в этом году неласков, вот и ещё одно подтверждение неадекватности: неспособность правильно одеться.

Стягиваю с себя кожанку, делаю несколько шагов к девчонке и накидываю куртку ей на плечи. Та дёргается от меня так, словно ее шибануло током. Смотрит бешеным взглядом, пытается сбросить с плеч мою подачку.

— Не дергайся, ненормальная, — раздражаюсь я.

— Убери от меня свои руки! — психует она.

— О, ещё пару дней назад ты говорила совсем другое, — ехидно замечаю я. — Так хотела ещё раз оказаться в моих руках, что затеяла это представление? Я сражен.

Слова звучат зло и броско, но за ними стоит такая горечь, что кончик языка жжет. "Зачем, зачем, зачем?" — заезженная пластинка в голове.

— Ублюдок, — снова выплевывает она. Задирает голову и пронзает меня взглядом полным ненависти. — Не можешь признаться даже сейчас? Даже смотря мне прямо в глаза?

— Да о чем ты вообще говоришь? Признаться в чем? Что когда-то обманул тебя — хорошо, признаю. Довольна? Мы с Русом не в первый раз так развлекались. Но ты сполна отомстила мне, пытаясь выставить соучастником своих глупых махинаций. Так к чему это все, Лея?

Это имя, произнесенное вслух после стольких лет безмолвия, откликается зудящими беспокойством в груди. Она все еще там... не верится даже. Застряла, как заноза — не вытащить, не смириться.

— Моих махинаций? — она отшатывается от меня, проводит рукой по длинным гляцевым волосам, делает глубокий вдох. — Ты поймел меня и в прямом и в переносном смысле. Разыграл, как карту со своим дружкой на пару, а потом подставил, лишив работы и будущего. И смеешь сейчас задавать мне эти идиотские вопросы? Seriously? Зачем я тебя подставила? Отплатить той же монетой!

Она склоняет голову на бок и смотрит холодным взглядом, таким, от которого стыннут ледники. Не удивительно, что мой мозг так долго не мог сложить картинку со своими ощущениями: этот взгляд серых глаз больше не принадлежит той девчонке, которую я знал. И это самое разительное в ней изменение. Но что за бред она несёт?

Выуживаю очередную сигарету, поджигаю, облакачиваюсь на стену подъезда справа от нее и затягиваюсь.

— Ну, давай, расскажи мне свою версию событий, а я поделюсь своей. Уверен, ты будешь удивлена, — криво улыбаюсь я.

Это сколько нужно иметь фантазии, что переиначить события тех лет? Чтобы убедить себя, что я — зло, которое нужно наказывать. Я ведь много раз прокручивал у себя в голове нашу встречу, размышлял, как это было бы вновь столкнуться с глупой девчонкой. И никак не ожидал, что разум ее подведёт. Выслушать ее измышления, сдать на руки к Санта Клаусу и дело с концом. Жаль только мальчишку — больная на голову мать ничем не лучше лживой суки, что была у меня.

От короткой вспышки маленького белокурого пацана перед глазами внутренности снова стягивает узлом. Значит, у нее кто-то есть. Или был, раз появился ребенок. Серьезные отношения, такие, которых так жаждало мое подсознание до момента ее глупого предательства. Почему эта информация так задевает? Откуда этот озноб по позвонкам? Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

— Я ввела те чертовы полисы, которые ты принес. А потом оказалось, что по ним заявлен страховой случай. Меня несколько дней таскали по допросам с пристрастием, пытаясь выставить виноватой. Я звонила тебе каждый чертов час, пытаясь получить помощь, а ты сказал им, что не знаешь, о каких полисах речь. Так просто. Подставить наивную девчонку, влюбленную в тебя по уши оказалось нетрудно, да? Она сделает ради тебя что угодно: внесет полисы задним числом, пропустит мимо ушей перешептывания за спиной и

косые взгляды, допустит, чтобы с ее телефона велись переговоры с партнерами по поводу грязной схемы. Кто ей поверит потом? Кто пойдет против замдиректора, да?

Лея сжимает себя руками, ежится даже под тяжестью моей куртки. Её колючий взгляд ни на секунду не отпускает мое лицо. Она хочет увидеть реакцию на свои слова.

— Как гладко, — выдыхаю я дым. — Есть только пара нюансов, которые не вяжутся с твоей чудесной историей. Я не приносил никаких полисов и точно знаю, что факсимиле для их заверения не подходит. Вот такой косяк, дорогая, — развожу руки в стороны и снова подношу к лицу никотиновую траву.

— Какое факсимиле? — ошарашенно спрашивает она. Явно не ожидала, что я вспомню такие детали дела.

— То, которое хранилось у меня на столе. В том самом кабинете, где ты была частым гостем. Которое ярко красовалось на договорах, выданных на мое имя и введенных тобой в систему задним числом. Будешь и это отрицать?

К чему все это? Зачем я слушаю этот бред? Зачем ей вообще такое сочинять?

— Ты делаешь это специально, — вновь заводится она. — Пытаешься запутать меня, ввести в заблуждение, посеять сомнения. Но с моей памятью все хорошо: я точно знаю, что на тех идиотских договорах вообще не стояла подпись, а ввела я их задним числом, потому что мне сказали, что это нормально для твоих клиентов.

— Отлично, появляется ещё одно действующее лицо. Может это был Рус? Или само провидение? — как не стараюсь, сохранить серьезное лицо не выходит. Это же надо, какую злую шутку сыграло с ней время. Убедить себя, что я ее подставил... — Пора заканчивать этот спектакль, — отбрасываю окурочек в сторону и направляюсь к девчонке. Хватаю ее за локоть и тащу в направлении машины. — Ты поедешь со мной, забереешь свое чертовой заявление и скажешь, что произошла ошибка. Я не собираюсь терять работу из-за полоумной, возмнившей себя чёртовым Монте-Кристо.

Она вырывает руку и зло скалится. Эта улыбка тоже не знакома мне. Она лишний раз подтверждает, что девчонки, образ которой я так долго носил в себе, больше нет. И это хорошо, это значит, что я, наконец, могу быть свободен.

— Ты уже ее потерял. Более того, ты пока не знаешь, но устроиться на любую другую тебе также не светит, всем кадровым агентствам было отправлено письмо с подробным описанием твоих подвигов. В этом городе тебе больше ничего не светит, Босс.

Яд ее слов проникает под кожу, вызывая устойчивое желание ударить стерву. Какого хрена она натворила?!

— Я убью тебя.

— Уже убил. Разве ты не заметил, Леи больше нет, — она насмешливо разводит руками и кружится вокруг своей оси. — Что, новая версия тоже оказалась недостаточно хороша?

— Хороша. Настолько, что с прежней не сравнится, — вру я. Хочу задеть, вывести из себя, отомстить хотя бы так.

Девчонка зеленеет от злости, замахивается ладонью, чтоб отвесить мне праведную пощечину, но я перехватываю ее руку на полпути. Тяну Лею-Алису на себя, впечатываю в свое тело и поражаюсь отклику всего организма. Тело вибрирует, впитывая в себя ее тепло, пальцы сами сходятся на ее шее, приподнимая лицо вверх, губы сами впиваются в искусственный пухлый рот.

Девчонка вырывается из моих объятий, пытается увернуться, но я не могу позволить ей это. Крепче прижимаю к себе, лишаю ее воздуха, самообладания, власти. До одури хочу

отомстить, хотя бы так, показав, что больше ничего не болит, что ее больше нет ни в одном уголке моего сердца.

Но его обмануть сложнее. Оно неистово бьётся, словно оживая после долгой спячки. Оно знает правду. Оно не желает теперь молчать.

Глава 50.1 Александр

Горькие пухлые губы. Сминаю их, обезумевший, пытаюсь сломить защиту, пробраться под оболочку лживой стервы. Вжимаю в себя непокорное тело.

"Почему ты мне так нужна? Почему?" — локомотивом сносит сознание.

Стерва сопротивляется. Дрожит в моих руках, часто дышит, но все равно вырывается. А потом прокусывает мне губу.

Я отшатываюсь от нее, чувствую металлический привкус во рту и то, как тонкая струйка стекает по подбородку. Затуманенным взглядом ловлю ее напряженный силуэт. Жду вторую волну яростного гнева, но на удивление, она не наступает. Напротив, я отвлекаюсь на физическую боль, и гнев сходит на нет. Меня отпускает и я впервые могу сосредоточиться не на бушующем водовороте из чувств внутри, а на словах.

— Ненавижу тебя! — шипит девчонка и показательно стирает следы моих поцелуев тыльной стороной ладони.

Я ухмыляюсь, ведь в этом движении так много от Леи. Броня дала течь, и эти сверкающие гневом глаза выдают ее с потрохами. Эмоциональные движения, лишённые выверенного напускного хладнокровия, показывают ту строптивую девчонку, что я помню. Настоящую.

— Я догадался, — хмыкаю, не в силах сдержать себя. — Когда ты узнала о пари?

Трогаю губу, на пальцах остается кровавое пятно.

— В тот день, когда меня уволили, — презрительно выплевывает она. — Просветили "добрые" люди.

— Поэтому в своей писульке ты приплела меня? Решила утащить с собой на дно в отместку?

Я спокоен. Даже удивительно, как просто мне сейчас говорить о том, что так долго терзало. О том, как ошибся в человеке, как вернулось сторицей то, как поступил с ней.

— Мы ходим по кругу! — вновь взрывается она. — Я же уже говорила, что мне принесли полисы, сказали от тебя, а потом, чтобы я внесла их задним числом, и что для них это нормально. Свою писульку, как ты выразился, я писала в кабинете Камиллы Георгиевны под ее чутким руководством, все еще уверенная, что ты приедешь и во всем разберешься! О том, кто я для тебя на самом деле, я узнала только на следующий день.

Она проводит ладонями по лицу, словно старается взять себя в руки, снова надеть невидимую маску "Алиса", но поздно, я уже вижу, как две девушки из прошлого и настоящего соединяются в одну. Сливаются их жесты, взгляд, голос, и внешности уже не обмануть.

— Интересно.

— Интересно? Это все, что ты можешь сказать? Не "извини", не "я этого не хотел"? Боже, да хотя бы попробуй оправдаться, я жажду услышать, что ты можешь сказать!

Лея злится, пышет ненавистью и злобой, но мне нечем подкормить огнедышащего дракона.

— Интересно то, что в моей версии, ты пыталась подставить меня. Поставила мое факсимиле на договорах, ввела в систему под моим агентским номером, а когда все открылось, пыталась выставить сообщником.

— Да я даже слова тогда такого не знала "факсимиле"! И повторяю тебе: на полисах не

было никакой подписи!

— Да-да, да-да, — задумчиво говорю я и тянусь к очередной сигарете.

Черт, пачка пуста. А мыслительный процесс запустился и его уже не остановить. Стучу пачкой по ладони, обдумывая дальнейшие действия.

— Пошли, — кидаю девчонке и направляюсь к припаркованному автомобилю.

— Ещё чего! — фыркает Лея-Алиса. — На этом все, Александр Германович, — напыщенно произносит она, снимает с плеч косуху и тянет ее мне. — Надеюсь, больше никогда с вами не встретиться. И счастливо вам собрать свою жизнь по осколкам.

Я рефлекторно беру за куртку, и стерва круто разворачивается на пятках, чтобы скрыться от меня. Резко перехватываю ее запястье и тяну на себя.

— Ну, уж нет, дорогая, сначала мы все выясним, — рычу ей в лицо.

Раздражение опять завладевает нутром, приходя на смену рассудку. Поднимается волной, сжигает самообладание. Подумать только, вздумала меня кинуть! Вот так просто, закинула бомбу и линять?

— Да к чему вообще все это теперь! — шипит она. — Мы квиты. Игра, наконец-то, окончена.

— Ты ошибаешься, слишком много неизвестных, она не может быть завершена.

— Мне плевать, — вырывает руку и идет к подъезду.

Я успеваю перегородить ей путь прежде, чем она скроется.

— Постой, просто... я хочу просто поговорить. Неужели ты не видишь, что нас обоих кто-то поимел?

Нестерпимо хочется закурить. Нервы — как электрические провода на морозе: трещат и вибрируют. Запускаю руку в волосы и громко выдыхаю. Картинка, которая начала складываться, просто выносит мозг.

Лея смотрит на меня несколько секунд, прежде чем повторить мой тяжелый вздох.

— То есть ты придерживаешься версии, что не имеешь отношение к тем договорам.

— Только если и ты придерживаешься своей.

— Допустим, — морщится она свой маленький носик, отчего сердце снова пропускает удар. — И что это значит?

— Что есть третье лицо, а мы с тобой не так уж умны.

— Говори за себя, — вновь фыркает она.

А я расплываюсь в дурацкой улыбке. Непроизвольно. Просто она такая сейчас... все струны души напряглись и затянули долгий протяжный стон. Лея смотрит на меня, как на дебила. Наверное, это психоз, и она это поняла.

— Надо поговорить, — говорю мягче.

Она снова вздыхает. Отводит глаза, закусывает губу. Да, так, как это делала всегда, как же я мог не понять?

— Не сейчас. Мой сын...

— Когда? — прерываю ее, не хочу слышать о ее семье, сыне, муже или любовнике. Просто не готов.

— Я уложу его в десять.

— Я приеду.

— Боже, не верю, что соглашаюсь.

— Ты знаешь, что не можешь иначе, — говорю тихо, вкрадливо. — Ты не будешь спокойна, пока все не выяснишь.

— Откуда тебе это знать? Ты поверил, что я... Получается, совсем меня не знал.

Она всматривается в мои глаза, наверное, ищет там опровержение своих слов, хочет, чтобы я оправдался, но мне нечем ее обрадовать. Все так: не знал и поверил. Чувствовал, но позволил фактам закрыть глаза. Больше не позволю.

— Я приеду в десять, — повторяю я.

Она кивает и скрывается за тяжелой металлической дверью.

Я стою под подъездом ещё миллион минут, задрал голову и всматриваясь в окна многоэтажки. И клянусь, в одном из них я вижу лицо Санта Клауса. Значит, третий этаж. Это будет запасным планом, если Лея решит меня обмануть.

Глава 51. Александр

Руки дрожат, как у чертова артритника. Это будет идиотизм, если остаток дня я проведу здесь, под ее окнами, словно долбанутый сторожевой пёс? Но упустить ее из виду сейчас, после недавнего открытия, кажется чем-то немыслимым.

Забегаю в ближайший магазин за очередной порцией отравы и выкуриваю сразу две сигареты подряд. Невольно вспоминаю Руса в таком же состоянии из-за беременной жены. Но здесь я его обскакал на добрый километр. Держу пари, такой истории он ещё не слышал. Достаяю мобильник и кручу его в руках, снедаемый необходимостью с кем-то поделится, иначе мозг взорвется к чертям. К тому же, мне не повредит помощь в расстановке всех пешек на доске.

Отыскиваю в журнале вызовов давно знакомый номер, всего три гудка и две затяжки спустя, звучит надменное:

— Ты ебанутый, Яковлев? Суббота, восемь, мать его, утра.

— Если ты сейчас не глубоко в своей прекрасной женушке, ты захочешь услышать эту историю.

— Да пошел ты.

— Помнишь из-за кого ты получил в морду?

— Такое не забывается.

— А Алису?

— Твою долбанутую на всю башку подружку?

— Она и Лея — один и тот же человек.

— Ты набухался до чёртиков и белой горячки? — устало вздыхает в трубку бывший приятель.

— Возможно. Или... у меня для тебя есть по-настоящему крутая задачка. Хочешь помочь?

Спустя два часа и чашку крепкого двойного эспresso, мы с Русом накидываем схему на мятой салфетке кофейни недалеко от дома Леи-Алисы.

— Итак, неизвестное звено, — рисую вопросительный знак на вершине пирамиды. — Заключает договор с кем-то из "Атлантики", — стрелка на первый квадрат. — Подкидывает полисы в обход Камиллы, — огибаю один кружок и веду ко второму. — Новенькой девочке, которая еще не знает всех процедур, но которая связана с тобой и мной.

Постукиваю карандашом, приватизированным на кассе, по столу и смотрю на Руса. Тот хмурится, все ещё пытаюсь осознать размах махинации.

— Этот кто-то должен был быть знаком с нашей схемой и быть уверен, что девчонка у нас на крючке. Есть ещё несколько неизвестных факторов: человек, который сказал Лее ввести эти чёртовы полисы задним числом, — рисую очередной вопросительный знак. — Это я выясню сегодня. И тот, кто пробрался в мой кабинет за факсимиле. Не верится, что моя верная помощница могла пропустить неизвестно кого.

Черчу ещё один кружок и пишу в нем "Карина".

— Почему ты так уверен, что Лея говорит правду? — Рус откидывается на стуле напротив и делает очередной глоток сладкой дрянни с черничным запахом.

— Ты видел Алису. Думаешь, стала бы она творить с собой и мной такое только лишь от обиды?

— Я думаю, что человек может годами носить в себе это чувство и взрастить до таких высот, что разум просто затаяет пелена гнева.

— Нет. Я видел ее сегодня. Она уверена в том, что говорит. И я... верю ей, — говорю приглушенно.

— А почему не поверил тогда?

Сжимаю ладонью виски, провожу пальцами по бровям, потираю глаза. Это сложный вопрос. Слишком сложный.

— Был слишком горд, слишком туп, слишком эгоистичен. Выбирай любой вариант.

— Мне нравятся все.

— Я не стал выслушивать ее версию. Поверил фактам на руках.

— То есть ты даже не поговорил с ней.

— Мой отец умер, а вместо утешений я получаю подставу. Я думал, она узнала о пари и решила так мелко и глупо отомстить. О чём тут разговаривать?

— Мне это знакомо, — многозначительно кивает Че. — Так что будешь делать теперь?

— Не знаю.

— А что с девчонкой?

— Не знаю.

— А меня зачем позвал?

— Нужен незаинтересованный человек для взгляда со стороны.

— Тогда послушай, что скажет незаинтересованный человек: не надо ворошить это гнездо. Попроси у девчонки прощения и постарайся сделать так, чтобы она забрала свое заявление. Сейчас твоя карьера спущена в унитаз, думай об этом.

— Я не могу. Столько лет, я... просто не могу, понимаешь?

Мы сцепляемся взглядами и долго сидим в тишине.

— Понимаю, — наконец, говорит Рус. — Кажется, впервые по-настоящему тебя понимаю. Так что, значит, среди всех них... только Лея?

Я едва уловимо киваю. Даже не осознавая до конца значимость этого кивка.

— Теперь понятно, почему я получил в рожу. И не могу тебя винить, я поступил бы так же, — он замолкает ненадолго. — Ладно, мне пора, Мышку завтра сдаю в роддом, надо подготовиться.

Он встаёт из-за стола и протягивает мне руку. Никак не привыкну, что мы снова друзья, но осознание этого заставляет скупно улыбнуться.

— Жене привет, — говорю я.

— Ещё чего! — ухмыляется он и разворачивается на выход. Сделав два шага, оборачивается и добавляет. — Извинись перед звездной девочкой за меня.

Я снова киваю. Че скрывается за дверью, я задумчиво смотрю на разрисованную салфетку перед глазами. Мы наворотили много дел, и каждый из нас получил по заслугам. Кроме нее... ей досталось за компанию. Достаточно ли будет извинений?

Я еду домой и привожу себя в порядок. Душ, чистая одежда, нормальный обед. Нетерпеливо меряю шагами квартиру в ожидании часа, когда будет пора выдвигаться. Прокручиваю в голове сотни слов, которые должен сказать, сотни вопросов, которые необходимо задать. Но в голове все равно, раз к разу, возникают картинки, которые увлекают совсем не туда.

Мягкая улыбка, теплый взгляд, она сонно щурится от солнца, бьющего прямо в лицо. Касается моего плеча, берет руку в свою ладошку, переплетает наши пальцы. Все это было

правдой. Никакой лжи, никакого предательства. Я так глупо просрал лучшее, что было в моей жизни. Есть для нас шанс теперь? После стольких лет, ошибок, боли и жажды мести? У нее есть ребенок. Значит, есть и тот, кого она пустила так далеко, что позволила навсегда стать частью своей жизни. И от этой мысли меня всего ломает. Ведь я не смог так же.

Едва часы приближаются к восьми вечера, хватаю куртку и вылетаю из квартиры. Нет сил больше сидеть здесь наедине со своими мыслями, лучше сделаю это там, под ее подъездом. За несколько дней уже привык к виду кирпичных стен и квадратных окон, за которыми течет своя размеренная жизнь. На улице ещё тепло и кожанка отправляется на заднее сидение в тайной надежде, что Лея снова появится с обнаженными плечами, и я смогу снова коснуться ее. Хотя бы так, невзначай.

Сердце подпрыгивает в груди от этой мысли, сбивается с ритма и снова запускается, но уже галопом. Пожалуй, я всегда знал, что это она. С первого взгляда, с первого прикосновения тело подкидывало подсказки. То, как колело кончики пальцев от ее кожи, как учащалось дыхание, едва она входила в помещение, как скручивался узел в груди от ее холодного взгляда. Тело всегда знало, понимало то, что неведомо глазу. Господи, как же я снова хочу ее коснуться. Сжать в руках, теперь точно зная, кто эта женщина. Раствориться в ней, отключить чертovy мозги и просто вспомнить каково это — принадлежать ей.

Теперь, когда я знаю правду, все играет другими красками. Я прижимаю ее к стволу дерева, жёстко сминая губы в нетерпеливом поцелуе — кровь закипает внутри. Она садится передо мной на колени — немеет все тело. Она подо мной — такая холодная и горячая одновременно — воздух в легких заканчивается, не вздохнуть.

Ближе к девяти, когда уже стою напротив ее подъезда и крепко завяз в своих фантазиях, вижу, как она возвращается откуда-то с сыном. Она снова в легкомысленном платице и совсем без косметики, так, что почти можно узнать Лею. У мальчишки в руках огромный световой меч, и я невольно смеюсь, понимая, что и мелкому она привила любовь к звездной саге. Бедный пацан, неужели и его пытали многочасовым просмотром скучных фантастических фильмов, как когда-то меня? Хотя сейчас, спустя годы, это одно из лучших воспоминаний.

Мальчишка ужасно похож на нее, светлый, кудрявый, жизнерадостный. И она с ним такая... какой и должна быть прекрасная мать: держит его за руку, широко улыбается, отвечает на все его вопросы. Её глаза сияют, когда она смотрит на него, а я умираю от этого зрелища. Все кончено, да? Чтобы я ни сделал, чтобы ни сказал, нас уже никогда не будет. Ничего уже не повернуть назад, не стереть наше прошлое и не переписать его.

Так зачем я здесь?

Глава 52. Алиса

Тонкая тюль скрывает меня от пристального взгляда мужчины внизу. Александр стоит прямо под окнами, облокотившись на капот своей машины. Руки скрещены, голова задрана. Он, как и я, стоит так уже очень долго. По крайней мере, с тех пор, как я уложила Матвея.

Я делаю глубокий вдох, расширяя легкие до предела, может, получится отключиться от переизбытка кислорода и избежать этого удручающего разговора? Хотя взрослые девочки так не поступают, да? Вытираю потные ладони о цветастые занавески и в очередной раз уговариваю себя спуститься вниз. Часы на стене выжигают глаза приговором: половина одиннадцатого, уже полчаса, как я обещала ему выйти. И я сделаю это, сделаю, просто мне нужна ещё минутка. Две.

Александр слегка переминается с ноги на ногу и достает из внутреннего кармана куртки сигареты. Меня ужасно бесит эта его новая привычка, но кто я такая, чтоб указывать ему, как гробить свою жизнь. Всего лишь сутки назад я искренне считала, что он заслуживает мук медленной смерти, а сейчас не знаю, что и думать.

Я ждала чувства триумфа, когда он поймет, кто и зачем сделал это с ним. Предвкушала сладкое чувство удовлетворения от последнего гвоздя в его гробу. Мечтала, да, мечтала годами, как увижу в его глазах понимание за что и, возможно, в самых смелых из них, я видела и раскаяние.

Но все совершенно незаметно для меня встало с ног на голову. Всего пара фраз, несколько красноречивых взглядов и твердых уверений и я уже ни в чем не уверена.

Прикрываю глаза, силясь побороть эту иррациональную потребность услышать оправдания. И взываю к высшим силам, кто бы они ни были, дать мне уверенности в себе и своей правде.

Когда вновь обращаю взгляд на улицу, Александр остервенело отбрасывает окурок в сторону и размашисто шагает к подъезду. Что он собирается делать? Секунду спустя раздается звонок домофона. Не может быть.

— Как ты узнал номер квартиры? — шиплю в трубку.

— Вычислил. Открой мне, — прерывисто, четко, жестко.

Почти бессознательно я нажимаю на кнопку и слышу характерный звук открывания двери. Мгновенно меня настигает негодование. Дура, какая же дура! Не собиралась же тащить его сюда для этого нелепого разговора, за стеной спит Матюша, а вероятность того, что разговор пройдет в спокойном ключе стремится к нулю. Но я не успеваю даже придумать запасной план, как раздается стук в дверь.

Александр выглядит вполне спокойно, не смотря на эмоциональную сцену у подъезда. Я беззвучно приоткрываю дверь шире, приглашая его зайти. Он не тушует ни секунды, в отличие от меня, он явно настроен решительно и все уже давно обдумал. У него на чаше весов стоит не так много, как у меня, очевидно, и меньше факторов "против".

— Я давал тебе возможность спуститься самой, но ты испугалась, — резко говорит он, разворачивается ко мне лицом и захлопывает дверь.

Тут же его руки оказываются на мне. Сильное тело пригвождает к стене, ладонь зарывается в волосы, губы сминают мои. Я не успеваю сделать и вдоха и, кажется, что задыхаюсь. Несколько движений губами — вверх и вниз — они предатели отвечают, вступают в страстный танец, впускают горячий язык. Но так же быстро, как все началось,

это наваждение заканчивается. Он отстраняется от меня, заглядывает в глаза и проводит рукой по голове.

— Зря ты избавилась от кудряшек, одуванчик.

Волна дикой ярости затапливает каждый уголок моей души. Я прикладываю все имеющиеся силы и отталкиваю монстра от себя. Он манипулирует мной. Снова.

— Не смей меня так называть, — вкрадчиво говорю я. — И прикасаться тоже. Ещё одна такая выходка и разговор закончится, не начавшись.

— Я просто хотел сразу сбросить напряжение, — шутливо говорит он. — Прощлый раз это помогло прочистить мозги.

Он поворачивается и шагает вглубь квартиры. Интуитивно сворачивает налево и оказывается на кухне. Подальше от спальни, где лежит сын. Это хорошо.

— Кофе угостишь? — он бесцеремонно усаживается на стул у окна, практически там, где стояла я минутами ранее. Немного отодвигает шторы. — Хороший вид.

Я не понимаю его настроения. Но поддаваться на инсинуации не собираюсь, помню о цели его визита. Застываю в проходе небольшой кухоньки и складываю руки на груди.

— Так и будешь там стоять? — снова насмешливые интонации.

Моим ответом служат нахмуренные брови.

— Давай сразу к делу, скоро вернется отец, а он не твой фанат.

Я почти не вру. Отец, конечно, вернется только завтра, юбилей его друга празднуется с размахом на загородной даче. Но про "не фанат" даже слабо сказано.

— Как скажешь, — просто отзывается Александр. Снова тянется к внутреннему карману, очевидно, решил пассивно ещё и меня убить.

— Здесь курить нельзя, — раздраженно выпаливаю я.

— Я и не собирался, — на стол ложится смятая салфетка явно не первой свежести. — Боже, женщина, за кого ты меня принимаешь, я помню, что тут ребенок.

Он качает головой, разглаживая бумажку на столе. Снова насмешка.

— За мерзавца, подлеца, обманщика и эгоиста. Я в чем-то ошибаюсь? — сухо спрашиваю мужчину.

— Ошибаешься. И будем это исправлять, — Александр отрывает взгляд от драгоценной бумажки и впивается им в меня. От пронзительного его взгляда, так похожего на взгляд сына, меня покрывают мурашки. — Есть ручка?

Испуганно отмираю, ложно предположив сначала, что он забрался мне в мысли и все понял. Но нет, ему нужна всего лишь ручка. Разворачиваюсь на пятках и скрываюсь в темноте коридора. Спинай чувствую горячий взгляд, провожающий меня вглубь квартиры.

Когда возвращаюсь, Александр уже скинул с плеч кожаную куртку, которая с утра покрывала мои замершие руки, и задумчиво стучит пальцами по деревянной столешнице. Протягиваю ручку, отмечая про себя, что он на удивление сосредоточен. Всерьёз взялся за свою безумную теорию? Так хочет выбелить себя?

— Итак, я тут кое-что набросал. Есть слепые пятна, которые, я надеюсь, ты заполнишь, — он указывает на мятую бумажку перед собой. — Так что на счет кофе?

Наглость — второе счастье!

— Обойдешься. Что на счёт пробелов? — возвращаюсь в позицию плечо-косяк-нахмуренные брови. Лишь бы подальше от него.

— Ну, к делу, так к делу. Кто сказал тебе ввести полисы задним числом? — щелчок ручки, занесенной над салфеткой.

— Вика.

— Вика? Какая Вика?

— Кот.

— Это какой-то замысловатый шифр? Кто это вообще такая?

— Я так и знала! Господи, ты ее даже не помнишь, — зарываюсь лицом в ладони и издаю протяжный стон. — И ты утверждаешь, что не заслужил того, что я с тобой сделала? — горько усмехаюсь. — Сколько их было, Саш? Таких же, как я?

— Таких же, как ты, больше не было, — приглушенно говорит он.

— Да уж, такой набитой дуры ещё поискать. Забавно тебе было развести влюбленную дурочку на секс? Пришлось повозиться, правда, одного ресторана и розочки не хватило...

— Перестань! — резко бросает он. — Ты знаешь, что значила больше.

— Да уж, именно поэтому ты позволил своему дружку лапать меня, позволил всем вокруг смеяться у меня за спиной. Я ведь думала, мы скрываемся ради моей безопасности, а оказалось, все знали! Господи, какой же непроходимой дебилкой надо было быть, чтобы не увидеть всего этого. Хорошо вы поржали с Русланом над наивной девчонкой? Отпраздновали твою победу с размахом?

— Прекрати, пожалуйста, — приглушенно говорит Александр, он морщится, будто ему противно. А мне не противно, мне мерзко.

— Вика была одной из ваших девочек. Но те ставки, в которых ты не выиграл, очевидно, ты не помнишь.

— Я никого из них не помню, — хрипло бросает он. — Только ты. Все эти годы была только ты.

Сердце болезненно сжимается. Не должно, знает ведь, какая голимая это ложь, но все равно не слушается меня. Я стараюсь скрыть свою боль за злым смехом, но знаю, что выходит не натурально. Саша смотрит на меня своими голубыми озёрами, словно пытается проникнуть в самую душу. Но та дверца захлопнулась, а ключ от нее я потеряла, нет ему туда хода.

Он встаёт со стула и всего в два коротких шага оказывается возле меня. Нависает сверху, забирает весь мой воздух. Я делаю спасительный шаг назад, отступая в коридор, но он тут же перехватывает мое запястье и мягко возвращает на место.

— Я должен тебе извинение. Но не уверен, что слова смогут описать то, как я раскаиваюсь за все, что сделал с тобой, — вкрадчиво, осторожно говорит он.

Я не поднимаю взгляда, смотрю ему в ворот рубашки, нервно сглатываю от слишком тесного контакта. Разум кричит "беги", а тело сковало предвкушением, не сдвинуться с места.

— Я сразу понял, что ты не подходишь, пытался остановиться, пытался оттолкнуть тебя злыми словами, ты помнишь? Даже сказал Русу, что игру надо сворачивать. Он не послушал... и я... я тоже не смог остановиться.

— Какое благородство, — цежу я. — Пытался остановиться... Как же я ненавижу тебя, — проговариваю каждое слово четко, зло, с расстановкой, прямо ему в глаза.

— Я знаю, одуванчик, знаю, — шепчет он прежде, чем коснуться меня губами.

Это совсем другой поцелуй, он не злой, не отчаянный, сметающий разум, как предыдущие. Робкий, пробующий, ищущий прощения — вот какой это поцелуй. Александр едва заметно прижимается к моим губам, мягко сжимает сначала верхнюю, потом нижнюю, выжидает реакции, прежде, чем провести языком и развести их в сторону. Его пальцы,

заклучившие мои щеки в большую скобку, подрагивают, а дыхание сбито. Я дрожу в ответ. И я не понимаю, почему до сих пор не оттолкнула его. Почему стою здесь, как изваяние, и умираю от этой тихой ласки.

Почему, почему, почему?

Глава 53. Александр

Мгновения. Самое лучшее в жизни — мгновения.

Лёгкое прикосновение ладони, мягкий шепот в полумраке, тёплые губы на моих губах. Я помню их все. И каждое связано с ней. Я буду лжецом, если скажу, что мне их достаточно. Мне хочется больше, глубже, насыщеннее, чтоб на смертном одре яркие вспышки провожали на тот свет с улыбкой, чтобы их было столько, что тетрадочку в клетку не хватит все описать. Хочу создать новые. Хочу этого с ней.

Касаюсь ее губ с предельной осторожностью. Первым прикосновением я спрашиваю: можно? Вторым прошу: пожалуйста! Третьим умоляю: ответь мне. А десятком следующих прошу прощения. Я вымаливаю его, когда касаюсь ее языка своим, когда смешиваю наше дыхание, когда поглаживаю большими пальцами ее щеки и особенно, когда ощущаю под ними влагу. Нехотя отрываюсь от Леи, изучаю лицо. Её веки прикрыты и слегка дрожат, из-под ресниц по коже спускаются дорожки слез.

Колючая проволока сжимает грудь, стягивает лёгкие, заставляет кровить сердце. Я боюсь, что чтобы я ни сказал, чтобы ни сделал, этого будет недостаточно. Я боюсь думать наперед и что-то анализировать. Просто знаю, не могу позволить ей уйти из моей жизни снова.

— Пожалуйста, — надрывно шепчет она. — Пожалуйста, — цепляется холодными пальцами за мои ладони.

Я собираю влажные дорожки с ее щек губами, сжимаю Лею в объятиях, шепчу какие-то глупости. Как в бреду. Снова попался в ее сети и добровольно сдаюсь.

— Я всё исправлю, — утверждаю каждым поцелуем.

Сделаю все для этого. Но мне нужно знать, что же на самом деле произошло.

Минутами или часами позже мы сидим друг напротив друга за обеденным столом. Между нами две кружки кофе, скомканный листок и слова, льющиеся из нее потоком. Она рассказывает все, каждую деталь, которую помнит, и которую придумала сама, когда складывала факты воедино. Её речь спокойна и лаконична, я чувствую, что эти воспоминания она не просто хранила в себе, а подпитывала их ежечасно. Лея запинается лишь раз, рассказывая о том, что случилось после ее увольнения. Знаю, об этом говорить ещё труднее, это был долгий болезненный путь к Алисе. И я не дурак, видел ее сына. Но твердо решил для себя: пока не хочу этого знать. Она сейчас здесь, так что, очевидно, я никогда не покидал ее голову, пусть даже и был там главным злодеем.

— Почему Алиса Селезнева? — ненароком спрашиваю ее.

— Мне показалось это забавным — девочка из будущего, против девочки из прошлого. И еще тонкая аналогия: Селезнева — Уткина. Селезень — Утка, понимаешь?

Я тихо смеюсь, сжимая кружку с остывшим кофе в руках. Это моя девочка, стук сердца не будет врать. И этот ее слегка приподнятый уголок губ даёт мне надежду.

— Губы?

— Ты уже спрашивал.

— Я ими болен, — я почти смущен.

— Я видела с кем ты... Тех, кто пришел мне на смену, — ее лицо снова жесткая маска, взгляд отведен в сторону. — Я должна была соответствовать.

— Ты хорошо подготовилась, — сглатываю комок горечи, отпиваю мерзкий

растворимый кофе, пытаюсь собраться с мыслями. — Но мне нравилась и та Лея.

— Что ж, ее больше нет, — резко говорит она и встает из-за стола. Ополаскивает свою кружку под краном и вновь поворачивается ко мне. Между нами снова метр расстояния и недоговорок.

Хрупкий мир, установленный пережитым ранее моментом близости, готов дать трещину в любую минуту. Я должен что-то сказать, срочно вернуть доверительную атмосферу, потому что то, что я хочу предложить ей дальше — требует доверия.

— Я посмотрел все части "Звездных войн", — растягиваю на губах мягкую улыбку.

— Последние — отстой! — сразу хватается за излюбленную тему.

— А мне понравилось. Особенно "Скайуокер. Восход".

— Потому что ты ни фига в этом не разбираешься! Там же сюжет высосан из пальца! Я молчу вообще про Кайло Рена, ТАКОЕ просто не может быть сыном Леи и Хана!

— Зато спецэффекты...

— Апп, мужчины! — всплескивает она руками. — Только картинку вам и подавай!

Я тихо смеюсь. Она по-прежнему светится, как новогодняя ёлка, стоит затронуть эту тему. Недоуменно смотрит на меня, а затем тоже расплывается в полуулыбке. Это огромный шаг навстречу. Гигантский.

— Отдай мои запонки, — зачем-то говорю я.

Её лицо тут же меняется. Мягкое выражение сменяется чёрствым, ужесточая каждую черточку. И я сразу же жалею, что заговорил об этом. Рано, слишком рано.

— Они никогда не были твоими, — отрезает она. — Ты их не заслужил. Когда я дарила их тебе, я думала, все по-настоящему.

— Это стало таким к тому времени.

— Я помню твое выражение лица, когда ты их получил, оно врезалось в память. Засело вот здесь, — она стучит пальчиком по виску. — И когда я узнала правду, все стало на свои места.

Она отворачивается и больше не смотрит на меня. Почему я все порчу? Почему не могу удержать улыбку на ее губах. Ах да, недостаточно доверия.

— Ты рассказала мне свою правду, готова теперь услышать мою? Без прикрас, без лжи, пусть и некрасивую?

Лея возвращает мне свой взгляд, переводит дыхание и отворачивается к плите.

— Поставлю ещё кофе.

Смотрю на дно своей кружки и невольно морщусь.

— Лучше чая.

Лёгкий смешок не удается скрыть даже за грохотом чайника.

— Наша с Русом игра началась случайно, — начинаю я, вглядываясь в напряженные плечи Леи. Мой голос звучит приглушенно, но, кажется, все равно разрывает пространство. — Был корпоратив, он тогда только устроился к нам работать. Все уже изрядно поднабрались, я скучал возле бара. Рус периодически появлялся там, брал два бокала шампанского и шел покорять крепость в виде нашей Алевтины — она тогда работала главным финансистом. Такая, знаешь, синий чулок, но не без достоинств. Все знали, что она кремень, на работе даже не улыбнется. А тут какой-то молодой прыщелыга из маркетинга. В общем, было забавно наблюдать.

В очередной раз, когда он пришел за новой дозой алкоголя, дабы растопить ледяную оболочку Алевтины, я сказал, что ему ничего не светит. Мало того, что дамочка явно

постарше его, так ещё и на должности гораздо выше, занимаемой им. Тот только фыркнул и сказал: поспорим?

В тот вечер они ушли вдвоем.

Это было самым интересным событием за долгие месяцы, и как-то незаметно, мы с Русом сдружились. Сначала я был просто наблюдателем. Мне нравилось бросать ему вызов и смотреть, удастся ли ему покорить новую вершину неприступности. А потом сам включился в игру.

Это было круто. Мы выбирали объект, заключали пакт о ненападении в дни соперника и...

— Дни соперника? — вклинивается в мое повествование Лея.

— Да, мы чередовали дни, когда бросались в наступление. День — он, день — я. Чтобы не вставлять друг другу палки в колеса.

— Теперь кое-что встало на свои места, — тяжело выдыхает она. — Продолжай.

В моих руках оказывается горячая кружка с чаем, вместо остывшей ещё с час назад.

- У каждого была своя тактика. Рус был таким "хорошим парнем" для всех, надёжным плечом, лучшим другом. У меня... другая схема, — сглатываю комок в горле.

— Ресторан, роза, неуместные комплименты, — рубит, словно ножом Лея.

— Да, — говорю приглушенно. — У меня было конкурентное преимущество — должность. Обычно, этого было более, чем достаточно. В купе с нехитрым ухаживанием срабатывало неплохо.

— Зачем? Почему вам это было нужно?

— У каждого своя причина. У Че — желание мести всем представительницам женского пола за несчастную первую любовь. У меня — нежелание чего-то большего. Это сложно понять, но я никогда не хотел отношений. Ещё в юности, смотря на брак моих родителей, на болезненную привязанность отца к матери и ее постоянное стремление втоптать его в грязь, я точно решил: не хочу быть от кого-то зависимым. Поэтому всегда выбирал самый лёгкий способ взаимоотношений: без обязательств. Мне казалось это правильным. Самой честной схемой отношений.

— Но девушки так не считали...

— Я никому ничего не обещал. Никогда. Ни разу не говорил, что хочу от них что-то больше, чем одна ночь. Но многие... додумывали сами. Мне это казалось даже забавным. Кто-то принимал последствия спокойно, кто-то бесился, были и скандалистки. Но все они знали, на что идут, когда после пары встреч соглашались ехать со мной в квартиру, все добровольно раздевались, добровольно делали первый шаг. Не моя вина, что они рассчитывали на продолжение.

— Звучит все равно мерзко, — холодно говорит Лея.

— Возможно. Просто... это был единственный приемлемый вариант для меня. Если девушка задавала вопросы, я всегда был честен и говорил, что ей не на что рассчитывать. Но на удивление мало кто их задавал.

— Я задала, а ты обманул. Сказал, что мне не что надеяться, а потом, что передумал. Почему солгал мне?

— Это была не ложь. То есть... возможно, частично. На тот момент я уже понял, что не в силах себя остановить, но ещё не понял, что готов на что-то большее. Я попросил Руса остановить игру. Мне казалось, этого будет достаточно, чтобы успокоить свою совесть. Он не послушал. Тогда я решился дать шанс... нам. Не думал, что из этого что-то выйдет, не

надеялся, когда соглашался на это твое: давай узнаем друг друга получше. Но это сработало. Я сам не понял когда, но это начало работать. Впервые в моей жизни.

— Я не понимаю.

— Все было по-настоящему. Пусть началось из-за глупого соревнования, но все что было после того разговора в моем кабинете — настоящее. И в тот день, когда ты подарила мне запонки, я понял, что дороги назад нет. Это было болезненное осознание, словно все мои кости сломали, и они пытались срастись заново. Я понял, что придется во всем признаться Русу. Всем. И что когда-нибудь придется признаться тебе. Хотя я бы сделал что угодно, лишь бы ты никогда этого не узнала. И когда я подумал, что ты все узнала и решила мне так недостойно отомстить... Боже, я не знал, чего хочу больше: убить тебя или молить тебя о прощении. Но в итоге не сделал ничего из этого. Просто отпустил. Ты разочаровалась тогда во мне, я в тебе, никакого будущего больше быть не могло. В моих глазах была теперь только девочка, которая из чувства мести решила на мошенничество. Я не хотел ее знать. И чувство вины, что именно я сделал это с тобой, отравило все годы после.

Я заканчиваю, и между нами повисает тягостное молчание. Лея смотрит на свои руки, добела сжимающие кружку с нетронутым чаем. Я жду ее реакции на мое признание.

Я буду ждать сколько нужно.

Глава 54. Алиса

Я уже знаю, какую власть имеют слова. Они могут вознести тебя до небес или разрушить твою жизнь. Так уже было однажды.

И вот опять.

Что мне делать с этим его признанием? Разве стало лучше, легче теперь? За столько лет я научилась жить с горькой правдой, научилась направлять свой гнев и обиду в нужное русло. Благодаря тем словам, много лет назад, у меня появилась цель, я точно знала, чего хочу и упорно к ней шла.

А он пришел и снова перевернул все с ног на голову.

У меня же был план. Через два дня должна была начаться моя новая прекрасная жизнь, где больше не будет бессонных ночей, сгрызающего меня чувства ненависти, испепеляющей жажды мести. А что делать мне теперь, а?

Я злюсь на него. Снова. Потому что опять оказалась в эмоциональной ловушке. Потому что сердце так громко стучит от этого его: все было по-настоящему. Потому что не прошло и часа, как я умирала от его нежных поцелуев, хотела их, дрожала от переполняющей меня эйфории. Господи, дай мне знак, как быть теперь?

— Мама! — разносится звонкое в дальней комнате.

Я подскакиваю с места и несусь к сыну, даже не взглянув на мужчину напротив. В темной комнате, освещенной лишь маленькой настольной лампой, мой ребенок плачет. Сидит в кровати весь мокрый и дрожит.

Я сажусь рядом, убираю прилипшие к его лбу пряди и поглаживаю по спине.

— Что случилось, милый?

— Мне страшно.

— Чего ты испугался?

— Бабушка Грейни...

— Какая бабушка? — недоумеваю я.

— Я смотрел плохой мультик на Ютубе. Только деду не говори. Он будет ругаться.

Матвей укладывается на постель и прижимается головкой в моим коленям.

— Не уходи, мам, вдруг, она снова придет.

— Помнишь, я тебе рассказывала, что монстров не существует. Что их придумали люди, чтобы пугать других людей.

— Но ты все равно никуда не уходи, — шепчет малыш, вкладывая ладошку в мою руку. — И поддержи меня за ручку.

— Хорошо, милый.

Я глажу его по голове и спине, пытаюсь снова усыпить. Укладываюсь рядом и вглядываюсь в маленькое личико. Сейчас, когда глаза Матвея закрыты, можно легко представить, что он только мой сын, что его отца вообще не существует, что мы вдвоем в этом мире. Но я-то знаю правду. И осознание, что мужчина, сидящий сейчас в паре стен от нас, даже не подозревает о принадлежности к этому ребенку, сковывает ужасом.

Если я позволю остаться ему в своей жизни, он обязательно все поймет. Как вообще можно было не понять все с первого взгляда? Почему он даже не предположил, что это его сын? А может, подумал об этом, но так испугался, что предпочел не знать правду?

Во мне снова закипает гнев. И гнев — это хорошо, это знакомо, это безопасно, я знаю,

как с ним справляться. Куда хуже та смесь из непонятных чувств, которую вызвал у меня недавний разговор. И поцелуи.

Лёгкая дрожь снова пробегает по телу, вызывая мурашки. Матюша уже крепко спит, о чем говорит приоткрытый ротик и ослабевшая в моей ладони ручка. А я все никак не соберусь с силами, чтобы встать и вернуться к мужчине, который только что перевернул мой устоявшийся мир наизнанку.

Я прикрываю глаза, пытаюсь справиться с собой, снова взять в руки, проанализировать каждое сказанное им слово. И незаметно засыпаю.

Просыпаюсь резко, как от толчка, и сажусь в кровати. Сколько прошло времени? Кидаю взгляд за окно — там по-прежнему темно. Может, прошло пару часов, а может, минут. Я провалилась даже не в сон, а в темную бездну без сновидений. Саша все еще здесь? Прислушиваюсь к звукам в квартире — тишина. Встаю с кровати, касаюсь холодного пола голыми ногами и аккуратно выхожу из комнаты.

Бесшумно передвигаюсь по квартире, ожидая, что сейчас увижу пустующий стул на кухне. Но нет. Александр все ещё здесь. В его руках та же кружка с чаем, а перед глазами смятый листок с его "схемой". Глаза замерли на этой салфетке, брови сошлись на переносице.

Останавливаюсь в дверях, прислонившись к косяку и сложив руки на груди. Решение в моей голове, так и не созрело. Слов для него тоже нет. Разве что:

— Тебе пора.

Александр вскидывает голову и впивается в меня своим пронизывающим взглядом. Да, за столько лет ничего не изменилось, от этих глаз вновь дрожь по телу.

— Мы не договорили, — твердо говорит он.

— Договорили. Я услышала тебя, ты узнал все, что хотел. Тебе пора.

— Это все, что ты хочешь мне сказать?

— Я не прощаю тебя, — сухо говорю я. — Теперь все. Я закрою за тобой дверь.

Он встаёт из-за стола, хватая бумажку и запикивает в карман джинсов.

— Я приду завтра. Мы же не оставим всё так, нужно разобраться с теми, кто это сделал.

— Ты все сделал сам, Саш, — устало выдыхаю я. — Кто-то знал тебя достаточно хорошо, чтобы сыграть на твоих слабостях. Из-за тебя и я попала под удар.

— Я знаю, но...

— И я не буду забирать свое заявление, ты заслужил все, что происходит с тобой сейчас. Считай, что это запоздавшая карма. Надеюсь, я... мы... больше не приходи, ладно? Дай мне, наконец, жить дальше.

Я поворачиваюсь в темноту коридора и иду к входной двери. За мной слышатся приглушенные шаги, так я понимаю, что он идёт следом. Возле самой двери мужские руки обхватывают меня и прижимают к сильному торсу спиной. На макушке я чувствую теплое дыхание, и тело снова бунтует против сознания.

— Не отпущу тебя, понимаешь, — горячо шепчет Саша. — Все изменилось. Я совсем другой человек. Ты тоже. Но между нами ничего не кончено. Мы можем...

— Не можем! — громко говорю я.

— Я все выясню, я все исправлю, — будто не слышит он меня.

— Мне все равно!

— Начнем с того, на чем закончили, нет, с начала! — его голос почти безумен, руки гладят мой живот, разнося тепло по коже, губы почти касаются шеи. Я боюсь сдаться.

Я боюсь, боюсь, боюсь.

— У меня есть мужчина, — выпаливаю я.

Чувствую, как Александр каменеет позади меня, застывает от этих слов.

— Я люблю его. Очень, — я не лгу, Матвей — самый главный и любимый мужчина в моей жизни, хоть и совсем ещё маленький.

— Он знает, что ты спала со мной всего несколько дней назад? — Саша выплевывает эти слова ядом, убежденный, что я совсем не о сыне говорю.

Отступает чуть назад. Разворачивает меня в своих руках. Наверное, хочет заглянуть в мои глаза, но тут так темно, что это невозможно. И слава богу.

— Нет. И никогда не узнает. В понедельник я уволюсь и вернусь к нему. Я уеду навсегда.

Эти слова производят эффект взорвавшейся бомбы. Александр рычит, и его кулак сталкивается со стеной у меня над головой. "Черт!" — шипит он. Затем разворачивается, дёргает дверь и вылетает из квартиры.

Я слышу его быстрые шаги по лестнице, и как хлопает дверь подъезда.

Прикрываю глаза и убеждаю себя, что все сделала правильно. Нет никаких шансов на счастливый исход для нас двоих. И я должна думать о сыне, он важнее всего.

Ему не нужен такой отец. Он отравит его своим ядом.

Глава 55. Александр

Я заебался.

Сажу в темноте, плююсь в окно. На столике передо мной бутылка из сокровенного офисного запаса и пачка сигарет. Обе не тронуты.

Тошнит. Крутит. Выворачивает. Хотя пока не пил.

Заебался.

Но все равно достаю из кармана салфетку с наброском. Она поистрепалась — не лучший материал для важной схемы, но основная мысль все равно ясна. Вскликаю, как ужаленный, роюсь в тумбе в прихожей, достаю старый нетронутый ежедневник. Щелчок. Загорается верхний свет.

Я морщусь, но все равно продолжаю копаться в ящике в поиске ручки или долбаного карандаша. Должно же здесь быть что-нибудь. С победным окриком, почти безумным, выуживаю старую шариковую ручку и несусь обратно в гостиную. Сметаю со столика непечатую бутылку прямо в мусорку, туда же летит пачка сигарет. Хотя, подумав секунду, сигареты вынимаю, достаю одну — последнюю, клятвенно себя заверяю — и прикуриваю. Склоняюсь над блокнотом и вместе с глубокой затяжкой в очередной раз вывожу уже обросшую деталями схему.

Я должен все выяснить. Если не ради нее, то ради себя. Она идет дальше, ей есть ради кого. Мне же остаётся только это. Хотя бы в одной сфере моей жизни я должен разобраться, иначе просто сойду с ума.

Три имени, жирно обведенные в кружки, режут глаза. Ни у кого из этих людей я не вижу прямого мотива и, откровенно говоря, сильно сомневаюсь в их интеллектуальных способностях. Но как показала жизнь, нельзя недооценивать женщин. Лея-Алиса продемонстрировала это очень ярко.

На секунду прикрываю глаза и в голове снова мелькает любимое лицо — сначала мягкое и светлое, потом холодное и жесткое. Неприятно сжимает грудь. Две совершенно разные женщины — одна и та же девчонка внутри. Она провернула почти гениальную схему — четко спланированную, выверенную до деталей — подгоняемая лишь чувством мести. Мог ли я представить такое пять лет назад при первой встрече в лифте, когда смеялся над неуклюжей блондинкой?

Вот и сейчас, смотрю на три имени перед собой и не понимаю, может ли кто-то из них быть гениальным планировщиком. А может, есть теневой игрок? Кто-то за спинами этих людей, кого не видно, но имеющего мотивы?

Мотивы.

Пожалуй, с этого и надо начинать. Понять, кому было выгодно подставлять конкретно Лею и выставлять ее для меня в невыгодном свете. Кто знал меня настолько хорошо, чтобы понять, как я буду действовать.

И есть одна деталь в моих воспоминаниях, которая кидает подозрение на вполне конкретного человека из списка передо мной. Но доказательства — штука весьма строптивая, их не просто добыть.

Набираю единственного человека, которого могу считать союзником в этой борьбе. Не помешает мозговой штурм.

— Блять, — слышится в трубке. — Яковлев, ты по какому режиму вообще живёшь?

— Круглосуточный мозгоебизм называется. Нужна помощь.

Тяжёлый вздох наполняет телефонную тишину, слышится шорох и тихие ругательства.

— Перезвоню тебе.

Через пару минут в трубке раздаётся тяжёлое:

— Куда подъехать?

Спустя час на пороге появляется Рус. Рожа помята, взгляд из разряда "втащу тебе в следующий раз".

— Как жена? — проявляю чудеса приветливости.

— Пока не родила, — бурчит Че, разуваясь.

— Ты же ее вчера в роддом грозился сдать.

— Прикинь, ей отец палату предродовую выбил, чтоб за ней присматривали перед родами, а она "не поеду, там вай фая нет". Теперь я три раза за ночь вскакиваю в поту, ожидая, когда ее везти будет пора, — он говорит это себе под нос, словно и не для меня вовсе, а так, в очередной раз повозмущаться. — Говорит, достал ее уже, чтоб свалил и дал ей нормально спать. У тебя что? — наконец обращается ко мне.

— Мошенничество, подставы — ничего нового. Но нужна помощь.

— В два часа ночи? — скептически спрашивает он.

— Чем раньше, тем лучше.

Мы проходим в гостиную, Рус скептически оглядывает пепельницу на столе с окурками — одной не обошлось, признаюсь, — бутылку в мусорке и испещренный записями блокнот.

— Есть новые вводные?

— Скорее хорошо забытые старые. Хотя и без новенького не обошлось. Помнишь Вику из корпоративного?

— Спустя пять лет?

— Я надеюсь на твою уникальную память на лица. Лея сказала, что она была одной из наших девочек и досталась она тебе, — заглядываю в блокнот, чтобы прочесть полное имя. — Виктория Кот.

— Кот. Ну да, что-то всплывает. Но смутно. Обычная девчонка, сошлись — разошлись без скандалов. Нечего даже вспомнить. Она имеет значение?

— Она сказала ввести Леи те договоры задним числом.

— Она еще работает в конторе?

— Понятия не имею. Я даже не помню, как она выглядит.

Снова тянусь к сигарете. Рус повторяет мои действия. Комната наполняется дымом, иду открыть окно. Ночной сентябрьский воздух проникает в квартиру и немного охлаждает мысли.

— Думаешь, она провернула такую схему из мести? — наконец говорит Че.

— Сомнительно, недостаточно мотива для той, с кем "сошлись-разошлись без скандала". Хотя я уже ничему не удивлюсь. Но она могла быть невольным помощником. Или целенаправленным соучастником.

Снова берусь за ручку, вывожу рядом: "работает?".

— Кто ещё в списке подозреваемых?

— Карина...

— Твоя стокилограммовая помощница? Ты же ее иначе, как преданным ротвейлером не называл. У нее-то какие мотивы?

— Думаю, она тоже из разряда: невольный помощник или целенаправленный

соучастник. Это выяснить не составит труда.

— Тогда кто же главный подозреваемый? — Рус тушит окурок и вглядывается в схему. На вершине пирамиды по-прежнему лишь одно имя. — Камилла?

— Помнишь ее? — всматриваюсь в лицо друга.

— А то! Она же ещё одна твоя верная собачонка. Бесконечно липла к тебе, хотя, насколько помню, у тебя с ней ничего не было.

— Было, — выдыхаю дым, тушу сигарету. — Задолго до твоего прихода был очень короткий роман. Пару встреч, до секса не дошло, я узнал, что она замужем и беременна. Она ушла в декрет, вернулась, и мы сохранили легкие приятельские отношения. А потом... после истории с Леей, был тяжелый период, она поддерживала. И я позволил себе ни к чему не обязывающую связь. Проверили на прочность мой рабочий стол, потом ее, потом я сказал, чтобы шла к семье, продолжения не следует. The end.

— Интересно, — щурится Че. — Не плохое выходит кино. Но опять же, недостаточно мотива для обиженной женщины. Ведь все случилось уже после.

— А что если, и сейчас будет притянуто за уши, это и было целью? Ну, помимо отмывания бабла.

— Что именно? Потрахаться с тобой? Не льсти себе, Яковлев.

— Она ни раз пыталась перевести наши отношения в другую плоскость.

— Хотела заарканить тебя? — приятель выгибает бровь.

— Не знаю. Бред, да?

— Ну, так себе мотивчик. Скорее я поверю, что она просто умная хладнокровная сука, желающая навариться. Вообще, у нее, может, и не было такого уж явного мотива убирать Лею, но явно были возможности.

— Да, я тоже об этом подумал. Она хорошо знает процедуры, имеет доступ к базам, архиву и контакты контрагентов. Если кто и мог красиво повернуть такое дело, то она.

— Ну, допустим. Но прямых доказательств у тебя нет. А ворошить кучу говна палкой — так себе идея. Сам провоняешь, всех разозлишь, а толку...

— Спасибо, мастер аллегии, а то сам бы я не понял, — огрызаюсь на друга, откидываюсь на диване. — Здесь нужен более тонкий подход.

— Есть план?

— Очертания.

— Я тебе нужен?

— Ты — главное действующее лицо!

Глава 56. Алиса

В своей голове я составляю план. Там пока всего три пункта:

- уволиться;
- собрать вещи;
- быть счастливой.

Последний — самый важный.

В воскресенье, пока отец отсыпается после грандиозного праздника, мы с Матвеем продолжаем свое путешествие по памятным местам Москвы. Вполне возможно, что это самая последняя прогулка по родному мне городу. Через пару дней я покину его, оставив в нем все тяжелые воспоминания и свое незаживающее сердце. И это к лучшему.

— Мам, а можно я останусь с тобой? — спрашивает сын, когда мы выходим из метро. Он смотрит своими огромными яркими глазами, и мое сердце щемит от переизбытка чувств.

— Через несколько дней я сама к тебе приеду, милый, — крепче сжимаю его маленькую ладошку. — Насовсем.

— Давай поедem вместе! Не хочу завтра в садик. Хочу остаться с тобой.

— Мне нужно на работу...

— Я пойду с тобой! Я не буду мешать, обещаю. Спроси деда — я никогда не мешаю.

— Посмотрим, — улыбаюсь ему.

Я тоже хочу провести с ним больше времени. Мы могли бы завтра быстро заскочить на работу, а потом целый день гулять. Я так и не сводила его в парк Горького, не показала, где провела свое детство. Потом вместе соберем мои вещи. Будет очень здорово.

— Скажи да, скажи да! — скачет возле меня сын.

— Ладно, — сдаюсь я. — Но ты должен будешь вести себя хорошо.

— Обещаю, обещаю, — радостно голосит он.

И видеть такую неподдельную радость — самая ценная награда.

Вечером, перед отлетом отца, пока Матвей возится с купленным сегодня планшетом, мы обсуждаем то, что произошло вчера.

— Ты сказала ему? — в глазах отца неподдельное беспокойство.

— Нет, конечно.

— Зачем он вообще приходил?

— Хотел, чтобы я забрала заявление. Потом, чтобы выслушала, потом, чтобы помогла.

— Ещё чего! — фыркает папа. — Ты сказала ему куда идти? Пригрозила отцом с двустволкой?

— Пап, у тебя же нет оружия, — смеюсь я.

— А он этого не знает! Надеюсь, он больше сюда не явится.

— Не беспокойся, он не придет, — тихо говорю я.

— Лея, ты же не поддавалась на его фальшивые заверения? Или он угрожал?

Папа внимательно всматривается в мое лицо, от него ничего не скроешь.

— Нет, он не угрожал. Но сказал кое-что... Он был убедителен.

— Дочь, посмотри на меня, — строго говорит он. — Сердце с головой могут быть не согласны, но последняя всегда будет права, понимаешь? У сердца нет глаз, оно не способно анализировать, и оно не слышит правды. Доверяй только своей голове.

Теплая ладонь ложится на мою, слегка шершавая кожа согревает, дает необходимую

сейчас уверенность.

— Он не подставлял меня, — зачем-то пытаюсь оправдать Александра в глазах отца.

— Вот как, — снисходительный наклон головы. — И кто же тогда?

— Не знаю. Но он выяснит, — уверенно говорю я.

Следует тяжелый вздох. Отец встает и наливает воду в чайник.

— Ты все еще очень доверчива. Наверное, это моя вина, хотел, чтобы ты выросла доброй и искренней и не думал, что этим будут пользоваться.

— Пап, проблема не в том, как ты растил меня, а в том, что других было некому воспитать правильно.

Я тоже встаю и обнимаю отца со спины. Прикладываюсь щекой к его плечу, глубоко вдыхаю родной запах.

— Все будет хорошо. Мы с Матвеем приедем через несколько дней, и все станет как прежде. Нет, лучше. У меня уже руки чешутся испытать новые сорта клубники.

— Ага, знаю я твои испытания — в рот и все дела! — смеется он.

— Это называется дегустация!

— Это называется обжорство!

— Все будет хорошо, пап. Обещаю, — шепчу ему в спину.

— Я знаю, — сжимает мою ладонь.

Утро понедельника выходит очень волнительным. Странно, но после разговора с Александром я растеряла всю уверенность. Меня гложет чувство вины за то, что я сделала, кажется, неправильным лишать его работы за дурацкие любовные игры. Но будет глупо сейчас отступить, да? И десятки других девушек не согласились бы сейчас с моим приступом благородства.

И все же, когда я приезжаю к офису "Маффина" за руку с сыном, грызущее чувство внутри не утихает. В отделе по работе с персоналом меня встречают пренебрежительные взгляды, только подтверждающие, что мне здесь не место. Никогда не было.

Валентина Николаевна смотрит на меня почти с ужасом, когда я озвучиваю свое желание уволиться.

— И к чему был весь этот цирк? — прямо спрашивает она, пронзая своими холодными глазами.

— Это была месть, не больше, — откровенность за откровенность. — А сейчас я бы хотела написать заявление и расстаться с вами в ближайшие три дня.

— А отрабатывать ты не собираешься, дорогуша? — зло шипит она.

— Я на испытательном сроке, не нужно думать, что я идиотка. Я знаю свои права.

— Бери листок и ручку. Приказ на увольнение Александра Германовича и письмо с характеристикой, я так понимаю, тебе уже не нужны?

— Оставьте себе, на память.

Присаживаюсь за стол для посетителей рядом с сыном, который с интересом прислушивается к нашему разговору, и приступаю к заявлению.

— Так ты собираешься судиться с ним? — как бы, между прочим, спрашивает эйчар через пару минут тишины.

Я знаю, что это за вопрос, и к чему приведет мой ответ. Это тот самый момент, когда я должна принять для себя решение, дать отцу моего ребенка шанс вернуть свою работу или нет. И, не смотря на все противоречия внутри, я уже давно приняла это решение.

— Нет. И никогда не собиралась.

Кладу перед Валентиной Николаевной два заявления — одно на увольнение, другое на неоплачиваемые отгулы — и поворачиваюсь к сыну.

— Пошли, Матюш, — протягиваю ему руку.

— В среду к двенадцати за трудовой и приказом, — холодное в затылок.

— Я приду.

Как только покидаю здание, обруч, сжимающий легкие, наконец, спадает, и я делаю глубокий вдох облегчения. Смотрю на сына и улыбаюсь. Он не должен заметить, как меня трясет.

— Ну что, в парк?

— Ага! — радостно говорит он.

— Лея, привет! — доносится справа.

Поворачиваюсь и вижу перед собой глубоко беременную жену Руслана. Она выглядит ещё больше, чем при нашей последней встрече и ещё счастливее.

— Привет! — искренне улыбаюсь я.

— Как дела? — ее добрые зеленые глаза перемещаются от меня к сыну и обратно. Потом снова к сыну.

— Хорошо, — говорю преувеличенно-радостно, желая отвлечь от столь пристального разглядывания Матвея.

— Я слышала, что произошло, — доверительно говорит она. — Рус рассказал. Он здесь, кстати, а я так, за компанию. Врач говорит, надо двигаться, чтоб ускорить процесс, уже переживаю, — она кладет руки на живот и слегка поглаживает его.

Меня умиляют эти действия. Я понимаю их суть и эмоциональную подоплеку. Мне хорошо знакомы эти ощущения.

— Кого ждете?

— Мальчика, — она расплывается в очередной улыбке. — А твоему сыну сколько?

Мне не хочется отвечать, не потому, что этот вопрос некорректный или раздражающий. Просто он опасный. А я должна защитить Матвея.

— Мне четыре, — выдает дитя, видимо недовольный тем, что мама молчит.

И показывает ладошку с согнутым большим пальцем.

— Совсем большой, — мягко говорит она ему. — Какие красивые у тебя глаза! — и смотрит на меня.

Я бледнею, ощущая, как кровь отлила от лица. Конечно, она заметила. Со стороны это очевидно, как то, что сейчас день.

— Нам пора, — пытаюсь закончить разговор, который ни к чему хорошему не приведет. — Была рада увидеться.

— Я тоже, Лея. И удачи тебе.

— И тебе.

Мы с Матвеем разворачиваемся в сторону метро, я почти бегу, крепко держа сына за руку. Пытаюсь обогнать стук своего сердца и свой собственный страх.

«Она все поняла. Она все поняла» — бьется в голове, терзает каждую клетку. Возможно, прямо сейчас она говорит об этом мужу, а тот звонит Александру. У меня совсем мало времени.

Вместо прогулки по парку мы идём собирать вещи и спустя несколько часов входим в зал аэропорта.

Матвей злится на меня, потому что очень хотел еще погулять по большому

заораживающему городу, и я вру ему, что мы обязательно сделаем это в следующий раз.
Это для его же блага. Я спасаю нас.

Глава 57. Александр

Рус не в восторге. Меряет шагами комнату, тянется к очередной сигарете. Я просто жду его решения. Если он не согласится, придется искать другие пути, выискивать обходные дорожки, задействовать не столь надежных людей.

И тратить драгоценное время.

То, что оно драгоценное, я чувствую каждой клеткой, каждым нервом в истерзанной душе. Внутри полный раздраз, никак с собой не совладать. Точно знаю только одно: я должен знать, кто это сделал, должен разобраться с тем или теми, кто взял на себя роль вершителя судеб. Наказать. За Лею. За себя. За то, что так и не случилось между нами.

— Допустим, я смогу пройти к вам в архив. С чего ты взял, что ваша Горгона сделает то, что я прошу, — наконец, заговаривает Рус.

— Надежда Евдокимовна женщина, хоть и устрашающая, но широчайшей души. Когда она узнает, что это для меня — сделает все.

— Фу, Яковлев, просто фу, — он выпускает очередную сизую дымку и тушит окурок. Пепельница уже заполнена до отказа нашими многочасовыми думами.

— Ты везде видишь разврат? То, что я могу просто нравиться, как человек, тебе кажется из разряда фантастики?

— Не вини меня, я делаю огромные деньги на разврате. Я вижу его везде и в каждом. Плюс, слишком хорошо тебя знаю.

— Скорее не достаточно. И что за история с деньгами за разврат?

Подаюсь немного вперед, устало потирая шею сзади.

— Забудь, — отмахивается приятель и присаживается напротив. Берет в руки ручку и продолжает. — Лучше давай ещё раз повторим, какие документы и за какой период тебе нужны?

— Э нет, погоди, ты меня заинтриговал. Так что за история?

— Так, небольшой семейный бизнес, — лыбится он.

— Если это хоум видео, то я требую себе копию! — ржу над нервным идиотом напротив. Что за бизнес он успел замутить?

— Да заткнись ты.

— Нет, серьезно, так и представляю твою Мышку с ушками и таким специфическим хвостиком...

Не могу остановиться. Честно. Это, наверное, нервное, но мне просто жизненно необходима разрядка.

— Ты, видимо, хочешь ещё пять лет со мной не разговаривать, — бурчит друг, поджимает губы.

— Ой, да расслабься, я не претендую. Ты же знаешь, в моей голове сейчас только одна женщина.

Одна вспышка воспоминаний тянет за собой другую, потом третью, а за ней целую череду, пока не достигает финальной "у меня есть мужчина". Острый нож проворачивается в груди. Снова. Это когда-нибудь притупится?

— У нее ребенок, я не говорил?

— У кого? — Рус озадачен.

— У Леи. Сын. Её копия.

— Так она замужем?

— Не знаю. Думаю, нет. Но кто-то всё-таки есть.

Сцепляю пальцы в замок на шее, глубоко выдыхаю. Говорить об этом ещё хуже, чем думать.

— Я сейчас задам идиотский вопрос: ты любишь ее?

Дебильнее не придумаешь.

— Я не знаю, — тихо говорю я. — Не знаю. Я вообще не знаю, как выглядит эта любовь. С чем ее едят. Как она отзывается.

— Если бы это была любовь, ты бы точно знал, что это она, — глубокомысленно говорит Че. — Я всегда знал, что люблю Мышку. С первого дня и даже после нашего расставания. Даже когда ненавидел ее, знал, что люблю. И когда увидел через годы ничего, ни единой эмоции не поменялось. Меня ломало рядом с ней, без нее, вместе с ней. Круглые сутки, каждый долбаный час. Я всегда знал.

— Ха, звучит довольно просто. Почему же у меня ни хрена не так?

— Есть только два варианта: либо это не она, либо ты долбаный идиот, который боится себе в этом признаться. В общем-то, всё.

— Ты с каких пор стал таким всеведущим гуру?

— Когда женился. О! — друг многозначительно поднимает шариковую ручку. — Есть еще один безошибочный принцип: вместе люди должны становиться лучше. Если это не так — говно это, а не любовь.

— Че, ты ебучий гений, мастер Йода в сравнении с тобой просто отдыхает.

Меня поражают его слова. Буквально переворачивают в голове каждую мысль, встряхивают, перекраивают, ставят в нужные пазы. Рус даже не представляет, насколько точно попал в цель. "Становиться лучше" — так просто. Может, я и не становлюсь другим, вообще не уверен, что это возможно, но мне всегда лучше рядом с ней. Будь она солнечной Леей или холодной Алисой, моя душа всегда светлеет в ее присутствии. Я словно наполняюсь жизнью, смыслом. Мне все видится другим, не таким мрачным и безнадежным что ли. Не таким... бессмысленным. Боже, она нужна мне.

За этим и нужны друзья, да? Вставить мозги на место, когда сам не справляешься? И какой я придурок, что сам лишал себя этого много лет.

— Это который из "Звездных войн"? — подаёт голос Че. — Все, дальше можешь не продолжать, все с тобой понятно. Если ради нее ты, чертов прагматик, засел за фантастику...

Русу даже продолжать не нужно. Лея все во мне изменила еще тогда, пять лет назад. Какой идиотизм скрывать это от самого себя! Какой бред снова бояться!

Хрен я ее отпущу, и мне плевать на то, что она сказала. Больше я не струшу.

На следующий день Рус отправляется в "Маффин", искать нужные мне документы и делать скрины. Я вылавливаю мою верную Карину, чтобы допросить ее с пристрастием. И к концу понедельника у меня на руках такие карты, что Агата Кристи нервно курит в сторонке.

Вот это, мать его, поворот.

Глава 58. Алиса

Дни на ферме пролетают очень быстро. Об этом может сказать каждый землевладелец. Я уже и забыла, каково это: вставать с рассветом, каждый вечер ужинать в кругу семьи и смеяться. Забыла, что такое теплый свежий воздух, заполняющий волосы песком, и жаркие лучи солнца, оставляющие отметины на коже.

Я забыла, что значит быть счастливой.

Уже неделю я вожу сына в садик и сама его забираю. Неделю мы проводим каждую свободную минуту вместе. Неделю я чувствую себя настоящей матерью. И мое самобичевание на этот счёт, годами возвращенное отсутствием рядом с Матвеем, пока он растет, начинает стихать.

Сегодня какое-то особенное утро. Обычный будний день, солнце только показалось из-за горизонта, за домом уже слышны голоса рабочих, приступивших к сбору очередной партии ягод, а я улыбаюсь своему отражению в зеркале. Из него на меня смотрит уже не Алиса.

Хотя ещё и не Лея.

Возможно, Лея никогда полностью и не вернется, она так давно в спячке, что уже и не вспомнить, какой она была. И то, что я вспоминаю о себе прежней в третьем лице, говорит ярче любых отражений в зеркале. Волосы снова начали виться. Пока еле заметно, но без ежедневных многочасовых процедур со специализированными шампунями, сыворотками и утюжком, ламинирование растеряло свой эффект. И мне это нравится.

Так я чувствую себя более свободной что ли. Никакого слоя штукатурки на лице, никакой вульгарной помады, стягивающей кожу губ, никаких тесных костюмов и убийственных каблуков. Только я.

— Мам, — доносится с кухни, и моя улыбка становится шире. Новый ежедневный ритуал — совместный завтрак, к которому Матвей относится с особой серьезностью. Не удивлюсь, если на столе меня ждет очередной шедевр из рук деда и внука. Они меня балуют.

В джинсовых шортах и простой майке кажется уже прохладно, и я достаю из шкафа яркий бомбер. Улыбаюсь еще шире, потому что теперь снова похожа на девчонку, едва закончившую институт. И это мне тоже нравится.

— Ну, что у нас на завтрак сегодня, джентльмены? — смеюсь я, усаживаясь за стол.

В садике сын сейчас изучает Великобританию, и дома мы стараемся закрепить знания, полученные в дошкольном учреждении.

Папа с Матвеем стоят возле плиты и что-то там накладывают по тарелкам, тихо перешептываясь. Они не перестают меня удивлять. Я в готовке так и не преуспела, хотя отец пытался меня приучить к этому делу. А вот Матюша — совсем другое дело.

— Овсянка, сэр, — помпезно выводит сын, ставя передо мной тарелку с кашей.

Я смеюсь, потому что это явно дед его надоумил, и потому, что "р" у сына категорически не выходит и получается очень забавно.

— Должна сказать, мистер, у вас вышло не хуже, чем подают в самой Англии!

— Ты была в Англии? — округляет глаза Матюша.

— Не была, но уверена, так оно и есть!

И я совсем не лукавлю, потому что моя тарелка выглядит как образец искусства. Тонко нарезанная клубника, несколько ягод черной смородины и мазки меда сверху. Неужели это

все сделал Матвей?

Я выразительно смотрю в тарелку к отцу, но там такой красоты нет.

— Не смотри так на меня, — говорит папа. — Свою порцию я ему на растерзание не дал!

Папа терпеть не может мед. Да и овсянку предпочитает не сладкую.

— Ну и многое потерял! — подмигиваю сыну, достаю телефон и фотографирую очередной шедевр от Матвея.

Это мое новое маленькое хобби — фиксировать каждую деталь своих радостных будней.

После завтрака мы с Матвеем берём машину деда и едем в сад. Я получила права много лет назад, но ездить решаюсь только здесь по пустынным дорогам нашего маленького хутора.

— Мам, а когда мы снова в Москву поедем? — задает неудобный вопрос сын. Смотрю в зеркало заднего вида, встречаюсь с ним взглядом.

— Пока не знаю, милый. Тебе там понравилось?

— Ага.

— А что больше всего?

— Метро!

— Почему? — удивляюсь я. Ведь были на ВДНХ и в зоопарке, было чем впечатлиться.

— Там очень красивые росписи на потолке. И колонны. А еще поезд очень быстро едет и так в ушах свистит! Покатаемся там снова, когда поедем?

— Конечно, милый, — я обещаю, но снова обманываю.

Хотя, как знать, может, когда история поутихнет, я и решусь навестить столицу снова. Ради сына.

Мы приезжаем в сад уже после утреннего приема пищи, и Матвей сразу направляется на прогулку в группу. Воспитатель улыбается мне и кивает в приветственном жесте. Я задерживаюсь у входа в сад на минутку, чтобы посмотреть как сын обещается с другими детьми и, убеждаясь, что ему здесь хорошо, возвращаюсь в машину.

Обратной дорогой не спешу. Включаю радио погромче и с радостью подпеваю русским хитам. Вдоль дороги высажены арбузные полосы, а на трассе, через которую я сворачиваю к нашей ферме, стоят лотки с уже зрелыми полосатыми ягодами. Для своих — за копейки.

Я останавливаюсь взять один к обеду, все же даже любимая клубника приедается. А так можно сделать освежающий смузи. Представляю, как растянусь за домом на шезлонге с высоким холодным стаканом в руке и книгой. Надо бы уже вливаться в работу и помогать отцу, но он пока не настаивает, а я чувствую, что мне необходим небольшой отпуск.

При подъезде к ферме замечаю незнакомую черную машину, кричащего отца и высокий темный силуэт его собеседника. И хотя человек стоит ко мне спиной, а его одежда совсем не привычна, все во мне сжимается от знакомого чувства. Я узнаю его из тысячи.

Он приехал.

Он нашел меня.

Отпуск закончился.

— Как ты нашел нас? — спрашиваю онемевшими губами.

Вглядываюсь в хорошо знакомое лицо, ищу на нем ответы на вопрос: чего же ждать? Но его глаза, которые я научилась, как мне думается, уже неплохо читать, спрятаны за темные стекла солнечных очков, а по каменному лицу ничего не понять. Сердце бьётся очень громко, но я не чувствую страха, с которым покидала столицу всего неделю назад. Может, я смирилась с тем, что этот момент наступит?

— Ты оставила адрес в отделе кадров, чтоб тебе выслали трудовую.

— А разве это законно, передавать личные данные сотрудников сторонним лицам?

— Вряд ли можно считать сторонним лицом нового генерального директора компании.

— О! — только и вылетает из меня.

Мы замолкаем, всматриваясь друг в друга сквозь толщу темных линз. Неожиданные новости.

— Поговорим? — Александр не требует, он просит. Это что-то новое в его интонации, трепетное, вызывающее эмоции, которые я не хочу возрождать.

— Ну, уж нет, приятель, — вклинивается отец, стоявший до этого в стороне и давший мне возможность разобраться с незванным гостем самой. — Ты на частной территории и тебе здесь не рады.

— Пап, — оборачиваюсь к отцу, смотрю на него долгим взглядом. — Я поговорю.

Папа вздыхает, хмурится, явно хочет сказать что-то еще, но просто разворачивается и идёт к воротам. За секунду, до того, как скрыться, отец выдает:

— Надо было купить двустволку.

Мы вновь остаемся вдвоем с мужчиной, который никак меня не отпустит. Он оглядывается поверх моей головы, переступает с ноги на ногу и, наконец, снимает очки. Голубые глаза тут же пронзают до самой души, вызывая неприятное щемящее чувство в груди. Да сколько можно? Когда же это уже прекратится?

— Так вот, значит, как ты теперь живёшь?

— Да, — коротко говорю я.

— Пригласишь?

— Только, если ты не боишься тятки моего отца.

— Ну, с тяткой я как-нибудь совладаю, — полуулыбка украшает его лицо лишь на секунду. — Разговор будет длинным.

Я гашу в себе очередной тяжкий вздох, поворачиваюсь к воротам и открываю калитку. Пока вышагиваем по узкой тропинке к дому — я впереди, Александр позади — чувствую прожигающий взгляд на затылке, спине, ногах. Снова приказываю себе не реагировать, не поворачиваться, не встречаться с ним взглядом.

"Оставайся хладнокровной" — говорю себе я. — "Выслушай и отпусти с богом".

Лицо удаётся держать, но сердце трепыхается, как рыба в силках. Ведь, если Александр здесь, значит, последняя тайна раскрыта.

Завожу мужчину на кухню, жестом приглашаю сесть. Он не торопится, двигается неспешно, почти лениво, внимательно изучает обстановку, окидывает пристальным взглядом все, вплоть до плитки на полу. Немного задерживает взгляд позади меня на кухонном гарнитуре, делает шаг вперёд. Выдвигает стул возле большого обеденного стола,

тот самый, на котором всегда сижу я, и складывает ладони домиком перед собой. Теперь его глаза приклеены ко мне. И я невольно ежусь, ожидая его слов.

— Хочешь услышать интересную историю?

— Не особенно, но ты, наверное, приехал сюда не только ради одной этой фразы?

— Причин много, — спокойно говорит он. — Но обо всем по порядку. Сядешь? — кивает он на стул напротив.

Мне хочется запротестовать, остаться стоять, сохранив между нами максимальную дистанцию, но все же поддаюсь. Выдвигаю стул, морщусь от звука металлических ножек по плитке и принимаю максимально расслабленную позу.

— Говори, — разрешаю я.

Он снова почти улыбается. Но прячет губы за скрещенными ладонями и сохраняет бесстрастный взгляд.

— Я провел расследование, — говорит и замолкает. Я должна что-то сказать?

— Вот как, — просто отзываюсь я.

— Было не просто.

Снова молчание.

— Я должна тебя похвалить? — начинаю раздражаться. — Или мне силками вытаскивать из тебя историю по слову?

На этот раз улыбку скрыть не удается. Появляется та самая ямочка на щеке, от которой щемит все сильнее.

— Ты была не единственной, кого подставили. Такую схему проворачивали годами. Разные сотрудники, из разных отделов, разных должностей. Никто не провел параллель. Те, кто мог бы — были в доле. Остальным не хватало полной картины. Как мне.

— Как ты это узнал? — с интересом подаюсь вперед. История начинает меня захватывать.

— Рус помог. Случай. Интуиция. Ум.

— Ты приехал себя восхвалять?

— Я приехал тебя забрать, — хрипло говорит он. — Но об этом позже.

Из меня вырывается нервный смешок. Это шутка такая?

— На прошлой неделе я попросил Руса навеститься в архив, — как ни в чем не бывало, продолжает Александр. — Меня бы не пустили: бланки строгой отчетности, уволенный сотрудник... Он, как представитель партнёров, запросил в архиве сначала те самые полисы по "Атлантике", сверил оригиналы со сканами в системе. Твои слова подтвердились. В базе чистая графа "подпись", на бумажных носителях — факсимиле. Ниточку стали тянуть. Твоя подруга давно уволилась, ее найти не удалось. Я побеседовал со своей помощницей. Она тоже сыграла небольшую роль в этой истории. Дело в том, что именно её, якобы, показания, указывали на тебя. Но Карина честно клялась, что видела тебя всего раз и понятия не имела, где ты вообще работаешь. А вот кое-кто другой частенько навещался ко мне. В том числе в мое отсутствие.

— Камилла Георгиевна? — хочу подтвердить свои догадки.

— Камилла Георгиевна, — кивает он. — Ушлая стерва. У меня на нее кое-что было, так что я просто наведалься к ней домой в один очень неудачный для нее вечер и надавил. Доказательств почти никаких не было, ее не связать с мелкими нестыковками в нашем с тобой деле. Но она была так напугана, что я расскажу ее мужу о ее яркой внебрачной жизни, что...

— Так вы с Камиллой?.. — морщусь я.

— Не в то время, пока мы с тобой встречались, — торопливо говорит он. — Она испугалась, стала болтать и наговорила много лишнего. Представляешь, она даже не сразу вспомнила тебя. Вот сколько значили для нее наши с тобой жизни, — горько усмехается Александр. — Когда вспомнила, призналась, что, конкретно с тобой, был и личный мотив. Видела, как мы с тобой как-то уезжали вместе с работы, и ее задело, что я предпочел ей очередную "малолетнюю дурочку", как она выразилась. Она имела на меня виды тогда...

Он отводит глаза, будто не хотел этого говорить.

— Меня давно не трогают такие слова, — холодно говорю я. — Тем более, это было правдой. И малолетняя... и дурочка. Так что же, выходит, не встречайся мы с тобой, меня могла миновать такая участь?

— Вряд ли. Ей все равно нужна была "девочка для битья". Пожар в "Атлантике" произошел внезапно. Ей позвонили на выходных, когда парк машин уже напоминал пепелище, и признались, что не успели застраховать тачки. Она предложила оформить все задним числом. А единственная, кто мог допустить такую ошибку, как введение таких договоров в систему — это новенькая девочка. На которую и не жалко все это свалить. Так что наши с тобой отношения скорее только добавили ей трудностей. Ведь за остальных некому было заступиться, а я, как она знала, буду докапываться до истины.

Поэтому ее план был продуман до последней мелочи. Она не сомневалась, что все выгорит, потому что считала, я не стану ради интрижки поднимать всех сотрудников.

— Так и вышло...

— Ей просто повезло. Не будь я эгоистичным идиотом, позвони я тебе хоть раз... Работы лишилась бы она. Прости.

Александр находит мою руку, покоящуюся на столе, и мягко сжимает ладонь. Я застреваю взглядом на этой картинке: его почти белые пальцы сжимают, поглаживают мою загорелую кожу. А ведь когда-то было иначе, я сходила с ума от его загорелых запястий...

— Это мое первое извини, — шепчет он.

— Так будут и другие? Как многообещающе, — язвлю я и убираю руку из чувствительного плена.

Аккуратно растираю тыльную сторону ладони пальцами под столом, стараюсь убрать ощущение покалывания от его прикосновений.

— Камилла выдала и кое-что грандиозное, сама того не подозревая. Она так разошлась, что все кричала: я всех за собой потяну! Тут не надо быть гением, чтобы понять, что свои схемы она проворачивала не одна. Ещё немного поддавил... и наружу вышли такие факты! Был сообщник. Не один, на самом деле, но организатор этого потока, тот, кто и направлял нерадивых клиентов точечно к ней и юристам для решения скользких дел, и годами позволял получать выплаты по сомнительным страховым случаям за огромные откаты — был...

Саша откидывается на стуле и смотрит на меня с прищуром.

— Догадалась, кто это? — расплывается в улыбке.

— Да куда там моему скудному умишке, — обиженно складываю руки на груди. — В сравнении с вашим, Александр Германович, аналитическим.

— Андрей Маратович.

— Генеральный?

— Все ради бабла, представляешь? Ничто не чуждо даже генеральному директору. А он получил это место вовсе не за заслуги перед фирмой, а как чей-то протеже. Когда-то. Теперь

ему грозит вполне реальный срок за мошенничество в особо крупных, и никто из его благодетелей не желает светиться в этой грязной истории.

— Если доказательств не было, как тебе удалось добиться его увольнения?

— А это — самое интересное. Твоими же методами, — снова улыбается он. — Один эмоциональный разговор, один спрятанный диктофон. Одна встреча с акционерами. А там уже закрутилась глобальная чистка, пертурбация кадров, новый генеральный...

— Так тебя можно поздравить? — опускаю взгляд на свои сжатые в замок руки. — Ходили слухи, что ты давно метил на это кресло.

— И если бы ты не сказала эйчару, что оклеветала меня, так ничего бы и не сложилось...

— Я не так, чтобы сказала именно это. А впрочем, не важно, главное же результат. И мне показалось это честным.

Увожу взгляд вверх и влево, в окно, выходящее на теплицы. Разговор подходит к концу, и я нервничаю. Что же дальше? Он знает или нет? Какая на самом деле цель у его приезда?

— Теперь, когда ты знаешь, что все виновные наказаны, ты будешь счастлива? — глухо спрашивает Саша.

От неожиданности вопроса я перевожу взгляд прямо на него. Яркие глаза пытаются меня. Ждут ответа, реакции, слов, хоть что-нибудь.

— Я очень постараюсь, — искренне отвечаю я.

Молчание затягивается. Мы не смотрим друг на друга, каждый в своих мыслях. С языка готов сорваться вопрос: это все? Но я держу его за зубами, гашу этот порыв, потому что на самом деле боюсь услышать то, что он скажет.

Перебираю пальцами салфетку на столе, скручиваю ее, сжимаю, снова распрямляю. Через приоткрытое окно слышится гул голосов и работа поливальной системы. Но все эти звуки заглушает бешеный стук моего сердца.

— Я люблю тебя, — как молния в темноте.

Я застываю. Вся сжимаюсь, словно перед ударом, но нет, хук уже совершен. Сердце грохочет в горле, мешая заговорить, желудок скручивается узлом. Я не в силах поднять взгляд, не в силах даже вздохнуть. Не верю, что все услышала правильно. Это невозможно. Невыносимо. Болезненно.

— Я люблю тебя, — повторяет мужчина напротив. — И я приехал за тобой.

— Что за... — наконец отмираю.

Закрываю лицо ладонями, пытаюсь стереть наваждение, сильно потирая глаза. Зарываюсь пальцами в волосы и громко выдыхаю.

— Лея, — звучит мягкое, осторожное.

— Сколько ещё ты будешь мучить меня? — тихо спрашиваю его. — Зачем это все? Тебе доставляет это удовольствие?

— Я просто хочу быть счастливым. И точно знаю, что это возможно только с тобой.

— Ошибаешься. Мы умеем только бесконечно делать друг друга несчастными, — я поднимаю глаза на Александра, пелена застилающих слез делает его лицо размытым, почти некрасивым. — Уходи, пожалуйста. Уезжай. Дай мне шанс выздороветь от тебя. Пожалуйста, — уже шепчу я.

— Я не могу, — он шумно сглатывает, вглядываясь в мое лицо. — Я люблю тебя.

Говорит твердо, будто сам в это верит.

— От того, что ты будешь бесконечно повторять это, ничего не изменится. Нет у нас никакого шанса.

— Есть. Я докажу тебе это. Я все для этого сделаю, понимаешь? — эмоционально выдает он.

Резко поднимается с места, скрипя ножками стула по плитке, и идет ко мне. Я ошеломленно наблюдаю, как он огибает стол и садится возле меня на колени. Его руки сжимают мои бедра, разворачивая лицом к себе. От очередного скрежета металла я морщусь, но тут же забываю о неприятном ощущении, когда губы Александра прикасаются к моим коленям.

— Я буду просить у тебя прощения каждый день. За то дурацкое пари, за свой эгоизм, за то, что не узнал, — губы мягко проходятся по коже. Один раз, второй. — Я буду бесконечно боготворить тебя. Словами, руками, душой. — Пальцами он оглаживает бедра, сжимает ткань шорт. — Я полюблю твоего сына. Стану ему хорошим отцом. Лучшим. И, может, когда-нибудь, ты подаришь мне еще одного...

Саша прижимается к раскаленной коже ног щекой, прикрывает глаза, рвано дышит. Он не знает, не знает, не знает!

— Выбери меня, — он все еще верит, что у меня кто-то есть.

Все во мне полыхает, скребётся, кровоточит. Уши закладывает, словно в них запихали ваты, я слышу только собственное дыхание и вижу только его. На коленях, просящего, отчаянного, невозможно любимого мной. Даже в самых смелых своих фантазиях я не слышала этих слов от него. Не представляла таким... сдавшимся, покоренным. Руки трясутся, когда я опускаю их на его макушку. Когда первым робким движением убираю прядь волос со лба.

— Матвей твой сын, — шепчу на грани слышимости. Эти слова раздирают мне горло, отдаются тысячами сомнений в голове. Но сейчас я уверена, не имею права держать их в себе.

— Что? — глаза Александра распахиваются, он поднимает голову с моих колен и пронзает своим острым взглядом.

— Странно, что ты не понял этого сам, — ещё тише говорю я. Судорожно сжимаю заледеневшие пальцы на коленях. — Ему четыре, у него твои глаза и он такой умный... совсем не в меня.

Я прикрываю глаза, и из-под опущенных век вытекают две солёные дорожки. Судорожный всхлип напоминает то ли смех, то ли плачь.

Александр молчит. Чувствую, как он поднимается с колен и отходит. С огромным усилием воли открываю глаза и смотрю на него. Он выглядит потрясенным. Потирает шею рукой, мечется взглядом из стороны в сторону. Его грудь под простой черной футболкой вздымается часто и тяжело. Он шокирован, я могу это понять.

Неожиданно его взгляд натывается на холодильник, руки опадают вдоль тела, Саша застывает.

— Это он нарисовал? — хрипло, болезненно спрашивает он, наконец.

— Да, — у меня получается ничуть не лучше. — У него талант.

— Мой отец... он был художником.

Он касается одного листа пальцами, очерчивает изображение на нем, ведет к другим рисункам.

— У него прекрасное чувство цвета. Нужно отдать его в художественную школу. Знакомый отца возьмёт его, я договарюсь. А ещё у меня дома лежат профессиональные краски, Матвею понравится. Можно переделать спальню под его комнату. Или купим дом, сделаем ему настоящую мастерскую! — Саша все говорит и говорит, как в бреду, словно не понимает...

Слезы все не прекращаются, стекают ручьями по щекам, разбиваются о мои голые колени. Он не понимает, не понимает, не понимает!

— Матвею хорошо здесь. И мне тоже. Мы никуда не поедем.

Голова Александра резко дёргается в моем направлении. Его взгляд безумный, болезненный, глаза покраснели от влаги, которой он не дал выхода. В какой-то момент мне даже кажется, что он не понимает, о чем я говорю.

— Не поступай так со мной, — он неверяще мотает головой. — Ты... не можешь дать и сразу отобрать.

Саша делает шаг назад. Ещё один. И ещё. Пока не упирается в дверь, ведущую в другую часть дома. Закрывает глаза ладонью, сжимает их, словно прогоняя из них песок. У меня сжимается сердце. Мне хочется утешить его, пообещать то, что не исполню, дать ему надежду. Но это жестоко. Лучше так. Потому что я точно знаю, что лучше для сына и никогда не поставлю его на второе место.

— Пожалуйста, — наконец говорит он. — Пожалуйста, Лея.

Каждое слово отдается тупой болью. Потому что я хочу согласиться на все. Потому что тело, вопреки разуму, тянется к нему, желает заключить с ним союз и плевать ему на последствия. Но я помню слова отца: нужно слушать голову. Она не врёт. Поэтому просто мотаю головой и тихо подвожу черту.

— Наша жизнь здесь. Твоя — там. Просто не судьба, понимаешь?

— Пиздец, Лея. Это пиздец, — он злится. Выпрямляется в полный рост, сжимает кулаки. — Но мы ещё посмотрим, — жёстко заключает он и размашистым шагом выходит через веранду.

Я остаюсь сидеть на стуле посреди пустой кухни. Словно прижатая прессом, раздавленная отчаянием и злостью. Почему все не может быть просто? Почему мы не достойны хорошего финала, где каждый из нас счастлив. Почему кому-то обязательно должно быть больно?

Я сижу, снедаемая острым желанием бежать за Александром, вернуть его, кинуться в его объятия и согласиться на все. Умираю от глупого чувства ответственности перед сыном, отцом, перед самой собой. Сотни раз проговариваю самой себе, почему нельзя, почему не правильно. Но все равно плачу, потому что хочу.

Что он будет делать теперь? Захочет познакомиться с сыном? Потребуется видиться с ним? Будет давить на меня, чтобы я согласилась переехать? Он может.

— Дочь, — раздаётся за спиной. Я быстро вытираю щеки, будто отец не поймет, что я плакала по моим красным глазам. — Там этот твой псих такое вытворяет...

Я вскакиваю с места. Боже, что он натворил?

— Где?

— На грядках! — мне кажется, или отец почти смеётся?

Несусь мимо отца, теплиц и кустов смородины прямо к открытым грядками. Среди нескольких десятков рабочих сразу вижу высокую темную фигуру, одетую совсем не для работы в саду. Александр весь мокрый пыльный стоит на четвереньках и собирает клубнику в контейнер перед собой.

— Что... что ты делаешь? — нависаю над ним.

Он поднимает голову и щурится от солнца.

— Остаюсь.

— Как там трудотерапия для нашего подсудимого? — смеётся отец, подходя ко мне.

Я стою с чашкой чая на веранде и смотрю через стекло на Александра. Вот уже несколько дней он приходит с рабочими и с ними же уходит. Мы почти не говорили с того дня, как он решил остаться и попробовать проникнуться нашим стилем жизни. Каждый день он отработывает полный рабочий день, таскает саженцы, пропалывает грядки, собирает урожай, сортирует его, обрабатывает. К его коже прилип неравномерный "рабочий" загар, волосы торчат темными паклями, а лицо почти постоянно в пыли. Но никогда еще он не казался мне таким красивым.

— Что думаешь? — спрашиваю у отца.

— Он мне не нравится, — пожимает плечами. — А ты?

— Я люблю его, — прячу улыбку в чашке с чаем.

— Ну, тогда тебе не стоит слушать меня. Прислушайся к себе.

— Он хочет остаться. Познакомиться с сыном. Стать семьёй, — передаю папе наш недавний разговор.

— Ты уверена, что эта блажь с его стороны не пройдет через пару месяцев физического труда и палящего солнца? Не всем подходит такая жизнь.

— Знаю пап, но я почему-то верю ему.

Снова обращаю свой взгляд на мужчину с самыми голубыми глазами на свете. Даже отсюда я вижу его яркие озера, отвечающие на мой взгляд. Я улыбаюсь ему. Он улыбается в ответ.

Открываю стеклянную дверь и иду к нему. Он не шевелится, лишь сопровождает меня терпеливым взглядом.

— Не устал?

— Нет, — твердо говорит он.

— А как же твоя крутая должность в Москве?

— Я уволился.

— Квартира?

— Сдам в аренду. Останется для сына.

— Родные?

— У меня никого нет, кроме вас.

Подхожу к нему вплотную, заглядываю в голубые глаза.

— Пора познакомиться с сыном.

Эпилог. Александр

— Отправиться в Москву на машине было самым дурацким из твоих предложений! — фыркает одуванчик.

Она сражается с термосом в руке, пытается налить из него кофе, но тот расплескивается прямо на ее голые колени.

— А ребенку так не кажется, да, Пикассо? — обращаюсь к сыну на заднем сидении.

— Дурацкая, — снисходительно подтверждает он слова матери. — На самолете круче!

— И быстрее, — шипит Лея. — А так придется останавливаться на ночь где-то.

— Не где-то, а в Воронеже. Прямо возле парка динозавров! — нарочито громко говорю я.

— Что? Динозавров? — округляет глаза маленький художник.

— Ага, — широко улыбаюсь я. — Они там такие огромные, совсем как настоящие!

Матвей затихает на заднем сидении, я кидаю взгляд в зеркало заднего вида и вижу широкую улыбку на его лице. Динозавры его недавнее увлечение. Увидел документалку про раскопки и теперь грезит стать археологом. Хотя, после визита в Москву, надеюсь, вернется к прежним художественным мечтам. У него талант.

— Хорошо ты придумал, — мягко улыбается Лея, сжимая мою руку на коробке передач.

— Ты ещё больше обрадуешься, когда узнаешь, что номер я снял двухкомнатный.

Захватываю ее пальцы, подношу к губам и целую. Она мгновенно вспыхивает, совсем как раньше. А я сразу вспоминаю, как она любит мои мозолистые руки на ее нежной коже. Как просит сжимать ее сильнее, как требует не останавливаться.

Черт, нельзя думать о таком в машине с ребенком.

К концу следующего дня мы въезжаем в шумную, суматошную, душную столицу. Поток машин сжимает нас по бокам, таблоиды режут глаза неонами, высокие здания закрывают небо и давят. Поверить не могу, что жил здесь так много лет. Не удивительно, что моими лучшими друзьями были алкоголь и апатия.

Сворачиваю на хорошо знакомую улицу и останавливаюсь возле дома, где прожил много лет. Ни одна мышца не напоминает о том, что я скучал. Никакой ностальгии.

Мы поднимаемся в полупустую квартиру, я вывез отсюда почти все вещи ещё год назад, оставив только крупную мебель для квартирантов. А те съехали ещё неделю назад. Удачное стечение обстоятельств.

— Ну что, Матвей займет гостиную, а нам спальня? — шепчу Лее на ушко.

— На этом скрипучем диване? — приподнимает она одну бровь.

— Это всего одна ночь. Подстелим ему одеял, обложим подушками, чтоб не свалился, — сжимаю ее талию, притягиваю ближе к себе.

Нам не так уж и часто удается побыть вдвоем, ее отец бдит за нами, словно мы подростки. А на его территории я даже прав пока никаких не имею. Но это скоро изменится.

— Ты платье не забыла? — спрашиваю ненароком, пока отвожу чемодан в комнату.

— Взяла. Зачем на детском празднике дресс-код? — уже в который раз задает этот вопрос Лея. — Да ещё и такой странный: все в белом. Это же дети, боже, они всё заляпают через пять минут, — она снимает босоножки и откидывается на кровати.

— Ну, ты же знаешь Руса, — пристраиваюсь к ней сбоку, кладу ладонь на живот, поглаживаю через тонкую ткань майки. — Творческий человек. И жена его из этих же.

Хотят годик отметить с размахом!

— Да он даже не запомнит ничего из этого. Когда Матвею исполнился год, мы просто съели торт, запили папиным сидром и уложили его спать пораньше. Матвея. Не папу.

В груди уже привычно сжимается от ее слов. Я улыбаюсь, но сердце болезненно щемит, потому что я это пропустил. Потому что очень много всего пропустил. И года с ними ужасно мало, чтобы наверстать пять без них. Я продолжаю гладить ее живот, мысленно представляя, как он рос, как пинался в нем мой сын.

— Хочу еще ребенка, — вырывается из меня.

— Пап! — в комнату влетает ураган, прерывая мое чистосердечное. — А можно я посмотрю мультики на планшете?

— Пятнадцать минут. Потом спать, — говорю строго, но внутри таю от этого его "пап". Хотя за столько месяцев должен был уже привыкнуть.

— Да, да, договорились, — быстро машет головой сын и тут же исчезает.

— Так на чем мы остановились? — возвращаю взгляд любимой женщине.

— Я хотела пойти проверить запас презервативов, — отшучивается она.

— Ты не хочешь ребенка?

— Не знаю... По-моему, пока еще не время. Не думаешь?

Она выразительно смотрит на меня, словно хочет, чтобы я развеял ее сомнения. Скоро, одуванчик, скоро. Быстрее, чем ты думаешь.

На следующий день мы с Матвеем одеваем одинаковые белые рубашки и светлые клетчатые брюки, цепляем модные персиковые бабочки и ждём нашу маму, пока она собирается. Лея появляется из спальни, похожая на видение. Короткое белое платье с пышной юбкой, высоко уложенные светлые локоны с персиковыми лентами и босоножки на высоком каблуке, делающие ее ноги бесконечными.

— Мама, ты принцесса? — спрашивает сын.

— Ага, — толкаю его в бок. — Принцесса Лея, ты не знал?

— Не слишком для детского праздника? — смущается она. — По-моему, ужасно вычурно! Зря ты уговорил меня его купить.

— Там все так будут! Они сняли ресторан!

— У тебя очень странные друзья, — улыбается она и берет огромную коробку с подарком для годовалого именинника. — Хотя я рада выбратся и принарядиться, не все в шортах среди грядок ходить!

Ее звонкий смех все переворачивает в груди, перемешивает, поджигает. Счастье лопаются пузырьками шампанского внутри. Это будет потрясающий день!

Прибываем в ресторан точно по графику. У входа нас встречают Рус с женой. Его Мышка выглядит еще меньше, чем я помню. Миниатюрная, с огромными зелёными глазами и улыбкой на пол-лица. Лея радостно приветствует ее и о чем-то перешептывается. И когда успели подружиться?

— Это Матвей, — выдвигаю немного вперед сына.

— Привет, Матвей, — тут же обращается к нему жена Руса. — Ты подросток с нашей последней встречи.

— Ага, мне уже пять лет, — важно отвечает ребенок.

Рус внимательно изучает нашу троицу и расплывается в фирменной улыбочке.

— Постой, — обращаюсь я к его жене. — Так ты знала?

Мы с Русом впиваемся в нее взглядом.

— Я чужие тайны не выдаю, — подмигивает она Лее. — Пойдёмте, там уже все собрались!

Мы с Русом обмениваемся очередными негодующим взглядами, пока наши женщины, весело болтая, заходят в ресторан.

— А где же виновник торжества? — вдруг, спрашивает Лея.

Теперь многозначительными взглядами обмениваются Рус с женой.

— Он спит. Начнем без него, — плохо, плохо врет зеленоглазая.

— А куда можно положить подарок? — кивает на огромную коробку в руках одуванчик.

— Девушка, девушка, — подзывает проходящую мимо официантку Рус. — Отнесите коробку на рецепцию.

Он забирает подарок из рук Леи и передает совершенно ошарашенной брюнетке.

— Лея? — мямлит девчонка.

— Вика, — холодно отзывается та.

Официантка окидывает нашу маленькую компанию пристальным взглядом, задерживая его на мне и Русе. Сдается мне, мы ее знаем.

— Матюш, идите с папой в зал, я сейчас подойду, — спокойно говорит Лея, подталкивая нас к дверям.

За нами следом волочится и чета Че. Я кидаю вопросительный взгляд через плечо и вижу, что у моей будущей жены все под контролем. Ее поза, взгляд, жесты, все говорит о том, что сейчас там Алиса.

Мы заходим в светлое помещение, и я невольно задерживаю дыхание от творящейся здесь красоты. Рус расстарался на славу. Огромная арка из белых роз перевязана атласным лентами в цвет наших с Матвеем бабочек. Несколько столов украшены белыми скатертями и свечами. В углу парень во фраке играет на фортепьяно. Оглядываю лица немногих собравшихся и начинаю по-настоящему нервничать. Даже руки трясутся.

Ищу взглядом глазами ту, кого, не смотря на комок смешанных чувств внутри, все равно ждал. Но ее нет. Проигнорировав приглашение, мать поставила окончательную точку в наших с ней взаимоотношениях.

Ничего не подозревающая невеста входит в зал минутой спустя. Я сразу подлетаю к ней, загораживая обзор на картинку позади меня.

— Это была твоя старая знакомая?

— Ага, Викот. Так и не построила карьеру, представляешь. А так хотела... — одуванчик выглядывает из-за моего плеча и сводит брови на переносице. — А что здесь происходит? Это что, там папа?

— Одуванчик, — громко говорю я, хватаю ее за руку и становлюсь на одно колено.

Ее огромные серые глаза округляются еще больше. Она пытается вырвать у меня руку, но я крепко ее держу. Ее лицо застывает и мне кажется, совсем не от радостного волнения, скорее от ужаса.

— Ты что! Встань, на нас все смотрят! — ее щеки вновь заливают румянцем.

— Одуванчик! — прочищаю горло. — Я совсем, совсем тебе не подхожу. Так считает твой отец, — киваю себе за спину и слышу подтверждающий смешок. — И, наверное, все люди в этом зале. Мы с тобой тоже это знаем. Я никогда не полюблю "Звёздные войны" и не научусь понимать твои шутки. Никогда не стану забавным и легким, как ты. Никогда не запомню миллион сортов клубники, которую ты так любишь. И уж точно не собираюсь выращивать ее всю оставшуюся жизнь! Я обязательно все испорчу. И не один раз. А тебе

придется снова учить меня, что такое семья. Я ведь не знаю. Но, надеюсь, ты все равно ей станешь...

— Ты что, делаешь мне предложение? — шепчет Лея.

— Ага, — так же шепотом отвечаю я. — Ты выйдешь за меня?

Она молчит долгих две секунды, пока набирает воздух в легкие.

— Сейчас? — добавляю я.

На заднем плане начинает играть марш Мендельсона, а я по-прежнему стою, как debil, на одном колене. Вокруг оглушающая тишина, и вдруг:

— Да?! — полу-шепот. Полу-ответ, полу-вопрос.

— Да?

— Да! — кричит она громче. Потом бросается ко мне в объятия, спотыкается, валит меня на пол, сама падает сверху и хохочет. Она целует меня, отбирает кольцо и сама себе одевает.

Вот это моя Лея. Неуклюжая, смешная, любимая.

И через несколько минут станет моей женой.